

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

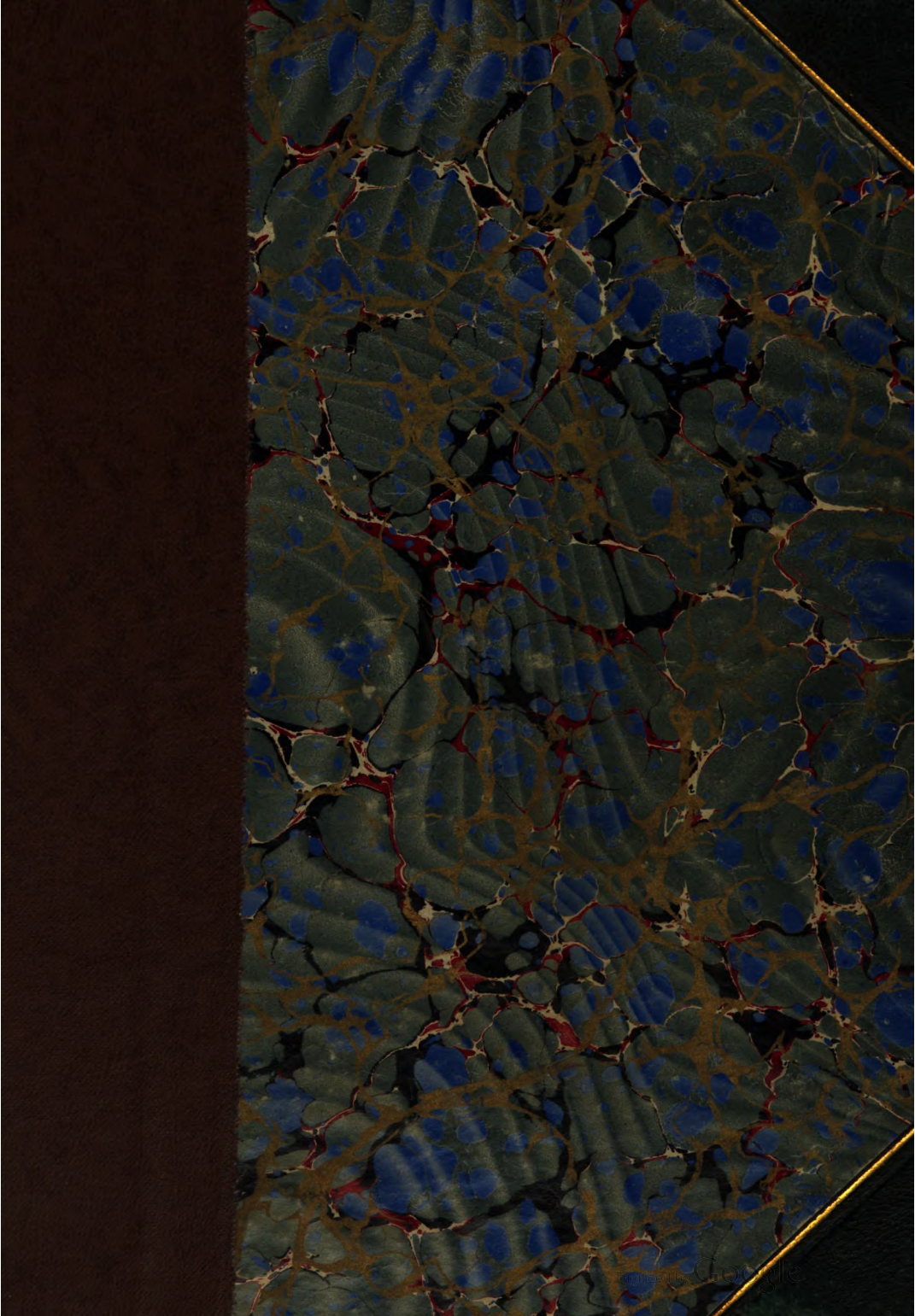
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2530ⁿ/78

9

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

СОЧИНЕНИЯ Б. М. МАРКЕВИЧА, X.

Маркевич, В. М.

//

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.

1885.

PG3467

M327

1885

v.10

FUMIGATED 5/80

Содержаніе

ДЕСЯТАГО ТОМА:

	СТРАН.
Бездна. (Часть третья).	1—283.

Б Е З Д Н А .

Б Е З Д Н А.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

C'est moins l'amitié qui assemble les gens d'aujourd'hui que la sympathie des haines communes.

G. Dros.

I.

...Car les destins et les flots sont changeants.

Béranger.

Часу въ одиннадцатомъ утра, свѣтлымъ, теплымъ днемъ, въ половинѣ мая, старая дребезжавшая, очевидно извощичья коляска ввятилась подъ вѣздныя ворота давно знакомаго нашему читателю Сицкаго *). Все тотъ же грубо отесанный левъ разѣвалъ надъ ними свою каменную пасть, но на позолоченной мѣдной доскѣ, на которую опирались его лапы, вмѣсто бывшаго историческаго герба князей Шастуновыхъ, красовались теперь двѣ вычурно переплетенныя главныя буквы имени теперешняго его владѣльца: П. и С. За то прежняя чугунная *дрекольемъ* рѣшетка замѣнена была новою, не отличавшеюся особеннымъ вкусомъ, но блестящею такою же позолотой по изгибамъ и выпуклостямъ фантастическаго своего рисунка. Выступавшій за нею массивный домъ, съ его ши-

*) См. *Четверть Вѣка Назадъ*. Глава II.

рокимъ, опиравшимся на тяжелыя колонны балкономъ и висячими галлерейми, соединявшими его съ длинными параллелограммами стоявшихъ о-бокъ его флигелей, блестяли подъ солнцемъ, словно только-что вымытые, въ своей свѣжей съ глянцевитымъ отливомъ свѣтло-сѣрой краскѣ. Прежніе каменные сплошныя паралеты галлерей замѣнены были рѣшетками одного рисунка съ рѣшеткой льва, и надъ каждымъ изъ пересѣкавшихъ ихъ поставовъ сѣроватаго мрамора возносилась высѣченная изъ такого же мрамора ваза полная цвѣтствъ. Яркъ горѣвшій невысокій куполь съ крестомъ виднѣлся на правомъ флигелѣ, надъ церковью, которую устроила покойная княгиня Аглая Константиновна Шастунова въ память дочери, на мѣстѣ той самой залы бывшаго театра, гдѣ нѣкогда княжна Лина, въ образѣ Офеліи, промелькнула на мигъ на дучею звѣздой... Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ стремился очевидно обратить мѣсто своего жительства въ нѣвую царскую резиденцію.

Но этотъ возобновленный видъ старой барской усадьбы вызвалъ далеко не отвѣчавшее ожиданіямъ ея новаго владѣльца впечатлѣніе на молодую, замѣчательно красивую барыню въ щегольскомъ *costume de voyage*, съ опущенною до рта синею вуалеткой и въ маленькой круглой шляпѣ, сидѣвшую въ коляскѣ рядомъ со скромною, но тоже не безъ извѣстнаго щегольства одѣтою дѣвочкой лѣтъ шестнадцати, горничною своею. Барыня возвращалась изъ Италіи, и на глаза ея, привыкшіе къ чудесамъ тамошняго искусства, все это золото и глянецъ отзывались крайнею безвкусицей.

— Купецъ таеъ и виденъ! презрительно уронила она сквозь зубы.

Спутница ея, будто очень обрадованная, одобрительно закивала головой и засмѣялась нѣмымъ смѣхомъ, широко раскрывая свои алыя губы.

Коляска между тѣмъ, обогнувъ большую раскинутую посередь двора клумбу, усаженную сплошь кустами высаженныхъ изъ оранжереи розъ въ цвѣту, подѣатила на двухъ тощихъ изволичьихъ влячахъ къ подъѣзду дома.

На грохотъ ея выбѣжалъ изъ-за большихъ стеклянныхъ

дверей, ведшихъ въ сѣни, молодой парень, остриженный въ скобку, въ безукоризненно чистой бѣлой рубахѣ, подпоясанной краснымъ снуркомъ надъ пестрадевыми панталонками, всунутыми въ сапоги.

— Европейскія претензіи—и прислуга изъ трактира! произнесла какъ бы про себя опять, но совершенно громко пріѣзжая дама, насмѣшливо окидывая его чуть-чуть прижмурившимися глазами.—Провъ Ефремовичъ дома? спросила она.

— Въ поля, съ часъ времени будетъ, выѣхали... А вамъ что требуется, сударыня?

— *Требуется* прежде всего, чтобы ты зналъ, что надо высаживать дамъ, когда онѣ дѣлаютъ честь пріѣзжать къ твоему господину, отрѣзала она ему въ отвѣтъ, приподымаясь въ коляскѣ:—не учили тебя, видно, этому?

Оторопѣлый малый бросился, вскинувъ руки вверхъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подхватить ее подъ мышки.

Но она быстрымъ скачкомъ выпрыгнула сама мимо этихъ рулей на гладкія плиты широкой площадки подъѣзда.

Горничная ея, также быстро соскочивъ съ другой стороны, подбѣжала къ ней, глядя лукаво смѣющимися глазами на оторопѣвшую фигуру парня въ бѣлой рубахѣ.

— Когда-жь онъ пріѣдетъ *изъ полей*? подчеркнула барыня.

— Это вы, то-ись, насчетъ хозяина спрашиваете? Такъ этoво я могу знать, проговорилъ онъ, встряхиваясь,—потому они какъ случится, иной разъ къ обѣду, а то и...

Она нетерпѣливо перебила его:

— Да что у васъ никого толковѣе тебя нѣтъ въ домѣ?

— Никандра Панкратъичъ, клюшникъ, у насъ есть, окромя другихъ прочихъ, торопливо отвѣтилъ онъ,—а какъ если милость ваша приважете, такъ я могу къ Евгенію Владиміровичу сею минутой *избѣгать*.

— Евгеній Владиміровичъ? повторила она:—это господинъ Зяблинъ, то-есть... Онъ еще живъ?

И она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Въ полномъ здравіи находятся, видимо уже ободренный отвѣтилъ парень, проводя верхомъ руки по губамъ съ тѣмъ, чтобы прикрыть слагавшуюся на нихъ такую же улыбку.—

Да вотъ-съ они и сами идутъ, примолвилъ онъ уже шепоткомъ, кивая въ сторону одного изъ флигелей на выходившаго оттуда, еще молодежавого издали глядя, но видимо тяжело опиравашагося на твердую бамбуковую трость господина въ изящно скроенномъ лѣтнемъ костюмѣ перловаго цвѣта, легкомъ голубенькомъ галстучкѣ и широкополой панамѣ, защищавшей отъ лучей солнца его примигивавшіе глаза и коротко остриженную голову.

Это былъ Зяблинъ, нашъ старый другъ Зяблинъ, разочарованный „бригантъ“ пятидесятихъ годовъ, неподобный „Eugène“ бывшей владѣлицы Сицкаго, — попрежнему изящный, все такъ же строго послушный послѣдней модной картинѣ и нынѣ, не смотря на подагру, катарръ желудка и прочія невзгоды его семидесятилѣтняго возраста.

Изъ оконъ помещенія, занимаемаго имъ въ этомъ флигелѣ, онъ увидѣлъ пріѣзжую, узналъ ее и спѣшилъ теперь къ ней, — спѣшилъ, несказанно изумленный и озадаченный этимъ ея пріѣздомъ, не зная, чѣмъ будетъ отвѣчать на чаемые имъ „неизбѣжные“ съ ея стороны вопросы, но чувствуя присущимъ ему чутъемъ благовоспитаннаго *по-старому* человѣка, что „нельзя же такъ оставить даму на подъѣздѣ“...

— Madame... какой неожиданный сюрпризъ! залепетала онъ, скидывая съ головы еще по пути шляпу и слабо шаркая плохо уже повиновавшимися ему ногами.

— Здравствуйте, monsieur Зяблинъ!... Вы, кажется, удивляетесь, что я пріѣхала? нѣсколько высокомернымъ тономъ спросила она тутъ же.

Зяблинъ мгновенно оробѣлъ:

— Помилуйте, я, напротивъ, могу сказать, tout à fait enchanté, madame... Но вы такъ нечаянно, не предваривъ... Мы съ Провомъ Ефремовичемъ никакъ не ожидали...

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Вы съ нимъ думали, можетъ быть, что я навсегда сбѣжала?

Старый „бригантъ“ окончательно растерялся.

— Mon Dieu, madame, можете-ли вы полагать!.. вскрикнулъ онъ, шаркая опять и прижимая руку къ сердцу.

— Что же я однако стою здѣсь! перебила она дальнѣйшее изліяніе его протеста:—мои комнаты внизу, надѣюсь, нигдѣмъ не заняты?

— Нигдѣмъ, помилуйте... Мы здѣсь въ домѣ одни съ Провомъ Ефремовичемъ... Вы желаете тамъ... остановиться? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ уже, тотчасъ же и подмѣченнымъ ею, колебаніемъ.

Брови красивой барыни сдвинулись мгновеннымъ и гнѣвнымъ движеніемъ:

— А гдѣ же по-вашему можетъ „остановиться“ *хозяинка*, вѣско подчеркнула она,—какъ не въ своемъ покоѣ?

— Mais certainement, madame, certainement, весь изогнулся онъ любезнымъ поклономъ, разсудивъ мысленно совершенно правильно, что пока другъ его Провъ Ефремовичъ „не рассудитъ иначе“, онъ, Зяблинъ, не въ правѣ видѣть въ его женѣ „другое что, какъ именно *хозяинку*“. Онъ притомъ же „un gentilhomme“, а она—дама, слѣдовательно...

— Я на тотъ предметъ только говорю, поспѣшилъ онъ заявить,— что будетъ-ли вамъ тамъ покойно... Вы насъ не предварили, и вашъ appartement, какъ я полагаю, находится въ совершенно неприбранномъ видѣ, запертъ наглухо, какъ изволите видѣть,—и онъ указалъ старчески дрожавшею уже рукой на длинный рядъ оконъ нижняго этажа по лѣвой сторонѣ крыльца, наглухо дѣйствительно закрытыхъ внутренними ставнями,—съ вашего отъѣзда за границу въ такомъ видѣ... не открывали. Провѣтрить, полагаю, прежде всего надо...

— Такъ распорядитесь, я устала!

Зяблина видимо поворобило отъ этого тона. Онъ пріосанился, взглянулъ на нее какъ бы съ удивленіемъ и, обращаясь къ малому въ бѣлой рубахѣ, стоявшему все такъ же съ недоумѣлымъ видомъ на крыльцѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ:

— Сбѣгай скорѣе, любезный, проговорилъ онъ съ достоинствомъ,—за Никандромъ Панкратьевичемъ, скажи, что супруга Прова Ефремовича изволила пріѣхать и желаетъ...

Но въ то же время, выходя изъ сѣней, появился самъ

Никандръ, высокій и здоровый, со свѣжимъ и серьезнымъ лицомъ, человѣкъ лѣтъ сорока съ чѣмъ-то, въ такой же русской рубахѣ на *выпускъ*, и высокихъ сапогахъ, подпоясанный утыканнымъ мѣдными головками ремнемъ, къ которому, соответственно занимаемой имъ въ домѣ должности, подвѣшена была цѣлая связка ключей.

— Супруга Прова Ефремовича, повторилъ отчеканивая Заблинъ,—желаютъ занять свои комнаты.

Ключникъ съ величавою почтительностью повелъ головой внизъ и проговорилъ спокойно:

— Пожалуйте, сударыня!..

— Dites moi, je vous prie qu'est-ce que tous ces половые que je trouve ici? спросила досадливо Антонина Дмитриевна, взглянувъ на старца, пріятеля ея супруга.

„Бригантъ“ опустилъ глаза въ землю и чуть-чуть шевельнулъ плечами: „половые“ самому ему претили давно; „эти волосы въ скобку, смазныя голенища, косые ворота въ этомъ старомъ князьемъ гнѣздѣ,—профанація“!.. говорилъ онъ себѣ мысленно не разъ.

— Пожалуйте! повторилъ ключникъ, отворяя во всю ширину стеклянную дверь въ сѣни.

Варя (читатель, надѣмся, узналъ въ горничной г-жи Сусальцевой нѣмую дѣвочку, съ которою онъ имѣлъ случай встрѣтиться въ началѣ нашего разсказа) притронулась слегка пальцами къ рукѣ своей госпожи, глядя ей въ глаза и беззвучно шевеля губами.

Антонина Дмитриевна поняла.

— Съ нами одинъ чемоданъ, сказала она ключнику;— велите его внести ко мнѣ, а за сундуками пошлите сейчасъ подводу на станцію, чтобъ они непремѣнно были здѣсь къ вечеру.

Варя, быстро прижавъ два пальца лѣвой руки, подняла вверхъ три остальные вмѣстѣ съ пятью пальцами правой.

— Восемь мѣстъ всего, объяснила барыня, между тѣмъ какъ нѣмая проворно вытаскивала изъ кармана портмоне, а изъ него багажный билетъ и передавала его Никандру.

— Слушаю, пошлемъ-съ, промолвилъ тотъ съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ:—пожалуйте!

Полный *апартаментъ* въ нижнемъ этажѣ, состоявшій изъ пяти комнатъ, — большой гостиной, кабинета, будуара, спальни, туалетной съ мраморною ванной и комнаты для горничной, — уготованный Провомъ Ефремовичемъ для молодой супруги и въ которомъ пробыла она лишь нѣсколько дней предъ вѣнчаніемъ и отъѣздомъ своимъ за границу, оставался наглухо запертымъ съ самой минуты этого отъѣзда. Раза два лишь въ годъ рачительный ключникъ входилъ въ него съ однимъ изъ *молодцовъ*, состоявшихъ слугами въ домѣ, и приказывалъ выелотить мебель и смести пыль съ пола, чехловъ и холста, прерывавшаго обитыя шелкомъ и дорогимъ французскимъ кретономъ стѣны гостиной и будуара, — выбирая всегда для этого время, когда „хозяйинъ“ уѣзжалъ изъ Сицкаго. Самъ Профъ Ефремовичъ, проходя большими стѣнами мимо наружныхъ, запертыхъ и укрѣпленныхъ теперь широкимъ поперечнымъ желѣзнымъ болтомъ съ большимъ висачимъ на немъ замкомъ дверей, какъ-то невольно каждый разъ отворачивался и морщился...

— Чтò же это, изъ моихъ комнатъ владовую сдѣлали? сердито вскрикнула Антонина Дмитріевна, остановившись предъ этими незнакомыми ей еще, обитыми крупными головками гвоздей, дверями.

— На всякъ случай, сударыня, объяснилъ своимъ спокойнымъ тономъ Никандръ, выбирая ключъ изъ своей связки и поднося его къ замку, — потому какъ у насъ во всемъ нижнемъ этажѣ никто не помѣщается...

Двери съ визгомъ заржавѣвшихъ петель и лязгомъ желѣза о желѣзо отворились настезь.

На пріѣзжихъ пахнуло какъ изъ погребя сырмъ и затхлымъ запахомъ... Антонина Дмитріевна брезгливо откинула голову назадъ. Бдучи сюда, она готовилась „пережить нѣсколько неприятныхъ минутъ“, но этого перваго, *физическаго* впечатлѣнія она не ожидала, — и оно показалось ей какъ-то особенно тяжелымъ.

Ключникъ спѣшилъ между тѣмъ отворять оконныя ставни.

— Да и окна скорѣе, всхлинула она, — тутъ задохнуться можно!...

Теплый воздухъ и солнечный свѣтъ ворвались разомъ, словно торжествующее войско на валъ непріятельской крѣпости, въ глубокой до этой минуты мракъ просторной комнаты.

Хозяйка ея какъ бы въ изнеможеніи опустилась на стоявшее посреди гостиной рѣтѣ, обводя унылымъ взоромъ кругомъ.

Стѣны, мебель, золотыя рамы блестящихъ зеркалъ, художественныя очертанія *булевыхъ* шкафиковъ и столовъ съ флорентійскою мозаикой — все исчезало подъ однообразнымъ, „мертвящимъ“, казалось ей, покровомъ желтовато-сѣраго холста и грубой кисеи; съ консолей и этажерокъ убраны были знакомыя и любезныя ей груды фарфора и бронзы; полъ безъ ковра рѣзалъ глаза неприглядностью кое-гдѣ разщелившихся досокъ своихъ... Чѣмъ-то мертвящимъ, дѣйствительно, вѣяло отъ этого запустѣнія. „Я его не предварила, конечно,“ проносилось въ головѣ молодой женщины; „но тогда онъ, можетъ быть, уѣхалъ бы нарочно, чтобы не встрѣтиться со мною, а теперь je suis maîtresse de la place,“ сказала она себѣ тутъ же, и что-то въ родѣ усмѣшки пробѣжало на мигъ по ея озабоченному лицу.

Зяблинъ, войдя вслѣдъ за нею въ комнаты, стоялъ съ панамой своею и палкой въ рукѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и слегка покачивалъ головой, какъ бы угадывая ея ощущенія и слагая съ себя и съ пріятеля своего отвѣтственность за нихъ: мы-моль вѣдь, вы понимаете, не могли святымъ духомъ знать, что вамъ вздумается пріѣхать.

Варя тѣмъ временемъ успѣла скользнуть въ слѣдующія за гостиной комнаты и возвратиться оттуда. Подбѣжавъ къ барынѣ, она, съ видимымъ неудовольствіемъ въ чертахъ, быстро зашевелила губами и пальцами.

— У меня въ туалетной воды нѣтъ въ кранахъ, обратилась съ новою досадою Сусальцева къ ключнику.

— Накачаемъ сейчасъ, коротко отрѣзалъ онъ, проходя далѣе въ будуаръ открывать ставни и окна.

— Да велите скорѣй внести мой чемоданъ, я переодѣться

хочу... Будьте такъ добры, обратилась она по-французски къ Зяблину, — когда мужъ мой вернется, велѣть мнѣ доложить объ этомъ чрезъ мою горничную.

— Приказаніе ваше будетъ, сударыня, исполнено, отвѣтилъ „бригантъ“, галантерейно склоняя свою подерашенную въ цвѣтъ воронова крыла голову.

— Да нельзя-ли пока хотя въ моемъ будуарѣ снять эти противные чахлы; я не привыкла сидѣть на этой гадости.

— Сымемъ-съ, отозвался на это изъ-за дверей будуара Никандръ.

Антонина Дмитріевна, въ сопровожденіи Вари, прошла въ туалетную. Зяблинъ вышелъ на крыльцо, надвинулъ шляпу на самыя брови и, усѣвшись въ одно изъ стоявшихъ тутъ желѣзныхъ кресель, уложилъ подбородокъ на сложенные надъ набалдашникомъ пальцы руки и вперилъ по направленію *два* свои примигивавшіе отъ слабости глаза, въ тревожномъ ожиданіи возвращенія своего пріятеля. „Лишь бы только баталіи такой не произошло“, думалъ онъ: „человѣкъ онъ хорошій, конечно, только все же за это мужичье отвѣчать нельзя“...

II.

Титъ Титычъ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой!.. Да что это за времена пришли! Нѣтъ, стой!.. Настасья, смѣть меня кто обидѣтъ?

Настасья Памкратьевна.

Никто, батюшка, Кить Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу.
Островскій. *Въ чужомъ пиру похмѣлюсѣ.*

Прошло часа полтора. Старый „бригантъ“, сладко пригрѣтый весеннимъ солнцемъ, опустивъ голову на грудь и выпустивъ палку изъ рукъ, начиналъ подремывать на своемъ желѣзномъ сѣдалищѣ, когда грохотъ знакомаго ему экипажа на каменной настилѣ льва вырвалъ его внезапно изъ тѣсно уже начинавшихъ обнимать его объятій сна. Онъ встрепенулся, усиленно приподнялъ вѣки, устремляя зрачки впередъ...

Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ, огибая клумбу, катилъ къ крыльцу на бѣговыхъ дрожжахъ, запряженныхъ доброю, сытою пѣгашвой, лоснившекся отъ пота. Хозяинъ ея, подъ стать ей, держа вожжи одною рукой, вытиралъ другою большимъ фуляромъ свое влажное, точно послѣ бани, и загорѣлое до цвѣта мѣди лицо.

— Ну, баринъ, весело заголосилъ онъ, завидя Зяблина, — откаталъ же я кругъ сегодня, версть двадцать, безъ передышки, почитай... Бери Пѣгаша, кривнулъ онъ выбѣжавшему изъ сѣней парню въ бѣлой рубахѣ, — да, гляди, сказать Ар-

тешѣ кучеру, чтобы до проводки вытереть его досуха, а опосля второй разъ!..

Парень поспѣшно взялъ лошадь подъ уздцы, между тѣмъ какъ Сусальцевъ, тяжело перекинувъ ногу черезъ сидѣнье дрожекъ, спускался наземъ и расправлялъ члены съ какимъ-то блаженнымъ чувствомъ здоровой усталости.

— Ну, веди!.. Здорово, баринъ, не видались еще сегодня, поднявшись по ступенькамъ, подаль онъ свою широкую руку пріятелю: почивали какъ прошлою ночью?

— Благодарю!.. Я все поджидалъ васъ, торопливо промямлилъ тотъ.

— Во!.. Аль чтѣ у васъ особенное есть? спросилъ нѣсколько удивленно Провъ Ефремовичъ.

— Дѣйствительно... Неожиданное даже совершенно, пролепеталъ опять одолѣваемый смущеніемъ „бригантъ“.

Сусальцевъ дернулъ нервно плечами:

— Да чтѣ у насъ, неблагополучіе какое? Такъ говорите прямо, чего тутъ!..

И онъ машинально повелъ кругомъ себя вопросительнымъ взглядомъ.

Зяблинъ не успѣлъ отвѣтить.

— Это чтѣ-жь? проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ Сусальцевъ, указывая рукой на открытыя сплошь окна по лѣвой сторонѣ нижняго этажа.

— Антонина Дмитріевна прибыла, выговорилъ чуть слышно „бригантъ“.

— Антонина Дмитріевна!..

Сусальцевъ поблѣднѣлъ какъ полотно подъ своимъ загаромъ.— Давно?

— Часа два... Приказала сейчасъ же предварить ее, когда вы вернетесь, таинственно прибавилъ Зяблинъ и съ видимымъ безпокойствомъ глянулъ въ лицо пріятелю: — вы ужъ пожалуйста...

Голосъ его оборвался.

— Чтѣ? будто разсѣянно спросилъ тотъ.

— Сдержите себя! еле слышно произнесъ Зяблинъ.

Въ глазахъ Сусальцева мелькнула какая-то жгучая искра.

Онъ выпрямился, какъ бы приосанился, откидывая голову и плечи назадъ, и внезапнымъ движеніемъ, словно купальщикъ, собирающійся кинуться въ студеную воду, зашагалъ своею быстрою, подрагивавшею походкой къ аппартаменту Антонины Дмитріевны.

Онъ вошелъ въ гостиную. Она была пуста, но изъ-за двери сосѣдняго будуара донесся до него хорошо ему знакомый съ его гортанными звуками голосъ,—голосъ жены. Она о чемъ-то спрашивала у бывшей очевидно съ нею тамъ нѣмой дѣвочки, горничной ея, такъ какъ отвѣтовъ на вопросы ея не слышалось и она продолжала говорить одна... Сусальцевъ остановился посреди комнаты, тяжело переводя дыханіе.

Но шумъ его шаговъ донесся до будуара.

— Кто это, mon mari? услышалъ онъ ея вопросъ и смѣхъ,—свѣжій, беззаботный смѣхъ...

— Я! постарался онъ произнести какъ можно спокойнѣе.

— Такъ войдите же, я одѣта.

Онъ вошелъ.

Будуаръ, со снятыми уже со стѣнъ его и мебели чахлами и разложенными по столамъ и диванамъ кипами бѣлья и туалетовъ, только-что вынутыхъ изъ прибывшаго съ г-жею Сусальцевой чемодана, походилъ теперь на какой-то не то модный, не то ювелирный магазинъ. Яркіе лучи солнца перебѣгали струйками по нѣжнымъ цвѣтамъ юпокъ, корсажей и накидокъ, горѣли искристыми блестками на бриллиантовой грани брошекъ и фермуаровъ, покоившихся на синемъ бархатѣ своихъ раскрытыхъ футляровъ... Антонина Дмитріевна, наклонившись надъ круглымъ столомъ посреди комнаты, разбиралась въ цѣломъ владѣ лежавшихъ на немъ кружевъ.

— Bonjour, Probe! не перемѣняя положенія, проговорила она тѣмъ спокойнымъ тономъ, съ какимъ здороваются съ людьми, съ которыми видѣлись еще вчера.

„Probe“ недвижно и безмолвно глядѣлъ на нее: языкъ его не ворочался, въ глазахъ стоялъ туманъ...

Она подняла на него смѣющіеся глаза:

— Можете къ ручкѣ подойти, я позволяю...

— Къ ручкѣ!..

Лицо его сдѣлалось вдругъ страшно: яблоки глазъ словно хотѣли выскочить изъ-подъ вѣкъ; въ углахъ губъ закипѣла пѣна...

— Вонъ отсюда! крикнулъ онъ неестественнымъ, визгливымъ фальцетомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Антонина Дмитріевна, повидимому, предвидѣла этотъ ожидавшій ее приѣмъ и заранѣе приготовилась къ нему. Она поблѣднѣла слегка, но не смутилась, не отвела глазъ, поднявшихъ на мужа, и тѣмъ же спокойнымъ тономъ, съ какимъ сейчасъ привѣтствовала его своимъ „bonjour, Probe“:

— Принеси Прову Ефремовичу стаканъ воды, Варя! сказала она нѣмой дѣвочкѣ, отълаживавшей въ особый картонъ на другой сторонѣ стола кружева, отбираемая барыней.

Варя злыми какъ у дикой кошки глазами глянула въ свою очередь прямо въ лицо Сусальцева и съ глухимъ мычаніемъ вышла изъ комнаты.

— Если бы вы были порядочный человекъ, твердо выговорила Антонина Дмитріевна, все также не отрываясь взглядомъ отъ мужа,—вы бы знали, что одни варвары могутъ такъ обращаться съ женщиной!..

Сусальцева какъ-то невольно повело отъ этихъ словъ; зрачки его усиленно заморгали...

Она стояла предъ нимъ, блѣдная и свѣжая, какъ бѣлая роза, въ восхитительномъ, шитомъ гладью батистовомъ *matinée* на шелховомъ подбоѣ моднаго цвѣта *vieil or*, съ такового же цвѣта пышными бантами и кружевами *valenciennes* отъ горла и до крошечныхъ *mules*, обувавшихъ ея ноги поверхъ ажурныхъ *bas chinés*. Изъ-подъ широкихъ рукавовъ, бѣлѣя свѣжымъ оттѣнкомъ на золотистомъ фонѣ поделадки, выглядывали ея словно выточенные, безукоризненной формы руки, съ блестящими на длинныхъ породистыхъ пальцахъ драгоценными кольцами. Какъ бы небрежно собранные въ одинъ огромный узелъ, роскошные волосы, вившіеся вудрявою франжей надо лбомъ, словно едва держались на верху головы подъ воткнутымъ въ нихъ гребнемъ изъ *écaille blonde* въ формѣ графской короны. Тонкій, знакомый Сусальцеву запахъ вервены вѣялъ отъ нея, отъ этихъ ея тканей и

бѣля, разложенныхъ въ комнатѣ, и билъ ему какъ вино въ голову...

Но чувство обиды все такъ же нестерпимо ныло еще въ немъ:

— Для чего вы пріѣхали, что вамъ отъ меня нужно? спросилъ онъ севозъ судорожно стиснувшіеся зубы.

— Я вернулась *домой*, къ мужу, очень просто, невозможно отвѣтила она на это.

— Къ мужу! нервно захохоталъ онъ:—изволили вспомнить, что у васъ мужъ есть, когда, видно, отказала вамъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ ваша графиня.

Антонина Дмитріевна спокойно улыбнулась:

— Мнѣ ея болѣе не нужно было; я просто взяла у банкира 30,000 франковъ,—вы на дняхъ трансфертъ получите.

У Прова Ефремовича искры запрыгали въ глазахъ.

— Да съ чего-жь вы взяли, что я платить буду! крикнулъ онъ, затоптавъ ногами.

Варя возвращалась со стакакомъ воды на подносѣ.

— Совѣтую вамъ охладиться, иначе вы заболѣете...

И, обращаясь къ дѣвочкѣ, между тѣмъ какъ Провъ Ефремовичъ машинальнымъ движеніемъ схватывалъ стаканъ и проглатывалъ воду однимъ глоткомъ:

— Уложи цѣлья опять въ картонъ, Варя, кивнула она на лежавшія на столѣ кружева,—и запири его въ спальнѣ въ шифоньерку, а порванные отложи въ особый пакетъ; надо будетъ отослать ихъ въ Москву къ Минангуа, тамъ хорошо чинять...

— Слушаю! отвѣтила кивкомъ нѣмая, собрала кипу кружевъ въ картонъ и вышла съ нимъ въ сосѣднюю спальную.

— Пріучись запирать за собою двери, крикнула ей шутливо вслѣдъ барыня:—одни коронованныя лица и собаки не запираютъ дверей.

Дѣвочка поспѣшила исполнить приказаніе.

Антонина Дмитріевна лѣниво потянулась, чуть-чуть зѣвнула, при чемъ блеснулъ жемчугомъ на солнцѣ двойной рядъ ея маленькихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, и опустилась на близъ стоявшую кушетку, закинувъ за голову свои до локтя

при этомъ движеніи опроставшіяся изъ-подъ рукавовъ пышныя, матово-блѣдныя руки.

Выпитая вода если и не совсѣмъ „охладила“, такъ дала нѣсколько остыть бѣшеному гнѣву Сусальцева. „Плюнуть ей опять въ безстыжіе глаза и уйти“, проносилось въ мозгу его. Но нѣтъ, разсудилъ онъ, „не теперь, такъ позже, а дѣло на чистоту вывести съ нею надо будетъ; она меня теперь думаетъ хладнокровіемъ одолѣть, такъ еще посмотримъ, кто кого!“...

Онъ опустился на низенькое кресло въ трехъ шагахъ отъ ея кушетки, заложилъ ногу за ногу и, охвативъ колѣнку обѣими руками, закачался на своемъ сидѣньи:

— Такъ это вы какъ же-съ, „домой“, изволите говорить, „къ мужу“ вернулись. На кой прахъ, позвольте спросить?

— Красивое выраженіе! уронила на это съ презрительною усмѣшкой Антонина Дмитріевна.

— Мы мужики-съ, по-мужицки и выражаемся, вамъ это до замужства вашего должно было быть извѣстно, возразилъ онъ ей съ такою же усмѣшкой.

Она искоса повела на него взглядомъ и безсознательно поморщилась: *этотъ* тонъ, поняла она, заключалъ въ себѣ гораздо болѣе опасности, чѣмъ то, чего могла она ожидать отъ его запальчивости.

— Да, я знаю, что вы охотно надѣваете на себя личину „мужика“, когда хотите забыть то, что предписываетъ вамъ долгъ порядочнаго человѣка.

— Ну-съ, мы этого „порядочнаго человѣка“ отложимъ по-вамѣсть въ сторону, иронически перебила онъ ее, — а обратимся къ сути. Для чего, спрашиваю опять, опосля того, что вы почитай въ продолженіи почти что года не удостоили меня ни единой строчки...

— А вы писали мнѣ? перебила она его въ свою очередь.

— Мнѣ что же писать было, когда вы, противно моей волѣ, рѣшились остаться тамъ, — то-есть, значить, прямо начихались надъ законнымъ мужемъ вашимъ?

Антонина Дмитріевна приподнялась на своей кушеткѣ, растянулась затѣмъ на ней опять вся, съ ногами, уложивъ го-

лову на тонкую, съ длинными оборками наволочку пуховой подушки, и, упершись щекой на руку, обернулась въ сторону мужа.

— „Противъ вашей *воли*“, повторила она: — вѣдь такъ прежде съ крѣпостными объяснялись, а теперь гдѣ-нибудь на Востокѣ въ гаремахъ съ рабынями развѣ говорятъ, — да и туда ужь прогрессъ доходить. А вы... я по крайней мѣрѣ такъ думала... вы все-таки человѣкъ современный, вы должны понимать, кажется, что супружескій деспотизмъ не допускается въ наше время; что „воля“ мужа еще не все, а требуется еще *согласіе* съ другой стороны, подчеркнула она: — вы не можете не знать, что никто въ просвѣщенной Европѣ иначе не смотритъ на брачныя отношенія.

Провъ Ефремовичъ, продолжая все также покачиваться на своемъ креслѣ, охвативъ колѣнку руками, выслушалъ терпѣливо до конца это поучительство.

— Европа Европой-съ, сказалъ онъ въ отвѣтъ, — а и у насъ въ Россіи тоже свой смыслъ имѣется, и даже пословица такая есть, можетъ слышали: со своимъ-моль уставомъ въ чужой монастырь не ходи... А окромя того, сами мы въ Европѣ были, какъ вамъ извѣстно, — знаемъ-съ: тамъ жена не въ примѣръ даже болѣе въ покорствѣ у мужа состоитъ, чѣмъ у насъ. Такъ вы это напрасно на тамошніе порядки ссылаетесь... Я же, сказать къ слову, не изъ каприза какого пу-стаго просилъ васъ тогда вернуться со мной въ *отечество*: прожито было нами, сами знаете, не въ мѣру много; къ тому же безъ хозяйскаго присмотра дѣловъ нельзя было оставлять долѣе...

— Тратили тамъ вы, а не я „не въ мѣру“, воскликнула она: — безъ васъ я въ восемь мѣсяцевъ времени прожила тысячь шестьдесятъ франковъ, — ужь, кажется, нельзя скромнѣе!

— Это мы опять-таки въ сторону отложимъ, сударыня, — онъ нервно передернулъ плечами, — да и вообще пространно намъ съ вами разговаривать пользы не имѣется. Взялъ я васъ за себя, почитая, что будете вы соблюдать свои супружескія обязанности, какъ слѣдуетъ вѣнчанной женѣ, по закону христіанскому, а какъ если вы полагаете, что состоите со

мною въ родѣ этого нынѣшняго „фигтивного брака“, такъ, можетъ, вы по этому предмету очень ошибаетесь, ибо я на оное рѣшительно не согласенъ.

— Какой „фигтивный бракъ“, что вы за вздоръ говорите!...

Онъ всталъ въ ростъ, глядя на нее сверху внизъ усиленно помаргивавшими глазами:

— Какъ бы ни сказали-съ, все одно,—вы понимать должны.

— Что понимать, вскрикнула она:—какія ваши намѣренія?

Онъ не нашель отвѣта въ первую минуту. „Намѣренія“? Онъ самъ себѣ опредѣлить не могъ: были-ли какія такія у него? Онъ до этого ея вопроса чувствовалъ только „обиду“ свою „во всѣхъ суставчикахъ“, чувствовалъ, что жена своимъ поступкомъ всю душу „вымотала изъ него“; онъ послѣ первоначальныхъ мукъ и тоски, снѣдавшихъ его по возвращеніи изъ-за границы, тѣсилъ всѣми силами отогнать отъ себя самую мысль о ней, понуждалъ себя видѣть въ ней „отрѣзанный ломоть, не стоящій того, чтобъ о немъ думать“. И онъ дѣйствительно, говоря его языкомъ, „только начиналъ теперь отходить маленько“, позабывать ее „на вольной волюшкѣ деревенскаго житья, въ мирномъ житіи съ пріятелемъ-баринкомъ, безо всякихъ заботъ окромя хозяйственныхъ“... И вдругъ она опять тутъ вернулась, все такая же, „дерзкая и красивая“, и „куражится“ надъ нимъ „въ этихъ своихъ кружевахъ, шелку и батистѣ“ и „будто правая, допрашиваетъ его о его намѣреніяхъ“...

— Вамъ-направо, мнѣ надѣво—и вся не долга! отрѣзалъ онъ какъ-то вдругъ, скороговоркой, какъ бы спѣша скинуть скорѣе съ плечъ непосильное бремя.

Она приподнялась на локтѣ, не то изумленно, не то скорбно воззрившись въ него своими широко открывшимися аква-мариновыми глазами:

— Вы не шутя гоните меня прочь отъ себя, Probe?...

И слезы послышались ему въ трепетныхъ звукахъ этихъ словъ.

„А хороша-то какъ, негодница!“ пробѣжало у него тутъ же дрожью по спинѣ.

Но онъ весь тотчасъ же словно оцетинился противъ этого „соблазна“, сурово сдвинулъ брови:

— Если законному мужу покориться не хотѣли, такъ и пріѣзжать вамъ незачѣмъ было.

Она закрыла глаза рукой, опутивъ голову къ колѣнямъ... Плечи ея вздрагивали словно отъ рыданья...

Сусальцевъ этого не ожидалъ никакъ. Новое „надсмѣяніе“, колкости, угрозы, „какъ тогда, въ Венеціи“,—все это не удивило бы его. Но этотъ безмолвный плачь...

— О чемъ это вы? спросилъ онъ съ невольною мягкостью.

Она не отвѣчала, не подымала головы...

На душѣ у него заскребла жалость... Онъ подошелъ ближе къ самой ея кушеткѣ:

— Перестаньте, нечего... Сами должны понимать...

— Я понимаю, что вы жестоко, незаслуженно поступаете со мной, промолвила она, не отнимая руки отъ глазъ. И вдругъ, чрезъ мигъ,—разомъ привстала, уронила эти руки, подняла на него слегка покраснѣвшія вѣки:—И не умно при этомъ, добавила она совершенно для него неожиданно.

Онъ оторопѣло устремилъ на нее вопрошающій взглядъ.

— Да, не умно, не расчетливо, повторила она:—вы лишаетесь во мнѣ, я уже не говорю жены, ничѣмъ въ сущности серьезно не виноватой предъ вами, но помощницы, хорошаго друга, который могъ бы быть вамъ настоящимъ образомъ полезенъ.

— Въ чемъ это-съ? все такъ же изумленно спросилъ Сусальцевъ.

Антонина Дмитриевна усмѣхнулась. Слѣды слезъ успѣли какъ-то уже совершенно исчезнуть съ ея свѣжаго, оживленнаго лица.

— Вы имѣете время меня выслушать?

— Сдѣлайте милость, проговорилъ онъ машинально въ отвѣтъ.

— Такъ садитесь тутъ и слушайте.

И она указала ему на кресло подлѣ самой кушетки, на которой сидѣла она теперь, нѣсколько наклонившись впередъ, съ опирающимися на колѣни руками. Она опустила глаза и

начала, раздумчиво перебирая кольца на выточенных пальцах своихъ:

— Выходя за васъ замужъ, я, повѣрьте, прельстилась не вашимъ состояніемъ... За бѣднаго человѣка я не вышла бы, конечно, добавила она тутъ же съ новою усмѣшкой, — бѣдный человѣкъ въ моихъ понятіяхъ безсильный человѣкъ, а я всегда выше всего на свѣтѣ, я вамъ это говорила еще до замужства, ставила и ставлю въ человѣкѣ *силу*.

— „Сила силу ищеть“, дѣйствительно слышала я тогда отъ васъ, вспомнилъ Провъ Ефремовичъ, кивнувъ головой.

— Я надѣялась, я вѣрила, что въ васъ именно заключается это качество, которое я такъ цѣню въ людяхъ и котораго такъ недостаетъ у насъ, куда ни взглянешь. Я была стараго дворянскаго рода дѣвушка, — то, что вы называли „кисейная барышня“, воспитанная, вы знаете, какимъ отцомъ, *аристократомъ*... и пьяницею, промолвила она брезгливо и поспѣшно, какъ бы предупреждая то, что самъ онъ могъ бы замѣтить на ея слова; — вы человѣкъ не знатный, *купецъ* просто, я говорю это вамъ не въ укоръ, напротивъ: меня это именно влекло въ васъ, что вы человѣкъ, не связанный ничѣмъ съ прошедшимъ, свѣжій, „почвенный“, какъ говорятъ теперь, человѣкъ, — что до чего бы вы ни дошли, вы всегда будете сынъ вашихъ дѣлъ, *enfant de vos oeuvres*, какъ говорятъ Французы. Дворянство наше отжило свой вѣкъ, отъ него нечего болѣе ждать; будущее, разсуждала я, принадлежитъ именно людямъ, какъ вы, сильнымъ по характеру и независимымъ по средствамъ.

„Куда это она ведетъ?“ недоумѣвалъ Сусальцевъ, слушая ее и въ то же время съ какимъ-то невольнымъ сладостнымъ ощущеніемъ вдыхая вѣявшее отъ нея тонкое благоуханіе.

— Вы человѣкъ умный, безспорно, говорила она между тѣмъ, все съ тѣмъ же выраженіемъ въ наклоненномъ къ кольцамъ пальцевъ своихъ лицѣ, — но погруженный до сихъ поръ весь въ личныя ваши дѣла, вы не имѣли времени, или просто пренебрегали, обращать вниманіе на общія, на то, куда теченіе времени и обстоятельствъ ведетъ теперь все наше государство.

— Наше дѣло коммерческое, возразилъ онъ полусутоливо

на это,—а куда идти государству, на это есть у насъ Царь съ архистратигами своими!

— А если оказывается, что задача превышаетъ способностей ихъ и средствъ, если прежній порядокъ сталъ ни на что болѣе не годенъ, и сами эти, какъ вы выражаетесь, „архистратиги“ сознають это вполне,—что вы на это скажете?

— А скажу-съ все таки, что дѣло наше сторона; какой бы тамъ порядокъ ни былъ, у насъ про то совѣтовъ спрашивать не будутъ.

— Кто же вамъ это сказалъ? А если, напротивъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, какъ имѣю я полное основаніе думать, должны будутъ прибѣгнуть къ созыву лучшихъ по опытности своей и практическому знанію людей, которымъ предоставлено будетъ обсудить настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи и спасти ее отъ окончательной гибели, почему — или никогда въ самомъ дѣлѣ вы объ этомъ не думали?—не могли бы вы быть въ числѣ этихъ призванныхъ?

— Я-съ! могъ только вскрикнуть озадаченно Сусальцевъ.

— Вы, мой *мужъ*, протянула она, озаряя его всего лучистымъ взглядомъ,—тотъ, для кого я была всегда такъ честолюбива и кто такъ не благодаренъ мнѣ теперь за это!...

Голосъ ея задрожалъ, какъ бы не одолевая охватившаго ее волненія.

„Ргобе“ былъ совершенно сбитъ съ толку. Къ чему „выкладывала“ она все это, „на какой конецъ“ и „что правды“ могло быть дѣйствительно въ томъ, что говорила она? Да и давно-ли стала она такъ „честолюбива для него?“ Въ первый еще разъ со дня первой ихъ встрѣчи, когда онъ пріѣхалъ къ покойному ея отцу по дѣлу закладной на Юрьево, говорила она ему этимъ языкомъ и объ „этихъ предметахъ“. Давно-ли сама стала разсуждать „о другомъ чемъ, какъ о тряпкахъ и о связяхъ съ высокопоставленными особами... Не даромъ видно“, говорилъ себѣ Провъ Ефремовичъ, стараясь внутренно пронизировать, „воспользовалась барыня милостивыми разговорами князя Іоанна и ему подобныхъ великихъ господъ міра сего“... Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти неожиданныя откровенія ея задѣвали за какую-то живую струну его существа, драз-

нили въ немъ что-то еще неясное для него самого, но несомнѣнно копошившееся уже въ его душевной глубинѣ.

— Какъ же это, позвольте спросить васъ, я по вашему мнѣнію могъ бы быть „приванъ“ въ этому самому дѣлу, о которомъ вы говорите, въ силу какихъ правъ моихъ?

— Черезъ земство; вы вѣдь, кажется, членъ его здѣсь?

— Состою гласнымъ, дѣйствительно.

— Вамъ надо быть предсѣдателемъ.

— Чего это: земскаго собранія то-есть? Такъ, по закону, предсѣдаетъ въ немъ нашъ предводитель дворянства, старецъ нашъ почтеннѣйшій, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ.

— Вѣдь есть *управа*; такъ, кажется, называется?

— Это само по себѣ.

— Ну такъ вотъ тамъ, развѣ вамъ нельзя быть предсѣдателемъ?

— Коли выберутъ, — конечно, да и какъ если будетъ на то мое согласіе; только я никогда на это согласиться не намѣренъ былъ.

— Это почему?

— А очень просто, что въ жалованьи земскомъ я не нуждаюсь, а временемъ своимъ дорожу-сь; такъ изъ чего мнѣ его тратить на дѣлопроизводство пустое?

— Если бы такое положеніе должно было заключать въ себѣ конечную для васъ цѣль, вы были бы правы; но я вамъ не даромъ указываю на него: оно можетъ служить для васъ ступенью для того, чтѣ я мечтаю для васъ...

Антонина Дмитріевна понизила голосъ и еще ближе наклонилась къ сидѣвшему противъ нея мужу:

— Я видѣлась въ Римѣ съ людьми, которые очень скоро должны будутъ играть у насъ первостепенную роль... Вы объ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Колонтаѣ слышали, на примѣръ? спросила она какъ бы въ скобкахъ.

— Какъ не слыжать-сь! Человѣкъ вліятельный и, можно даже сказать, между правителями нашими по уму выдающійся!

— Ну такъ вотъ вы будете имѣть случай познакомиться съ нимъ лично. Онъ еще зимой вернулся въ Петербургъ и

думаетъ послѣ окончанія сессіи въ Государственномъ Совѣтѣ ѣхать въ свое Орловское имѣніе. Онъ общалъ мнѣ заѣхать по пути въ Сичкое и провести у насъ нѣсколько дней, примолвила Сусальцева, какъ бы вовсе позабывъ или просто пренебрегая вспомнить, что за нѣсколько еще минутъ предъ этимъ шель у нея съ мужемъ вопросъ о томъ, чтобы самой ей отправляться изъ Сичваго, куда глаза глядятъ.

Провъ Ефремовичъ со своей стороны словно вовсе позабылъ о томъ, что сейчасъ „вышло“ у него съ женой. Слова ея видимо заинтересовывали его все болѣе и болѣе.

— Такъ что же этотъ самый Колонтай, Алексѣй Сергѣичъ, говорилъ вамъ-съ? спросилъ онъ.

— Все это само собою пока еще секретъ, да и окончательно не оформлено и заключается собственно въ однихъ предположеніяхъ. Но на то и данъ намъ умъ, чтобы въ томъ, что еще представляется гадательнымъ, распознать признаки имѣющаго за собою дѣйствительное *raison d'être*, того, то-есть, что по естественному духу вещей должно осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

— Самый этотъ „созывъ“, то-есть, какъ вы говорили? переспросилъ Сусальцевъ.

— Да. Правительство, прижатое къ стѣнѣ нигилистическимъ движеніемъ, съ одной стороны, съ другой — всякими злоупотребленіями, неспособностью и ненадежностью собственныхъ своихъ агентовъ, принуждено будетъ обратиться за помощью и совѣтомъ къ самой странѣ... Конституціи прямо оно не рѣшится дать: слишкомъ сильно связано оно еще традиціонными привычками своего самодержавства, вымолвила съ многозначительнымъ видомъ Антонина Дмитріевна, повторяя очевидно наизусть разсужденія, слышанныя ею отъ „людей, съ которыми она видѣлась въ Римѣ“, — оно на первый разъ прибѣгнетъ къ полумѣрѣ, въ родѣ усиленія Государственнаго Совѣта выборными людьми, находящимися у него подъ руками: соберетъ, на примѣръ, предводителей дворянства и предсѣдателей управъ.

— Губернскихъ однихъ, или и уѣздныхъ тоже?

— И тѣхъ, и другихъ, вѣроятно... Это впрочемъ — подроб-

ность, поспѣшила сказать Сусальцева:—главное, чтобъ у васъ въ этой порѣ была уже нога въ стремени.

— То-есть, чтобъ я попалъ въ предсѣдатели нашей уѣздной управы?

— Именно.

Провъ Ефремовичъ уронилъ въ раздумьи голову на грудь.

— Это, пожалуй, устроить и можно какъ-нибудь, промолвилъ онъ чрезъ нѣсколько времени.—Мѣсто самое это теперь у насъ вакантно; бывший предсѣдатель — Бароцкій былъ нѣкто—изъ моряковъ, старикъ хорошій, запутался только какъ-то черезъ сына, растрата у него въ кассѣ оказалась. Деньги-то внесъ за него, говорятъ, Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, потому по назначенной послѣ смерти его ревизіи суммы всѣ оказались налицо. Однако все же онъ застрѣлился съ этого самаго сраму, а опосля того на четырнадцатое число прошлаго мѣсяца назначено было экстренное собраніе для выборовъ на его мѣсто. Только тутъ случилось, что у Павла Григорьевича Юшкова старичекъ братъ очень большой сдѣлался и такъ онъ этимъ теперь озабоченъ, что должностью своею и по нонѣшній день даже заниматься не можетъ. Такъ, по общему къ нему уваженію, рѣшено у насъ было съ этимъ дѣломъ выборовъ отложить до сентября, какъ при томъ время теперь лѣтнее, собираться гласнымъ, особливо изъ крестьянъ, тяжело очень. И даже скажу вамъ-съ, мнѣ даже и говорено было, чтобъ я баллотировался, только я оставилъ тогда втунѣ, потому не разсчитать...

— Огромный „разсчетъ“, вскрикнула Антонина Дмитриевна, — въ виду того, что я вамъ говорила сейчасъ... и о чемъ вы, надѣюсь, никому, никому не промолвите ни слова: вѣдь это величайшая еще тайна!

— Для чего говорить, сами понимаемъ!

Сусальцева примолкла на мигъ въ свою очередь.

— Что у васъ тутъ, все такъ же, какъ и прежде, вліятеленъ Троекуровъ? спросила она затѣмъ.

— Извѣстно, по званію своему и богатству, а и болѣе того-съ, надо сказать, по большому разуму своему, человекъ большой вѣсь имѣеть.

— Онъ, пожалуй, усмѣхнулась она недоброю усмѣшкой, — самъ бы пошелъ вамъ въ конкуренты, если бы зналъ то, о чемъ я вамъ передала?

Профъ Ефремовичъ пожалъ плечами:

— Борисъ Васильевичъ? Какъ если-бъ онъ захотѣлъ, давнымъ-давно бы былъ бы у насъ губернскимъ предводителемъ. Только политиву онъ такую держать, что никакихъ должностей ни по дворянской, ни по земской службѣ принимать не желаетъ. Гласнымъ уѣзднымъ и губернскимъ единственно дозволилъ себя выбрать.

— И всѣми при этомъ вертить? злобно договорила за него жена.

— Чтò же, дурнаго совѣта никому не дасть господинъ этотъ.

— А съ вами какъ онъ? спросила она, сожмуривая брови.

— Во взаимномъ уваженіи состоимъ съ его превосходительствомъ, чуть-чуть усмѣхнулся Сусальцевъ.

— Интриговать не будетъ, чтобы васъ не выбрали?

— Съ чего-жь это ему!.. Можетъ, конечно, ему и пріятнѣе было бы видѣть своего брата-дворянина на этой самой должности, а только я вполне надѣюсь, что онъ противъ меня ничего имѣть не будетъ, потому прямо могу сказать, ничего дурнаго, окромя хорошаго, ему про меня не извѣстно.

— Ну, такъ скорѣе принимайтесь за хлопоты, чтобы вамъ къ сентябрю подготовить себѣ большинство на выборахъ, вскрикнула молодая женщина:—вѣдь это вы можете сдѣлать?

— Въ моей власти, надѣюсь, отвѣтилъ онъ протязно,—а только, знаете, стдить-ли это самое дѣло труда, потому навяжешь себѣ обузу на плечи, отъ своего дѣла оторвешься, а тамъ, можетъ, шпикъ одинъ выйдетъ?

— Ахъ, Боже мой, заметалась даже съ несвойственною ей суетливостью движеній Антонина Дмитріевна, — неужели думаете вы, что я вамъ все это съ вѣтру говорю? Такъ вотъ, когда пріѣдетъ Алексѣй Сергѣевичъ, вы изъ его устъ можете услышать... И не отъ одного его: къ этому времени будетъ сюда вашъ новый губернаторъ; онъ Алексѣю Сергѣвичу племянникъ...

— Фамилія ему Савиновъ будетъ?

— Да, Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ, очень милый человекъ... Онъ мнѣ сказалъ, что поѣдетъ ревизовать уѣзды и распорядится такъ, чтобы въ концу имѣть возможность заѣхать къ намъ.

— Слышали про него, какже-съ, въ сосѣдней губерніи вице-губернаторомъ былъ, промолвилъ Сусальцевъ, какъ бы насмѣшливо проведя губами.

Антонина Дмитріевна замѣтила это:

— Что же такое слышали вы?

— Да такъ, говорятъ, свистунъ великій, карьеристъ петербургскій... А, впрочемъ, можетъ и врутъ, равнодушно добавилъ онъ.

— Онъ на стараго чиновника не похожъ, это правда, нѣсколько рѣзко возразила ему жена: — я съ нимъ ѣхала изъ Вѣны: онъ совсѣмъ Европеецъ, а теперь такіе нужны Россіи люди.

— На этотъ счетъ, пожалуй, можно и другое сказать, какъ бы недоувѣрчиво промолвилъ Провъ Ефремовичъ и тутъ же замолкъ, не почитая почему-то нужнымъ распространяться далѣе объ этомъ предметѣ.

Антонина Дмитріевна повела еще разъ на мужа ласковымъ до нѣжности взглядомъ:

— Я могу ошибаться, проговорила она чуть не робко, — но во всемъ этомъ для меня главное была мысль о васъ, Проге, о томъ, чтобы устроить вамъ положеніе, соответствующее тѣмъ способностямъ, которыя даны вамъ отъ природы. Вы имѣли возможность до сихъ поръ приедадывать ихъ лишь въ тѣсной сферѣ личныхъ интересовъ... Вамъ представляется теперь случай послужить благу всего отечества... а мнѣ гордиться вами, Проге...

Бѣдный „Проге“ чуялъ чутьемъ, что это были „слова одни“, что ни до какого блага отечества, ни до его, Прова, службы оному ей въ сущности дѣла нѣтъ, что во всемъ этомъ преслѣдовала она свои особенныя, чуждыя ему цѣли, — но чувствовалъ въ то же время, что онъ безсиленъ предъ этими пріятно щекотавшими его самолюбіе словами ея, что онъ

„прямо идетъ на ея удочку, *насуетъ* предъ ея женскою ловкостью“... Гнѣвъ его, „законный гнѣвъ“, смолкалъ въ его душѣ, или, вѣрнѣе, роботалъ уже глухими, съ минуты на минуту все слабѣвшими перекатами, какъ удаляющаяся гроза. Другія ощущенія насильственно и побѣдно врывались мало-помалу въ существо его. Съ тонкимъ запахомъ вервены, вѣявшимъ отъ „этой красавицы-жены его“, вносило въ него и впечатлѣнїе ея женской прелести, проникалъ его насвозъ забирающій пламень не отрывавшихся отъ него блѣдно-голубыхъ ея глазъ. Легкая дрожь пробѣгала по его членамъ, пальцы рукъ, уложенныхъ на колѣни, судорожно подергивались, словно барабана какую-то боевую тревогу.

— Какъ бы вы обо мнѣ ни судили, Probe, но лучшаго друга себѣ, повѣрьте, вы все же не найдете, говорила она тихимъ, дрожащимъ, умиленнымъ голосомъ, протягивая руку и притрогиваясь оконечностями пальцевъ къ его рукѣ.

У него замутилось въ глазахъ; онъ схватилъ эти пальцы, сжимая ихъ въ своихъ до боли.

— Вѣрно это вы говорите, вѣрно? едва былъ онъ въ силахъ выговорить.

— А вы, не отвѣчая на вопросъ, залепетала она нѣжно-уворительнымъ тономъ,—какъ приняли вы меня, неблагодарный! Вы надѣялись, вы желали, чтобъ я никогда не вернулась, чтобъ конечно все было между нами!

— Для чего вы это теперь говорите! вырвалось уже у него неудержимо:—можетъ, я важный день ждалъ тебя сюда; важный часъ ждалъ... и ждать пересталъ, и мучился этимъ безмѣрно!..

— Да-а? протянула она тѣмъ же дрожащимъ голосомъ,—я, значить, хорошо сдѣлала, что вернулась?

Онъ уже не владѣлъ собою, онъ съ мѣста, съ глухимъ стономъ, стономъ счастья, скользнулъ къ ея ногамъ, погружая голову въ пахучія складки ея батистовой юпки.

Она тихимъ движеніемъ руки приподняла за подбородокъ его большую, остриженную голову, глянула, наклонившись къ ней, прямо глазами ему въ глаза, покачала медленно го-

ловой съ какою-то снисходительною улыбкой и поднесла ровную ладонь свою подъ его пылавшія губы.

Онъ такъ и впился въ нее ими...

— Ну, а теперь довольно, сказала она чрезъ мгновеніе, — садитесь!

Онъ повиновался, вздыхая и весь еще вздрагивая отъ волненія.

Она продолжала улыбаться:

— И признайтесь, что это вы сейчасъ выдумали изъ любезности, а въ дѣйствительности нисколько не ждали меня, не думали даже обо мнѣ.

— Тоня, и не совѣстно тебѣ? вскрикнулъ онъ съ невыразимымъ внутреннимъ услажденіемъ произнося это „Тоня“ и это „тебѣ“, и говоря себѣ, что онъ теперь „во всѣ старыя права свои вступилъ опять“.

— Нѣтъ, потому, что иначе бы позаботились бы вѣроятно, чтобъ я могла вѣхать сюда въ приготовленныя для житья въ нихъ комнаты, а не въ какой-то подвалъ, и чтобъ были у меня, какъ я привыкла, приличные слуги, а не половые какіе-то изъ московскаго трактира...

Провъ Ефремовичъ ужасно сконфузился и почувствовалъ себя уколотымъ въ то же время.

— Чтѣ же, Тоня, какъ мы тутъ одни съ Евгеніемъ Владиміровичемъ жили, приемовъ я никакихъ не дѣлалъ... А люди извѣстные мнѣ, вѣрные...

„Притомъ съ родни“, могъ бы онъ даже прибавить, такъ какъ нерѣчистый ключникъ Никандръ, чествовавшій его „вашею милостью“ и собственноручно только-что занимавшійся сниманіемъ чахловъ въ апартаментѣ Антонины Дмитріевны, приходился ему троюроднымъ братомъ по отцу.

Красивая барыня слегка поморщилась.

— Ваши „вѣрные люди“ могутъ при васъ оставаться; только мнѣ ужъ вы пожалуйста дайте *настоящихъ* и чтобъ я этихъ рубашекъ и подстриженныхъ головъ болѣе не видала: вы понимаете, что съ такою прислугой никого порядочнаго принимать у себя нельзя.

— Хорошо, Тоня, выговорилъ покорно Сусальцевъ, — я выпишу людей изъ Москвы.

Она одобрительно бивнула:

— Я вамъ дамъ списокъ, какихъ и сколько ихъ мнѣ именно нужно... Да, вспомнила она тутъ же, — я хотѣла вамъ сказать (она говорила теперь короткою, владычною рѣчью, тономъ хозяйки, вошедшей опять въ обладаніе всѣми своими правами): я полагаю помѣстить губернатора и дядю его на той половинѣ, которая называется у васъ почему-то „князь-Ларионовыми комнатами“, такъ вы пожалуйста распорядитесь, чтобъ онѣ къ этому времени были прибраны, какъ слѣдуетъ, и чтобы занавѣси навѣсили... Такая гадость эти голыя окна! брезгливо заключила она, щурясь и отворачиваясь отъ свѣта, вливавшагося дѣйствительно ослѣпительною волною въ будуаръ сквозь окна, кретоновыя занавѣси въ которымъ, только что вынутыя изъ хранившаго ихъ сундука, усиленно разглаживались теперь въ сосѣдней комнатѣ, по приказанію ключника Никандра, двумя дебелими прачками въ ситцевыхъ сарафанахъ.

Прова Ефремовича видимо коробило опять отъ этихъ рѣчей. Онъ чувствовалъ, что ему не слѣдовало позволять ей принять опять этотъ повелительный тонъ, слѣдовало протестовать, не допускать сводить себя съ положенія полновластнаго хозяина на степень „какого-то подневольнаго женѣ приращива“... Но онъ менѣе всего въ эту минуту способенъ былъ сосредоточиться на мысли объ оскорбленіи его хозяйскаго достоинства. Она такъ неотразимо красиво возлежала теперь предъ нимъ въ этихъ кружевахъ своихъ и батистѣ, такъ чудно томень, казалось ему, былъ взглядъ обращавшихся на него глазъ ея, такъ свѣжо и сочно алѣли ея влажныя губы...

Онъ потянулся къ ней съ повернутою вверхъ ладонью:

— Ручку можно? проговорилъ онъ съ замирающимъ голосомъ.

Она чуть-чуть усмѣхнулась опять и лѣниво опустила на нее руку.

Онъ сжалъ ее почти до боли, принимая къ ней всѣмъ лицомъ своимъ.

— Тоня... ты моя? уже едва слышно прошептала онъ опять.

— Ахъ, оставьте!...

Она быстро высвободила свои пальцы изъ его желѣзной длани.

— Успѣете, какъ бы одумавшись и смягчаясь вдругъ, промолвила она тихо:—я устала, спать хочу...

„Успѣете“ звенѣло райскимъ звукомъ въ ухахъ влюбленнаго мужа.

— Краля ты моя, прелесть неописанная, спи, голубка, спи, залепетала онъ глухою интонаціей старой няни, убаюкивающей ребенка:—сама проснешься, или велишь разбудить когда?

— Да, къ обѣду... Въ которомъ часу у васъ здѣсь обѣдъ?

— Когда приважешь. Въ пять чтѣ-ли?

— Пожалуй... Хорошъ у васъ поваръ? спросила она, не раскрывая глазъ.

— У насъ тутъ безъ тебя кухарка готовила... Искусная впрочемъ на русскія блюда, поспѣшили онъ прибавить въ извиненіе.

— Фи, гадость, я такъ отвыкла отъ грубой кухни... Вы ужь непремѣнно, сегодня же, подчеркнула она съвозъ одолѣвавшей ее повидимому сонъ,—выпишите изъ Москвы повара... *хорошаго!*..

— Сегодня же исполню, Тонечка, успокоительно промолвилъ Провъ Ефремовичъ, осторожно подымаясь съ мѣста и окидывая въ послѣдній разъ жаднымъ взглядомъ соблазнительный обликъ жены.

Она чуть-чуть кивнула ему подбородкомъ:

— До свиданія, Ргобе, я сплю...

Онъ вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты. Кровь била ему въ виски, глаза застлала радужный, блаженный туманъ... Онъ спѣшилъ на воздухъ.

На площадкѣ подъѣзда, на томъ же желѣзномъ стулѣ, держа палку между ногъ, со сложенными на набалдашникъ ея руками, сидѣлъ все такъ же подъ широкимъ панамой

своею Зяблинъ, видимо ожидая его и съ замѣтнымъ безпокойствомъ въ напряженномъ выраженіи лица.

— Ну что, благополучно? поспѣшилъ онъ спросить, завидѣвъ выходящаго изъ сѣней пріятеля.

— А вы что же думали, катавасія какая-либо произойдетъ, засмѣялся въ отвѣтъ на это Сусальцевъ.

— Нѣтъ, а все же, зная вашъ... пылкій характеръ...

— Мужикъ, прямо говорите, думали, булаки сейчасъ въ ходъ пустить. Угадаль, баринъ, а?

— Вы ошибаетесь, Провъ Ефремовичъ, отвѣтилъ какъ бы уже нѣсколько обиженно „бригантъ“:—я такого мнѣнія про васъ никогда не имѣлъ и не желалъ имѣть...

— Папрасно, баринъ, напрасно, потому какъ случится; въ иную минуту я за себя не отвѣчу... Ну, а тутъ не то вышло, совсѣмъ не...

Онъ оборвалъ на полусловѣ и, какъ-то вдругъ болѣзненно сморщивъ свое широкое загорѣлое лицо, устремилъ безцѣльно глаза въ пространство... То, съ чѣмъ онъ вышелъ изъ будуара жены, словно развѣивалъ теперь свѣжій вѣтерокъ, несшійся ему въ лицо изъ-подъ надвигавшейся по небу съ сѣвера дождевой тучи. Онъ жадно втягивалъ его себѣ въ легкія, словно послѣ пьяной ночной пирушки выходя изъ спертой атмосферы трактира. И чѣмъ бодрѣ физически начиналъ онъ себя чувствовать, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ.

— Плоть-человѣкъ, духомъ немощенъ,—вотъ что, баринъ! выговорилъ онъ неожиданно, обернувшись къ Зяблину.

Тотъ вскинулъ на него недоумѣло свои старческіе глаза.

— Что такое?

Но пріятель его не отвѣтилъ. Онъ махнулъ рукой и направился быстрыми шагами подъ одну изъ висячихъ галлерей по пути къ конюшнямъ.

III.

O, zarte Sehnsucht, süßes Hoffen,
Der ersten Liebe goldne Zeit...

Schiller. *Das Lied von der Glocke.*

Мирно попрежнему текла жизнь во Всесвятскомъ. Но къ прежнему прибавилось теперь еще нѣчто новое, какая-то струя молодого, животрепещущаго счастья. Нужно-ли докладывать догадливому читателю, изъ какого источника изливалась и текла она? Нужно-ли говорить ему притомъ, что не была она искрометными брызгами, не шумѣла грохотливымъ потокомъ, а неслась свѣтлымъ, еле еще замѣтнымъ для постороннихъ глазъ, но „отражавшимъ уже небо“ ручьемъ, какъ говорили въ старину поѣты? Маша Троекурова и Гриша Юшковъ переживали еще ту первоначальную пору, ту зарю любви, когда чувство, какъ листья на деревьяхъ весной, только завязываетъ свои нѣжныя почки и, словно не вѣря еще себѣ самому, ждетъ, когда „съ востока яркаго все шире налетающіе дни“, по выраженію Фета, принесутъ ему достаточно тепла и силы для полнаго роста и цвѣтенія. Дружеская, почти братская пріязнь дѣвушки къ Гришѣ еще какъ бы робко, какъ бы колеблясь, отдавалась наплыву иного чего-то, болѣе проникающаго и захватывавшаго ее, внезапное ощущеніе чего иной разъ неожиданно покрывало все лицо ея румянцемъ. Отношенія ея къ нему зачастую отзывались прежнимъ, привычнымъ ей ребяческимъ задоромъ, *дразненіемъ*, полунасмѣшливымъ, полунаставительнымъ тономъ, нѣсколько комическимъ тономъ какого-то превосходства, который она издавна приняла

въ обращеніи съ нимъ. Онъ, со своей стороны, старался держаться съ нею своей прежней манеры, чуть-чуть высокомерной снисходительности къ „балованному ребенку“, какъ называлъ онъ ее, „выходецъ“ котораго, какъ бы иногда и ни были онѣ колки для его самолюбія, „не могли, само собою, быть принимаемы имъ *въ серьезъ*“... Но оба они чувствовали особымъ, внутреннимъ чутьемъ, что все это, этотъ тонъ, эти насмѣшки, были не чтò иное, какъ какая-то игра, какая-то *комедія*, которую они „ломали“, *Богъ вѣсть для чего*, другъ предъ другомъ, и что „не то, не то совсѣмъ“ говорить у нихъ иной разъ языкъ и смѣхъ, „глупый смѣхъ“, вырвавшійся у нихъ изъ усть, между тѣмъ какъ глаза его съ невольнымъ, всего его озарявшимъ восхищеніемъ останавливались на ней, а она досадливо чувствовала, что рдѣть вся, какъ маковъ цвѣтъ, подъ этимъ его прикованнымъ къ ней взглядомъ.... Ихъ встрѣчи и разговоры притомъ были не долги и всегда какъ-то спѣшны, хотя уже шла вторая недѣля, какъ жили они подъ однимъ кровомъ. Всѣ трое Юшковы, оба старика и Гриша, по приглашенію Троеуровыхъ, переѣхали къ нимъ на жительство изъ своихъ Угловъ, послѣ того, какъ Николай Ивановичъ Өирсовъ, испугавшись сильнаго припадка грудной жабы у почти восьмидесятилѣтнаго теперь Василя Григорьевича, объявилъ имъ, что дни почтеннаго старца изочтены, и что ихъ продлить на нѣкоторое еще время можно лишь при самомъ тщательномъ и непрерывномъ уходѣ за нимъ и постоянномъ наблюденіи врача, а что между тѣмъ самъ онъ, Өирсовъ, связанъ своею больницей во Всесвятскомъ и можетъ бывать въ Углахъ лишь наѣздомъ, а слѣдовательно отсутствовать въ ту самую минуту, когда больному понадобится можетъ болѣе всего его присутствіе. Слѣдовало поэтому или выписать особаго „практиканта“ изъ Москвы, или перевезти страждущаго во Всесвятское, „гдѣ и онъ, медикъ, да и, чтò лучше его, всѣ женскіе *мозги* и руки дома будутъ въ услугамъ страдальца“, объяснялъ ни въ какія тяжелыя минуты не перестававшій буфонить докторъ... Никакого „практиканта“, разумѣется, не выписали, а больнаго съ величайшими предосторожностями перевезли во Всесвятское, гдѣ онъ съ бра-

томъ и племянникомъ помѣщенъ былъ со всевозможнымъ удобствомъ въ одномъ изъ выходившихъ въ садъ павильоновъ, значившихся „для гостей“, гдѣ жила когда-то княжна Кира Кубенская. Тамъ дѣйствительно нѣжныя женскія руки мягкимъ прикосновеніемъ своимъ заставляли его почти забывать свои страданія,—чуткіе женскіе „мозги“ угадывали заранѣе, предупреждая ихъ, его болѣзненные прихоти... Троекуровы мать и дочь дежурили у него весь день, смѣняясь чрезъ каждые два часа. Анфиса Дмитріевна являлась вечеромъ и ночевала у него въ комнатѣ на большомъ диванѣ за его кроватью, невидимая имъ, но готовая каждую минуту, прерывая свою полудремоту, подбѣжать къ нему, перевернуть его своими сильными руками на другой бокъ, растереть затекшую руку, приподнять безсильно съѣхавшую съ подушки голову... Старецъ, впрочемъ, не испытывалъ мучительныхъ страданій: онъ тихо угасалъ, тяжелѣе дыша каждый день, начиная „не чувствовать уже болѣе ни рукъ, ни ногъ“. Но духомъ онъ былъ все также свѣтелъ; покрывавшіеся мутною пеленой, большіе голубые глаза теплились все еще не угасшимъ пламенемъ. „Я счастливъ“, говорилъ онъ, когда одышка давала ему быстротечный отдыхъ, — „я не надѣялся такъ умирать; сладко, когда точно ангельскія крылья вѣютъ надъ тобой“, улыбался онъ, со стоявшими на волоскахъ рѣсницъ блестящими слезками, навлонявшимся надъ нимъ этимъ женскимъ, старавшимся въ свою очередь успокоительно улыбаться ему, лицамъ. Къ полдню ему почти всегда становилось легче. Всѣ обитатели дома собирались въ тѣ часы кругомъ его кровати. Онъ любилъ видѣть ихъ тутъ „всѣхъ“, слушать „живой разговоръ“, стараясь вызвать на какое-нибудь „разсужденіе“ брата своего и Бориса Васильевича, а самому безмолвно внимать, не отрываясь въ то же время взглядомъ отъ Маши, отъ „этой другой, явившейся ему райскимъ видѣніемъ на разстояніи четверти вѣка“, какъ выражался онъ ей, когда она была еще пятнадцатилѣтняя дѣвочка, своимъ романтическимъ языкомъ временъ Свѣтланы... Но теперь эти тускнѣвшіе глаза его съ какимъ-то особымъ, какъ бы тревожнымъ вниманіемъ перебѣгали отъ нея къ сидѣвшему тутъ же, часто рядомъ съ

нею, племяннику, словно допытываясь, словно вопрошая и говоря ему: „Принялъ-ли ты во внутрь всю ея душевную прелесть, будешь-ли ты вѣкъ, всю жизнь, разумѣть и цѣнить даруемое тебѣ отъ неба сокровище?“...

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ словно одинъ только понималъ и въ свою очередь „принималъ себѣ во внутрь“ значеніе этихъ нѣмыхъ вопросовъ отходившаго къ вѣчности старика. Этотъ одинъ былъ Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, и одинъ онъ глубоко задумывался и понижалъ челомъ отъ охватывавшей его затѣмъ душевной заботы, между тѣмъ какъ и Александра Павловна, и старый морякъ, обнимая тѣмъ же сочувственнымъ взглядомъ больнаго и молодыхъ людей, обмѣнивались мгновеннымъ взглядомъ и тихо улыбались угадываемой каждымъ у другаго мысли.

Разумѣли-ли, въ свою очередь, молодые люди сокровенный смыслъ этихъ допрашивавшихъ ихъ старческихъ взглядовъ, мы не знаемъ, но въ отвѣтной на нихъ улыбкѣ Маши не сказывалось, во всякомъ случаѣ, смущенія. „Не бойтесь за меня, я сдѣлаю постоять за свое счастье“, гораздо скорѣе говорили, казалось, ея прямо смотрявшіе глаза и твердо очерченныя линіи алыхъ губъ и круглаго, широкаго подбородка...

Такъ сидѣли они всѣ однажды кругомъ больнаго, когда вопедшая съ урочной чашкой молока, которымъ единственно питался теперь онъ, Анфиса Дмитриевна Фирсова передала въ полголоса бывшей своей „барынкѣ“, что пріѣхала „одна особа“ и желаетъ видѣть ее, Александру Павловну, или Бориса Васильевича, не болѣе какъ на четверть часа, такъ какъ знаетъ, что имъ теперь не до постороннихъ и сидятъ они постоянно, какъ сказывали ей люди, у больнаго.

— Кто такой? спросила нѣсколько изумленно Александра Павловна: она какъ-то давно не имѣла случая принимать визиты.

— *Она* теперь другую фамилію носятъ, Лариной называются, а только-что онѣ ужъ были прежде у васъ; изъ Юрева барышня, Настасья Дмитриевна...

— Борисъ, слышишь, Anastasie Bouinossouf... L'artiste,

сочла нужнымъ объяснить Александра Павловна, поспѣшно вставая.

— А!.. Очень радъ... Изъ Москвы она? спросилъ онъ машинально Фирсову.

— Отъ сестры, должно быть, отъ Сусальцевой, отвѣтила та, ухмыльнувшись;—вернулась вѣдь та недавно изъ-за границы къ мужу.

Троекуровъ улыбнулся въ свою очередь:

— Это ужъ, должно быть, молитвамъ вашимъ онъ обязанъ: вы вѣдь у нея съ Николаемъ Ивановичемъ посаженными были.

Фирсова закачала головой и рѣкой махнула.

— Однако я пойду къ ней... Она и тебя желаетъ видѣть, Борисъ, сказала Александра Павловна, — извините, Василій Григорьевичъ, милый!

— Ахъ вы, мои дорогіе, да развѣ вы изъ-за меня стѣснятъ себя будете? проговорилъ онъ севозь одышку, глядя на нее съ безконечнымъ умиленіемъ и благодарностью...

— Какъ я рада, какъ я рада видѣть васъ, милая! говорила Александра Павловна, входя въ гостиную и издали еще протягивая обѣ руки быстро шедшей ей навстрѣчу Лариной.

Онѣ обнялись.

— Наконецъ-то вздумали вы вернуться въ родныя мѣста...

Вы изъ Москвы теперь?

— Да.

— Прямо?

— Съ желѣзной дороги прямехонько, улыбнулась дѣвушка.

— Вотъ это прелестно, спасибо, милая,—это значить, вы насъ не забыли.

— Никогда, Александра Павловна, никогда не забуду васъ и Бориса Васильевича! вслихнула тронутымъ голосомъ Настасья Дмитриевна:—вы были для меня утѣшителями, поддерживали мою бодрость въ самую тяжелую минуту моей жизни, это не забывается...

— Полноте, милая! поспѣшила прервать ее Троекурова.— Вы у насъ поживете?

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ надо къ сестрѣ, въ Сичкое... И при-

томъ, я знаю, вамъ не до гостей, у васъ тяжело больной другъ въ домѣ...

— Да, глубоко вздохнула Александра Павловна, — онъ, бѣдный, доживаетъ послѣдніе дни; ему вѣдь ужъ восемьдесятъ лѣтъ скоро, и такая болѣзнь... Но вы вѣдь добрая, вы не взыщете, мы перемежаемся у него съ Машей, а когда у меня свободные часы, я была бы такъ рада быть съ вами... Видите, какая я эгоистка, примолвила она, пожимая руки молодой гостьи.

— Вы ангель! задушевно отвѣтила та, — и побыть съ вами, прямо говорю, было бы для меня счастье, я вотъ только-что вошла въ ваши стѣны, а ужъ на меня повѣяло чѣмъ-то успокоительнымъ и чистымъ... Все равно, какъ у Лизаветы Ивановны... Вѣдь я у нея жила все время въ Москвѣ, прибавила она съ тихою усмѣшкой.

— Да, я знаю, она мнѣ писала... Я такъ рада этому, если бы вы знали! Я скажу вамъ откровенно, — Александра Павловна какъ бы нѣсколько смутилась тѣмъ, что желала сказать: — когда вы такъ рѣшительно объявили мнѣ, что хотите сдѣлаться... *артисткой* (она словно не смѣла сказать „актрисой“), мнѣ было ужасно страшно въ первое время за васъ... Можетъ быть очень глупо съ моей стороны, но у меня ужъ такія *старыя* понятія; вы меня заинтересовали съ перваго того раза, когда пріѣзжали къ намъ *après la mort de monsieur votre père*; я все мучилась мыслью, все думала, что такая жизнь для дѣвушки... но когда я узнала потомъ, — Николай Ивановичъ имѣлъ про васъ постоянныя извѣстія и вы ему даже писали, — какъ вы себя умѣли поставить и что вы въ Москвѣ живете у моей доброй Лизаветушки, тогда я совсѣмъ успокоилась... Такъ неужели же вы у насъ нисколько не останетесь? прерывая себя, оживленно спросила она опять.

Ларина умиленными глазами глядѣла на „андела Сашеньку“, какъ продолжала называть Троекурову хозяйка ея въ Москвѣ. „Вотъ здѣсь, дѣйствительно, душой отдохнешь“, проносилось у нея въ мысли; „а тамъ, я знаю, пытка ждетъ“...

Она уѣхала изъ Москвы послѣ послѣдняго, блестящаго представленія *Коварства и Любви*, даннаго въ пользу какого-

то благотворительнаго дѣла въ театрѣ Секретарева, и на которомъ она въ роли *Луизы* произвела, какъ говорится, „настоящій фуроръ“,—уѣхала, вызванная письмомъ шурина своего, Прова Ефремовича Сусальцева, заключавагося въ слѣдующихъ, довольно лаконическихъ строкахъ:

„Любезная сестрица, Анастасія Дмитріевна! Всегдашнее уваженіе мое къ вамъ и какъ вы самая разсудительная и способная всякое обстоятельство обсудить здраво и въ настоящемъ разумѣ, то я осмѣлюсь васъ просить въ особую мнѣ милость, а также въ удовольствіе, полагаю, вашей сестрицѣ, а моей супругѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ, прибывшей на дняхъ сюда изъ чужихъ краевъ, пожаловать къ намъ погостить въ усадьбу мою Сицкое, гдѣ все готово для встрѣчи вашей съ честью и великою къ тому, какъ не можете сомнѣваться, съ моей стороны радостью. А также и со стороны сестрицы вашей безъ сомнѣнія. Если благоволите телеграфировать, когда полагаете прибыть, за вами на станцію выплутся лошади.

„Съ моею постоянною къ вамъ уважительностью и братскимъ, смѣю сказать, расположеніемъ, пребываю вашъ готовый къ услугамъ, П. С.

Сестра ея вернулась къ мужу?.. Она со дня посѣщенія ея Сусальцевымъ на ея квартирѣ у Лизаветы Ивановны не имѣла нивакой вѣсти о ней. А теперь шуринъ обращается къ ней за помощію,—„за помощію“, да: онъ очевидно не ждалъ ея возвращенія и теперь „не знаетъ, какъ быть съ этою своевольною, капризною, безсердечною Тоней“; онъ чувствуетъ, что она, Настя, нужна ему, *имъ*, что безъ нея, можетъ быть, пойдетъ, если ужъ не идетъ, такая сумятица, „такой кавардакъ...“ Она собралась въ два дня и поѣхала.

— Я не могу оставаться у васъ долго, добрѣйшая Александра Павловна, объясняла она, вздыхая,—за мною выслалъ beau frère мой лошадей на станцію прямо везти меня къ нимъ въ Сицкое, а я, вотъ видите, свернула на нихъ вмѣсто того къ вамъ, хотѣла скорѣе обнять васъ, увидѣть опять ваши милыя мѣста...

— Вы ихъ отошлите сейчасъ, а васъ потомъ наши лошади отвезутъ... — Нѣтъ, впрочемъ, перебила себя тутъ же

Троекурова и даже покраснѣла слегка,—это можетъ ихъ обидѣть, я понимаю, они вѣроятно нетерпѣливо ждутъ васъ, а мы васъ точно нарочно на дорогѣ перехватили.

— Я имъ нужна, я думаю, да, сказала на это раздумчиво дѣвушка,—и думаю даже объ этомъ со страхомъ, признаюсь вамъ, добавила она съ какою-то внезапною откровенностью,—я, ѣдучи сюда, говорила себѣ, что надо мнѣ будетъ объ этомъ именно посоветываться съ вами и Борисомъ Васильевичемъ; вы показали мнѣ оба такъ много расположенія, что я рѣшаюсь...

— Да вотъ онъ самъ, Борисъ, перебила ее хозяйка, указывая на входившаго въ гостиную мужа.

Настасья Дмитриевна быстро поднялась съ мѣста, направляясь къ нему. Онъ крѣпко, дружески пожалъ ея руки и, не выпуская еще ихъ изъ своихъ, внимательно и ласково, съ легкой улыбкой, глянулъ ей въ лицо:

— Хорошо живете? Нѣсколько пополнѣли даже, и на лицѣ ни слѣда сценическихъ передрагъ, ни же притираний, промолвилъ шутливо онъ;—очень радъ васъ видѣть, молодая особа. Объ успѣхахъ вашихъ знаю, читалъ; не сомнѣвался, впрочемъ, никогда и даже, какъ помните, благословилъ на дѣло, не смотря на оппозицію моей генеральши.

И онъ съ ласковою насмѣшливостью взглянулъ на жену, вызывая видимо въ ней этимъ какую-то радостную отвѣтную усмѣшку.

— И кончилось тѣмъ, что сама „генеральша“, засмѣялась Ларина,—помирилась съ нимъ, съ этимъ моимъ ужаснымъ дѣломъ, подчернула она тѣмъ же веселымъ тономъ.

— А теперь, Борисъ, наша милая артистка ѣдетъ въ своимъ въ Сицкое и хочетъ опять посоветоваться съ тобою о чемъ-то, успѣшила сказать ему жена.

Онъ опустился на стулъ противъ нихъ.

— И отлично; говорите, а мы будемъ слушать, барышня.

„Ахъ, какіе милые люди!“ говорила себѣ дѣвушка, вспоминая опять, что „тамъ ждетъ ее пытка“. И она торопливо, какъ бы не желая пропустить того добраго настроенія, которое побуждало ее теперь „выложить все, все“ предъ этими

„милыми людьми“, передала имъ о несогласіи, „вышедшемъ между сестрой ея и ея мужемъ“, о причинѣ этого несогласія, о „трудномъ“ характерѣ Тони, съ которымъ не одному Прову Ефремовичу не легко справиться“, о ея неожиданномъ теперь пріѣздѣ къ нему послѣ того, какъ она противъ его воли осталась одна за границей и цѣлые полгода не давала ему знать о себѣ, „точно пропала совсѣмъ, въ воду канула“.

— И вотъ что онъ мнѣ теперь пишетъ, молвила она, вынимая изъ кармана письмо шурина и протягивая его Троеурову.

Онъ пробѣжалъ его глазами, чуть-чуть невольно усмѣхаясь его своеобразной, *кутецкой* редакціи.

— Человѣкъ онъ не дурной и не глупый, этотъ вашъ beau frêre.

— Даже и очень не дурной, лучше Тони, прямо скажу, хотя она мнѣ и сестра родная, подтвердила, вздохнувъ опять, Настасья Дмитріевна.

— Я съ нимъ встрѣчался за границей въ прошломъ году. Онъ, скажу вамъ откровенно, возбуждалъ во мнѣ всегда жалость къ себѣ. Зепрегъ себя самъ конь въ короткія оглобли, длиненъ шагъ, а ходу нѣтъ, и наѣздникъ помыкаетъ имъ какъ опоенною клячей, сестрица, то-есть, ваша въ этой должности наѣздника, если позволите мнѣ такъ выразиться.

— Именно такъ! качнула головой она,—и то страшно, что въ одинъ прекрасный день конь этотъ потеряетъ терпѣніе и можетъ лягнуть такъ, что и конь, и наѣздникъ разлетятся въ дребезги.

Борисъ Васильевичъ не то презрительно, не то печально шевельнулъ плечомъ:

— Вы это что же, по *Китъ Китычамъ* Островскаго судите? Но типы Островскаго въ настоящую пору ужъ пережитой исторической моментъ. Россійскій „прогрессъ“ проникъ и до Китая-города, вупеческія дочки зачитываются Дарвиномъ, а маменьки ихъ разсуждаютъ о послѣднемъ романѣ Zola по прочтенному ими фельетону петербургской газеты, а не то даже и по оригиналу. Никто ужъ въ этомъ мірѣ по Домострою жизни своей не править, а тѣмъ паче *передовики* въ

родѣ почтеннаго Прова Ефремовича, вкусившаго всласть отъ прелестей парижскихъ бульваровъ. *Отечественный нервъ* давно ужъ у него притупился: „покуражится“, какъ выражаются они, малую толику, это еще пожалуй, а въ уздѣ все-таки останется: сестрица ваша дѣло свое знаетъ.

— Мнѣ жаль его и совѣстно за нее, проговорила уныло Ларина:—я знаю напередъ, что онъ будетъ мнѣ на нее жаловаться и просить „уговорить“ ее... Но въ чемъ уговаривать? Отказаться отъ своей и подчиниться *его* волѣ? Такъ развѣ она на это способна, если бы даже и признала это *въ принципѣ* правильнымъ? Она родилась владычицей.

Троекуровъ утвердительно качнулъ подбородкомъ. Молча внимавшая разговору Александра Павловна какъ-то жалостливо вздохнула и тихо закачала головой: есть же, моль, такія женщины.

— А если хотите принять мой совѣтъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ гостѣ, — постарайтесь отстраниться ото всякаго вмѣшательства и предоставьте имъ разобратся самимъ. Сестрица ваша во всякомъ случаѣ въ наглядѣ не останется, а онъ...

— Можетъ кончиться тѣмъ, что они разведутся, проговорила она какъ бы испуганно.

Онъ засмѣялся.

— Это опять-таки, думаю, вышло бы Антонинѣ Дмитріевнѣ на руку. Но и это едва-ли предполагать можно: въ концѣ концовъ почтенный Провъ Ефремовичъ чувствуетъ себя въ душѣ польщеннымъ имѣть женой такую *Европеику*, какъ ваша сестрица.

Она поникла головой и еще разъ вздохнула.

— А что же *вы*, вы намъ *о себѣ* расскажите, участливо заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ.

— Я все вамъ расскажу, все, когда-нибудь въ другой разъ, если позволите. А теперь я точно на иглозахъ, все думаю, что меня тамъ ждуть, беспокоятся... Я только хотѣла бы на вашу Марью Борисовну прелестную взглянуть, если можно, обратилась она къ Троекуровой.

— Я ее велю позвать сейчасъ, сказала та, протягивая руку къ пуговицѣ воздушнаго звонка у стѣны...

Но въ эту самую минуту, быстро отворяя дверь, выходявшую въ садъ, внеслась въ комнату сама Маша съ огромнымъ букетомъ ландышей въ рукѣ.

— Не дамъ, не дамъ ни цвѣточка, кричала она, полуобернувшись лицомъ къ саду, кому-то, очевидно бѣжавшему за нею; она вся запыхалась и ускороенно переводила дыханіе; широкополая соломенная шляпа ея, зацѣпившись бокомъ за дверь, съѣхала на сторону, и она со смѣхомъ сорвала ее съ головы;—можете сами нарвать, я не для васъ старалась!

— Маша! влинула ее мать.

Она быстро обернулась, прищурилась со свѣта въ сравнительную темноту комнаты.

— Ахъ, Настасья Дмитріевна! вскринула она, узнавая и видаясь къ гостѣ, —я и не знала, что вы здѣсь!

Она своимъ мужскимъ рукожатіемъ дружески, то-есть чуть не до боли, стиснула тонкіе пальцы актрисы, радостно улыбаясь ей, между тѣмъ какъ та съ нескрываемымъ восхищеніемъ любовалась во всѣ глаза ея сіяющею, молодою красотой.

— Ахъ, сколько я о васъ слышала прошлою зимой въ Москвѣ, у тети Бородиной! Тамъ кажется всѣ влюблены въ васъ, и мужчины, и женщины, всѣ въ восторгѣ отъ вашего таланта, и мнѣ такъ хотѣлось, такъ хотѣлось васъ видѣть, но мнѣ не удалось, я всего оставалась тамъ три дня, а въ это время вы не играли...

Она тутъ же обернулась на входившаго теперь, въ свою очередь, въ гостиную изъ сада молодаго человѣка и размѣялась своимъ звонкимъ, дѣвичьимъ смѣхомъ.

— Ландышей вамъ ни-ни, не стоите, а ступайте скорѣе сюда и поднесите ихъ отъ моего имени большому русскому таланту; жалую васъ въ званіе моего портъ-букетмейстера, выговорила она нарочно словно давась.

Гриша Юшковъ, нѣсколько смущенно и неловко принявъ букетъ изъ рукъ юной красавицы, передалъ его Лариной съ поклономъ и насилуванною усмѣшкой. Онъ никакъ не ждалъ видѣть ее въ эту минуту, да и вообще *здѣсь*, и его словно вольнуло, какъ это бывало каждый разъ съ нимъ при воспоминаніи объ отношеніяхъ своихъ къ Буйновымъ.

Какая-то, тутъ же впрочемъ потухшая, искорка пробѣжала и въ глазахъ актрисы. Но сматенія въ душѣ ея не подняла эта неожиданная встрѣча съ нимъ: то *прежнее* „безслѣдно“, сказывалось ей въ эту минуту, исчезло изъ души ея.

— Спасибо вамъ, моя прелестная, весело промолвила она, — и вашему *porte-présent* то же. Здравствуйте, Григорій Павловичъ.

Она протянула ему правую руку, принимая другою подносимые имъ ландыши и погружая въ нихъ лицо.

— Прелесть!... Вѣдь эти ландыши почти все равно, что ваша фотографическая карточка, Марья Борисовна, улыбнулась она, все съ тѣмъ же искреннимъ *любованіемъ* глядя на нее.

Маша комически присѣла и раскланялась.

— Вы ее окончательно испортите, закачала головой Александра Павловна:—она у насъ и такъ самонадѣянна.

— Не „надѣянна“, а „стоятельна“: са-мо-сто-я-тельна, отекавила слогораздѣльно и смѣясь дѣвушка, — спросите у Григорія Павловича.

— Самовольны, еще вѣрнѣе, отвѣтилъ онъ на это съ полусмѣшкой.

Борисъ Васильевичъ прищурился на обоихъ и какъ-то машинально, про себя, качнулъ головой въ свою очередь.

Маша искоса поглядѣла на молодого человѣка, опустила голову и слегка прикусила себѣ губу: могла бы, молъ, многое тебѣ на это сказать, да не хочу.

Настасья Дмитріевна между тѣмъ собралась уѣзжать. Она перецѣловалась еще разъ съ Троекуровой и ея дочерью, пожала руки мужчинамъ и, повторивъ, что ее ждутъ сестра и шуринъ, обѣщала „непремѣнно пріѣхать опять, какъ только обстоятельства позволятъ“, и торопливо направилась къ передней. Ее пошли провожать всѣ на крыльцо.

Александра Павловна по ея отъѣздѣ вернулась опять на свое „дежурство“ въ больному; Борисъ Васильевичъ прошелъ въ кабинетъ. Молодые люди остались на крыльцѣ, какъ бы не зная, что дѣлать и куда идти.

— Вамъ когда очередь? спросилъ Гриша.

Она подняла голову на большіе часы башенки, возвышавшейся надъ фронтономъ дома.

— Чрезъ часъ и двадцать пять минутъ;—а что?

— Такъ, я спрашиваю...

— Pour passer le temps?

— А до того времени что вы полагаете съ собой дѣлать?

Она лукаво прищурилась на него.

— Другими словами, вы желаете, чтобъ этимъ еще свободнымъ моимъ временемъ я пожертвовала вамъ?

Голосъ у него чуть-чуть дрогнулъ.

— А съ вашей стороны это будетъ „жертва?“

— Смотря какъ! Если вы общаете мнѣ быть большимъ умникомъ...

— А по-вашему что подъ этимъ понимается?

Они, между тѣмъ, какъ бы безотчетно спустившись съ крылечныхъ ступенекъ, медленно шли бокомъ-бокъ мимо фасада дома, направляясь къ калиткѣ сада, откуда за нѣсколько минутъ предъ этимъ вбѣжали въ гостиную послѣ прогулки въ самой глуби его за рѣчвой, гдѣ Маша, въ какомъ-то внезапно налетѣвшемъ на нее капризномъ настроеніи духа, молча набирала роившіеся въ изобилии подъ старыми кленами благоухающіе цвѣты, изъ которыхъ „ни одного“, какъ мы уже знаемъ, не хотѣла отдать Гришѣ, отвѣчая на его просьбы объ этомъ, что онъ „самъ нарвать можетъ, а не *сентиментальничать по-нѣмецки*“. Въ настоящую минуту настроеніе это, казалось ему, „успѣло соскочить съ нея“; но онъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и только поглядывалъ на нее осторожно избока, стараясь угадать, о чемъ именно думала она въ этотъ мигъ.

Но она молчала, оставивъ его вопросъ безъ отвѣта, и шла дальше, опустивъ глаза и вертя около губъ сорванную ею мимоходомъ вѣточку сирени.

Они вошли въ садъ подъ густолиственную сѣнь старыхъ, тихо шелестившихъ листвъ.

Она вдругъ остановилась, обернулась на него и зорко глянула ему въ лицо.

— Вы не ожидали увидѣть эту даму? спросила она быстро, какъ бы обрывая.

— Нѣтъ, нѣсколько озадаченно отвѣтилъ онъ, хотя еще только сейчасъ на крыльцѣ говорилъ себѣ мысленно, что у нея съ нимъ будетъ непременно разговоръ „объ этомъ“.

— И что же вы, ничего?

— То-есть что именно? усмѣхнулся онъ нарочно.

— Сердце не ёкнуло?

Онъ пожалъ плечомъ:

— Вы опять за то же!...

— Не нравится „тревожить язвы старыхъ ранъ“ ... У кого, бишь, это связано, не помните?

— Не помню.

Она покачала головой и засмѣялась:

— Разгнѣвались!... Какъ вамъ это не идетъ, если бы вы знали!...

— Нѣтъ, послушайте, Маша... Марья Борисовна, счелъ онъ почему-то нужнымъ поправиться, —пора наконецъ этому положить конецъ. Неужели ничего другаго не имѣемъ мы сказать другъ другу?... Неужели, поправился онъ опять, —почитаете вы своюою непременною обязанностью *донимать* меня этимъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что давно прошло, сгинуло, стаяло, какъ прошлогодній снѣгъ...

— Такъ-ли? протянула, перебивая его, дѣвушка;—послушайте, Гриша, заговорила она вѣско, какъ бы обдумывая каждое свое слово, —вы слышали, сейчасъ она говорила: сестра ея вернулась, та, ваша *прежняя*; вы можете опять съ нею встрѣтиться, она васъ опять... завертитъ, вы такой... безпомощный!

— Да что-жь это за мука, Господи! вскрикнулъ онъ тоскливо, —за кого же вы меня наконецъ принимаете!...

— Я это не для себя говорю, тѣмъ же вѣскимъ тономъ возразила она;—если-бъ *это* случилось, вы знаете, вы бы со-всѣмъ уже пропали въ глазахъ рара, да и шатап тоже; вы знаете, что и теперь... Я не знаю, какъ это сказать по-русски: il y a hésitation chez eux...

Гриша схватилъ ее за обѣ руки: онъ загорѣлся весь, глаза его блистали:

— А у васъ, Маша, у васъ, говорите, ради Бога! У васъ этой *hésitation*, этого колебанія нѣтъ, вы вѣрите въ меня?

Вѣки ея судорожно моргнули. Она не отняла рукъ своихъ и въ свою очередь глянула ему прямо въ глаза:

— Меня заслужить надо, Гриша, это вы поймите, проговорила она съ какимъ-то страннымъ смѣшеніемъ гордости и нѣжности въ звукѣ дрогнувшаго голоса и обернулась, вся заалѣвъ...

IV.

Es ist kein leerer schmeichelnder Wahn
Erzeugt im Gehirne der Thoren,
Im Herzen kündigt es laut sich an:
Zu was Besserm sind wir geboren;
Und was die innere Stimme spricht,
Das täuscht die hoffende Seele nicht.
Schiller. *Hoffnung.*

Больной угасалъ съ каждымъ днемъ. Онъ говорилъ все рѣже, все медленнѣе, все съ болѣшимъ усиленіемъ. Онъ зачастую задыхался, такъ что съ мгновенія на мгновеніе можно было ожидать *последняго*. Докторъ Өирсовъ уже не отходилъ отъ него и не допускалъ болѣе „собраться *гуртомъ*“ вокругъ его постели: „ему и такъ мало воздуха“, говорилъ онъ. Кислородъ, который давали вдыхать страдальцу, уже не облегчалъ его, какъ прежде. „Атрофія нервовъ“, объяснялъ сквозъ зубы Николай Ивановичъ... Уже былъ священникъ: исповѣдалъ и причастилъ его... Глубокое уныніе завладѣло всѣмъ домомъ: господа и люди равно скорбѣли сердцемъ о „святомъ старикѣ“, какъ называла его Анфиса Дмитриевна.

И вотъ минута настала. Утромъ, въ десятомъ часу, въ столовой только собрались къ первому завтраку, послѣшно вошла въ нее заплаканная Өирсова со словами: „Пожалуйте, желаетъ видѣть всѣхъ“.

Всѣ вскочили съ мѣстъ.

— Отходить? еле слышно, поблѣднѣвъ какъ полотно, проговорилъ Павелъ Григорьевичъ... Ноги его подвернулись отъ внезапной слабости, и онъ опять упалъ въ свое кресло.

Сынъ и сидѣвшій подлѣ него учитель Молотковъ кинулись къ нему.

— Ничего, ничего, усиленно пролепеталь онъ, стараясь улыбнуться и приподымаясь опять при ихъ помощи.

Они взяли его подѣ руки.

— Спасибо, самъ пойду, говорилъ, бодрясь, старый морякъ, и запагалъ за выбѣжавшею уже изъ столовой семьей Троекуровыхъ; но Гриша чувствовалъ, какъ тяжело опиралась на его локоть рука отца и съ какимъ замѣтнымъ трудомъ передвигалъ онъ дрожавшія отъ волненія ноги. „Господи, неужели и онъ...“ пронеслось съ ужасомъ въ мысли молодого человѣка.

Умирающій лежалъ, или, вѣрнѣе, сидѣлъ въ своей постели, съ горой подушекъ за спиной, на верхней изъ нихъ покоилась, слегка завалившись назадъ, его большая, худая голова съ широко открытыми глазами, словно въ какомъ-то пушистомъ облакѣ облежавшихъ ее какъ снѣгъ бѣлыхъ, длинныхъ и все еще кудрявившихся волосъ. На лицѣ скрывалось изнеможеніе, не мука. Потухавшій взглядъ направленъ былъ на приходившуюся прямо противъ его кровати дверь, изъ которой, притаивъ дыханіе, съ тѣмъ чувствомъ растерянности и неловкости, которое овладѣваетъ людьми въ этихъ случаяхъ, входили одинъ за другимъ друзья его проститься съ нимъ навѣки...

Николай Ивановичъ Ойрсовъ, сумрачный и важный, какимъ еще никогда не видали его, держалъ пульсъ у висти безжизненно лежавшей на бѣломъ пивейномъ одѣялѣ руки его, не отрываясь глазами въ то же время отъ стрѣлки дорожныхъ бронзовыхъ часовъ въ футлярѣ, стоявшихъ на столикѣ по другой сторонѣ кровати.

— Дорогіе мои! слышался задыхавшійся голосъ старика...

Медлительная, съ выраженіемъ какого-то таинственнаго, одному ему будто понятнаго, счастья улыбка съладывалась на его синѣвшихъ уже губахъ:

— Отхожу въ лоно Вѣчнаго, въ Творцу моему... Простите, всѣ!..

Помершіе глаза его остановились на Александрѣ Павловнѣ:

— Благословите... меня... чистая! внятно прошепталь онъ.

Она быстро подошла, подняла сложенные пальцы, широко перекрестила его и приложилась губами къ его лбу, глотая слезы, удерживая чрезъ силу душившее ее рыданіе.

— Маша, пролепеталь онъ тутъ же.

Маша, скользнувъ изъ-за плеча матери и судорожно кривя губы, припала лбомъ къ его подушкѣ, цѣлуя его сѣдые, шерстившіе нѣжныя щеки ея, волосы.

Онъ послѣднимъ усиліемъ какъ бы прижался къ ней; рука, которую онъ видимо хотѣхъ поднять надъ головой ея, съ мучительною натугой шевелила безсильными, костенѣвшими уже пальцами...

— Тамъ... *съ нею*... о тебѣ... пролепеталь онъ какъ въ бреду. Но Маша поняла: на порогѣ иной жизни это было у него все то же представленіе о какой-то идеальной связи между ею и *тою*, давно отошедшею въ вѣчность княжною Линой Шастуновой, „съ которой встрѣтится онъ тамъ...“

— За отцомъ Матвѣемъ послали? отойдя отъ постели, торопливо спрашивала между тѣмъ Александра Павловна на ухо Анфисы Дмитриевны.

Та утвердительно кивнула.

Высокій, строгаго вида священникъ входилъ въ эту же минуту въ комнату.

Окружавшіе постель разступились, давая ему пройти... Лучъ солнца, пробиваясь изъ-подъ опущенныхъ сторъ, блеснулъ на позолотѣ креста, поднятаго имъ надъ умиравшимъ...

— *Впробахъ, тѣмъ же возлагалахъ*, явственно и умиленно произнесъ тотъ.

Докторъ, не выпуская руки его изъ нажатыхъ на пульсъ пальцевъ своихъ, обвелъ окружающихъ быстрымъ, строгимъ взглядомъ: „Сейчасъ конецъ“, говорилъ этотъ взглядъ...

— Василій, братъ!.. неудержимо вскрикнулъ, роняя голову на одѣяло, Павелъ Григорьевичъ, котораго сынъ опустилъ на кресло подлѣ постели...

— Голубчикъ... прощай!.. Всѣ... простите... слышался

опять предсмертно хрипѣвшій уже голосъ старца. Мутные глаза его какъ бы старались обнять, собрать въ одинъ фокусъ эти всѣ наклонившіяся надъ нимъ милыя ему лица....

И вдругъ, словно весь озаренный неземнымъ уже восторгомъ, усиленно моргая вѣками, какъ бы отстаивая свой остатный мигъ жизни для послѣдняго завѣта:

— Да не гаснуть свѣточи въ рукахъ вашихъ!.. проговорилъ онъ и затихъ весь...

— Отходную, батюшка, шепнула Анфиса отцу Матвѣю.

— *Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Иисуса Христа, иже не хочай смерти грѣшному, но обращенія и живота, молимся и Ты дѣемъ...* полушопотомъ началъ священникъ.

— *Господи помилуй!* раздался дрожащій юношескій голосъ, голосъ Васи. Онъ стоялъ за всѣми, скрестивъ опущенныя руки и не отрываясь полными слезъ глазами отъ изнеможенного лика отходившаго, какъ бы воспринимаемая внутрь себя это зрѣлище безбоязненной, „непостыдной, мирной“ кончины...

— *Душу раба Твоего Василія отъ всякія узы разрѣши и остави прегрѣшенія ему, яже отъ юности, въдома и невѣдомая...*

Николай Ивановичъ Фирсовъ выпустилъ изъ своей руку Василія Григорьевича, поднялъ голову и перекрестился.

Всѣ единымъ движеніемъ опустили на колѣни.. Женщины зарыдали.. Все также не отрывавшіеся отъ усопшаго глаза Васи сіяли какъ двѣ звѣзды.

— Праведникъ былъ! прошепталъ какъ бы про себя отецъ Матвѣй...

Смерть брата произвела на Павла Григорьевича Юшкова поражающее впечатлѣніе, какъ ни былъ онъ приготовленъ къ ней издавна. Но самъ онъ былъ далеко не молодъ, а прежняя трудовая морская жизнь и Севастопольское сидѣніе конечно не даромъ были имъ прожиты... Его должны были на рукахъ поднять со смертнаго одра брата, на который безсильно рухнулъ онъ грудью въ минуту послѣдняго цѣлованья: у него

отнялись ноги... Докторъ увѣрялъ впрочемъ и его, и всѣхъ остальныхъ въ домѣ, что это „локальное“ и временное нервное поражение, не грозящее нисколько общему состоянію организма, и которое непременно должно уступить лѣченію электричествомъ и массажемъ, „превосходно приспособляемыми теперь наукой къ такого рода случаямъ“ (изъ Москвы поэтому поспѣшно выписанъ былъ для сего какой-то извѣстный массажеръ, а молодой, недавно поступившій въ больницу Всесвятскаго помощникомъ къ Николаю Ивановичу, врачъ, спеціально занимавшійся въ Москвѣ электротерапіей, являлся каждое утро въ комнату Павла Григорьевича пользоваться его по всѣмъ правиламъ ея), но съ женой онъ былъ болѣе откровененъ: „Въ эти годы подшибленнаго танцоромъ опять не поставишь“, говорилъ онъ со своимъ всегдашнимъ добродушнымъ шутовствомъ, — „ну, а на облегченіе все же надѣяться можно“...

Усопшаго повезли хоронить въ Углы, рядомъ съ покойною Вѣрой Ѳоминачной Юшковой. Старый морякъ, не смотря ни на какія увѣщанія доктора и Троекуровыхъ, присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи, вися на плечахъ сына и слугъ, поддерживавшихъ его съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ сѣсть въ кресло во время службы онъ ни за чтѣ не согласился... Подлѣ могилъ жены и брата онъ тутъ же велѣлъ вырыть заранѣе третью для себя, и долго не соглашался переѣхать опять во Всесвятское, какъ о томъ настоятельно просили Троекуровы и, чуть не бранясь, требовалъ Николай Ивановичъ. „Оставьте меня съ *ними* послѣдніе дни доживать“, говорилъ онъ, указывая на эти родныя ему могилы... Одно „простое разсужденіе“ Маши, какъ выражалась она, заставило его уступить. „А какъ же Гришѣ быть?“ говорила она: „вѣдь если-бъ онъ не остался съ вами въ Углахъ, я бы его *презирала*, а безъ него также мнѣ... и всѣмъ намъ“, поспѣшила она прибавить, „скучно будетъ“. Какъ ни глубоко печаленъ былъ старый морякъ, онъ не могъ не усмѣхнуться. „Противъ васъ, какъ при Нордъ-Остѣ, никакіе паруса не устоятъ“, отвѣтилъ онъ и переѣхалъ опять въ павильонъ Всесвятскаго, занявъ себѣ теперь подъ спальню именно ту комнату, гдѣ отошелъ въ жизнь вѣчную „праведникъ-братъ“...

V.

Дни, слѣдовавшіе за возвращеніемъ Троекуровыхъ и Павла Григорьевича изъ Угловъ, были тяжелы и для него, и для нихъ. Домъ съ утра до вечера былъ полонъ гостей. „Весь уѣздъ“, какъ говорится, мѣстное дворянство и земство сочли нужнымъ перебивать во Всесвятскомъ у почтеннаго старика предводителя, котораго дѣйствительно любили весьма многіе, а не уважать не могъ никто, для выраженія своихъ соболѣзнованій по случаю кончины его брата и приключившагося съ нимъ самимъ недуга. Кромѣ участія, не малое число „соболезновавшихъ“ побуждены были къ этому желаніемъ узнать, настолько-ли этотъ недугъ важенъ, чтобы заставить старика рѣшительно отказаться отъ лежавшей на немъ должности, и дѣйствительно-ли въ такомъ случаѣ вступить въ исправленіе ея, какъ подбаллотированный къ нему кандидатъ, „генералъ“ Троекуровъ, такъ упорно и въ теченіе столь долгихъ лѣтъ отказывавшійся ото всякой общественной службы. Вопросъ этотъ былъ весьма важенъ для нѣкоторыхъ явныхъ и тайныхъ уѣздныхъ честолюбцевъ и интригановъ. Свищовъ, узнавъ о случившемся, возликовалъ душой: предъ нимъ открывалось теперь обширное поле дѣйствій...

Поединокъ, устроенный стараніями его между графомъ Снядецкимъ-Лупандинымъ и Острометовымъ, въ видахъ нужнаго ему „скандала“, не перешель, какъ мы уже знаемъ, за границу предварительныхъ переговоровъ. Посланный исправникомъ становой для отобранія отъ противниковъ подписки о томъ, что они драться не будутъ, получилъ отъ обоихъ эти

подписки безъ малѣйшаго возраженія. Графъ счелъ только нужнымъ пожать плечомъ, какъ бы говоря: „нѣмѣю предъ закономъ“, а Степа не то надменно, не то иронически усмѣхнулся и, уронивъ сквозь зубы: „я крови этого господина не жажду“, — предложилъ становому водки. Вышла совсѣмъ не та „картина“, какую, затѣвая эту *исторію*, рисовало себѣ пыльное воображеніе „московскаго браво“. Но онъ не даромъ возился съ парижскимъ театральнымъ міромъ и заимствовалъ отъ драматурговъ его способность строить интригу „на кончикѣ иголки“. Имѣющимъ подъ рукой данныхъ достаточно ему было для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія „политико-бытовой драмы“, какъ говорилъ онъ самъ себѣ, заранѣе потѣшаясь веселымъ зрѣлищемъ, которое должна была она доставить ему. Пущены были прежде всего, и довольно ловко, весьма неясные, имѣвшіе подать поводъ самымъ обильнымъ вариантамъ, слухи о *чемъ-то*, происшедшемъ между молодымъ владѣльцемъ Борисова и наслѣдникомъ старушки Лупандиной, петербургскимъ графомъ, пріѣхавшимъ-де нарочно съ цѣлью присвататься къ дочкѣ генерала Троекурова; говорилось даже, что самъ „генераль“ *выписалъ* означеннаго графа изъ Петербурга, но что дочкѣ его весьма естественно нравится не графъ, а болѣе его юный Степанъ Гавриловичъ; — и что изъ этого *все и вышло*. Но о томъ, въ чемъ именно состояло это „все“, шла большая разногласица: большинство толковало о дуэли, но обыватели духа болѣе мрачнаго и уѣздныя кумушки утверждали, что Степа „со своею пьяной компаніей“ собрался *поджечь* своего „ривала“ и подѣхалъ къ нему ночью на „четырёхъ тройкахъ“ съ цѣлью привести этотъ „ужасный замыселъ“ въ исполненіе, но графъ и гостившій у него въ то время Свищовъ, еще не спавшіе въ эту минуту, выбѣжали-де встрѣчать враговъ и стрѣляли въ нихъ „изъ револьверовъ“, вслѣдствіе чего тѣ постыдно обратились въ бѣгство... Самъ Свищовъ, рыскавшій теперь по уѣзду въ видахъ пропаганды привезеннаго имъ изъ Петербурга проекта желѣзной дороги, когда спрашивали его про *эту „исторію“*, облакался въ самую непроницаемую таинственность и ограничивался однимъ отвѣтомъ: „Во всякомъ случаѣ до тра-

гического не доходило еще.“ *Враги* со своей стороны никуда не казали глазъ, сидѣли дома безвыѣдно: графъ, занимаясь повѣркой старыхъ счетовъ и инвентаря унаслѣдованнаго имъ имѣнiя, а Степа Говорилловъ за лѣпкой изъ воска статуетки-шаржа, изображавшей его „ривала“ въ видѣ стрекозы въ мундирномъ фракѣ, съ перомъ за ухомъ, въ просительной позѣ, съ протянутою въ рукѣ бумагой, на которой начертано было: „Une demoiselle à marier“ *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлена была Свищовымъ „со всевозможными предосторожностями“, то-есть переписанная рукой какого-то дьячка, корреспонденція на имя прiятеля своего, нѣкоего Клейна, моковскаго агента газеты *Призывъ*. Этотъ Клейнъ, ловкiй и беззащитный малый, примѣняя вполне „образцовые порядки европейской печати“ къ порученной ему службѣ „отечественному *Таймсу*“ (руководители *Призыва* иначе и не разумѣли своего листа какъ „русскимъ *Times*“), умѣлъ обратить это агенство въ очень выгодную для себя оброчную статью. Онъ отыскивалъ и поставлялъ газетѣ корреспонденціи изъ всѣхъ угловъ Россiи, платя писавшимъ ихъ по три и оставляя себѣ двѣ изъ полныхъ пяти копѣекъ, платимыхъ за строку газетой. Эти двѣ копѣйки шли ему „за просмотръ“ и *ядовитость*, которую обязанъ онъ былъ подпускать въ тѣ изъ этихъ корреспонденцій, добродушные составители которыхъ не успѣвали еще воспрiять себѣ въ плоть и кровь требуемый „оппозиціонный тонъ“. Но въ недостаткѣ „сметки“, какъ извѣстно, менѣе всего можно обвинить русскихъ людей, особенно послѣдней формаціи. Незлобивѣйшіе изъ легіона корреспондентовъ *Призыва* такъ изловчались въ самомъ скоромъ времени напускать надлежащаго „оппозиціоннаго яда“ въ свои писанія, что всѣ они до одинаго представлялись читателю какъ бы писанными одною рукой, сообщались-ли въ нихъ извѣстія изъ Архангельска или Эривани, изъ Екатеринбургa или Бреста-Литовскаго, и о чемъ бы ни говорили они: о рыболовствѣ или о конокрадствѣ, о самоубійствѣ гимнази-

*) По-французски, какъ извѣстно, *дѣвица* и *стрекоза* называются равно „demoiselle“.

ста IV класса, не выдержавшаго экзамена изъ греческаго языка, или о тонкорунныхъ овцахъ въ Новороссійскомъ краѣ. Державшему главный камертонъ агенту оставалось такимъ образомъ просматривать эти вымуштрованныя, какъ солдаты на плацу, одна подъ одну строки съ улыбкой достодожднаго одобренія и упрятывать въ карманъ свои двѣ копѣйки безъ дальнѣйшаго труда... Свищовъ, умѣвшій при случаѣ „жертвовать малымъ для большаго“, предоставилъ пріятелю получить и всѣ пять за доставляемое имъ въ газету чрезъ его посредство „Письмо изъ ***каго уѣзда“, прося только „доставить ему скорѣе мѣсто въ нашемъ уважаемомъ органѣ“. Онъ жадно вскрывалъ теперь у Троженкова или графа Петра Капитоновича, у которыхъ попеременно гостилъ въ это время, бандероли нумеровъ обоими или получаемаго *Призыва*, но не находилъ пока въ нихъ своей корреспонденціи и начиналъ беспокоиться.

Объ „исторіи“ какимъ-то глухимъ эхомъ дошло и до Всесвятскаго, но въ домѣ были такъ поглощены заботой объ умиравшемъ Василии Григорьевичѣ, что она, какъ говорится, „прошла мимо ушей“ у всѣхъ. Самъ Николай Ивановичъ Эйрсовъ, котораго Троеуоровъ называлъ „ходячею газетою“, не обратилъ на нее никакого вниманія. Онъ былъ поэтому очень удивленъ, когда однажды утромъ, нѣсколько дней послѣ похоронъ старика, возвращаясь изъ павильона послѣ обычнаго своего утренняго визита Павлу Григорьеву (ноги котораго находились въ томъ же безжизненномъ состояніи), нашелъ у себя Владиміра Христіановича Пеца, который, быстро поднявшись со стула, подошелъ къ нему съ какою-то газетною вырѣзкой и со словами:

— Прочтите-ка, Николай Ивановичъ, только-что въ письмѣ изъ Петербурга отъ брата получилъ; чтѣ за мерзость!

Эйрсовъ вздѣлъ на носъ *pinse-nez* и протянулъ руку.

— Откуда это?

— Изъ *Призыва*, само собою; если ложь и клевета, такъ ужъ само собою тамъ!

Онъ принялся читать:

Изъ ***аго уѣзда (*отъ нашего корреспондента*). Въ нашемъ богоспасаемомъ, съ немалыми претензіями на „аристократизмъ“, углу (въ которомъ, впрочемъ, дѣйствительно многіе держатся еще упорно затхлыхъ понятій и склада жизни *добрыхъ* вѣрнопостническихъ временъ) чуть не состоялось на дняхъ нѣчто обѣщавшее повести за собою довольно печальныя, быть можетъ, послѣдствія, но къ счастью кончившееся пока ничѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, очень малымъ, какъ говорится, благодаря внимательству нашей уѣздной полиціи. Объ этомъ весьма загадочномъ впрочемъ до сихъ поръ происшествіи весьма много толкуютъ по здѣшнимъ вѣсямъ. Въ общихъ чертахъ дѣло сводится къ тому, что между двумя весьма состоятельными, принадлежащими къ фалангѣ крупныхъ нашихъ землевладѣльцевъ лицами, изъ которыхъ одинъ еще очень молодъ, а другой постарѣе и гораздо чиновнѣе, должна была произойти на дняхъ кровавая встрѣча, главную причину которой слѣдуетъ, какъ увѣряютъ, искать въ амурномъ совмѣстничествѣ. *Amour, tu perdis Troie!* сказалъ не даромъ французскій поэтъ. Предметомъ страсти обоихъ нашихъ уѣздныхъ рыцарей называютъ нѣкую молодую особу, дочь одного господина, занимающаго, такъ сказать, первую ступень нашей локальной іерархической лѣстницы и держащаго себя, въ силу ранга своего и богатства, чѣмъ-то въ родѣ божва или венгерскаго магната. Не вѣстно, насколько дѣйствительно поощрала вельможная дѣвица исканіе того или другаго изъ двухъ претендентовъ на ея руку, если и не обоихъ разомъ, такъ какъ и это бываетъ иногда въ обычаѣ прекраснаго пола. Но видно однако, что каждый изъ рыцарей нашихъ почиталъ себя въ правѣ рассчитывать на взаимность этой новой Елены Троянской, вслѣдствіе чего положили они рѣшить оружіемъ вопросъ о томъ, чье изъ нихъ чело должна окончателно наградить вѣнкомъ *la dame de leurs pensées*. День и часъ поединка былъ уже назначенъ, когда, какъ говорятъ, отецъ прекрасной, узнавъ случайно объ этомъ, успѣшилъ обратиться, къ кому слѣдуетъ, перепугавшись скандала, невыгоднаго во всякомъ случаѣ для дочери его и его самого. Отъ соперниковъ отобраны были надлежащія въ сихъ случаяхъ „подписки“; тѣмъ и кончилась эта тра-

ги-комедія, о которой упоминаю здѣсь ради отсутствія всякихъ у насъ иныхъ, заслуживающихъ дѣйствительнаго интереса извѣстій. Въ такой странѣ, какъ наша (эти строки пристегнуты были сюда, въ видахъ все того же „общаго тона газеты“, уже рукою самого *ядовитого* агента Клейна), гдѣ общественная жизнь лишена всякихъ серьезныхъ задачъ, и мыслящія существа обречены влачить почти животную жизнь; и такого рода, увы, жалкія приключенія какихъ-то двухъ вздыхателей, собиравшихся уничтожить другъ друга, по преданіямъ давно отжитыхъ временъ, изъ-за прекрасныхъ глазъ своей синьоры, могутъ, за неимѣніемъ лучшаго, служить предметомъ оживленныхъ толковъ въ этихъ нашихъ забытыхъ прогрессомъ „палестинахъ“!

Фирсовъ нервно сощелкнулъ пальцемъ *pinse-nez* съ переносицы и швырнулъ вырѣзку на-земь:

— Это изъ Троженевскаго Быкова идетъ! гадливо вымолвилъ онъ:—негодяй!... Не въ первый разъ отъ него эти пакости!

— Раздавить бы его въ ступѣ за это! пылко воскликнулъ въ негодованіи своемъ Пецъ.

— Стрихнина бы я ему за такую штуку въ рецептъ прописалъ, заявилъ со своей стороны комически докторъ,—да въ Сибирь, пожалуй, за то погонять дураки присяжные, а у меня и рука бы не дрогнула, ей Богу: міръ отъ зловерднаго бы животнаго избавилъ... Ну-съ, а только вотъ что: надо, чтобъ эта мерзость не дошла какъ-нибудь до Бориса Васильевича.

— Откуда же дойдетъ? газеты этой онъ не получаетъ, а мы съ вами докладывать ему объ этомъ конечно не станемъ.

Докторъ поднялъ съ пола вырѣзку и принялся опять ее читать:

— „Претендатели!“ Разумѣются тутъ само собою этотъ пѣвецъ цыганствующій и графъ изъ петербургской министеріи... И этимъ будто чучеламъ наша Марья Борисовна надежды подавала! Станетъ она, такая краля! Да и разъ-то всего на всего и видѣла она ихъ.

— А что у нихъ что-то вышло, объ этомъ ужъ нѣсколько дней толки идутъ, замѣтилъ Владиміръ Христіановичъ.

— Слышалъ, можетъ, что и вышло дѣйствительно, такъ причеъ же тутъ Марья Борисовна! Да они, чортъ ихъ дери, понастоящему-то не то что думать о ней, а подошвы ея лизать не должны смѣть, выходя уже совсѣмъ изъ себя всликнулъ толстякъ, все болѣе и болѣе разгораясь негодованіемъ.

— О комъ это вы? раздался за его спиной голосъ вмѣстѣ съ шумомъ отворившейся двери, и въ комнату вошелъ Борисъ Васильевичъ Троекуровъ.

Докторъ такъ растерялся, что не способенъ былъ произнести ни единого слова въ отвѣтъ, и торопливо и неловко закинулъ за спину руку съ корреспонденціей *Призыва*.

— Здравствуйте, Владиміръ Христіановичъ, коротко проговорилъ вошедшій, подавая Пецу руку и обращаясь къ доктору:— я къ вамъ зашелъ за какими-то каплями, которыя вы обѣщали женѣ.

— Ахъ да, да, виновать, необычайно засуетился тутъ же докторъ, видимо ужасно обрадованный этою *диверсіей*:— нарочно вѣдь домой пришелъ за ними... да вотъ засталъ пріятеля и заболтался... Сейчасъ, сейчасъ, онѣ у меня тутъ въ аптечкѣ.

И онъ засѣменилъ своими короткими ножками по направленію сосѣдней комнаты.

— Погодите, остановилъ его на-ходу Троекуровъ, — что это у васъ за бумажка въ рукѣ?

— Ка... какая бумажка? заикнулся тотъ во весь ротъ.

— Да вотъ эта, кусочекъ газеты какой-то.

— Это... ничего, такъ, ничего не значащій клочекъ, пробормоталъ опять докторъ.

— Дайте мнѣ его сюда; разъ напечатано, секрета тутъ быть не можетъ, съ улыбкой, но настойчивымъ, не допускавшимъ возможности отказа тономъ, выговорилъ Троекуровъ.

Печь даже поблѣднѣлъ весь. Голосъ Николая Ивановича Ойрсова застоналъ какою-то дѣтскою фистулой.

— Ваше превосходительство! Борисъ Васильевичъ! Не читайте, ради Бога! Не стѣдтъ, влянусь вамъ!

— Дайте сюда, я знаю, что это.

Онъ былъ совершенно спокоенъ, только блѣдные глаза у

него, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, моргали усиленнѣе обыкновеннаго.

Онъ только-что получилъ письмо отъ Пужбольскаго... Пламенный князь дней за десять до смерти старика Юшкова уѣхалъ въ Петербургъ, по дѣлу залога послѣдняго своего имѣнія въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и, встрѣтивъ тамъ какія-то затрудненія, сообщалъ о нихъ другу, прося совѣта; въ заключеніе же едва разборчиво, видимо отъ волненія, водившаго перомъ его въ эту минуту, приписывалъ слѣдующее (письмо разумѣется писано было по-французски):

„Мнѣ говорили въ одной гостиной объ одной корреспонденціи изъ вашихъ мѣстъ, касающейся между прочимъ тебя и твоихъ. Я прочелъ и еще весь дрожу. Дорого бы далъ, чтобы знать имя автора и наклеить ему это пакостное писанье посредствомъ оплеухи на харю (*et lui coller son infâme libelle au moyen d'un soufflet sur la face*)“.

„Libelle“ этотъ очевидно для Троекурова заключался именно въ томъ влочеѣ газеты, который докторъ держалъ въ рукахъ, и о немъ разсуждали домочадцы его въ ту минуту, когда онъ входилъ въ комнату.

Онъ взялъ вырѣзку изъ дрожавшихъ пальцевъ Оирсова, поднесъ ее къ глазамъ, съ какою-то безсознательною безразличностью поведя при этомъ поджавшимися губами, и прочелъ до конца. Ни одинъ мускулъ не шевельнулся въ эго лицѣ, только само оно стало страшно блѣдно...

— Такъ дайте же капли, пожалуйста, такъ же невозможно произнесъ онъ, протягивая руку съ печатными строками, которыя возвращалъ ему.

Но докторъ, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами, уже мчался въ другую комнату, откуда вылетѣлъ чрезъ мигъ опять съ требуемымъ въ зажатыхъ пальцахъ руки.

— Вотъ-съ; чрезъ два часа по десяти капель. Я говорилъ Александрѣ Павловнѣ, и женѣ тоже, чтобы въ темномъ мѣстѣ пузырекъ держали, отъ свѣта портятся.

— Спасибо! сказалъ Борисъ Васильевичъ, кивнулъ въ видѣ поклона и вышелъ.

Управляющій заводомъ чуть не восторженнымъ взглядомъ поглядѣлъ ему вслѣдъ:

— Воля надъ собою у человѣка какая! Видѣли, вѣдь бровью не шевельнул!

Докторъ озабоченно качнулъ головой.

— Да-съ, а въ душѣ-то этой его гордой что дѣется теперь... Подлецы! вскрикнулъ онъ, харкая во весь ротъ въ вырѣзку изъ газеты *Призывъ*, выпавшую изъ руки Троекурова, неистово топча и растирая ее ногой...

Борисъ Васильевичъ шелъ по двору изъ флигелька, занимаемаго докторомъ, по направленію къ павильону Павла Григорьевича Юшкова, съ которымъ оставилъ жену, нарочито замедляя шаги, чтобы дать остыть нѣсколько первому наипу хватившаго его негодованія. Безполезно, чтобы кто-нибудь догадывался, что онъ въ данную минуту тѣмъ или другимъ взволнованъ,—стояло первымъ правиломъ въ его житейскомъ обиходѣ, а болѣе всего съ этой стороны боялся онъ нѣжной душевной чуткости Александры Павловны, угадывавшей всегда какимъ-то тончайшимъ инстинктомъ все, что происходило въ немъ.

Быстро приближавшійся лошадиный топотъ заставилъ его поднять глаза и обернуться.

Къ крыльцу подѣзжалъ на взмыленной тройкѣ небольшой тарантасъ съ кѣмъ-то сидѣвшимъ въ немъ въ форменныхъ пальто и фуражкѣ. Троекуровъ узналъ не очень еще давно назначеннаго въ уѣздъ исправника, майора Ипатьева, съ которымъ впрочемъ онъ имѣлъ уже случай познакомиться.

Майоръ, узнавъ его въ свою очередь, вылѣзъ изъ своего экипажа и направился не спѣша къ нему, учтиво прикладывая въ то же время руку къ козырьку.

Его сдержанные приемы и нѣсколько строгій видъ нравились Борису Васильевичу. Къ тому же онъ былъ *Кавказецъ*, почти товарищъ. Онъ радушно протянулъ ему руку:

— Очень радъ видѣть васъ у себя... Хотя, примолвилъ онъ съ ласковою улыбкой,—я едва-ли ошибусь, предполагая, что на сей разъ удовольствіемъ видѣть васъ я обязанъ гораздо

болѣе желанію вашему навѣстить нашего дорогаго больнаго, чѣмъ меня и моихъ собственно.

— Я, дѣйствительно, отвѣтилъ не смущаясь исправникъ, — желалъ узнать лично о состояніи здоровья Павла Григорьевича... Но мнѣ тѣмъ болѣе пріятно...

Онъ поклонился.

Они пожали еще разъ другъ другу руки.

— А я тѣмъ болѣе радъ вамъ, началъ затѣмъ Борисъ Васильевичъ, — что думалъ самъ на дняхъ ѣхать въ городъ, чтобы поговорить съ вами объ одномъ... обстоятельстве.

— Всегда къ услугамъ вашего превосходительства, проговорилъ на это нѣсколько официально тотъ.

Троекуровъ взялъ его подъ руку:

— Павелъ Васильевичъ живетъ въ павильонѣ, въ саду; я васъ проведу, а по пути потолкуемъ.

— Сдѣлайте милость!...

— Въ одной петербургской газетѣ помѣщена на дняхъ корреспонденція изъ нашихъ мѣстъ, въ которой передается о дуэли, предполагавшейся якобы быть между двумя здѣшними землевладѣльцами и которая остановлена была своевременнымъ распоряженіемъ уѣздной полиціи, то-есть, вами.

— Знаю-съ, читалъ, сказалъ коротко исправникъ.

— А!.. Признаете-ли вы, что фактъ этотъ вѣренъ?

— Не солгу, вѣренъ, отвѣтилъ не сейчасъ исправникъ.

— Говорится тамъ дальше, что полиція, то-есть, вы же опять, извѣщены были объ этомъ *фактъ* отцомъ той особы, изъ-за которой будто бы должна была произойти эта дуэль. И это вѣрно?

— Безстыднѣйшая ложь! вскрикнулъ на это майоръ, быстро поднимая на собесѣнника своего вопрошающіе и какъ бы даже нѣсколько испуганные глаза.

Троекуровъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Изъ тона вашего отвѣта не трудно понять, что вы заключающійся въ этой корреспонденціи болѣе чѣмъ прозрачный намекъ на этого отца и дочь отнесли по настоящему его адресу. Это избавляетъ меня отъ необходимости объяснять вамъ,

почему счелъ я себя въ правѣ обратиться къ вамъ съ настоящими моими вопросами.

— Это грязныхъ рукъ дѣло, Борисъ Васильевичъ! вырвалось какъ-бы невольно у „майора съ Балканъ“.

Новая, горькая усмѣшка скользнула по губамъ бывшего Кавказца:

— И не въ нашей власти казнить ихъ за это,—таково положеніе вещей у насъ! пропустилъ онъ сквозь сжатые зубы.— Позвольте еще одинъ вопросъ... послѣдній, примолвилъ онъ.

— Извольте...

— Считаете-ли вы возможнымъ сказать мнѣ, изъ какого именно источника получили вы свѣдѣніе о томъ, что предполагается эта дуэль? Именъ имѣвшихъ драться я не спрашиваю: они всему уѣзду извѣстны.

Игнатьевъ еще разъ поднялъ на него глаза.

— Нѣтъ, Борисъ Васильевичъ, отвѣтилъ онъ, подумавъ:— я полагаю, что обязанности мои не даютъ мнѣ на это права.

Троекуровъ одобрительно кивнулъ:

— Да, вы честный чеговѣкъ, и другаго отвѣта я не долженъ былъ ожидать отъ васъ... Но вотъ что я вамъ скажу, добавилъ онъ неожиданно, пристально воззрѣвъ самъ теперь въ лицо своего собесѣдника: — вы презираете того... или *тѣхъ*, подчеркнулъ онъ,—къмъ доставлено вамъ это свѣдѣніе.

Исправникъ не отвѣчалъ, но что-то дѣйствительно презрительное сказалось на мигъ на его серьезномъ и блѣдномъ лицѣ.

VI.

Тяжелы были живому, дѣятельному старому моряку недвижность и бездѣйствіе, на которыя былъ онъ облеченъ своимъ недугомъ. Еще тяжелѣе, быть можетъ, отзывалась въ душевной глубинѣ его смерть нѣжно любимаго брата и сознаніе, что и для него самого съ потерей ногъ наступало „начало конца“. Но тѣмъ спокойнѣе, тѣмъ *безтревожнѣе* старался онъ являть себя въ глазахъ другихъ. Онъ, улыбаясь, чуть не весело привѣтствовалъ входившаго къ нему съ хозяиномъ дома исправника, сидя у открытаго окна въ выписанномъ для него изъ Москвы креслѣ о двухъ колесахъ, съ накинутымъ ему на колѣни Александрой Павловной, въ огражденіе отъ сквознаго вѣтра, пледомъ.

— Здравствуйте, майоръ, очень радъ; спасибо, что не были инвалида... Да-съ, вотъ видите, какъ подрѣзало, указалъ онъ на свои ноги, протягивая ему руку и сжимая пальцы ему до боли.

Ипатьевъ чуть-чуть поморщился даже.

— По рукѣ судя, сила не преминетъ вернуться вамъ и въ ноги скоро, усмѣхнулся онъ слегка, почтительно кланаясь въ то же время Александрѣ Павловнѣ и дружелюбно Грипшѣ, сидѣвшимъ на низенькомъ диванѣ подлѣ недужнаго.

— Дай Богъ, дай Богъ, какъ бы небрежно проговорилъ тотъ, — а только полагаю, что данный мнѣ непрошенно отдыхъ отъ службы слѣдуетъ мнѣ разумѣть, какъ безсрочный отпускъ... Я уже подаль формальное заявленіе объ увольненіи моемъ отъ должности...

— Знаю-съ... Въ исправленіе ея, значить, вступить его превосходительство? указалъ глазами исправникъ на Троекурова.

— Не надолго, сказалъ тотъ:—я подаю со своей стороны заявленіе о болѣзни... Пусть бремя власти, усмѣхнулся онъ,—падетъ на молодья плечи нашего депутата отъ дворянства, здѣь предстоящаго,—и онъ кивнулъ на Гришу. — пусть работаетъ на пользу общую.

Давно уже и Троекуровъ, и Павелъ Григорьевичъ, никогда впрочемъ не стовариваясь объ этомъ другъ съ другомъ, питали желаніе видѣть Гришу преемникомъ отца въ должности предводителя ихъ уѣзда. Состоя депутатомъ отъ дворянства уже второе трехлѣтіе, онъ въ прошлые выборы (за три безъ малаго года до настоящаго момента нашего разсказа) долженъ былъ быть подбаллотированъ кандидатомъ къ отцу, но предъ самыми выборами принужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ, какъ и въ настоящемъ году, по дѣламъ своего процесса,—и Троекуровъ принужденъ былъ согласиться на баллотированіе самого его въ эту должность, чтобы не дать враждебной партіи возможности провести имѣвшагося у нея своего кандидата (съ тѣхъ поръ умершаго), въ лицѣ нѣкоего отставнаго подполковника Нахгольца, завѣдомаго пьяницы, но „господина“, державшагося за то самыхъ „современныхъ убѣждений“, что и требовалось его сторонникамъ. На ожидавшихся нынѣшнюю осень выборахъ Павелъ Григорьевичъ (это было рѣшено уже давно) долженъ былъ окончательно отказаться отъ баллотированія, а Борисъ Васильевичъ предложить на его мѣсто Гришу, выборъ котораго былъ обезпеченъ, такъ сказать, напередъ при томъ большинствѣ, которымъ до сихъ поръ располагала партія „охранителей“, какъ называли ее Троженовъ и К°. Въ виду этого теперь представлялось совершенно умѣстнымъ, чтобы, за выходомъ въ отставку отца его и отказомъ его кандидата, Григорій Павловичъ вступилъ въ отправленіе предводительской должности и имѣлъ такимъ образомъ случай заявить о себѣ на дѣлѣ заранѣе, нѣсколькими уже мѣсяцами службы въ ней, имѣвшему избрать его окончательно дворянству.

Исправникъ видимо понялъ эту комбинацію и какъ бы одобрительно качнулъ головой, но ни слова не сказалъ при этомъ. Ни Павелъ Григорьевичъ, ни Троекуровъ со своей стороны не нашли нужнымъ продолжать на эту тему. Разговоръ примолкъ.

Въ дверяхъ въ эту минуту показался слуга съ добладомъ.

— Графъ Лупандинъ пріѣхали; спрашиваютъ, могутъ-ли видѣть господина предводителя.

— Охъ, ужъ эти мнѣ визиты сожалѣнія! досадливо морщась, воселькнулъ старикъ, тутъ же смущенно поведя взглядомъ на Ипатьева, и поспѣшно протянулъ ему руку:—*вамъ* я искренно радъ, а тутъ человѣкъ, котораго я едва знаю, петербургской породы..

Троекуровъ обернулся къ слугѣ:

— Скажи, что Павелъ Григорьевичъ утомлены, принять не могутъ.

Слуга было двинулся итти и вернулся:

— Они спрашивали также на счетъ вашего превосходительства и генеральши...

Александра Павловна поднялась съ мѣста:

— Я пойду сейчасъ, Борисъ, въ домъ...

— Безполезно! проговорилъ онъ властнымъ, рѣзкимъ голосомъ. Глаза его мгновенно блеснули своимъ давнишнимъ, стальнымъ блескомъ.

Она недоумѣло, почти испуганно воззрившись въ него.

Но онъ уже усмѣхался слегка дрожавшими, показалось ей, губами:

— Не лишайте насъ вашего пріятнаго общества, проговорилъ онъ съ насильованною шутливостью;—мы всѣ васъ объ этомъ просимъ, не такъ-ли, господа? обратился онъ къ старому моряку и Ипатьеву.

— Само собою! добродушно засмѣялся Павелъ Григорьевичъ.

Исправникъ повелъ головой внизъ, искоса взглянувъ на Троекурова: онъ еще болѣе, чѣмъ Александра Павловна, имѣлъ основаніе не разумѣть какъ шутку слышанное имъ сейчасъ.

— Скажи, что извиняются, не принимаютъ, взглянулъ еще

разъ Троекуровъ на слугу, кивнулъ и, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то вдругъ, вышелъ за нимъ изъ комнаты, затворивъ за собою дверь.

— И когда бы этотъ господинъ ни прїѣзжалъ, говорить тоже: не принимаютъ... А также если... другой этотъ... господинъ Острометовъ... прїѣхалъ бы, тоже не принимать. Понимаешь?... И другимъ скажи, чтобы ни генеральштѣ, ни мнѣ никогда объ нихъ не докладывали.

— Слушаю-съ, выговорилъ слуга, робко потупляя глаза предъ „страшнымъ“, чувствовалось ему въ эту минуту, взглядомъ барина.

Борисъ Васильевичъ вернулся въ комнату.

Александра Павловна, слегка поблѣднѣвшая, жадно, но осторожно слѣдила за нимъ изъ-подъ вѣкъ, опущенныхъ на кусокъ канвы, по которому водила она иглой. Гриша въ свою очередь, безмолвный и сосредоточенный, старался объяснить себѣ, „что все это должно было значить“. Предводитель и исправникъ вели бесѣду о какомъ-то новомъ случаѣ вонокрадства, при которомъ еще разъ судъ оправдалъ преступниковъ.

Троекуровъ, уже совершенно овладѣвшій собою, вмѣшался въ разговоръ.

Но не прошло пяти минутъ, какъ тотъ же слуга вошелъ съ новымъ докладомъ хозяйкѣ дома:

— Госпожа Ларина прїѣхали.

— Ларина? повторилъ недоумѣло Павелъ Григорьевичъ.

— Это Настенька, Настасья Дмитріевна Буйносова, ея театральная фамилія, поспѣшно объяснила Александра Павловна. И глаза ея вопросительно обернулись на мужа. — Что же, ее принять, или не принять?

— Да, да, вспомнилъ... Я бы радъ былъ ее видѣть, вскрикнулъ Павелъ Григорьевичъ, — интересная особа, знаете! прибавилъ онъ по адресу Ипатьева.

— Такъ ее, если желаете, можно попросить сюда къ вамъ, живо отозвался на это Троекуровъ, взглянувъ въ свою очередь на жену какъ-бы съ отвѣтомъ: — это совсѣмъ другое дѣло!

— Я приведу ее сейчас!

И она, какъ-то радостно торопясь, вышла принимать гостью.

Настасья Дмитриевна была видимо тронута приемомъ, который былъ сдѣланъ ей старымъ морякомъ. Она знала, какъ въ оны дни недружелюбно относился онъ ко всей семьѣ ея, помнила, что при первой встрѣчѣ ея съ нимъ здѣсь, во Всесвятскомъ, не смотря на всю повидимому любезность, съ которою онъ говорилъ съ ней, онъ, казалось ей тогда, только перемогалъ въ себѣ внутреннее чувство враждебности къ ней, *Буйносовой*, изъ-за дружбы и уваженія къ хозяевамъ дома, дружески принявшимъ ее подъ свой кровъ. Теперь чувствовалось ей совершенно иное. Онъ съ какою-то почти нѣжною внимательностію говорилъ съ нею, спрашивалъ объ ея „артистической дѣятельности“, поощрялъ ее на „дальнѣйшіе успѣхи“, какъ бы совершенно позабывъ о той брезгливости, съ которою въ ту первую встрѣчу ихъ выражался о „грязи, которую придется ей видѣть“ на избираемомъ ею поприщѣ. Но она ошибалась: почтенный старецъ, именно потому, что помнилъ, чтò говорилъ ей тогда, старался „заставить ее теперь забыть объ этомъ“... Опухшіе старческіе глаза его съ какимъ-то особымъ выраженіемъ мягкости и ласки глядѣли на дѣвушку, такъ бодро выносившую свою дѣвичью честь и достоинство сквозь „рифы и скалы“, невзгоды и соблазны своей тяжелой карьеры...

Исправникъ между тѣмъ собрался уѣзжать, отказавшись рѣшительно отъ приглашенія хозяевъ остаться обѣдать. Гриша пошелъ проводить его.

— А Марья Борисовна? спросила Ларина по ихъ уходѣ.

Маши не было дома; она уѣхала верхомъ верстъ за десять отъ Всесвятскаго, къ больной женѣ одного знакомаго ей священника, которой повезла стеклянку лѣкарства, предписаннаго ей докторомъ Фирсовымъ.

— Чтò же у васъ, милая, въ Сицкомъ? спросила вполголоса Александра Павловна гостью.

Та слегка усмѣхнулась.

— Ничего... Лучше, чѣмъ я думала, примолвила она чрезъ

мигъ и громко, какъ бы говоря этимъ, что она готова на полную откровенность предъ *всѣми ими*, такъ явно доброжелательными ей людьми.

— Я не ошибся, усмѣхнулся Троекуровъ,—предсказывая вамъ заранѣе, что почтенный Провъ Ефремовичъ впряжется опять въ свои оглобли.

— Почти, ухмыльнулась она опять.—Онъ, впрочемъ, какой-то странный: очень мнѣ обрадовался и съ первыхъ же почти словъ объявилъ мнѣ, что хочетъ „*много по души*“ мнѣ рассказать,—но такъ во все время, пока я тамъ была теперь, ничего не рассказалъ и даже, какъ я могла замѣтить, избѣгалъ случаевъ остаться со мной наединѣ.

— Какъ и слѣдуетъ, подтвердилъ кивкомъ Троекуровъ:—смирился... и хорошо сдѣлалъ, примолвилъ онъ не то иронически, не то серьезно.

— Онъ, узнавъ о вашемъ несчастіи, обратилась Ларина къ старику Юшкову,—на другой же день послѣ похоронъ брата вашего поѣхалъ къ вамъ въ Углы, но уже не засталъ васъ и теперь собирается опять...

Она запнулась и какъ-то вдругъ примолкла.

— Что же, я очень радъ, онъ человекъ хороший, Провъ Ефремовичъ, сказалъ какъ бы поощрительно Юшковъ.

— Онъ хотѣлъ бы также и васъ, и Александру Павловну видѣть, заговорила опять та, поднявъ на хозяевъ будто чего-то робѣвшіе глаза.

— Мы съ нимъ давно знакомы, сказалъ Троекуровъ:—добро пожаловать!..

Настасья Дмитріевна опять помолчала: она видимо чѣмъ-то затруднялась...

— Вотъ видите, рѣшилась она наконецъ выговорить:—Прова до сихъ поръ знали всѣ здѣсь, какъ холостаго человека, а потомъ онъ женился, уѣхалъ съ женой за границу и вернулся сюда опять безъ нея... Но она теперь пріѣхала, будетъ жить съ нимъ здѣсь... Онъ бы желалъ повести ее во всѣмъ знакомиться...

Александра Павловна бессознательно качнула головой, не-

вольно какъ бы одобряя законное чувство мужа, стремящагося „поставить жену на настоящій путь“.

Ларина замѣтила это движеніе и видимо обрадовалась.

— Онъ прежде всего желалъ бы ее представить вамъ, но не знаетъ... будетъ-ли вамъ это пріятно.

Троекурова совершенно растерянно взглянула еще разъ на мужа.

Его какъ бы передернуло слегка теперь отъ этого нѣмаго вопроса.

— Мы не имѣемъ никакого права отклонить такое желаніе вашего beau frèге... Для насъ во всякомъ случаѣ очень лестно, вымолвить сухо, но свѣтски-учтиво онъ.

— Конечно, конечно, милая, заспѣшила обрадованно Александра Павловна, завладѣвая рукой гостыи и пожимая ее обѣими своими.

Павель Григорьевичъ въ это время обратился къ мужу ея съ какимъ-то вопросомъ, относившимся къ суду надъ конокрадами, о которомъ у нихъ-только что была рѣчь съ исправникомъ. Тотъ подсѣлъ за столикъ у окна насупротивъ его. Дамы продолжали разговаривать, сидя другъ подлѣ друга на диванѣ, какъ-то безсознательно понизивъ голоса до шопота.

— Что же сестра ваша? спрашивала Троекурова.

Ларина чуть-чуть повела плечами:

— Все та же спокойная, самоувѣренная, повелительная... какъ всегда!

— Было у нея какое-нибудь объясненіе съ мужемъ по пріѣздѣ, вы не знаете?

— Я ей говорила, съ какимъ раздраженіемъ онъ отзывался мнѣ прошлою осенью, когда былъ у меня въ Москвѣ, о томъ, что она противъ его воли осталась за границей, и что я увѣрена была тогда, что онъ не захочетъ болѣе никогда видѣть ее.

— Что же она вамъ сказала на это?

— Засмѣялась только. „И неужели же, спросила я, онъ тебѣ ничего не сказалъ про это, когда ты теперь такъ нечаянно для всѣхъ насъ вернулась сюда, не упрекалъ тебя, не сдѣлалъ тебѣ сцены?“ Она мнѣ на это говоритъ: „Да, онъ

что-то тамъ было началъ, зашипѣлъ, но вѣдь это со мною не беретъ; ты видишь, какой онъ теперь шелковый, какъ слѣдуетъ". И, дѣйствительно, между ними какъ будто ничего и не происходило... Только все же я предвижу, что ни говори Борисъ Васильевичъ, а у нихъ когда-нибудь дурно кончится.

И Настасья Дмитриевна вздохнула.

— Дѣтей у нихъ нѣтъ, вотъ что дурно и для нея, и для него, сердобольно вздохнула и Александра Павловна, и добавила чрезъ мигъ какимъ-то скачкомъ мысли и какъ бы нѣсколько конфузливо: — вѣдь про нее, кромѣ того только, что она все по-своему хочетъ дѣлать, ничего дурнаго нельзя сказать... про вашу сестру, *p'est-ce pas?* Я, по крайней мѣрѣ, ничего такого не слыхала никогда.

— И никогда не услышите, я такъ полагаю, отвѣтила Ларина: — увлекающіяся страстью женщины подають поводъ къ невыгоднымъ толкамъ о нихъ, а Тоня никогда въ жизни не увлечется... во всякомъ случаѣ не выдастъ себя, медленно промолвила она по минутномъ размышленіи.

— Какъ я васъ понимаю, милая, заговорила опять Троекурова, — *pardon pour ma franchise*, вамъ, должно быть, не очень *по себѣ* было тамъ у нихъ?...

— Нѣтъ, прямо отвѣтила та, — не „по себѣ“, именно; тяжело и одиноко я тамъ себя чувствовала.

— Поживите съ нами! Я увѣрена, что вы у насъ отдохнете; мы всѣ душой, какъ видите, расположены къ вамъ.

Ларина обняла ее:

— Знаю, дорогая Александра Павловна, и воспользуюсь, если позволите, вашимъ предложеніемъ, — подышу вашимъ цѣлебнымъ воздухомъ нѣсколько дней... Только хотѣла бы я все-таки съѣздить хоть на сутки къ себѣ, въ Юрьево... къ бѣдному отцу моему на могилу, домолвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Когда хотите, милая, когда хотите, скажите только наванунѣ, чтобы лошади были для васъ готовы.

VII.

Вечеромъ предъ сномъ въ тотъ же день, оставшись одна съ мужемъ, Александра Павловна приступила къ разговору, къ которому готовилась съ утра:

— Борисъ, ты не хотѣлъ, чтобъ я приняла сегодня этого графа изъ Петербурга... я всегда забываю его фамилію... Я такъ поняла, что ты вообще не желаешь, чтобъ онъ ѣздилъ къ намъ. Такъ это?

— Совершенно такъ, подтвердилъ онъ, кивнувъ.

— Ты имѣешь что-нибудь противъ него?

Онъ поморщился.

— Имѣю во всякомъ случаѣ причину не желать его видѣть въ моемъ домѣ... Ни того тоже, этого пѣвца съ гостинодворскою фізіономіей...

— И его также?... Ты узналъ, что они *nehonorables* люди? протянула она, глядя на него тревожно своими большими глазами.

— *Хорошаю* въ нихъ дѣйствительно не много, полагаю, но до этого мнѣ дѣла нѣтъ,—и онъ повелъ пренебрежительно губами,—а нахожу просто, что имъ не для чего сюда ѣздить.

Александра Павловна потупилась на мигъ, вскинула опять глаза на мужа и вскрикнула:

— Борисъ, *c'est à cause de Маша*?

Онъ коротко повелъ только головой опять.

— Бѣдныя! нежданно вздохнула она.

Онъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Ну да, Борисъ, если они въ самомъ дѣлѣ влюбились въ нее,—все-таки жалко...

Онъ досадливо дернулъ плечомъ:

— Какая тутъ любовь, мерзость одна!

Воспоминаніе о прочтенномъ имъ утромъ въ *Призывъ* подняло ему опять всю желчь въ голову.

— Понимаешь ты, обрывисто и злобно вырывались у него слова,—они вздумали драться изъ-за нея... и не дрались... И разгласили... И объ этомъ въ газетахъ подлѣйшіе намеки... Довольно тебѣ знать?

Она всплеснула рѣками, вздрогнувъ вся отъ волненія:

— Въ газетахъ! Господи, какъ же смѣютъ печатать такія вещи! Мама, развѣ она подала какой-нибудь поводъ...

— А имъ развѣ какой-нибудь поводъ нуженъ?.. Они все могутъ теперь, все, и ничего къ огражденію тебя отъ нихъ не существуетъ! Выносить имя твое на площадь, врываться въ семейную твою святыню имѣетъ теперь право каждый наглець, и ты безсиленъ противъ него, безсиленъ, понимаешь?

Онъ сталъ вдругъ страшно блѣдень, губы его тряслись, вѣки судорожно моргали и сжимались.

Перепуганная Александра Павловна принялась крестить его:

— Борись, голубчикъ, успокойся, ты себѣ только вредъ дѣлаешь...

Онъ налилъ себѣ стаканъ воды изъ графина, стоявшаго на столѣ подлѣ его кровати, выпилъ его залпомъ, медленно провель рукой по лицу и усмѣхнулся:

— Ты права. Пора бы мнѣ привыкнуть давно къ тому, что все у насъ теперь возможно... Пора спать, прощай.

Но ни онъ, ни жена не смыкали почти глазъ въ эту ночь.

Въ этотъ же день, по возвращеніи графа Снядецкого-Лупандина къ себѣ въ усадьбу послѣ неудачнаго его визита во Всесвятское, произошло между нимъ и остававшимся ждать его „московскимъ браво“ довольно бурное объясненіе.

Свищовъ ждалъ его нетерпѣливо. Въ отсутствіе Петра Капитоновича привезены были изъ города письма и газеты и въ томъ числѣ *Призывъ*, въ которомъ, едва успѣлъ онъ развер-

нуть листъ, кинулась ему прямо въ глаза его корреспонденція. Онъ самодовольно и жадно перечелъ ее въ ея печатномъ видѣ, снисходительно улыбнулся пристегнутому къ ней пріятелемъ его Клейномъ „обязательно либеральному припѣву“ и радостно сталъ тереть себѣ руки. „Какъ разъ приспѣло въ-время, какъ разъ!“ ликоваль онъ. Недаромъ подь всякими предлогами старался онъ со дня на день оттянуть этотъ визитъ своего пріятеля-жертвы къ Троекуровымъ, чтобы пришелся онъ никакъ не ранѣе того времени, когда „камуфлетъ“, пущенный *Призывомъ*, успѣетъ уже тамъ произвести свое дѣйствіе. „Лишь бы только успѣли они сегодня же прочесть это, да и получаютъ-ли они *Призывъ*?“ тревожилъ его теперь только вопросъ.

У него даже сердце отъ удовольствія усиленно забилося, когда увидѣлъ онъ изъ окна въѣзжавшую во дворъ коляску возвратившагося графа и, по расчету времени прошедшаго между отъѣздомъ его и возвращеніемъ, разсудилъ, что „онъ, молъ, тамъ и четверти часа не успѣлъ пробыть“... Не приняли! побѣднымъ возгласомъ вырвалось изъ груди Свицова, и онъ выбѣжалъ встрѣчать вернуващагося хозяина на крыльцо.

— Что такъ скоро? спросилъ онъ съ притворнымъ изумленіемъ.

Петръ Капитоновичъ, не отвѣчая, чтобы не признаться въ своемъ злоключеніи предъ кучеромъ и выбѣжавшимъ встрѣтить его слугой, медленно вылѣзъ изъ экипажа, поднялся по ступенькамъ и, подхвативъ Свицова подъ руку, вошелъ съ нимъ въ домъ.

Онъ остановился въ первой комнатѣ и, снимая съ головы щеголеватый лѣтній фѣтръ, приобрѣтенный въ Петербургѣ у Брюно, широко отнесъ вмѣстѣ съ державшею его рукой въ сторону:

— Вообразите, не приняли! проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Гм! промычалъ многозначительно Свицовъ и, опустивъ голову, принялся наматывать усъ свой на палецъ:—какъ это, то-есть, не приняли, не могли по какой-нибудь... основательной... причинѣ, или *намыренно*, вы полагаете? отчеканилъ онъ.

Тоть руками развелъ:

— Да вотъ какъ было. Спросилъ я сначала, можно-ли видѣть старика предводителя. Побѣжали... Онъ не въ домѣ, а гдѣ-то во флигелѣ или въ саду живетъ... Времени прошло довольно, знаете, ждать меня заставили въ коляскѣ... Возвращается наконецъ лакей: „Утомилися, говорить, они, принять не могутъ...“

— Ну что же, это, можетъ, и дѣйствительно такъ...

— Я такъ и понялъ... Только спрашиваю я его послѣ того: А генераль, спрашиваю, а супруга его? А онъ мнѣ на это такъ рѣшительно, знаете: „Извиняются, говорить, не принимаютъ“. Да вы, говорю, докладывали обо мнѣ? — „Точно такъ-съ, отвѣчаетъ, они изволили сказать, что извиняются, не могутъ принять“. Мнѣ, знаете, это такъ странно показалось. — Что, говорю, вашему больному не хуже-ли стало? — „Нѣтъ-съ, говорить, все въ томъ же положеніи...“ И даже, я вамъ скажу, показалось мнѣ при этомъ, будто онъ какъ-то... улыбается... Я, разумѣется, не сталъ съ нимъ больше разговаривать и уѣхалъ... И, долженъ вамъ сказать, всю дорогу объ этомъ думалъ... и рѣшительно недоумѣваю, что это можетъ значить.

— Значить, прочесть уже успѣли, неожиданно для Петра Капитоновича промолвилъ ему на это въ отвѣтъ его постоялецъ.

Онъ вперилъ въ него широко раскрывшіеся зрачки:

— Что прочесть?...

— А вотъ пойдете въ кабинетъ: въ послѣднемъ номерѣ *Призыва*... Увидите!..

Графъ кинулся туда со всѣхъ ногъ.

Номеръ газеты, развернутый на третьей страницѣ, съ отмѣченною краснымъ карандашомъ корреспонденціей изъ ***скаго уѣзда, лежалъ на самой середкѣ его письменнаго стола, противу самаго его кресла (Свищовъ старательно подготовилъ „полный эффектъ“).

Онъ грузно, разомъ, опустился въ него и принялся жадно за чтеніе.

„Московскій bravo“, ставъ къ нему въ полоборота по дру-

гой сторонѣ стола, молча и внимательно слѣдилъ, вѣсясь на него избока, за выраженіемъ его фізіономіи, продолжая крутить свой безконечный усь и покачиваясь, по обыкновенію, съ носковъ на пятки и обратно.

Петръ Капитоновичъ попеременно блѣднѣлъ и краснѣлъ по мѣрѣ чтенія. Онъ за послѣднюю строчкой вскочилъ внезапно съ мѣста, сгребъ лихорадочною рукой газету въ комъ и швырнулъ ее бѣшено наземь.

— Это чортъ знаетъ, чтò такое, скандалъ на весь міръ... Кто это писалъ, кто... Вы! крикнулъ онъ, глядя на Свищова такъ, будто готовился вдѣпиться ему тутъ же въ глаза.

— Коли-бъ я, такъ я бы васъ объ этомъ предупредилъ заранее, возразилъ тотъ, не смущаясь.

И вѣки, и руки Петра Капитоновича безпомощно опустились за этимъ отвѣтомъ. Онъ разсудилъ, что, молъ, дѣйствительно „какая могла бы произойти изъ этого польза для Свищова...“

— Вѣдь это же все-таки, очевидно, кѣмъ-нибудь здѣшнимъ написано... пробормоталъ онъ.

Мистификаторъ нашъ принялъ вдумчивый видъ.

— Можетъ быть да, а можетъ и нѣтъ. Къ дѣйствительному факту, какъ видите, примѣшана чистѣйшая ложь; это, напротивъ, должно было бы намъ указать, что корреспонденція писана лицомъ не изъ здѣшнихъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ такихъ, которые, по пословицѣ, слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ... Но, съ другой стороны, можно полагать и то, что написано это такъ, намѣренно, для отвода глазъ...

— Но кѣмъ же это тогда, кѣмъ? восклицалъ растерянно Петръ Капитоновичъ.

— А старую юридическую формулу не помните: *fecit cui prodest?* Кому выгодно, тотъ и настрочилъ.

Графъ еще разъ развелъ руками:

— Не понимаю!... Неужели же господинъ Острометовъ? проговорилъ онъ шопотомъ:—но вѣдь его это точно такъ же задѣваетъ, какъ и меня... съ весьма, можно сказать, оскорбительной для каждаго благороднаго человѣка стороны... Конечно, въ моемъ званіи это особенно чувствительно, чуть

не плачущимъ уже голосомъ простоналъ онъ,—но и для него все же, хотя онъ и...

— Безъ титула и безъ придворнаго мундира, договорилъ за него Свищовъ, лукаво подмигивая обоими глазами;—а если, положимъ, онъ, разсудивъ, что ему съ такимъ соперникомъ, какъ вы, не въ силу тягаться,—положилъ, что коли ему уже приза не взять, такъ пусть онъ и вамъ не достанется,—и подвелъ вотъ эту мину (и Свищовъ при этомъ отшвырнулъ кончиномъ сапога подкатившійся ему подъ ноги комъ смятой графомъ газеты), отъ которой, въ его расчетѣ, должны вы были оба взлетѣть на воздухъ. И, впрочемъ, вы понимаете, никого не считаю себя въ правѣ обвинять, счелъ нужнымъ онъ тутъ же прибавить съ пошибомъ *perfect gentleman's* въ интонаціи и движеніи вскинутой небрежно въ воздухъ руки,—*je pose des arguments vis-à-vis des vôtres, voilà tout.*

Но Петръ Капитоновичъ его не слушалъ:

— Я этого никакъ не могу оставить такъ, восклицалъ онъ, принимаясь шагать беспорядочно вдоль и поперекъ кабинета,—не могу... въ моемъ положеніи... оставить это безъ протеста... Я долженъ имѣть объясненіе съ генераломъ Троекуровымъ... Если онъ не захочетъ лично выслушать меня, я напишу ему...

— Чтò вы ему напишете?

И Свищовъ, быстро повернувшись на каблучкахъ, очутился лицомъ къ лицу съ метавшимся по комнатѣ собесѣдникомъ своимъ.

— Чтò-съ? Чтò напишу? восклиценулъ на это тотъ съ какимъ-то взмахомъ новаго злобнаго отчаянія,—это все вы-съ, вы, съ вашею дуэлью... Я долженъ былъ презрѣть... въ моемъ положеніи... съ такимъ мальчишкой!... А тутъ полиція понадобилась... Не благовидно вѣдь это, вы понимаете, у меня имя... Генералу могло быть передано...

Онъ схватился вдругъ за голову и упалъ въ изнеможеніи въ подвернувшееся ему по пути кресло:

— Онъ тамъ именно былъ въ ту минуту, когда я приѣхалъ... Вотъ только теперь вспомнилъ я...

— Кто?

— Исправникъ.

— У Троекурова?

— У предводителя, мнѣ сказали. Стояла тутъ тройка въ тарантасѣ; я спросилъ, чья... Его, мнѣ сказали. Теперь понимаю, почему этотъ... афронтъ мнѣ... Онъ передалъ о... о нашемъ визитѣ ему...

Свищова видимо передернуло; онъ сдвинулъ озабоченно брови и просунулъ бессознательно языкъ между губъ.

— Не полагаю, не такой, повидимому, человекъ... А впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ! пробурчалъ онъ.

Петръ Капитоновичъ раскинулъ руками во всю ширину ихъ:

— Понимаете вы теперь, милостивый государь, въ какое положеніе вы меня поставили! Вѣдь я теперь, такъ сказать, на днѣ рѣки, на самомъ днѣ рѣки нахожусь, какъ говорить гдѣ-то Тургеневъ... или кто-то другой... изъ извѣстныхъ писателей...

Къ немалому его удивленію, наперсникъ его отвѣчалъ на это громкимъ взрывомъ смѣха:

— А я такъ полагаю, что при всей вашей петербургской опытности вы лишены, можно сказать, всякой нужной въ рѣшительныя минуты жизни сообразительности.

— Это чтѣ-жъ такое значитъ? совершенно растерявшись опять, пробормоталъ графъ.

— А то-съ, что, вмѣсто того, чтобы бить тревогу и приходиться въ лихорадочный трепетъ, весьма не соответствующій вашему положенію, soit dit en parenthèse, иронически протянулъ онъ, — вы должны были бы отслужить молебень за то, что, благодаря именно всему этому нашему эпизоду, создается теперь для васъ уже не фиктивное, не фигуральное, такъ сказать, а настоящее положеніе, une vraie situation, на которомъ у васъ уже всѣ шансы помѣряться съ генераломъ Троекуровымъ, какъ равный съ равнымъ, а не состоять у него, при вашемъ имени и званіи, въ роли сеида или мальчика на побѣгушкахъ, какъ стремились вы къ этому очевидно — и во чтѣ вы бы непременно и обратились, не случись того, на чтѣ вы такъ слабодушно теперь жалуетесь.

— Позвольте, милостивый государь, позвольте, у васъ тутъ какой-то выходитъ потокъ совершенно не имѣющихъ смысла фразъ, заявилъ, не понимая, Петръ Капитоновичъ.

Свищовъ еще разъ иронически захихикалъ:

— Говорю, сообразительности вамъ недостаетъ. Такъ вотъ вамъ-съ просто-на-просто: желаете вы въ нынѣшнемъ же году попасть въ предводители дворянства здѣшняго уѣзда?

— Въ предводители... въ нынѣшнемъ году... повторилъ машинально графъ.

Читатель уже знаетъ изъ объясненій московскаго „браво“ съ пріятелемъ его Троженковымъ о комбинаціи, при которой „петербургскій графъ“ имѣлся въ виду, какъ номинальный вождь „протестантовъ“ ***скаго уѣзда противъ партіи „охранителей“, во главѣ которой стоялъ ненавистный имъ „магнатъ“. Недугъ и несомнѣнный затѣмъ выходъ въ отставку старика Юшкова, „его послушнаго орудія“, являлись теперь для нашихъ интригановъ исходнымъ пунктомъ для начала рѣшительныхъ дѣйствій. Необходимо было прежде всего не допустить, чтобы на предводительскую должность была опять избрана „генеральская креатура“, какъ выражался Свищовъ, для котораго, въ виду *проводимой* имъ желѣзной дороги, весьма было важно то, чтобы въ имѣвшемъ быть осенью земскомъ собраніи предсѣдало лицо, не враждебное его планамъ. Онъ имѣлъ въ настоящую пору, послѣ многочисленныхъ его экскурсій съ этою цѣлью по уѣзду, довольно основательныя причины надѣяться, какъ предсказывалъ онъ это и ранѣе Троженкову, что на приманку выгодъ, обѣщанныхъ всякими работами при чаемой постройкѣ этой дороги, „подловятся“ и такія лица, которыя до сей минуты примыкали всецѣло къ „Троекурово-Юшковскому лагерю“. Соотвѣтственно этому, голоса этихъ лицъ должны были въ его расчетѣ на дворянскихъ выборахъ перейти на сторону оппозиціи въ пользу имѣемаго быть ею выставленнымъ кандидата.

— Оппозиція эта, доказывалъ теперь Свищовъ Петру Капитоновичу,—не могла вообще взять верхъ надъ *охранителями* не по недостатку популярности въ уѣздѣ, — напротивъ, этотъ нашъ здѣшній генераль гнететь, можно сказать, здѣсь

все и всѣхъ и внушаетъ къ себѣ общее омерзѣніе,—а потому главнымъ образомъ, что некого было ей до сихъ поръ выставить во главу свою. Подходящаго лица не было, *представительнаго* лица, вы понимаете, подчеркнул онъ опять, — соединяющаго въ себѣ условія, необходимыя для такой вліятельной и почетной въ данной территоріи должности, какъ предводитель... *Ma-gé-chal*, протянулъ онъ съ хохотомъ:—поѣзжайте только въ Парижъ и карточки ваши покажите съ такимъ титуломъ, *maréchal de la noblesse de* и прочая, и посмотрите, какіе вамъ тамъ *падамъ до ногъ* будутъ дѣлать... А вы у насъ теперь этотъ *марешаль tout trouvé*, особою благодатью Провидѣнія дарованный намъ отъ береговъ Невы.

— Позвольте однако, скромно пытался возразить Петръ Капитоновичъ,—я полагаю, что, какъ человѣкъ новый, совершенно еще незнакомый господамъ дворянамъ уѣзда, которому нынѣ имѣю честь принадлежать, я не могу смѣть надѣяться на успѣхъ тамъ, гдѣ, по собственнымъ же словамъ вашимъ, такое *подавляющее* вліяніе имѣло до сей минуты лицо, о которомъ мы говоримъ... Я не прочь, конечно,—мы уже имѣли случай объ этомъ съ вами говорить,—послужить моимъ... согражданамъ, но я первоначально думалъ, признаюсь вамъ, опереться, такъ сказать, именно на это лицо, какъ на представителя партіи... или, чтобы выразить мою мысль вѣрнѣе, представителя тѣхъ мнѣній, которыхъ я, вы согласитесь, при положеніи моемъ и званіи, *обязанъ*, такъ сказать, держаться, многозначительно домолвилъ онъ.

„Московскій bravo“ въ отвѣтъ на это уперъ руки въ бока и громко фыркнулъ:

— *Sancta simplicitas!* „Опереться“ на генерала Троекурова, чтобы попасть къ намъ въ предводители, ха-ха-ха!... Такъ неужели-жъ вы не знаете, что у него давнымъ-давно кандидатъ свой готовъ, отъ юности своя на то воспитанный и вспоенный...

— Кто такой? тревожно зазвучалъ голосъ графа.

— А будущій зять его...

Это былъ окончательный ударъ.

— Зять! повторилъ, замирая весь, Петръ Капитоновичъ, — кто такой?

— Да сынъ того же закадычнаго друга его, предводителя бывшаго...

— Этотъ бѣлокурый молодой человекъ, котораго звали Гриша и который все время пребывалъ въ молчаніи?

— Онъ самый... А вы и не догадались? Эхъ вы, петербургскіе Юпитеры! надрывался Свищовъ, наслаждаясь растеряннымъ видомъ своей жертвы.

— Вы мнѣ однако, везя меня въ этотъ домъ, ничего объ этомъ не говорили, вскинулся вдругъ „петербургскій Юпитеръ“, — и даже напротивъ...

— Чтò „напротивъ?“

— Поощряли... въ нѣкоторомъ родѣ.

— А если я, напримѣръ, отвѣтилъ на это мистификаторъ, едва удерживавшій смѣхъ, не перестававшій понимать его, — зная обо всемъ этомъ, не счелъ нужнымъ предварять васъ, чтобы не смущать васъ заранѣе, надѣясь со своей стороны, что, какіе бы тамъ планы ни строилъ нашъ генералъ насчетъ своей дочери, но что, увидѣвъ васъ, и онъ, и она перемѣнятъ свои намѣренія, оцѣнятъ и положеніе ваше, и званіе... и наконецъ личныя ваши качества и преимущества предъ такимъ, можно сказать, ничтожнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, сравнительно съ вами, субъектомъ, какъ этотъ Гриша Юшковъ. Такъ я не виноватъ, что вы...

Графъ не далъ ему договорить очевидно нелестной для него фразы:

— А чтò онъ дѣйствительно изъ себя изображаетъ, этотъ господинъ? спросилъ онъ, стараясь придать въ свою очередь ироническій оттѣнокъ своему, все еще обрывавшемуся отъ внутренняго волненія, голосу.

— Ничего ровно: въ деревнѣ при папашѣ, депутатъ отъ дворянства нашего уѣзда.

— Только-то! высокомерно ухмыльнулся графъ.

— Да-съ, и вотъ изволите видѣть, какую Василису-царевну уготовляютъ ему въ супруги... А вы вотъ со всѣми вашими петербургскими авантюрами за флагомъ остались, до

того, что и въ щелочку-то теперь взглянуть вамъ на нее не дозволяется!

И Свицовъ даже языкъ ему высунулъ въ видѣ пріятельской шутки.

Петръ Капитоновичъ вспыхнулъ весь, заерзалъ на мѣстѣ, хотѣлъ отвѣтить, рѣзко отвѣтить, „положить конецъ этому *нахамству*“... Но ничего не сказалъ и уныло поникъ головой. Онъ вспомнилъ въ-время, что „опереться“ можетъ только теперь на этого человѣка, на этого *нахама*. „Онъ во всякомъ случаѣ уменъ и *прожженъ*“, разсудилъ постулянтъ на предводительскую должность: а ему, Петербуржцу, нельзя обойтись безъ проводника, безъ нити для прохожденія сквозь мытарства предстоявшей ему выборной одиссеи. Притомъ это былъ заядлый врагъ его недруговъ, а Всесвятское со всѣми его обитателями представлялось уже теперь Петру Капитоновичу не то ястребинымъ, не то воронимъ гнѣздомъ, подлежащимъ разору и уничтоженію. Воспоминанія о тѣхъ „мнѣніяхъ“, которыхъ онъ за пять минутъ предъ этимъ, „въ виду положенія своего и званія“, считалъ себя „обязаннымъ держаться“, успѣли и вовсе вылетѣть у него изъ головы. Графъ Снядецкій - Лупандинъ весь уже теперь принадлежалъ „*опозиции*“.

VIII.

Проживъ съ недѣлю во Всесвятскомъ, Настасья Дмитріевна Ларина собралась ѣхать въ свое Юрьево. Шелъ третій годъ, какъ она повинула его. Театральныя странствованія по Россіи и пребываніе сестрой милосердія за Дунаемъ не давали ей до сихъ поръ достаточно свободнаго времени для исполненія давнишняго желанія посѣтить это мрачное, повинутое, но все же „родимое гнѣздо“, помолиться надъ повоившимся тамъ прахомъ „несчастливаго“ и все же дорогаго ей отца. Къ тому же шуринъ ея Сусальцевъ, когда она была въ Сицкомъ, просилъ ее объ этомъ. „Побывайте“, говорилъ онъ ей; „поставленъ мною туда вѣрный человѣкъ дѣло вести. А все же хозяйскій глазъ не мѣшаетъ“. — „Какая я хозяйка“, возражала на это Ларина. „А такая, что однѣ. Супруга моя, Антонина Дмитріевна, ни во чтѣ это входитъ не хочетъ; братецъ же вашъ... въ безвѣстной отлучкѣ“, объяснялъ полуиронически, полусожалительно Провъ Ефремовичъ... Настасья Дмитріевна почувала въ этихъ словахъ деликатный намекъ на то, что какъ бы ни былъ мало достоинъ уваженія въ глазахъ его „Володя“, онъ не считаетъ его *de facto* лишеннымъ тѣхъ правъ на наследство послѣ отца, которыхъ, какъ „выбывшаго самовольно за предѣлы отечества“, лишилъ его законъ. „Хорошій вы человѣкъ!“ сказала она ему, тотчасъ же и прерывая этотъ разговоръ.

Благодарность къ „хорошему человѣку“ вызвала у нея уже слезы на глазахъ, когда однимъ свѣтлымъ вечеромъ, послѣ ранняго обѣда у Троекуровыхъ пріѣхала она въ Юрь-

ево. Она едва узнавала его. Мрачный, почти развалившійся домъ, изъ котораго выѣхала она, растерзанная мукой, глядѣль теперь почти весело, свѣжеокрашенный, подъ новою, желѣзною крышей, съ чисто выметеннымъ предъ нимъ и усаженнымъ липками *краснымъ дворомъ*, по другой сторонѣ котораго тянулся цѣлый рядъ исправленныхъ или нововыстроенныхъ хозяйственныхъ построекъ. Запущенный садъ, въ которомъ въ ту пору безпрепятственно разгуливали и паслись крестьянскія лошади и скотъ ближайшей деревни, обнесенъ былъ теперь здоровою оградой, *чостоколомъ*, съ вырытою предъ нимъ широкою и глубокою канавой, чрезъ которую нивакой шаловливый жеребенокъ или парнишка не рѣшились бы перескочить; всѣ аллеи были возобновлены, расчищены и посыпаны песочкомъ; предъ террасой, выстроенною вновь на каменныхъ столбахъ, раскинутъ былъ цвѣтникъ съ кустами алѣвшихъ на немъ подъ лучами заходившаго солнца пионовъ... На всемъ лежала печать порядка, обдуманности и *присмотра*, „какъ бы ожидающаго“, показалось Настасѣ Дмитріевнѣ, „похвалы съ минуты на минуту имѣющаго прибыть хозяина“.

Вышелъ ее встрѣчать плечистый и загорѣлый мужчина лѣтъ 40, въ коротенькомъ пиджакѣ поверхъ рубахи съ косымъ воротомъ, съ пушистою бѣловурою бородой и весело улыбавшимися живыми глазами—„поставленный“ Сусальцевымъ „прикащикъ“, прирожденная *смышленость* котораго говорила съ перваго раза въ этихъ умныхъ глазахъ и каждомъ движеніи его бодрого и чрезвычайно подвижнаго тѣла.

Онъ почтительно высадилъ пріѣзжую изъ экипажа, какимъ-то ловкимъ движеніемъ руки и локтя отворилъ предъ нею настежь обѣ половинки входныхъ дверей и, пропустивъ ее въ сѣни, старательно заперъ опять эти половинки во избѣжаніе сквознаго вѣтра.

Внутри дома поразило ее то же *возрожденіе*, какъ и въ наружномъ его обликѣ. Всѣ полы были перестланы и свѣже выкрашены, паркетъ возобновленъ въ пріемныхъ комнатахъ, стѣны оклеены красивыми обоями, мебель исправлена и отянута ситцемъ *подъ обои* или пеньговою матеріей пріятнаго цвѣта для глазъ, на всѣхъ окнахъ навѣшены занавѣси и сто-

ры... Ее видимо ждали: въ столовой на кругломъ столѣ посреди комнаты лежали тщательно выглаженные и уложенныя скатерть и салфетки, стекло и поддужины серебряныхъ приборовъ, имѣвшихъ очевидно служить трапезѣ, заказанной для нея, въ какой бы часъ она ни пріѣхала.

Она медленно переходила изъ одного покоя въ другой, не находя при этомъ новомъ видѣ ихъ ни одного изъ тѣхъ колючихъ ощущений, къ которымъ готовилась она, ѣдучи сюда всю дорогу и мучась уже однимъ предвкушеніемъ ихъ... „Добрѣе, видимо, заботился все время, чтобы ничто тутъ слишкомъ тяжело не напомнило мнѣ о прежнемъ“, думала она теперь, вся растроганная, замѣтивъ, что въ бывшемъ кабинетѣ ея отца оставлена была вся бывшая въ немъ мебель, но разставлена въ совершенно иномъ порядкѣ, и большое кресло, на которомъ онъ такъ печально покончилъ съ жизнью, оставлено было, съ замѣтнымъ намѣреніемъ не привлечь на него ея перваго взгляда, въ самый темный уголь горницы, за перегородку.

Но она отыскала его глазами, слегка вздрогнула и, проведя себѣ рукой по вѣвамъ, обвела взоромъ опять кругомъ свѣжо и весело глядѣвшихъ на нее теперь темно-синихъ стѣнъ кабинета съ золотымъ багетомъ, обѣжавшимъ у его варниза... „Ахъ, Володя, Володя“, неслось у нея въ мысли, — „вѣдь могъ же бы ты“...

Она не договорила себѣ своей мысли и обернулась къ провожавшему ее и остановившемуся на порогѣ комнаты прикащику:

— Давно это все... передѣлано?

— Собственно домъ или и прочее? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да... это все? повела она неопредѣленно рукой.

— Ремонтъ-то мы собственно начали въ позапрошломъ году, по заграничному приказу Прова Ефремовича. Больно ужъ было все упавши, объяснилъ онъ, — почитай, что однѣ стѣны цѣлы оставались. Службы тоже, по хозяйству, это ужъ первымъ дѣломъ требовалось, потому хозяйство повели мы теперь въ полномъ видѣ, какъ слѣдуетъ. А насчетъ собствен-

но дома, такъ что изволите видѣть здѣсь, обои и матеріи — все это они сами по собственному вкусу выбирали въ Москвѣ осенью прошлою.

„Это онъ тогда, послѣ свиданія со мною въ Москвѣ, когда говорилъ мнѣ, что не избалованъ онъ лаской и готовъ всю душу положить за того, кто окажетъ ему ее“, вспоминала Настасья Дмитріевна; — „я отклонила помощь, которую онъ предлагалъ мнѣ, такъ вотъ онъ нашель средство устроить такъ, что я на этотъ разъ отказаться не могу: Юрьево принадлежитъ женѣ его, какъ и мнѣ... какъ и Володѣ“, тутъ же при-молвила она мысленно.

— Прикажете чего покушать, сударыня? спрашивалъ ее между тѣмъ прикащикъ.

— Я не голодна... развѣ позднѣ захочется...

— Когда прикажете. У меня супружница завсегда можетъ—за настоящаго повара, въ Москвѣ училась; довольны останетесь.

— Большое вамъ спасибо, сказала Настасья Дмитріевна; — скажите мнѣ пожалуйста, какъ зовутъ васъ.

Крупные, ровные, бѣлые зубы сверкнули изъ-подъ раскрывшихся въ широкой улыбкѣ губъ управителя:

— А зовутъ меня, какъ и хозяина, Провомъ.

— Отчество ваше и фамилія?

— И фамилія тоже Сусальцевъ.

— Сусальцевъ? повторила неволью дѣвушка.

— Такъ точно: Провъ Сусальцевъ, только отчество будетъ у насъ разное, потому онъ отъ Ефрема, а я отъ Панкрата; онъ Ефремовичъ, а я Панкратьичъ. Никандру ключника изволите знать въ Сицкомъ?

— Видѣла, да...

— Такъ онъ мнѣ братъ родной, а мы съ нимъ хозяину троюродными будемъ, изъ одного роду, значить.

„Новая Россія!“ связалось почему-то въ мозгу Настасьи Дмитріевны, между тѣмъ какъ „троюродный“ прикащикъ ея шурина глядѣлъ на нее какимъ-то добродушно насмѣшливымъ взглядомъ, какъ бы забавляясь внутренно тѣмъ изумленіемъ, которое угадывалъ въ ней. Но она понимала, что онъ ни ма-

ло не оскорблялся этимъ изумленіемъ ея, какъ и не думалъ внушать ей какого-либо особаго *решипекта* къ своей особѣ этимъ указаніемъ на родство свое съ „хозяйномъ“. Онъ видимо самъ не придавалъ этому никакого значенія. „Ефремовичъ“ — *самъ*, выражаясь купеческимъ словомъ, а „Панкратъичъ“ у него наемникъ и слуга, хотя оба они Провы и оба Сусальцевы, и ничего тутъ удивительнаго и неестественнаго нѣтъ, потому „каждому свой предѣлъ, его же не прейдеши“.

Было еще свѣтло, и Настасья Дмитріевнѣ не захотѣлось откладывать до завтра того, что составляло главную побудительную причину ея пріѣзда въ Юрьево.

— Я хочу на бабушкину могилу сходить, сказала она: — черезъ садъ можно?...

— Пожалуйте-съ; на тотъ случай, что пожелаютъ хозяева ближайшимъ путемъ въ храмъ Божій, калитка въ оградѣ продѣлана и мостикъ черезъ канаву; прямо на дорогу выйдете.

Она поблагодарила его дружественнымъ кивкомъ и, выйдя на новую террасу, спустилась съ нея въ садъ, направляясь черезъ него къ знакомой читателю изъ начала нашего разсказа церкви.

И здѣсь узнала она щедрую и заботливую руку шурина. Наружный видъ стараго, чуть не разваливавшагося три года тому назадъ храма былъ не узнаваемъ; стѣны, крыша были исправлены, подштукатурены и выкрашены, ограда поставлена новая, надгробныя плиты предковъ ея очищены ото всякаго хлама и сора временъ *господскаго* оскуднѣнія... „Тѣни бояръ Буйносовыхъ, благодарите попавшаго къ вамъ въ родство мужика за то, что могилъ вашихъ не топчутъ болѣе коровьи копыта!“ съ невольною горечью пронеслось въ головѣ дѣвушки.

Подъ стѣною общему характеру этихъ фамильныхъ плитъ, лежала гладко выполированная доска изъ темно-сѣраго мрамора надъ могилой отца ея. *Дмитрій Сергѣевичъ Буйносовъ родился 1811, † 1876 года*, читалось на ней, и ниже два слова: *Господи помилуй*. Памятникъ этотъ поставленъ былъ ею, Настей (она отдала на него четвертую часть денегъ, полученныхъ ею въ наслѣдство отъ тетки Лахницкой), и ника-

вой другой надписи на немъ она не хотѣла: чего, кромѣ *помилованія*, могла она просить за *него*, и о чемъ вспоминать въ его многогрѣшной жизни?..

Она опустила предъ нимъ на колѣни, низко склонила голову, и вся ушла въ сосредоточенную, глубокую и умиленную молитву.

Когда, отеревъ наконецъ обильно лившіяся въ теченіе ея слезы свои, она перекрестилась въ послѣдній разъ, поднялась и отошла отъ могилы, она увидала Прова Панкратьевича Сусальцева, поджидавшего ее у калитки ограды. Онъ держалъ въ рукѣ наскоро видимо собранный, но довольно искусно связанный букетъ изъ красныхъ и бѣлыхъ піоновъ пополамъ съ сиренью, который и подаль ей со словами:

— Можеть, пожелаете на могилку положить? Цѣль останется лежать хоть до весны до будущей, потому у насъ теперь калитка на погость запирается, и ключъ я къ батюшѣ отнесу опять.

— Спасибо вамъ отъ души!.. А я бы желала видѣть батюшку, примолвила она поспѣшно, — попросить его завтра отслужить заупокойную обѣдню...

— Такъ что-жь вамъ беспокоиться, я ему сейчасъ объясню; въ которомъ часу прикажете?

— Въ какомъ ему удобнѣе будетъ, скажите ему, а я весь день свободна...

Настасья Дмитриевна легла спать въ этотъ вечеръ въ какомъ-то давно ею не испытанномъ умиротворенномъ настроеніи духа.

На другой день, отслушавъ заказанную ею заупокойную обѣдню, она вернулась домой и, открывъ старое бюро, ключъ отъ котораго привезла съ собою, принялась перебирать хранившіяся тамъ письма и бумаги покойнаго отца. Это дѣло такъ заняло ее, что она не замѣтила, какъ летѣли часы, и что она, кромѣ чашки чая, оставалась безъ пищи съ самаго утра. Рачительный управитель пришелъ ей напомнить объ этомъ. Она наскоро пообѣдала и тотчасъ вернулась въ своему бюро.

Провъ Панкратьевичъ пошелъ за нею.

— Хозяинъ приказывалъ, когда вы пожелаете, сударыня,

сказалъ онъ ей,—представить вамъ всѣ книги и счета по имѣнію; можетъ, что пожелаете замѣтить или перемѣнить...

— Нѣтъ, нѣтъ, живо перебила его Настасья Дмитріевна,—нечего мнѣ смотрѣть и замѣчать нечего. Имѣніе при отцѣ моемъ ничего не приносило, а если приносить теперь, такъ это потому, что Провъ Ефремовичъ вложилъ въ него деньги, и слѣдовательно доходъ не что другбе, какъ процентъ съ его капитала, а я въ его денежные дѣла не имѣю ни права, ни желанія вмѣшиваться.

Онъ поглядѣлъ на нее:

— Мнѣ это не извѣстно-съ, потому у насъ по книгамъ такъ значитъ, что на вашу часть, сударыня, изъ чистаго дохода отсчитывается третья. доля...

— А я не хочу, не хочу объ этомъ слышать! воскликнула она досадливо и, тутъ же смягчая тонъ:—И я васъ очень буду просить написать ему... потому что я всегда стѣсняюсь сама говорить о деньгахъ... Напишите, что мнѣ ничего не нужно, что я зарабатываю достаточно, чтобы жить безъ нужды, и что я ему очень благодарна, но не могу принять отъ кого бы то ни было то, на что я ни съ какой стороны не имѣю права. Онъ и безъ того сдѣлалъ для насъ слишкомъ много, заключила она невольно, поведя взглядомъ кругомъ комнаты.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня, промолвилъ управитель сочувственнымъ и, какъ почуялось ей, одобрительнымъ тономъ въ голосъ.—Побудете здѣсь еще? спросилъ онъ чрезъ мигъ,—или желаете обратно ѣхать, потому въ такомъ случаѣ насчетъ лошадей въ которомъ часу прикажете?

— Да такъ часу въ седьмомъ, чтобы засвѣтло туда пріѣхать.

— Слушаю-съ.

Онъ вышелъ. Она принялась опять за отцовскія бумаги. Но не прошло получаса, какъ онъ опять, осторожно отворяя дверь, вошелъ въ комнату.

— Извините, сударыня, за беспокойство; тутъ васъ одинъ спрашиваетъ.

— Кто такой? изумленно обернулась она на него.

— Не сказывается. „Желаю, моль, говорить, видѣтъ ба-

рышню, Настасью Дмитріевну“. Я его даже совсѣмъ пуцать не хотѣлъ, потому много ихъ теперь, проходимцевъ этихъ, шляется. Только вучеръ, чтд привезъ васъ отъ генерала, говоритъ, онъ у нихъ въ конторѣ на заводѣ служить, такъ я такъ подумалъ, что онъ, можетъ, къ вамъ за дѣломъ за какимъ.

— Не случилось-ли чего во Всесвятскомъ, не дай Богъ! представилось дѣвушкамъ. — Просите его, пожалуйста, чтд ему надобно?

Черезъ пять минутъ вслѣдъ за управителемъ вошелъ человекъ, увидавъ котораго, Настасья Дмитріевна внезапно дрогнула и какъ бы смутилась.

Это до безобразія некрасивое лицо, эти зловѣщіе, съ какимъ-то выраженіемъ лукавства и хищности глядѣвшіе изъ-подъ нависшихъ бровей глаза,—она ихъ видѣла еще недавно во Всесвятскомъ. Раза два или три, на прогулкахъ по аллеямъ обширнаго тамошняго сада, представала предъ нею фигура этого человека гдѣ-нибудь на перекресткѣ дорожекъ или за какимъ-нибудь кустомъ, и всегда какъ бы не ненарокомъ, а словно, говорило ей какое-то внутреннее чутье, съ намѣреніемъ встрѣтиться, подойти, заговорить съ ней. Но онъ не подходилъ и скрывался тутъ же, замѣтивъ, что она была не одна, видимо избѣгая попасть на глаза другимъ. Она однажды даже прямо наткнулась на него на поворотѣ какой-то аллеи и съ бессознательнымъ испугомъ отшатнулась назадъ. Онъ какъ-то странно ухмыльнулся, готовясь очевидно начать разговоръ съ нею. Но въ ту же минуту раздался голосъ нагонявшей ее Маши. Онъ быстро повернулся и исчезъ; но она успѣла указать Машѣ на его неуклюжій, заворачивавшій въ боковую дорожку обликъ и спросила кто это. „Я его не знаю“, отвѣтила та: „какой-то новый, въ конторѣ у Владиміра Христіановича служить“. Настасья Дмитріевна съ этой встрѣчи никогда не выходила уже одна гулять въ садъ.

Онъ стоялъ теперь предъ нею, неловко и угрюмо отвѣсивъ ей при входѣ короткій поклонъ, и зорко глядѣлъ на нее своими узкими, недобрými глазами.

Далекое уже воспоминаніе мелькнуло внезапно въ ея памяти, и сердце мгновенно сжалось острую болью. Она видѣла

его еще раньше, чѣмъ теперь во Всесвятскомъ, видѣла въ Москвѣ, въ годы первой юности, у брата, „у Володи“. „Волкъ!“ проговорила она мысленно, и нервная дрожь пробѣжала еще разъ у нея по тѣлу.

Читатель въ свою очередь узналъ, не сомнѣваемся, въ неожиданномъ посѣтителѣ то загадочное лицо, которое въ настоящую пору разгуливало по Россіи съ законнымъ видомъ въ карманѣ, выданнымъ на имя студента третьяго курса Технологическаго института Бобруйскаго.

— Вы желали меня видѣть? проговорила Ларина, насколько могла спокойнѣе.

— Точно, отрѣзалъ онъ коротко и грубо.

— Чтѣ вамъ угодно?

Онъ повелъ изподлѣбя глазами на стоявшаго съ нимъ рядомъ Прова Панкратьевича.

— Имѣю сообщить о братѣ вашемъ, прохрипѣлъ онъ.

— О Володѣ?

Онъ только кивнулъ на это.

Она смущенно взглянула на управителя, который въ свою очередь, подозрительно и внимательно устремивъ глаза на введеннаго имъ гостя, видимо опредѣлялъ его теперь окончательно въ мозгу своемъ однимъ изъ тѣхъ „шляющихся проходимцевъ“, о которыхъ только-что говорилъ свояченицѣ „хозяина“.

Но онъ не счелъ возможнымъ *ослушаться* нѣмой просьбы, сказывавшейся въ ея глазахъ, и тутъ же медленно вышелъ изъ комнаты, притворивъ за собою дверь наполовину, дабы „въ случаѣ чего“ быть тутъ „наготовѣ“.

Но Бобруйскій замѣтилъ это и, презрительно усмѣхнувшись, быстрыми двумя шагами сталъ прямо предъ лицомъ дѣвушки.

— Шпіоновъ тутъ не надобится; желаю разговора съ вами наединѣ, прошепталъ онъ скороговоркой.

Она, молча повинувшись, направилась нервною, неровною походкой изъ гостиной, въ которой находились они, въ кабинетъ, опустила на стулъ у окна, лицомъ къ двери и проговорила, овладѣвая смущеніемъ первой минуты:

— Чтѣ вы знаете о Володѣ?

— Имѣю отъ него письмо къ вамъ, отвѣтили онъ, уставившись ей глазами прямо въ лицо.

Она быстро протянула руку:

— Давайте.

— Подавайте прежде свое! рѣзко выговорилъ онъ.

— Что это „свое?“ воскликнула она въ недоумѣннн.

— Извѣстно что: съ чѣмъ вы сюда Мурзинымъ присланы.

— Я... Мурзинымъ... прислана?... Вы съ ума сошли!

Лицо его все повело.

— Аль шутки шутить со мною вздумали?... Такъ ужь лучше оставьте, потому я этого не терплю, вымолвилъ онъ грозно.

Но у Настасьи Дмитриевны натура была не робкая: она безстрашно воззрилась въ него теперь въ свою очередь.

— Тутъ недоразумѣннн какое-то; я господина Мурзина не видала съ прошлой осени и не имѣю съ нимъ никакихъ сношеннй. Предъ моимъ отѣздомъ изъ Москвы, я вспоминаю теперь, у меня была одна... одна общая моя съ нимъ знакомая и просила меня отъ его имени взять письмо для передачи здѣсь какому-то неизвѣстному мнѣ лицу, но я отказалась.

— Отказались? протянулъ онъ не то недоуврчиво, не то глубоко изумленно:—почему такъ?

— Имѣю на то свои причины, твердо произнесла она.

— Во-какъ! хихивнулъ онъ злобно. — А приходилъ отъ него кто же къ вамъ?

— Не полагаю нужнымъ называть, тѣмъ же недопуславшимъ дальнѣйшаго объ этомъ разговора тономъ отвѣтила она.

Приходила къ ней дѣвушка, съ которою познакомилась она у Лизаветы Ивановны Срѣтенской, Лидя Петровна Курскова. Изъ разговора маленькой особы съ нашею актрисой мы уже знаемъ о тѣхъ таинственныхъ отношенняхъ не то любви, не то чего-то иного, быть можетъ, болѣе опаснаго, которыя существовали между этою дѣвушкой и влнательнымъ въ извѣстныхъ московскихъ кружкахъ, ученымъ юристомъ, котораго звали Мурзинымъ. Ларина, которую она очень интересовала своею молодостью, миловидностью и замѣтною въ ней какою-то нравственною растерянностью, не разъ пыта-

лась вызвать ее на отвращенность, съ доброю цѣлью „облегчить ей душу, если возможно“. Но Лидія Петровна съ видимымъ страхомъ уклонялась отъ всякаго разговора, въ которомъ могла бы она дать возможность чужому оку заглянуть хоть на мигъ въ душевный тайникъ свой. Она или просто не отвѣчала на иные, казавшіеся ей *опасными* вопросы Настасьи Дмитріевны, или сжимая ей крѣпко руку, говорила, глядя на нее влажными карими глазами: „Нѣтъ, милая, оставимъ, для васъ не интересно“... Ларина поѣтому невольно удивилась, когда однажды, очутившись съ нею вдвоемъ въ зальцѣ Лизаветы Ивановны, молодая знакомая ея сообщила ей торопливымъ тономъ, что имѣетъ до нея „большую, большую просьбу“.—„Рада служить вамъ, въ чемъ дѣло?“ отвѣтила она ей.—„Вы ѣдете на дняхъ къ себѣ въ деревню, въ ***скій уѣздъ“.—„Да, я говорила вамъ“.—„Не можете-ли вы“—и голосъ дѣвушки уже чуть не болѣзненно задрожалъ при этомъ,—„взять на себя доставку одного письма...“—„Кому?“ „Гутъ написано“. Она осторожно вытащила изъ кармана довольно объемистый пакетъ, адресомъ внизъ, и какъ бы не смѣя протянуть его прямо своей собесѣдницѣ: — „Это *вы* посылаете?“ пожелала узнать та, не отрывая отъ нея взгляда.—„Нѣтъ... меня просили“...—„Я знаю, кто“, вѣско произнесла Ларина. Дѣвушка вспыхнула по самыя брови; руки ея протянулись впередъ безсознательнымъ, умоляющимъ движеніемъ. — „Я не назову его“, успокоительно промолвила Настасья Дмитріевна,—„но не возьму на себя никакаго его порученія и, по тому искреннему участию, которое вы мнѣ внушаете, не совѣтую и вамъ, милая“... Она не успѣла договорить: Лидія Курсакова вскинулась однимъ прыжкомъ съ мѣста и, какъ испуганная лань, выбѣжала изъ комнаты.

Непрошенный гость тѣмъ временемъ продолжалъ глядѣть на Ларину своими злыми, полуприщуренными глазами.

— Такъ, значить, не имѣю я отъ васъ ничего получить? пропустилъ онъ сквозь зубы.

— Ничего, потвердила она.

— Значить, и письма Володькинаго не получите, объявилъ онъ, подымаясь съ мѣста.

Она вспыхнула даже отъ негодованія:

— Да какое же право имѣете вы не отдавать его мнѣ?

— А такое, что не отдамъ: велѣно въ обмѣнъ; коли-бъ отъ васъ что получилъ, такъ и я бы вамъ предоставилъ, а какъ отъ васъ ничего нѣтъ, такъ и съ меня требовать вамъ нечего.

Онъ злорадно ухмылялся, видимо потѣшаясь надъ нею.

Ее взорвало.

— И не надо! сказала она, вставая въ свою очередь: — прощайте.

Онъ этого никакъ не ожидалъ. „Характеръ—дѣвка!“ пронеслось у него въ головѣ.

— На аккомодацию что-ль итти съ вами? пробурчалъ онъ, между тѣмъ какъ она, не глядя на него, направлялась назадъ въ гостиную.

Она пріостановилась на мигъ, полуобернулась.

— Что еще? съ невольною гадливостью уронила она.

Онъ зашипѣлъ отъ злости:

— Да вы, госпожа, съ этимъ вашимъ барскимъ презрѣніемъ не можете глядѣть на меня, потому я, можетъ, еще болѣе всѣхъ васъ, господъ-то, презираю, а окромя того вамъ это и отозваться можетъ...

— Я не боюсь васъ и... и ненавижу! вскрикнула Настасья Дмитріевна въ неудержимомъ порывѣ: — вы погубили моего брата, вы заставили его вести преступную... и позорную жизнь, домолвила она какъ бы уже помимо воли.

— Ага, узнали! хихикнулъ онъ опять своимъ противнымъ, язвительнымъ смѣхомъ.

— Да, я вспомнила, я видѣла васъ тогда... Онъ гимназистомъ еще былъ, а вы уже давно взрослый... Вы ловите этихъ простодушныхъ, довѣрчивыхъ мальчиговъ...

— Не ловимъ—сами просились, истины искали, аки елень къ источникамъ воднымъ сами бѣжали ко мнѣ за нею, съ неожиданнымъ эмфазомъ и засверкавшимъ взглядомъ возгласилъ онъ, — я имъ и далъ ее... А и сами-то вы не единымъ духомъ развѣ съ братомъ дышали въ ту пору? я вѣдь тоже помню!

— Да! горячо вскрикнула она на это,—мы въ тѣ дни истины искали съ Володей, всею душой алкали ея... Мы смущены были нашею жизнью дома, горемъ, непосильными испытаніями; мы ребячески думали, что міръ можетъ быть перестроенъ на началахъ справедливости, общей для всѣхъ и каждаго... не вашими путями, нѣтъ, не тѣмъ, во что увлекли вы его!

— Такъ вотъ вамъ, на-те же, читайте! въ немалому ея изумленію, поспѣшно вытаскивая изъ кармана и протягивая ей письмо въ порванной обложкѣ, возразилъ на вспылчивую рѣчь ея „технологъ“:—воли вы отъ истины отвернулись опять къ вашей старой барской лжи, такъ вотъ что вамъ братъ вашъ пишетъ на поученіе ваше.

— Вы прочли его письмо ко мнѣ? негодуя вскрикнула она опять.

— Мы прочли, дѣйствительно, подчеркнул онъ:—семейныхъ тайнъ для насъ нѣтъ;—открыто и прозрачно какъ стекло должно быть каждое дѣйствіе каждаго, и все обязаны знать высшія *partii*... А вы полагали, перебилъ онъ себя, язвительно ухмыляясь еще разъ, — что правительство ваше одно пользуется правомъ *перлюстраціи*?

Ларина его не слушала болѣе: она вся погрузилась въ чтеніе братнинаго письма.

Это былъ весьма опоздалый отвѣтъ на письмо ея, писанное еще въ прошломъ октябрѣ, послѣ разговора ея о немъ съ Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ. Онъ извинялся за этотъ поздній отвѣтъ тѣмъ, что не находилъ до настоящей минуты (письмо его по датѣ отправлено было три недѣли тому назадъ, изъ которыхъ болѣе двухъ, заключила она, пролежало у Мурзина и въ карманѣ „Волка“) *вѣрнаго* случая для доставки его ей „въ собственныя руки“, и затѣмъ прямо приступалъ къ главному мотиву ея письма. „Я долженъ быть очень благодаренъ супругу *прекрасной госпожи Сусальцевой*“, иронически писалъ онъ, „съ которымъ не имѣю чести быть знакомымъ, хотя и встрѣчались мы каждый день въ разныхъ мѣстахъ Италіянскаго государства, такъ какъ супруга его не только не сочла нужнымъ познакомить насъ, но и сама не нашла для себя удобнымъ признать во мнѣ единоутробнаго, о чемъ я

впрочемъ, какъ ты можешь себѣ представить, сожалѣю мало, а удивляюсь еще менѣе. Удивляюсь болѣе тому, что ты мнѣ пишешь о предложеніи ея мужа. Тебѣ должно быть извѣстно, что я эмигрировалъ изъ *кары патріи* не для того, чтобы набивать себѣ карманы коммерческими предпріятіями, а чтобы служить честному дѣлу, которому посвятилъ всю жизнь. Убѣжденія мои тебѣ извѣстны, и никакія силы въ мірѣ, ни личныя соображенія не заставятъ меня измѣнить имъ какъ здѣсь, такъ и въ Россіи, куда я могу очень неожиданно для тебя вернуться въ *болѣе или менѣе близкомъ будущемъ*.”

Послѣднія слова эти были два раза подчеркнуты въ подлинникѣ.

— Онъ пишетъ, что, можетъ быть, скоро будетъ въ Россіи! испуганнымъ голосомъ воскликнула Настасья Дмитріевна, дойдя до этого мѣста.

— Вызовутъ, такъ само собой вернется, повелъ на это плечомъ „технологъ“.

— „Вызовутъ!“... Кто?

Онъ поглядѣлъ на нее сверху внизъ:

— Извѣстно, кто: мы.

— Для чего, на чтѣ онъ нуженъ вамъ?

— Ну, ужъ это дѣло не ваше!

Она поledenѣла вся; ей ясно представилось, что *они* могутъ вызвать *его* лишь для какого-нибудь темнаго, „ужаснаго“ дѣла. Рыданіе сперлось въ ея горлѣ.

— Уходите, довольно! махнула она ему отчаяннымъ движеніемъ.

— Это съ чего вы? хрипло спросилъ онъ, насупившись и кусая губы.

— Оставьте вы его, пощадите! растерянно вырвалось у нея.

— Эхъ вы! гражданскаго-то чувства ни на грошъ не осталось! Поганый, узкій эгоизмъ семейнаго курятника... А вѣдь изъ васъ, пожалуй, могъ бы толкъ выйти, добавилъ онъ чрезъ мигъ, какъ бы съ сожалѣніемъ окидывая ее новымъ взглядомъ.

Она какъ бы встряхнулась вся отъ этихъ словъ.

— Довольно, я вамъ сказала, перебила она его:—мнѣ говорить съ вами болѣе не о чемъ.

— И мнѣ-то болѣе нечего съ вами толковать, высококомѣрно возразилъ онъ,—а только вотъ чтѣ: болтать о томъ, что я къ вамъ сюда приходилъ, я вамъ не совѣтую.

— Я отъ васъ совѣтовъ никакихъ принимать не намѣрена и ни къ чему не обязываюсь.

— Ну, это вы лжете, самоувѣренно и дерзко отрубилъ онъ,—потому знаете, что у насъ по Моисееву закону: око за око, зубъ за зубъ; за себя не боитесь, такъ вѣдь руки у насъ длинныя, до Володьки достануть.

И такъ дѣйствительно безпощадно-страшно сверкнулъ пристально остановившійся на ней взглядъ его при этомъ, что слова замерли въ ея горлѣ и вѣки сожмурились во мгновенномъ, нервномъ испугѣ, побороть который въ эту минуту была она не въ силахъ.

Когда отерла она ихъ опять, „Волка“ уже не было въ комнатѣ.

IX.

„Волкъ“, выходя отъ Настасьи Дмитріевны, походилъ дѣйствительно на того звѣря, названіемъ котораго окрещенъ былъ въ обществѣ своихъ единомышленниковъ. Онъ весь, словно оцетинясь и сверкая запламенѣвшими глазами, быстро шагаль по пыльной дорогѣ, направляясь обратно ко Всесвятскому по тому же образу пѣшаго хожденія, по которому пришелъ и оттуда въ Юрьево. Десяти, пятнадцативерстные переходы были шуточнымъ времяпровожденіемъ для человѣка, исходившаго сотни такихъ вертъ по Забайкальскимъ вершинамъ и низямъ, въ пору бѣгства его съ каторги. Онъ воспользовался сегодня отлучкой дня на два по заводскимъ дѣламъ начальника своего, Владиміра Христіановича Пеца, въ Москву и, выйдя изъ села съ палочкой въ рукѣ какъ бы для прогулки, *отмахалъ* въ три часа разстояніе, которое мужицкая лошадь едва успѣла бы пробѣжать своею мелкою рысцой за это время. Неутомимъ былъ „Волкъ“ и тѣломъ, и вѣчною кипѣнью своего духа. Но духъ этотъ былъ возмущенъ въ настоящее время перенесенной имъ сейчасъ „неудачей“. Онъ никакъ не ожидалъ, что будетъ возвращаться „отъ этой особы“ *ни съ чѣмъ*. Ему въ Москвѣ, откуда отпраплялся онъ съ извѣстною намъ карточкой Мурзина къ Троженкову, было „положительно“ сказано, что онъ „въ весьма непродолжительномъ времени получить извѣстныя *инструкціи* и деньги чрезъ эту самую *особу*, имѣвшую ѣхать въ ту мѣстность“. Онъ зналъ особу эту издавна, зналъ за сестру „Володьки“ Буйносова, „выученика“ своего въ „дѣлѣ революціи“, и которая въ „тѣ дни“ единомыслила съ братомъ во многомъ“,

а теперь, полагая онъ, послѣ ссылки этого любезнаго ей брата, и „совсѣмъ, должно быть, *ютова*,—не даромъ же состояла она“, по соображенію его, „въ *кружку* такого человѣка, какъ Мурзинъ“... И вдругъ—„осѣчка“: никакихъ инструкцій“, и не *своя*, а врагъ—прямой врагъ, и къ тому же „характеръ“, съ которымъ ничего не подѣлаешь (онъ былъ слишкомъ опытенъ въ практикѣ борьбы съ чужою волей, чтобы не понять сразу, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло). Онъ и не пытался, какъ мы видѣли, переубѣждать, ни даже вовлечь ее въ серьезное разсужденіе; „плюнуть и ушелъ“, говорилъ онъ себѣ теперь *фигурально*, „зарубивъ ей только на память, что руки *у нихъ* длинны и что, *въ случаѣ чего*, не одобровать ни ей, ни Володкѣ“. „И придушимъ, коли чтѣ“, бормоталъ онъ на-ходу съвозъ судорожно стиснутые зубы. Но въ груди его шевелилось и что-то другое, похожее на безпокойство. Онъ былъ не доволенъ и Мурзинымъ, и собою... „Какъ же такъ, зря, прямо указать, что вотъ такая-то передать тебѣ... А она вонъ что за *тварь* выходитъ... И теперь она меня съ лица признала, и чортъ ее еще знаетъ, не способна-ли она дѣйствительно“... „Волеъ“ не договаривалъ и нервно надувалъ щеки. „И никакого извѣщенія ни изъ Москвы, ни изъ Питера, оставаться, аль *махнуть* въ Кіевъ, на свиданіе съ *тамошними*, какъ было о томъ предположеніе. Деньги теперь есть, какъ бы опять на слѣдъ свой жандармовъ не навести... Нѣтъ хуже, какъ вотъ такъ, Иваномъ Царевичемъ, на перепутьи стоять, вправо аль влѣво итти — не знать, а настоящее дѣло, можетъ, въ это самое время у тебя изъ рукъ выплыло“. „Волеъ“ былъ въ нѣкоторомъ родѣ романтикъ этого своего *дѣла*. Оно влекло, обнимало, поглощало его всего этою своею именно романическою стороною, мрачною поэзіей подпольнаго житія, непрерывнымъ напряженіемъ нервовъ въ непрерывной битвѣ за существованіе, блаженными минутами только-что избѣгнутой смертельной опасности и торжества изоцранныхъ обмановъ надъ вражьими предосторожностями и розысками. Онъ въ самыхъ неуспѣхахъ *партии* почерпалъ каждый разъ новую бодрость, находилъ новые поводы къ убѣжденію себя и товарищей въ неминувости ея ближайшей по-

бѣды, умѣя съ какою-то особою проникательностью отыскивать Ахиллесову пятю противника и изобрѣтать новые виды и способы *предпрятій*, направленныхъ противъ него. Въ *partii*, или, говоря вѣрнѣе, въ средѣ высшихъ руководителей ея, столько же цѣнили эти неотъемлемыя качества „Волка“, сколько боялись безграничной дерзости его замысловъ, въ ту пору еще казавшихся слишкомъ смѣлыми „многимъ“. Онъ почитался „ничѣмъ не замѣнимымъ орудіемъ“, но „господиномъ о двухъ головахъ, бьющимъ слишкомъ на рискъ“, а потому до самаго *sanctum sanctorum* революціоннаго дѣла онъ не допускался. Тотъ таинственный Далай-Лама, въ рукахъ котораго, по догадкамъ „Волка“, должны были сходиться въ одинъ узелъ всѣ раскинутыя по Россіи нити „движенія“, оставался ему неизвѣстенъ, какъ не извѣстенъ былъ тѣмъ пѣшкамъ, которыми самъ „Волкъ“ самовластно двигалъ, личный персоналъ того загадочнаго „исполнительнаго комитета“, во имя котораго командовалъ „Волкъ“... Его до болѣзненности развитое самолюбіе и алчность ко власти мирились не легко съ тою оппозиціей, которую нерѣдко встрѣчали его предложенія у лицъ, занимавшихъ равное съ нимъ положеніе въ революціонной іерархіи, и которую объяснялъ онъ „несомнѣннымъ“—де вліяніемъ этого высшаго для нихъ, а ему невѣдомаго и ненавистнаго уже поѣтому авторитета; онъ и дѣйствовалъ, гдѣ могъ, на свой страхъ, не совѣтуясь съ другими и пользуясь лично имѣющимися у него подъ руками средствами и подначальною ему группой чистыхъ „анархистовъ“. Въ замыслѣ и подготовленіи покушенія 2 апрѣля онъ игралъ значительную роль, успѣвъ съ замѣчательною обдуманностью замести слѣды свои настолько, что дѣйствительное участіе его въ немъ осталось не только не доказаннымъ, но даже проблематическимъ для производившагося по этому дѣлу въ то время слѣдствія. Обстоятельство это объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что настоящее имя „Волка“, то, подъ которымъ судился онъ и осужденъ былъ въ процессѣ *ста девяноста трехъ*, не значилось болѣе въ судебно-полицейскихъ спискахъ политическихъ преступниковъ. Онъ помѣченъ былъ тамъ утонувшимъ въ одномъ изъ прито-

ковъ Ангары во время бѣгства съ завода, на которомъ долженъ былъ отбыть назначенный ему судомъ срокъ каторги, чему основаніемъ послужило полученное отъ сибирскаго начальства донесеніе съ обстоятельнымъ изложеніемъ подробностей этого случая и законно засвидѣтельствованными показаніями двухъ Бурятъ и какого-то казака, представившихъ даже выброшенную на берегъ теченіемъ шапку бѣжавшаго, послѣ того какъ самъ-де въ виду ихъ, свидѣтелей, преслѣдовавшихъ его, „пошелъ влючомъ ко дну, не доплывъ и до половины рѣки“. Насколько при этихъ показаніяхъ обманывали, или сами обмануты были помянутые свидѣтели — вопросъ, на которомъ мы останавливаться не станемъ. Но законно засвидѣтельствованный фактъ смерти извѣстнаго по *Жихаревскому* процессу революціонера отнималъ естественнымъ образомъ у слѣдователей всякій поводъ узнать его въ лицѣ, промелькнувшемъ *какъ-то сбоку* въ разслѣдованіи настоящаго преступнаго дѣла. „Волькъ“ былъ для нихъ лицо новое, безъ живаго образа, съ неизвѣстнымъ прошлымъ, на которомъ можно было бы построить какую-нибудь близкую къ истинѣ гипотезу для уразумѣнія степени его личнаго участія въ преступленіи. Онъ могъ поэтому безъ особенныхъ затрудненій выйти изъ Петербурга и найти въ Москвѣ указаніе, куда итти дальше для исчезновенія и *вовсе* на время съ „главной арены движенія“... У Троженцова, какъ намъ извѣстно, узналъ онъ о заводѣ во Всесвятскомъ и о владѣющемъ онымъ „магнатѣ“, и весьма основательно разсудилъ, что надежнѣйшее на нужное ему время отдыха убѣжище можетъ онъ найти подъ кровомъ этого „аристократа“, подъ которымъ „менѣе всего“, конечно, стануть искать его „шпионы“.

Въ расчетѣ своемъ „Волькъ“ не ошибся и мирно проживалъ уже третью недѣлю подъ крыломъ Владиміра Христіановича Пеца, занимаясь немудренымъ дѣломъ заводской переписки, трапезуя здорово и сытно и внушая возрастающее съ каждымъ днемъ довѣріе ближайшему начальнику своему тѣмъ усердіемъ и „безответностью“, съ которыми онъ велъ свое письменное дѣло и исполнялъ кое-какія порученія, которыя давались ему собственно по заводу... На заводѣ онъ

близко присматривался и прислушивался къ нравамъ, настроенію и сужденіямъ рабочихъ—и со свойственною ему сообразительностью смекнулъ съ первыхъ же разовъ, что „никакой пропаганды“ тутъ вести нельзя. Рабочимъ было слишкомъ жить хорошо при тѣхъ „Лассалевскихъ“ порядкахъ, какъ выразилась когда-то Настасья Дмитріевна Буйносова Владиміру Христіановичу *), которые введены были въ заводское положеніе Всесвятскаго, чтобъ оставалась малѣйшая надежда возбудить среди нихъ смуту. Да „Волеж“ и не думалъ о „пропагандѣ“. Онъ одинъ изъ первыхъ въ партіи уразумѣлъ ложь и щетгу *хожденія въ народъ* и давно обозвалъ ее „идилліей тупоголовыхъ барановъ“. „Не съ того конца, по-дуралцы начато“, проповѣдывалъ онъ *своимъ*: „бей по головѣ, и во имя ея же веди массы къ анархіи“... Не даромъ же Володя Буйносовъ, послушный ученикъ его, еще до ссылки ихъ обоихъ говорилъ сестрѣ, что Русскій народъ можно поднять только „изъ-за царя, а не противъ царя“... **) „Волеж“ поэтому внимательно выслѣживалъ то впечатлѣніе, какое недавнее покушеніе на жизнь „Государя-Освободителя“ должно было произвести на это многочисленное и почти все грамотное, слѣдовательно „болѣе развитое“, заводское населеніе. Но случаевъ разговаривать съ нимъ представлялось ему мало: на работѣ каждому было не до болтовни. А на „отероленные бесѣды“ въ кабакѣ разсчитывать было нечего, такъ какъ и кабаковъ-то ни одного верстъ на пять кругомъ „Троекуровскаго царства“ не существовало. Оставались одни воскресные дни, въ которые имѣлась возможность, прогуливаясь вечеркомъ по ближайшимъ деревнямъ, присѣсть на заваленкѣ къ „калякающимъ старикамъ“ и мало-по-малу навести искусно разговоръ на желанную тему.

Такъ и удалось сдѣлать на дняхъ „Волеву“, но воспоминаніе объ этой недавней его бесѣдѣ съ „мужичьемъ“, рядомъ съ тѣмъ, что онъ только-что вынесъ изъ разговора съ Лариной, усиливало еще въ немъ теперь то „сознаніе неудачи“ и

*) См. *Прологъ*, гл. XVI.

**) Тамъ же, гл. VI.

назойливое какое-то чувство беспокойства, съ которыми возвращался онъ во Всесвятское.

Онъ шелъ быстрымъ, гимнастическимъ шагомъ, глядя себѣ подъ ноги, весь погруженный въ невеселыя размышленія.

Шумъ мчавшагося за нимъ по дорогѣ экипажа заставилъ его первымъ, бессознательнымъ движеніемъ кинуться въ сторону за кусты, мимо которыхъ, рядомъ съ дорогой, лежала протоптанная пѣшеходами тропинка, и, уже скрытый этими кустами, глянулъ онъ на перегонявшую его коляску четверкой, въ которой, глубоко задумавшись въ свою очередь и прямо глядя предъ собою изъ-за опущенной вуали, ѣхала по одному съ нимъ направленію сестра „Володьки Буйносова“.

„У, проклятое барское отродье!“ пробурчалъ ей „Волкъ“ во слѣдъ съ невыразимою ненавистью.

Быль уже часъ осьмой на исходѣ. Экипажъ Лариной давно перегналъ его. Вотъ и послѣдняя, верстахъ въ двухъ отъ Всесвятскаго, лежащая на пути его деревня Бужарово. Онъ зашагалъ по длинной, единственной улицѣ ея, заворачивавшей крутымъ поворотомъ къ мосту, перекинутому черезъ протекавшую тутъ грязную рѣчку, и, очутившись за этимъ волѣномъ ея, остановился внезапно подъ инстинктивнымъ впечатлѣніемъ какой-то сразу почуянной имъ опасности.

У крайней, тотчасъ имъ узнанной, большой чистой избы, на приставленной къ стѣнѣ скамейкѣ сидѣлъ его патронъ, „генералъ“, а рядомъ съ нимъ длиннородый, сѣдой какъ лушь старикъ, котораго „Волкъ“ точно такъ же узналъ,—хозяинъ этой избы. Уложивъ руки на колѣни и обернувъ опущенную голову къ своему собесѣднику, онъ повидимому передавалъ ему нѣчто, чему тотъ внималъ, не отрываясь отъ него взглядомъ. Расположившіеся по другой сторонѣ улицы нѣсколько человекъ пожилыхъ крестьянъ слѣдили оттуда съ замѣтнымъ любопытствомъ за этимъ разговоромъ, представлявшимъ для нихъ, надо было полагать, какой-то особый интересъ. Одинъ изъ нихъ держалъ подъ уздцы красиваго караковаго иноходца, въпряженнаго въ легкій кабріолетъ, въ которомъ очевидно пріѣхалъ сюда „генералъ“.

Первымъ, такимъ же инстинктивнымъ побужденіемъ „Вол-

ка“ было—бѣжать. Но онъ былъ слишкомъ опытенъ и властенъ надъ собою, чтобы отдаться этому первому движенію. Бѣжать приходилось бы по той же улицѣ, впередъ или назадъ, на-виду у всѣхъ... Къ тому же тутъ лошади: „нагонить, спишетъ сразу. А тутъ, можетъ, и вовсе не о томъ“... пронеслось и не досказалось въ его мозгу.

— Да вотъ этотъ самый человѣкъ и есть, громко проговорилъ въ эту минуту сѣдой старикъ, увидавъ его первый своими зоркими мужицкими глазами, выпрямилъ свою согбенную спину и указалъ на него быстро протянувшимся въ сторону подходившаго пальцемъ.

Троекуровъ такъ же быстро обернулся на него.

Будто только ожидая этого, группа любопытствовавшихъ двинулась къ нимъ стѣной чрезъ улицу.

„Волеъ“, какъ бы не слыхавъ сказаннаго и не обращая ни на кого вниманія, зашагалъ опять впередъ, небрежно помахивая палочкой.

Но пройти мимо самого „генерала“ и притвориться, что не замѣтилъ его или не узналъ, было бы чрезчуръ „нелѣпо“, разсудилъ онъ, и, не доходя шаговъ пяти до Бориса Васильевича, снялъ шляпу, не замедляя шага и прищуриваясь какимъ-то невольнымъ морганіемъ вѣкъ на лѣсную чащу, зеленѣвшую по другую сторону моста, къ которому направлялся онъ.

— Пожалуйте сюда! услыхалъ онъ повелительный голосъ. Онъ остановился, поводя глазами съ видомъ человѣка неувѣреннаго, что влечуть именно его.

— Подойдите, я васъ зову, повторилъ Троекуровъ.

„Волеъ“ двинулся еще на шагъ, поднося опять руку къ шляпѣ.

— Вы состоите у Владиміра Христіановича въ конторѣ въ должности писмоводителя?

— Такъ точно, отвѣтилъ онъ, какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ: ты, молъ, знаешь, такъ зачѣмъ спрашивать?

— Фамилія ваша Бобруйскій?

— Бобруйскій.

„Генералъ“ обернулся къ старику:

— Онъ?

— Самый онъ и есть, какъ сказывалъ тебѣ, ваше превосходительство. Не одинъ я, вотъ сосѣдей спроси, указалъ старикъ на подошедшихъ крестьянъ;— всѣ тутъ слышали, какъ онъ это ономнися расписывалъ.

— Чаво это?

— А на счетъ того самаго, что господа быдто на Царя убивцу выслали.

— Такъ, такъ, знамо тотъ самый. Безпремѣнно, баить, господское это дѣло, потому некому какъ имъ... Батюшка-Царь народъ изъ-подъ земли вырылъ, всѣмъ травьтъ показаль, землей одѣлил, такъ за эвто, моль, самое господа, извести его хотять, милостивца нашего, загалдѣли крестьяне.

Приземистый, кривой мужиченко подползъ подъ самое ухо Бориса Васильевича:

— Смутьянъ, ваше превосходительство баринъ, возмущаль насъ поистинѣ!...

— Можетъ, самъ онъ изъ ихнихъ, изъ эвтихъ самыхъ некудашекъ, пробасилъ другой, взирая на „Волеа“ съ лютымъ лицомъ и неестественно вытягивая шею въ его сторону.

— Хорошо, вымолвилъ Борисъ Васильевичъ своимъ властнымъ голосомъ, подымаясь со скамьи:—не откажетесь подтвердить это, коли спросятъ васъ?

— Это, тоись, кто же, батюшка?

— Исправникъ, слѣдователь, все равно, кому требоваться будетъ.

Крестьяне не успѣли отвѣтить.

„Волеа“ браво выступилъ впередъ.

— Чтѣ это вы показывать будете? спросилъ онъ, поводя кругомъ искривившимися злымъ пламенемъ глазами.

Крестьяне какъ бы смутились на мигъ и подались назадъ, не отвѣчая.

— Чаво вы, испужались что-ли? выговорилъ уворительно все такъ же оставшійся сидѣть на скамьѣ старикъ:—при васъ говорилъ, сами сейчасъ предъ генераломъ показывали.

— Да чтѣ я говорилъ, дурачье? принялся вдругъ смѣяться „Волеа“,—сами болтали: „Бають, говорили, что царя господа

извести хотятъ“,—а я вамъ на это: „И я, говорю, слыхаль, да только мало-ли что люди врутъ“...

— Нѣ... неправда твоя... Самъ объ этомъ зачалъ. Доподлинно сказывалъ, что господа... И про присягательную господчину тоже, и про все прочее таковое... заголосили кругомъ.

— Врете вы, олухи! протестовалъ со своей стороны обвиняемый.

— Подай, братъ, сюда лошадь! крикнулъ Троекуровъ державшему ее.—Вы во Всесвятское шли? обернулся онъ къ „Волку“.

— Домой, пробормоталъ неувѣреннымъ голосомъ тотъ.

— Такъ я васъ доведу. Садитесь.

— Къ чему-жь это? я и самъ дойду... Для чего вамъ беспокоиться, ваше превосходительство! постыдился онъ принять тонъ, имѣвшій соотвѣтствовать подначальному положенію его относительно „патрона“.

— Садитесь, говорю вамъ! повторилъ Борисъ Васильевичъ тономъ, въ свою очередь не допускавшимъ возраженія.

„Волкъ“ быстрымъ взглядомъ обѣжалъ еще разъ окружавшихъ и молча вскочилъ въ кабриолетъ.

Троекуровъ сѣлъ подлѣ него, подобралъ вожжи.

— Пусти, спасибо!

Крестьянинъ, державшій лошадь подъ уздцы, отошелъ въ сторону.

— Прощай, Капитонъ... Сиди, сиди, ноги у тебя плохи! крикнулъ онъ владѣльцу избы, пытавшемуся подняться съ мѣста на прощаніе съ бариномъ, „генераломъ“.

— До свиданія, ребята!

— До свиданія, батюшка, ваше превосходительство, счастливо оставаться! зазвучали хоромъ голоса, закивали усердно крестьянскіе бороды и затылки.

Добрый конь понесся, плавно перебирая ногами. Мостовыя бревна гулко задрожали подъ ними... Дорога пошла лѣсомъ.

— Я, ваше превосходительство, заговорилъ вдругъ Бобруйскій,—никакъ не могу понять смысла того, чтѣ сейчасъ тутъ произошло. Я въ чемъ-то будто обвиняюсь, между тѣмъ какъ...

— Я съ вами не говорю, не даль ему продолжать Борисъ Васильевичъ.

Онъ не глядѣлъ на него и правилъ, рачительно сдерживая иноходца на рытвинахъ и колеяхъ плохой лѣсной дороги.

„Задушить тутъ тебя сразу, а самъ въ лѣсъ“... промелькнуло опять въ мозгу „Волка“. Но онъ тутъ же машинально дернулъ плечомъ и погрузился въ размышленія. „Попался, да не совсѣмъ еще. Разсчитаетъ, само собою, бѣда не большая: на первое время у этого Троженкова схорониться можно, а тамъ увидимъ... Вотъ если полиціи выдать думаетъ, такъ тутъ опять вопросъ: къ чему придратъся могутъ? Разговоръ съ крестьянами—ерунда; на томъ и стоять буду, что они же говорили, а я только то и сказалъ, что дѣйствительно уже объ этомъ слышалъ, но что это, моль, однѣ людскія враки“.

И „Волкъ“ съ проясненнымъ уже челомъ глянулъ искоса на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ „генерала“... „Безстрашный тоже!“ промолвилъ онъ мысленно, съ какою-то странною смѣсью одобренія и прирожденнаго чувства ненависти къ „барской породѣ“ взирая на невозмутимо спокойный обликъ этого „господина“, которому очевидно и въ голову не приходило, что помѣщавшійся рядомъ съ нимъ человекъ не обинюясь задушилъ бы его тутъ же, въ этомъ лѣсномъ безлюдьи, если-бъ это дѣйствительно понадобилось ему въ эту минуту.

Изъ-за деревьевъ мелькнули красныя стѣны и высокая дымящаяся труба завода Всесвятскаго, и кабріолетъ, огибая его, подкатилъ ко крыльцу небольшого флигеля, служившаго помѣщеніемъ Владиміру Христіановичу Педу. На крыльцѣ его, съ сигарой въ зубахъ, сидѣлъ кто-то, одѣтый въ полицейскій мундиръ, видъ котораго заставилъ „Волка“ безсознательно сморщиться. „Вотъ оно что, ждалъ меня, чортъ!... Обыскъ, знать, произвелъ ужъ“, сообразилъ онъ тотчасъ же— и тутъ же усмѣхнулся: „да найти-то ничего не нашель“.

Онъ угадалъ не совсѣмъ вѣрно.

— Вотъ господинъ Бобруйскій, проговорилъ Борисъ Васильевичъ, видая вожжи выбѣжавшему на ступь его кабріолета слугѣ управляющаго и подымаясь по ступенькамъ крыльца въ исправнику.

Тотъ приложилъ учтиво руку къ фуражкѣ въ знакъ благодарности и, не теряя времени, обратился къ „Волку“:

— Господинъ Бобруйскій, такъ?

— Сказали вамъ сейчасъ! грубо вырвалось у того въ первую минуту.

— Состоите здѣсь письмоводителемъ въ конторѣ? продолжалъ исправникъ совершенно спокойно.

— Состою.

— Давно?

— Третья недѣля будетъ.

— Паспортъ имѣете?

— Безъ того не приняли бы, полагаю, уже какъ бы шутиво и спокойнымъ, въ свою очередь, тономъ возразилъ спрашиваемый.

— Гдѣ онъ?

— Взять отъ меня, какъ водится, управляющимъ здѣшнимъ, господиномъ Пецомъ.

— Онъ, къ сожалѣнію, въ Москву уѣхалъ дня на два, сказалъ на, это Троекуровъ.

— Все равно-съ, ваше превосходительство, улыбнулся „Волкъ“, — паспортъ я сейчасъ могу предоставить, потому онъ у меня же со всѣми прочими въ конторскомъ шкапу.

Исправникъ и Борисъ Васильевичъ невольно переглянулись: „что у такихъ людей всегда паспорта въ порядкѣ, само собою разумѣется“, пронеслось у обоихъ ихъ въ мысли.

— Я васъ попрошу, отнесся опять исправникъ къ „письмоводителю“, — провести меня въ занимаемое вами здѣсь помещеніе.

— Сдѣлайте милость.

И онъ, повернувшись, зашагалъ къ заводу, гдѣ въ особомъ флигелѣ для служащихъ отведена была ему комната.

Исправникъ и Троекуровъ пошли за нимъ.

Навстрѣчу имъ попался шедшій изъ своей школы учитель Молотковъ съ однимъ изъ механиковъ завода.

— Я попрошу васъ, сказалъ имъ Борисъ Васильевичъ, — послѣдовать за господиномъ исправникомъ; ему нужны бу-

дуть понятые люди, добавил онъ, чуть-чуть усмѣхаясь, и, живнувъ имъ, направился къ себѣ въ домъ.

Проворный отставной служивый, состоявшій сторожемъ по корридору, на который, въ числѣ другихъ, выходила комната, занимаемая Бобруйскимъ, поспѣшно отворилъ ее имѣвшимся у него двойнымъ ключомъ. Въ ней, кромѣ мебели и бѣлья, съ которыми отдавались эти помѣщенія подъ жительство всѣхъ служащихъ на заводѣ должностныхъ лицъ, не оказалось на первый взглядъ ни одного предмета, принадлежащаго лично постояльцу ея, ни платья, ни сапоговъ, ниже чего-либо иного.

— Чтѣ же вашего тутъ есть? спросилъ у него невольно исправникъ.

Бобруйскій засмѣялся.

— Чтѣ на мнѣ видите, подчернулъ онъ,—то и есть.

— Дѣвствительно, что ничего у нихъ нѣту, ваше вскородіе, окромя что на себѣ, да перемѣны одной изъ бѣлья, счелъ нужнымъ подтвердить сторожъ, отворяя на обѣ половинки вдѣланный въ стѣнѣ шкапъ, въ которомъ „дѣвствительно“ оказалась одна свѣже вымытая ситцевая рубаха съ косымъ воротомъ.—Сакъ-вожатъ былъ съ ними такой махонькій, какъ они прибыли къ намъ, а больше ничего и не видалъ я у нихъ.

На лицѣ учителя Молоткова выразилось чувство какой-то цемящей жалости къ „несчастному.“

— Я слышалъ точно отъ Владиміра Христіановича Пеца, что господинъ Бобруйскій явился къ нему въ крайней нуждѣ, съ тѣмъ, чтѣ имѣлъ на тѣлѣ... и даже сутки не ѣвши.

Лицо исправника осталось безстрастнымъ.

— Гдѣ вашъ этотъ сакъ-вожатъ? спросилъ онъ.

— Можете полюбопытствовать, ухмыльнулся еще разъ Бобруйскій, шагнувъ къ кровати и вытаскивая изъ-подъ лежавшей на ней подушки подержаную до ветхости кожаную сумку съ плохо державшимся на ней мѣднымъ ободочкомъ замка, который онъ тотчасъ же и раскрылъ на обѣ стороны. Въ ней оказалось нѣсколько мѣдныхъ пятакѣвъ и десятокъ папирѣвъ, завернутыхъ въ оборванный кусокъ газетнаго лист-

ка, на оголовѣѣ котораго въ глаза исправника тотчасъ метнулся день его выхода: 3 апрѣля 1879 года.

Онъ быстро и зорко взглянулъ въ лицо „письмоводителю“.

„Что взялъ!“ прочелъ онъ какъ-то инстинктивно на этомъ лицѣ.

Исправникъ тутъ же опустилъ глаза на высокіе, забрызганные грязью сапоги „Волка“.

— Я попросилъ бы васъ разуться, сказалъ онъ.

Всклоченная голова Бобруйскаго вскинулась вверхъ неудержимымъ движеніемъ:

— Это вамъ на что же?

— Я васъ попрошу исполнить мое требованіе, медленно, но съ неотразимою настойчивостью произнесъ тотъ.

— Да что вы меня въ воровствѣ какомъ подозрѣваете! вскрикнулъ тотъ, сверкая глазами.

— Сапоги долой, говорятъ вамъ!

Дикая натура „Волка“ не выдержала. Быстрымъ, мгновеннымъ движеніемъ запустилъ онъ руку въ сапогъ подъ сгибъ голени... Что-то блестящее, металлическое сверкнуло въ немъ— и тутъ же звякнуло на полъ, выбитое кулакомъ винувшагося на него сторожа.

— А-а, револьверъ, такъ и надо было ожидать, невозмутимо проговорилъ исправникъ.

— Разувайтесь, господинъ, коли сказываютъ, говорилъ между тѣмъ бравый служивый, стискивая „для предосторожности“ вѣсть руки Бобруйскаго до боли.

Механикъ, вошедшій съ Молотковымъ, шагнулъ къ нему въ свою очередь, видимо возмущенный оказавшимся въ сапогѣ револьверомъ и готовый со своей стороны воспрепятствовать всякой дальнѣйшей попыткѣ виновнаго къ сопротивленію.

— Это не законно, я протестую! хрипѣлъ въ бѣшеномъ сознаніи своего безсилія тотъ.

— Выворачивай! скомандовалъ коротко исправникъ сторожу, между тѣмъ какъ Молотковъ, волнуемый самыми противоположными чувствами жалости, негодованія, брезгливости, отворачивался морщась къ окну.

— Пакетъ какой-то, ваше вскородіе! вскрикнулъ сторожъ, отворотивъ голенище и запуская руку до локтя въ глубь одного изъ сапоговъ: — деньги, стало быть, доложилъ онъ тутъ же, вытаскивая оттуда и протягивая исправнику пачку ассигнацій, обернутую въ порванный лоскутъ носоваго платка.

Исправникъ взялъ ихъ и, обернувшись къ Молоткову:

— Не потрудитесь-ли пересчитать? сказалъ онъ, кидая пакетъ на близъ стоявшій столъ.

Молодой учитель, съ замѣтнымъ отвращеніемъ перекидывая ассигнаціи ногтемъ указательнаго пальца, перечелъ ихъ.

— Четыреста семьдесятъ пять рублей, выговорилъ онъ тихо и какъ бы чрезъ силу.

— Это ваши деньги? отнесся исправникъ къ Бобруйскому.

— Значитъ мои, коли у меня нашли, отрёзалъ грубо тотъ.

— Это не резонъ, чуть-чуть усмѣхнулся исправникъ: — сейчасъ было заявлено, что вы пришли сюда „въ большой нуждѣ“ и даже голодный.

— А съ тѣхъ поръ я могъ и получить, почему вы знаете!..

— Бумажка какаясь, доложилъ въ это время сторожъ, шарившій въ другомъ сапогѣ.

— Покажи!

— Это былъ обрывокъ какого-то, наполовину вылинявшаго письма, нѣкоторыя строки котораго можно было однако прочесть безъ затрудненія. Затрудненіе, какъ могъ тотчасъ же въ этомъ убѣдиться исправникъ, заключалось въ ихъ содержаніи: онѣ не представляли никакого смысла и походили на какой-то безсвязный подборъ словъ, какія пишутся иной разъ для пробы новаго пера. „Шифръ“, сказалъ онъ себѣ мысленно.

— Больше ничего? спросилъ онъ опять у сторожа.

— Ничего, а ни-ни, ‘ваше вскородіе, отвѣтилъ тотъ, захватывая сапоги за подошвы и встряхивая ихъ, обернувъ голенищами ‘внизъ.

— Позвольте обуть, значитъ, опять? иронически и съ полнымъ уже хлоднокровіемъ спросилъ „письмоводитель“.

— Можете... А затѣмъ попрошу васъ передать мнѣ вашъ паспортъ:—вы говорили, что онъ у васъ гдѣ-то въ швапу.

— Въ конторѣ, точно такъ... Могу свободно итти, или

почтете сперва нужнымъ связать мнѣ руки назадъ, какъ мазурику? спросилъ „Волкъ“ тѣмъ же хладновровно глумящимся тономъ.

— Мы пойдемъ за вами, отвѣтилъ на это просто исправникъ, давая ему этимъ понять, что не считаетъ нужнымъ принимать съ нимъ какія-либо „эстраординарныя мѣры“.

Слухъ объ „обыскѣ у письмоводителя“ успѣлъ уже между тѣмъ разнестись по всему заводу. Цѣлая толпа набралась въ корридоръ, тѣснилась у дверей комнаты....

— Позвольте пройти, господа, говорилъ исправникъ, выходя изъ нея вслѣдъ за Бобруйскимъ,—и ничего любонитнаго нѣтъ, я попросилъ бы васъ разойтись.

Оттѣснились, но не послушались, и вся толпа длиннымъ хвостомъ потянула за направлявшимися въ контору лицами.

Извѣстное уже намъ свидѣтельство, выданное изъ Технологическаго Института бывшему студенту Бобруйскому, оказалось дѣйствительно въ шкату въ числѣ конторскихъ бумагъ.

— Хорошо-съ, сказалъ исправникъ, улаживая его въ карманъ:—я попрошу васъ подождать меня здѣсь минуту.

— А мои деньги! вскрикнулъ „письмоводитель“.

— Онѣ будутъ переданы мною здѣшнему владѣльцу и, если окажутся дѣйствительно вашими, будутъ возвращены вамъ въ свое время.

— Это когда же, то-есть? крикнулъ „Волкъ“.

Исправникъ не отвѣчалъ, обвелъ глазами комнату съ набившимся въ нее народомъ и вышелъ, направляясь къ дому.

„Волкъ“ въ свою очередь повелъ вокругъ себя взглядомъ звѣря, попавшагося въ клетку. „Уйти нельзя“, это было для него ясно. Онъ презрительно ухмыльнулся, опустил на стулъ и, обернувшись на Молоткова:

— Папироску можете дать? уронилъ онъ высокомѣрно, будто одолая его этимъ обращеніемъ къ нему.

Тотъ молча, стараясь не глядѣть на него, протянулъ ему свой портъ-сигаръ...

— Владимира Христіановича нѣтъ, и я не могу сказать навѣрное, отвѣчалъ Троекуровъ на сообщеніе зашедшаго къ нему для этого исправника о результатахъ обыска,—но заранѣе

появляться готовъ, что найденныя вами деньги не похищены у насъ. Эти люди подкапываются подъ казначейства, но не таскають платковъ изъ кармана. Во всякомъ случаѣ вопросъ о воровствѣ слѣдуетъ, мнѣ кажется, вовсе устранить. Онъ пришелъ сюда съ этими деньгами...

— И я то же думаю, кивнулъ утвердительно исправникъ.

— А нужда и голодъ пущены были въ дѣло въ виду разжалобить моего добраго Пеця. Надо было ему усѣсться тутъ, найти надежный центръ, откуда могъ бы онъ раскинуть свою паутину...

— И не глупо придумано, усмѣхнулся его собесѣдникъ:— если его ищутъ, такъ менѣе всего, рассчитывалъ онъ, сунутся сюда...

— Во владѣнія такого извѣстнаго ретрограда, какъ вашъ покорный слуга, усмѣхнулся слегка Борисъ Васильевичъ:— это вѣрно. И дѣйствительно могъ бы онъ прожить здѣсь долго въ полной безопасности: мой добрякъ Пецъ въ восхищеніи былъ отъ его исправности и скромности. Да натура не выдержала, языка сдержать не могъ.

Троекуровъ передалъ о показаніи крестьянъ и о предварительномъ разговорѣ своемъ со старикомъ Капитономъ, умнымъ и степеннымъ домохозяиномъ, котораго онъ давно зналъ и любилъ и который со своей стороны питалъ къ „генералу“ полное, такъ рѣдко теперь встрѣчаемое въ отношеніяхъ „народа“ къ „господамъ“, довѣріе.

— Спасибо вашему превосходительству, сказалъ исправникъ,—безъ вашего содѣйствія, на формальный спросъ, который нужно мнѣ будетъ имъ сдѣлать, крестьяне, пожалуй, не стали бы отвѣчать откровенно, а теперь имъ отказать нельзя: я сошлюсь на то, что они вамъ говорили.

— Пожалуй. Вы человѣкъ новый въ уѣздѣ, они васъ еще не знаютъ. Ну, а мнѣ они съиздавна привыкли вѣрить... А впрочемъ они такого франта ни въ какомъ случаѣ покрывать бы не стали: не любить у насъ народъ этихъ *некудашекъ*.

— „Некудашекъ“? повторилъ вопросительно исправникъ. Борисъ Васильевичъ усмѣхнулся.

— Не слыхали до сихъ поръ? Удивительно мѣтокъ нашъ

народъ на прозвища. *Некуда* итти, *некуда* дѣваться, ни на что негодный человекъ...

— Да, видно не долюблываетъ онъ ихъ. Я, признаюсь, нѣсколько удивился даже послѣдности, съ которою прибѣжалъ мнѣ объ этомъ донести сотскій изъ той деревни, прямо, помимо становаго...

— Тутъ все того же Капитона рука. Безъ ногъ ужъ старикъ, еле движется, а все знаетъ, все видитъ и всѣмъ ворочаетъ тамъ... Когда вы заѣхали сегодня сообщить мнѣ объ этомъ, я разсудилъ, что я скорѣе, или вѣрнѣе, ближе узнаю отъ него всю подноготную, и просилъ васъ обождать меня здѣсь, пока самъ съѣзжу. Оказывается, что этотъ „некудашка“ дѣйствительно подъ видомъ прогулки являлся уже нѣсколько дней сряду по вечерамъ въ деревню, прилаживался къ крестьянамъ и заводилъ издалека разговоръ о событіи 2 апрѣля, которое гораздо болѣе волнуетъ народъ, сказать кстати, чѣмъ это вообще могутъ думать. Норовилъ онъ поддѣлаться совершенно подъ негодующее чувство крестьянъ и страхъ ихъ за любимаго Царя, такъ что на первыхъ порахъ они относились къ нему какъ бы даже сочувственно. Ну, а затѣмъ онъ и началъ на тему „господскаго“, будто бы, заговора „противъ Царя-Батюшки, желающаго-де надѣлать народъ остающагося у помѣщиковъ земель, а господъ взять всѣхъ на жалованье“. Тутъ они и насторожились; проповѣдь эта въ нашей мѣстности никакого успѣха имѣть не можетъ... И съ этой стороны, смѣю сказать, выговорилъ Борисъ Васильевичъ съ какою-то невольною гордостью,—мое почти двадцатилѣтнее пребываніе здѣсь не осталось безъ добраго вліянія. Что ни толкуй наши умники о прирожденномъ, исторически развившемся будто недоверіи и недобрыхъ чувствахъ „мужика“ къ „барину“, я смѣю сказать, что это ложь, будь только *баринъ* настоящій, а не прощальга-эксплуататоръ или не петербургскій верхоглядъ. Меня здѣсь знаютъ крестьяне на сто верстъ кругомъ и изъ-за ста-верстъ приходятъ за совѣтомъ...

— И за помощью, Борисъ Васильевичъ, я это знаю, въ которой вы никогда не отказываете.

— Не отказываю, нѣтъ, потому что знаютъ, что я даю ее

только тѣмъ, кто въ ней истинно нуждается, а дармоѣдовъ, порывающихъ сорвать „что изъ милости“ у человѣка имущаго, гоню въ шею. И это народъ здѣсь понимаетъ и, позволю себѣ сказать опять, уважаетъ меня, можетъ быть, болѣе всего за то именно, что я никакимъ дряннымъ людишкамъ потачки не даю...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы застыдяся того, что такъ долго говорилъ о себѣ...

— Вы, говорите, нашли у него лоскутовъ письма какого-то шифромъ?

Исправникъ вынулъ этотъ лоскутовъ изъ кармана и протянулъ ему:

— Да, и такой же влочокъ оборваннаго газетнаго нумера отъ 3 апрѣля,—дня, то-есть, когда въ газетахъ сообщены были первыя извѣстiя о покушенiи... Это конечно ничего не значить: онъ могъ, какъ и всякій другой изъ публики, купить экземпляръ газеты, гдѣ бы то ни было, изъ любопытства узнать подробности событiя, всѣхъ поразившаго... но мнѣ что-то говорить, что купленъ онъ былъ въ Петербургѣ, а что слѣдовательно молодецъ этотъ прибылъ оттуда прямымъ путемъ въ нашу мѣстность.

— Очень можетъ быть, по времени сходится... Вы его увезете съ собою?

И глаза Троекурова заморгали.

— Непремѣнно.

— И?..

— Отберу показанiя отъ крестьянъ, а его посажу, а затѣмъ сдамъ жандармамъ.

Борисъ Васильевичъ только кивнулъ.

— До свиданiя, еще разъ благодарю, ваше превосходительство.

Исправникъ пожалъ протянутую руку хозяина и вышелъ.

Въ конторѣ состояло все попрежнему. Бобруйскiй, сидя у конторскаго стола, молча и сосредоточенно курилъ папироски одну за другою, безцеремонно вынимая ихъ изъ оставшагося лежать на столѣ портъ-сигара Молоткова. Молодой учитель, отвернувшись отъ него, барабанилъ машинально пальца-

ми по стеклу закрытаго окна, предъ которымъ стоялъ. Въ душѣ его продолжало бороться чувство жалости съ воспоминаніемъ о непріятномъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него „письмоводитель“ при первой его встрѣчѣ съ нимъ у Владимира Христіановича Пеца и объ одномъ случайномъ его разговорѣ съ нимъ на совмѣстной прогулкѣ по саду Всесвятскаго, въ которомъ „этотъ человекъ“—Молотковъ это еще тогда замѣтилъ, но пропустилъ безъ вниманія,—какъ бы старался вывѣдать, какихъ именно „убѣждений“ держится онъ, Молотковъ... Еще увеличившаяся толпа любопытствующихъ все такъ же наполняла комнату и сосѣдній корридоръ.

— Я прошу рѣшительно, господа, выйти отсюда, съ неудовольствіемъ выговорилъ исправникъ, входя:—Ваше присутствіе здѣсь совершенно лишнее... Не угодно-ли вамъ будетъ собраться ѣхать со мною? отнесся онъ къ своему арестанту.

— Куда это? спросилъ тотъ съ тою же опять презрительною усмѣшкой безобразныхъ губъ, которая давала его наружности какой-то особенно антипатичный характеръ.

— Пожалуйте! сказала на это исправникъ, движеніемъ руки показывая ему на дверь.

— Сила солону ломить, хихикнулъ „Волкъ“ во весь ротъ, подымаясь съ мѣста:—будь по-вашему.

И онъ неспѣшнымъ, тяжелымъ шагомъ вышелъ въ корридоръ.

У крыльца стояла тройка подъ таранасомъ исправника.

— Ваше высокородіе, подбѣжалъ къ нему и залепеталъ механикъ, свидѣтель при обыскѣ,—не прикажете-ли къ вамъ на возлы сѣсть? Дорога у насъ, куда ни ѣхать, серозъ лѣсомъ пойдетъ, такъ чтобы не вздумалъ на ѣздѣ-то выскочить и бѣжать.

— А что же, пожалуй, садись!..

„Волкъ“ самъ между тѣмъ вскочилъ въ таранасъ и разсѣлся, продолжая дымить папирской въ углу его, съ видомъ человека, собирающагося въ пріятное путешествіе и желающаго совершить его самымъ комфортабельнымъ образомъ.

Исправникъ сѣлъ въ свою очередь. Механикъ полѣзъ на возлы.

— Трогай!

— Куда приважете? обернулся вучерь.

— Въ деревню Вужарово. Знаешь?

— Я знаю, отозвался механикъ:—изъ воротъ направо.

— Кланяйтесь Владимиру Христиановичу, авось скоро увидимся, крикнулъ бравурно „Волкъ“, подымая голову въ одну контору, изъ котораго отворившій его Молотковъ глядѣлъ невеселымъ взглядомъ на отъѣзжавшихъ.

Тарантасъ покатылъ.

X.

Dem bösen Geist gehört die Erde,
Nicht dem guten.

Schiller. *Wallensteins Tod.*

Степанъ Авимовичъ Троженковъ стоялъ на крыльцѣ своего дома въ Быковѣ, готовясь сѣсть въ поданную ему телѣжку и ѣхать по своимъ кабакамъ, когда хорошо знакомыя ему старыя дрожки покойной тетки графа Снядецаго-Лупандина, въ которыхъ совершалъ теперь свои путешествія по окрестнымъ весямъ пріятель его Свицовъ, вкатили на дворъ, и самъ онъ, завидѣвъ издалека еще хозяина, замахалъ ему поспѣшно пляпой съ видомъ челоуѣка, имѣющаго сообщить важную, нетерпящую отлагательства новость.

Троженковъ, велѣвъ своей телѣжкѣ отъѣхать отъ крыльца, къ которому подватывала экипажъ гостя, торопливо въ свою очередь сбѣжалъ со ступенекъ къ нему.

— Случилось что? спрашивалъ онъ не то съ любопытствомъ, не то съ какою-то невольною тревогой, объяснявшеюся сильно озабоченнымъ, чтобы не сказать мрачнымъ, выраженіемъ лица московскаго „браво“.

Тотъ соскочилъ съ дрожекъ своихъ наземь, подхватилъ его подъ руку и, подымаясь съ нимъ вмѣстѣ опять вверхъ по ступенькамъ крыльца, зашепталъ ему на ухо многозначительно и угромо:

— Нарочно къ тебѣ изъ города свернулъ, предупредить въ случаѣ, что ты тутъ можешь быть замѣшанъ...

— Что такое... въ чемъ замѣшанъ? повторилъ Троженковъ дрогнувшимъ голосомъ.

Свищовъ оглянулся, нагнулся еще ниже къ самому его уху:

— Этотъ твой-то, изъ Москвы, чтó собиралъ деньги на студентовъ...

— Ну?..

— Забрали!

Троженковъ поблѣднѣлъ:

— Жандармы?

— Исправникъ вчера вечеромъ изъ Всесвятскаго привезъ.

— Въ острогъ?

— Извѣстно.

— Съ чего это?

— Не знаю. Фаетъ только тотъ: привезъ и посадилъ... А ты надуть меня вздумалъ намедни: „въ Воронежскую, моль, губернію, на родину свою отправился“. А онъ во куда затесался: къ самому магнату на заводъ!

— Такъ я почему же зналъ! Какъ сказывалъ онъ мнѣ, такъ и я тебѣ...

— Ври больше!..

— Да ты говори настоящее, заметался Степанъ Авимовичъ:—видѣлъ ты его самъ что-ли?

— Гдѣ-жъ самъ! Говорю, вчера привезли, а я только сейчасъ ѣздилъ туда... Сторожъ управскій, Ефимъ, передавалъ...

— А съ чего-жъ Ефимъ этотъ его знаетъ, того?

— И не знаетъ онъ его совсѣмъ, а только видѣлъ, какъ пріѣхалъ съ „какимъ-то“ исправникъ, а отъ вучера исправникова узналъ, что „съ завода съ генеральскаго“. „Повезъ, говорить, его сначала на квартиру жандармскаго подполковника, да того дома не было: уѣхалъ къ кому-то въ гости въ деревню. Слѣдователя тоже въ городѣ нѣтъ. Такъ онъ его въ острогъ и сдалъ отъ себя“... И какъ описывалъ его съ лица Ефимъ, никто это другой, какъ онъ.

Троженковъ слушалъ, видимо смущенный и растерянный, устремивъ на говорившаго какъ бы вдругъ совершенно потухшіе глаза.

— Чтó, братъ, штука скверная, проговорилъ его пріятель съ какою-то смѣсью ироніи и сожалѣнія, косясь на него въ свою очередь:—говорилъ я тебѣ, не сдобровать... А я, поспѣ-

шилъ онъ вдругъ прибавить,—такъ это напередъ и знай, коли потянуть меня къ допросу, все покажу, какъ было, что онъ у тебя съ нами ужиналъ и собиралъ пожертвованія на „преслѣдуемую правительствомъ учащуюся молодежь“, и что я одинъ на это денегъ не хотѣлъ дать, потому я приверженецъ порядка, законности и прочаго...

— Ну, это брешешь, отвѣтилъ неожиданно Троженковъ, подымая голову и какъ бы совершенно уже совладавъ со своимъ первымъ впечатлѣніемъ, — не покажешь, потому что деньги давалъ и твой графъ петербургскій, а онъ у тебя теперь первый козырь въ игрѣ.

Московскій „браво“ расхохотался теперь уже во весь ротъ.

— Не напугаешь вѣдь тебя, старую лису, всякую штуку знаешь... А все же дѣло свѣрное и для тебя, какъ я понимаю, заговорилъ онъ опять серьезнымъ тономъ: — если станутъ выслѣживать и доберутся, что онъ у тебя тутъ былъ... Самъ онъ конечно не покажетъ, люди эти не выдаютъ своихъ.

— Да ты съ чего-жь взялъ, что я ему „свой“? воскрикнулъ съ какимъ-то даже не совсѣмъ лицемѣрнымъ негодованіемъ Степанъ Авимовичъ:—видѣлъ я его тутъ, какъ и ты, въ первый разъ отъ роду; отъявился онъ ко мнѣ съ карточкой одного знакомаго...

Онъ опять задумался:

— Треба дѣло сіе справить, пробормоталъ онъ и, поднявъ глаза на Свицова:—въ Москву треба сейчасъ ѣхать, пояснилъ онъ.

— Эй, Оедька!

Выбѣжавшему на этотъ зовъ малому онъ приказалъ уложить ему въ сакъ перемѣну бѣлья, гребешокъ и щетку и ждать его домой къ завтраму вечеромъ.

— Ну, заявилъ ему московскій „браво“, когда они остались опять на крыльцѣ,—а я, такъ и знай, раньше къ тебѣ не буду, какъ когда все это ты „справишь“, не то, пожалуй, еще попадешься съ тобою, а у меня, братъ, кожа одна, не купленая, такъ я ее беречь долженъ.

— И береги, и береги себѣ ее, и ничего отъ тебя я и не

прошу; тилипайся *) соби, яѣъ знаешъ, язвительно засмѣялся на это Хохоль,—ловкій ты, ловкій самъ какъ лисъ и шельма прожженная.

— Не даромъ я, братъ, хохоталъ на это въ свою очередь тотъ,—всѣ части свѣта произошелъ, людей насъвозъ видѣть научился.

Пріятели затѣмъ, покивавъ другъ другу самымъ дружелюбнымъ образомъ, сѣли каждый въ свой экипажъ и покатали одинъ вслѣдъ за другимъ въ ворота, за которыми развѣхались одинъ вправо, другой влѣво.

Дорога была гладкая, лошади добрыя, и Степанъ Авимовичъ успѣлъ прибыть въ городъ за цѣлый часъ до отхода поѣзда въ Москву. Онъ за это время повидался со сторожемъ Ефремомъ, шустрымъ и пронырливымъ малымъ, знавшимъ всегда и все, что происходило въ маленькомъ городкѣ, и отъ котораго за „цѣлковый рупъ“ можно было все провѣдать, и съ секретаремъ мирового съѣзда, желчнымъ господиномъ изъ бывшихъ учителей уѣзднаго училища, ненавидѣвшимъ „по принципу“, какъ выражался онъ, *администрацію*, — и убѣдился изъ ихъ сообщеній (секретарь жилъ прямо насупротивъ квартиры исправника и видѣлъ привезеннаго имъ вчера арестанта), что „забранный“ во Всесвятскомъ былъ дѣйствительно, какъ говорилъ Свищовъ, не кто иной, какъ явившееся къ нему съ карточкой Мурзина лицо, назвавшееся ему технологомъ Бобруйскимъ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера поѣздъ привезъ его въ Москву. Онъ взялъ извозчика и велѣлъ везти себя въ Старую Конюшенную.

Не доѣзжая шаговъ на двадцать до дома, гдѣ жилъ тотъ, къ кому онъ ѣхалъ, Троженковъ отпустилъ извозчика, далъ ему проѣхать далѣе и исчезнуть въ ночной тмѣ, а самъ неспѣшнымъ и осторожнымъ шагомъ дошелъ до этого дома и дернулъ такимъ же неторопливымъ движеніемъ за пуговку

*) *Тилипайтсья*, по-малороссійски: мотаться, барахтаться, качаться.

звонка, блестящаго мѣднымъ ободкомъ при свѣтѣ уличнаго фонаря.

Дверь полуотворилась и въ ней показалась рослая фигура парня въ сибирякъ, служившаго въ домѣ привратникомъ.

— Къ кому вамъ-съ? какъ бы недовѣрчиво оглянувъ быстрымъ взглядомъ прибывшаго, спросилъ онъ.

— Желалъ бы видѣть Степана Михайловича Мурзина, отвѣтилъ тотъ скороговоркой:—дома онъ?

Парень отвѣтилъ не сейчасъ:

— Дома-съ... Только они въ этотъ часъ не принимаютъ, потому заняты...

— Меня онъ приметъ, я знаю, живо возразилъ Троженковъ.

— А какъ о васъ сказать? спросилъ, подумавъ, тотъ.

Степанъ Акимовичъ подумалъ въ свою очередь. Онъ почиталъ „излишнимъ“ называть себя этому „подозрительному“ привратнику...

— Погоди, вотъ сейчасъ.

Блестящая мысль осѣнила его. Онъ вытащилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ бумажника сохранявшуюся тамъ карточку самого Мурзина, съ которою явился къ нему арестованный во Всесвятскомъ, быстро надписавъ на ней карандашемъ „отъ Бобруйскаго“ и передалъ ее парню.

— Снесите ему сейчасъ.

Тотъ молча пропустилъ его въ сѣни, заперъ за собою и за нимъ входную дверь и, указавъ ему рукой на ясеневый плетеный диванъ, прѣставленный къ одному изъ боковъ подымавшейся вверхъ широкой лѣстницы,—посидите, молъ, пока,—неспѣшно поднялся самъ во второй этажъ.

„Какъ до министра какого, сразу не допустить“, язвительно говорилъ себѣ Степанъ Акимовичъ въ ожиданіи его возвращенія.

Дѣйствительно, прошло минутъ десять, пока слышались ему опять шаги на лѣстницѣ и голосъ привратника, звавшаго его сверху:

— Пожалуйте, просятъ.

Невзрачнаго вида пожилая женщина, съ недобримъ взгля-

домъ и подтянутыми къ низу углами рта, приняла отъ него пальто въ передней и молча вивнула подбородкомъ на дверь первой комнаты, служившей гостиною, неосвѣщенной, или, вѣрнѣе, освѣщенной только свѣтомъ, исходящимъ изъ сосѣднаго съ нею кабинета хозяина. Троженковъ вошелъ, направляясь на этотъ свѣтъ.

Но въ это время вышелъ къ нему изъ кабинета самъ хозяинъ, держа свѣчу надъ головой:

— А, это вы... Я никакъ не могъ понять... Что-жь это вы прямо себя не назвали?

— Да у васъ тутъ швейцаръ такимъ лютымъ глядитъ, будто на мазурика какого, пускать даже не хотѣлъ. Можетъ, подумалъ я себѣ, вы чего опасаетесь, такъ я для вѣрности вамъ же карточку послалъ.

Мурзинъ сожмурился съ видимымъ неудовольствіемъ:

— Опасаться мнѣ нечего, пропустилъ онъ съвозъ зубы.— А къ чему вы это приписали „отъ Бобруйскаго“? быстро спросилъ онъ тутъ же.

— А оттого написалъ, что приѣхалъ нарочно изъ села поговорить объ этомъ съ вами.

Тотъ внимательно глянулъ на него своими холодными, блѣдноглубыми глазами и, указавъ ему на кабинетъ:

— Войдите пожалуйста, медленно выговорилъ онъ.

Онъ пропустилъ его впередъ и, затворивъ за собою дверь, спустилъ обѣ половинки висѣвшихъ надъ нею занавѣсей.

Гость уѣлся, по его нѣмому приглашенію, въ креслѣ, стоявшемъ близъ письменнаго стола, покрытаго всякимъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. Самъ хозяинъ опустился въ свое рабочее кресло съ деревяннымъ сидѣньемъ и спинкой и, наклонясь быстрымъ движеніемъ къ гостю, спросилъ полупопотомъ:

— Гдѣ онъ теперь, во-первыхъ?

— Въ острогѣ сидитъ, быстро прошепталъ тотъ въ свою очередь.

— Во... Бобруйскій? тутъ же поправился спрашивавшій, и его какъ бы застывшіе обычно глаза мгновенно блеснули и широко раскрылись.— Давно?

— Вчера взяли.

— Гдѣ, какъ случилось? спрашивалъ Мурзинъ, проводя себѣ рукой по лицу съ видимымъ намѣреніемъ не дать замѣтить охватившаго его волненія:—говорите!

— Чтѣ самъ знаю, то и вамъ передамъ, отвѣтилъ, поводя плечами, Степанъ Акимовичъ, стараясь тоже казаться совершенно спокойнымъ, между тѣмъ какъ глаза его тревожно допрашивали лицо собесѣдника, стараясь угадать по выраженію его, насколько дѣйствительно грозилъ имъ обимъ опасностью арестъ „этого человѣка“.

Мурзинъ внимательно выслушалъ его разсказъ. Онъ только слегка поморщился опять, когда Степанъ Акимовичъ счелъ нужнымъ повиниться ему въ томъ, что произнесъ его имя при представленіи Бобруйскаго своимъ гостямъ — „для авторитета“, объяснялъ онъ, „потому безъ того, съ какой стороны было мнѣ рекомендовать сего неизвѣстнаго“,—но не обратилъ видимо на это особаго вниманія, весь поглощенный важностью самаго факта.

— Онъ арестованъ незаконно! воскликнулъ Мурзинъ, когда Троженковъ кончилъ: — исправникъ не въ правѣ былъ *motu proprio* взять его безъ предварительнаго соглашенія съ судебнымъ слѣдователемъ... и въ данномъ случаѣ съ уѣзднымъ жандармскимъ начальникомъ, присовокупилъ онъ съ безглаголюющей гримасой,—такъ какъ предполагается тутъ, разумѣется, *политическое*, а не какое-либо иное злое дѣяніе. Онъ можетъ быть тотчасъ же освобожденъ на основаніи этого прокурорскимъ надзоромъ.

— И я то самое въ головѣ держалъ, закивалъ одобрительно Степанъ Акимовичъ:—коли-бъ умница нашъ, Семенъ Семеновичъ Тарахъ-Таращанскій, товарищъ прокурора, былъ сейчасъ въ городѣ, я-бъ и къ вамъ сюда не пріѣхалъ, потому онъ сего *небога* сейчасъ выпустилъ бы; я знаю... онъ ихъ всѣхъ, бисовыхъ дѣтей, станowychъ да исправниковъ якъ чортъ ладону не терпять.

— Онъ теперь въ Москвѣ и въ эту минуту даже *винтитъ* въ клубѣ, сказалъ Мурзинъ, подымая глаза на стоявшіе у

него на столѣ часы: — можно было бы сейчасъ его повидать, промолвилъ онъ, какъ бы соображая.

— Доброе дѣло! закивалъ опять Троженковъ, примолкъ на мигъ, а затѣмъ:

— Время только теперича очень скверное, вздохнулъ онъ вдругъ, — самое жандармское; можетъ, онъ и не рѣшится теперь, а?

И маленькіе глаза его такъ и впились въ лицо собесѣдника.

Та же мысль очевидно копошилась въ это время и въ мозгу Мурзина. Онъ весь какъ бы ушелъ въ себя; острые бѣлые зубы его нервно повусывали поджавшіяся губы, недвижные зрачки не отрывались отъ тѣхъ же часовъ, на которые устремились они за минуту предъ тѣмъ.

Такъ прошло еще нѣсколько мгновений.

— А дать его увести въ Петербургъ нельзя... Нельзя, повторилъ онъ какъ-то странно вѣско.

— Нельзя? повторилъ за нимъ вопросительно и гость, впиваясь въ него опять глазами.

— Нѣтъ... Человѣкъ нужный, отвѣтилъ тотъ какъ бы про себя, все такъ же не отводя глазъ отъ часовъ.

Троженковъ подошелъ къ нему съ кресломъ на самое близкое разстояніе и выговорилъ таинственно:

— Изъ главныхъ онъ, а?

Мурзинъ, словно пробужденный внезапно ото сна, встряхнулъ головой и обернулъ ее въ сторону гостя:

— Чтѣ это вы спрашиваете?... И кто-жъ его знаетъ: главный онъ, или не главный?... И на *что* онъ главный? Пустой это разговоръ только, извините! уронилъ онъ досадливо и пожалъ плечами.

— Такъ вы-жъ сами говорите, возразилъ нѣсколько обиженно Троженковъ, — что нельзя его дать на сѣденіе жандармамъ.

— Ну да, говорю; грѣшно давать губить людей способныхъ, преданныхъ дѣлу, на которыхъ партія прогресса можетъ возлагать твердыя надежды и...

Онъ вдругъ разомъ оборвалъ и закусилъ губу.

— А онъ же погибнетъ, когда Тарахъ не выпуститъ его сейчасъ изъ острога, ядовито выговорилъ Степанъ Акимовичъ.

Мурзинъ обернулся на него теперь уже всѣмъ тѣломъ и проговорилъ, словно отчезанивая:

— А въ такомъ случаѣ придется вѣроятно его оттуда вызволить.

Троженковъ какъ-то невольно откинулся на спинку своего кресла.

— Кто-жь это его „вызволить“ будетъ? машинально выговорилъ онъ.

— Не знаю... Вамъ, можетъ быть, поручать.

— Мнѣ? А не дай Боже! привскочилъ онъ даже на своемъ мѣстѣ.

— Вы были бы не одни, конечно, если-бъ это потребовалось, тѣмъ же медлительно вѣскимъ тономъ молвилъ на это Мурзинъ,—но содѣйствіе ваше, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстностью и имѣющаго тамъ нужныя отношенія, признаютъ, можетъ быть, необходимыми.

Степанъ Акимовичъ и руками замахалъ:

— А ну ихъ всѣхъ!

— Не захотите, протянулъ Мурзинъ,—такъ такъ и скажете; ваше дѣло... Разумѣется, примолвилъ онъ затѣмъ такимъ тономъ, отъ котораго у Троженкова пробѣжала мгновенно дрожь по спинѣ,—принимая уже на себя и всю отвѣтственность за тѣ послѣдствія, которыя можетъ повлечь вашъ отказъ.

„Зарѣжутъ, отравятъ, сѣрною кислотой обольютъ!“ проносилось въ перепуганномъ мозгу Степана Акимовича...

— Подумайте, залепеталъ онъ,—какъ же это я... никогда еще такой активной роли не приходилось мнѣ играть...

— Потому что до сихъ поръ не имѣлось въ васъ нужды. Но нѣто, принадлежащій къ извѣстному... лагерю, выговорилъ, какъ бы затруднившись на мигъ найти подлежащее выраженіе, Мурзинъ,—никто не въ правѣ отказать въ личномъ своемъ содѣйствіи, когда этого требуютъ общія цѣли.

— Общія цѣли, повторилъ, заикаясь отъ волненія, Троженковъ:—я, конечно, сочувствовалъ всегда, и не отказывалъ...

У Герцена еще корреспондентомъ былъ, не страшился никого...

Собесѣдникъ его усмѣхнулся пренебрежительною улыбкой:

— Ну, дѣло-то теперь посерьезнѣе выходитъ, чѣмъ въ розовую эпоху Герцена. Вѣдь вы идилліи съ нимъ разводили въ тѣ дни; это младенческое состояніе мысли давно пережито русскимъ... *освободительнымъ* движеніемъ, договорилъ онъ, опять приостановившись на мигъ на выборъ соотвѣтствующаго прилагательнаго.

— Я до вашихъ тайнъ никогда допущенъ не былъ, не знаю, отозвался на это Степанъ Акимовичъ.

Мурзинъ поглядѣлъ на него недовольнымъ взглядомъ, точно такъ же, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ глядѣлъ самъ Степанъ Акимовичъ на пріятеля своего Свицова, когда тотъ назвалъ Бобруйскаго ему „своимъ“, и отвѣтилъ ему почти такими же словами:

— Отчего же до *моихъ*, и какія такія тайны вы предполагаете? Я, какъ и всѣ сочувствующіе идеѣ прогрессивнаго движенія, служу ей и борцамъ за нее, насколько позволяетъ мнѣ это мое общественное, не только легальное, но и служебное положеніе, подчеркнул онъ,—а про тѣ какія-то особенныя „тайны“, на которыя вы почему-то намекаете, я ничего не знаю.

— Такъ все-жъ больше, чѣмъ я, *знаете*, уже съ нѣкоторою ядовитостью возразилъ Троженковъ.

Тотъ чуть-чуть усмѣхнулся опять.

— Немногимъ, можетъ быть, больше. Ступеней много на этой лѣстницѣ, до верху не добратся, вырвалось у него какъ бы невольно.

Но Степанъ Акимовичъ чутьемъ почувалъ, что загадочность этихъ словъ была намѣренна и имѣла въ виду произвести на него наибольшее впечатлѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ что это впечатлѣніе и произведено на него дѣйствительно, и что его тутъ же объялъ опять какой-то неотразимый терроръ этой незримой, но безконечно вверхъ тянущейся „лѣстницы“, съ одной изъ „ступеней“ которой, можетъ быть, ему изрѣчена

гибель за послушаніе... „Убьютъ, какъ пить дадутъ“, пронеслось у него опять въ мысли...

— Такъ вотъ что-съ, заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Мурзинъ:—не придумаетъ-ли онъ самъ средства уйти... Человѣкъ онъ находчивый, прибавилъ Мурзинъ, которому, очевидно для Степана Авимовича, былъ хорошо извѣстенъ „человѣкъ“, со своей стороны говорившій ему, Троженкову, что онъ Мурзина „никогда не видалъ“.

— А кто-жь его знаетъ, можетъ, и придумаетъ, я про то ничего не могу сказать.

— А передать ему туда записку можете?

— Передать...

— Ну да, уже нетерпѣливо проговорилъ Мурзинъ:—и въ центральныхъ тюрьмахъ съ ихъ инвизиторскимъ надзоромъ находятъ средство, а не то что въ какомъ-нибудь первобытномъ уѣздномъ острогѣ... И не такую даже простую вещь, записку, а всякій инструментъ, нужный для данной цѣли, отчеканилъ онъ въ заключеніе.

Степанъ Авимовичъ громко вздохнулъ:

— Постараюсь.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста такъ не говорите, — это *должно быть* сдѣлано.

И отъ „грознаго, какъ блескъ кинжала“, показалось Троженкову, звука этихъ словъ пробѣжала у него опять дрожь по спинѣ.

— Хорошо, исполню, промолвилъ онъ чуть слышно.

Хозяинъ поднялся со своего мѣста.

— Я попрошу васъ подождать меня здѣсь нѣсколько. Не поскучайте, примолвилъ онъ уже съ любезною улыбкой: — вотъ тутъ лежитъ послѣдній номеръ *Глашатая Европы*: прочтите тамъ во „внутреннемъ обзорѣніи“ очень бойкую выходку противъ нашихъ московскихъ генераловъ отъ обскурантизма.

Онъ направился къ маленькой, незамѣченной до сихъ поръ его гостемъ, оклеенной обоями двери, ведшей изъ кабинета въ его спальню—довольно большую комнату, служившую ему, повидимому, другимъ, *интимнымъ*, кабинетомъ, судя по за-

валенному бумагами столу, стоявшему у стѣны, противоположной той, у которой виднѣлась кровать, покрытая большимъ вязанымъ одѣяломъ, падавшимъ до полу.

За этимъ столомъ, опершись локтями о покрывавшее его сукно и уронивъ голову въ ладони, сидѣла молодая женщина, наклонившись надъ лежавшимъ предъ ней вырѣзаннымъ изъ какой-то газеты и слегка уже пожелтѣвшимъ отъ времени печатнымъ столбцомъ, рядомъ съ какимъ-то письмомъ.

Она такъ была погружена въ чтеніе или въ свои мысли, что не повернулась, очевидно не слыхавъ, на шумъ шаговъ вошедшаго Мурзина.

Онъ стоялъ теперь у самаго стола и съ мягкою усмѣшкой спрашивалъ ее тихо и ласково:

— Что, разобрали, Лидія Петровна?

Она вздрогнула вся, откинулась назадъ и какъ бы испуганно подняла на него свои темные, красиваго очерка глаза, казавшіеся особенно большими и блестящими отъ худобы и блѣдности ея красиваго, глубоко-печальнаго лица.

— Да, разобрала, произнесла она трепещущимъ голосомъ.

— Что же?

— Говорится, что назначено собираться въ Липецкѣ и когда... Больше ничего, прибавила она съ какимъ-то изнеможеніемъ.

— Ничего больше и не нужно, одобрительно закивалъ онъ:— въ Липецкѣ—хорошо, мѣсто центральное... Можете вы мнѣ сдѣлать удовольствіе, дитя мое?

Она, не отвѣчая, подняла только опять на него свои печальные глаза.

— Надо тѣмъ же шифромъ передать это свѣдѣніе въ запискѣ... къ одной личности, и прибавить къ этому слѣдующія слова: „Можете-ли бѣжать сами, или нужна помощь, извѣстите“.

Дѣвушка (читатель, не сомнѣваемся, узналъ въ ней ту Лидію Петровну Курсакову, съ которой онъ имѣлъ уже случай встрѣтиться у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ Лизаветы Ивановны Срѣтенской,) все также молча взяла крошечный листикъ почтовой бумаги изъ стоявшаго на столѣ

картона и принялась писать, вскидывая отъ времени до времени глаза на печатный столбецъ, заключающій въ себѣ, надо было полагать, влѣчъ къ тѣмъ непонятнымъ для обыкновеннаго смертнаго строкамъ, которыя выписывала она на этомъ листѣ.

— Спасибо, сказалъ Мурзинъ, принимая его изъ протянувшейся къ нему руки, когда она кончила, и нѣжно тутъ же пожимая эту руку. — Чтѣ, устали? спросилъ онъ, внимательно глядя ей въ лицо.

— Нѣтъ, слабо выговорила она, высвобождая пальцы свои изъ-подъ его губъ и проводя ими медленнымъ движеніемъ по лбу.

Онъ наклонился къ ней съ улыбкой, плохо серывавшею досадливое выраженіе, сказывавшееся въ его надвинувшихся бровяхъ:

— Упреки совѣсти опять!

Она не отвѣчала.

— Я, видно, безсиленъ успокоить ваши внутреннія возмущенія... И противъ чего, подумайте! Противъ того святаго дѣла, которому вы служите! тономъ упрека промолвилъ онъ.

— „Святаго“! повторила она глухо, кажимъ-то надтреснутымъ звукомъ.

Лицо его потемнѣло:

— Вы его можете всегда оставить, вы знаете, вы ничѣмъ не связаны, холодно уронилъ онъ.

Она быстро, страстно вскинула на него глаза:

— И тогда чтѣ же... кончено? зазвенѣлъ, обрываясь, ея голосъ.

Онъ пожалъ плечами:

— Разъ порвано будетъ то существенное, чтѣ связывало насъ, остальное исчезаетъ само собою.

Она закрыла себѣ лицо руками и припала ими къ столу. Плечи ея, спина вздрагивали отъ прорывавшихся у нея изъ груди рыданій.

Мурзинъ глядѣлъ на нее, опустивъ голову и нервно покусывая губу. Но ни единого слова не почелъ нужнымъ выговорить въ успокоеніе бѣднаго созданія.

Такъ прошло нѣсколько мгновений.

— Виноватъ, Лидія Петровна, сказала онъ наконецъ, отыскивая глазами картонъ на столѣ и вынимая оттуда обложку, въ которую вложилъ взятый у нея листикъ бумаги:—у меня тамъ въ кабинетѣ посѣтитель ждетъ эту записку; я пойду...

Она быстро откинулась отъ стола и повела кругомъ себя растеряннымъ взглядомъ:

— Который часъ? вскрикнула она какъ съ-просонковъ.

Мурзинъ вынулъ часы изъ кармана.

— Половина двѣнадцатаго.

— Ахъ, Боже мой,—она вскочила съ мѣста,—дома что подумаютъ! Я отпросилась къ одной знакомой... У нея я никогда такъ поздно не сижу. Папаша встревожится, пошлетъ за мною, а меня тамъ не будетъ...

Мурзинъ видимо встревожился въ свою очередь:

— Зачѣмъ вы мнѣ ранѣе не сказали? я бы не задержалъ васъ этимъ писаньемъ...

Онъ послѣшно подалъ дѣвушѣ лежавшія на стулѣ шляпку, ея и мантилью, которую накиннулъ ей на плечи.

— Ну, до свиданія, дитя мое, успокойтесь и спите хорошо, какъ можно ласковѣе старался онъ выговорить и, навлонившись къ ней, поцѣловалъ ее *отечески* въ лобъ.

Она безъ словъ припала этимъ лбомъ къ его плечу и залилась новыми слезами.

Онъ давно привыкъ властвовать надъ собою, но на лицѣ его помимо воли сказалось, что онъ охотно выпшвырнулъ бы ее въ эту минуту за окно... Онъ осторожно отстранилъ ее отъ себя и, прошептавъ ей на ухо: „Однако вамъ въ самомъ дѣлѣ пора, милая“, быстро прошелъ въ корридоръ, соединявшій жилия комнаты съ кухней и чернымъ ходомъ.

— Афімья! вкликнулъ онъ прислуживавшую ему пожилую женщину:—доведи барышню до перваго извозчика.

Лидія Петровна вышла за нимъ.

— Прощайте, какимъ-то внезапно сухимъ, обрывистымъ голосомъ произнесла она, проходя мимо него и протягивая ему руку.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ея, но она вырвала у него свои холодные, какъ ледъ пальцы и исчезла вслѣдъ за Аѳимьей.

„Чистое мученье!“ сказалъ онъ про себя, поглядѣвъ ей вслѣдъ, и быстрыми шагами повернулъ обратно въ кабинетъ, гдѣ Троженковъ, въ ожиданіи его, наслаждался „бойкою выходкой“ *Глашатая Евropy* противъ „московскихъ генераловъ отъ обскурантизма“.

— Вотъ-съ вамъ, сказалъ онъ ему, передавая обложку:— постарайтесь, чтобы завтра же онъ ее получилъ. Времени терять нечего; пожалуй, они его увезутъ въ Петербургъ, прежде чѣмъ успѣешь что-нибудь сдѣлать.

— Такъ и передать, незаклеенною? спросилъ тотъ.

Мурзинъ вспыхнулъ даже:

— Послушайте, вы или притворяетесь, или совершеннѣйшій агнецъ чистоты и невинности. Не въ обложкѣ, кажется, дѣло, а въ томъ, чтобы записка дошла, а мнѣ не извѣстно, какимъ путемъ сочтете вы удобнымъ доставить ее. Можетъ быть просто изъ руки въ руку чрезъ сторожа, а то потребуется въ хлѣбъ запечь или въ сапогъ зашить... Мало-ли какъ это дѣлается! Для удобства видите, на какой мелкаго формата бумагѣ написано,—онъ вынулъ ее изъ конверта и показалъ,— а чтѣ въ ней написано, пойметъ только тотъ, къ кому она адресована.

— Такъ, такъ, подтвердилъ сконфуженно Степанъ Авимовичъ, кивая и укладывавъ бережно ее въ свой бумажникъ.

— И вотъ-съ, на всякій случай, еще, неожиданно для него примолвилъ Мурзинъ, выдвигая одинъ изъ ящичковъ своего письменнаго стола и доставая оттуда какой-то завернутый въ бумагу небольшой, узкій, повидимому металлическій, предметъ,—это вы доставите ему вмѣстѣ съ запиской... Ну-съ, а теперь извините, сказалъ онъ безцеремонно:—я думаю еще въ клубъ, поймать тамъ Тараха. До свиданія,—онъ протянулъ ему руку:—вы ужъ пожалуйста завтра съ первымъ же поѣздомъ уѣзжайте: передать надо непременно завтра, а тамъ увидимъ!

Степанъ Авимовичъ уложилъ переданное ему въ карманъ, вздохнулъ и раскланялся.

ХІ.

Настасья Дмитріевна Ларина, которую Троекуровы удерживали со дня на день во Всесвятскомъ, вошла однажды рано утромъ въ Александрѣ Павловнѣ съ записочкой, полученною ею только-что съ нарочнымъ, посланнымъ къ ней Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ изъ Сицбаго.

— Beau-frère меня спрашиваетъ, не обезпоятъ-ли онъ васъ сегодня своимъ посѣщеніемъ... Онъ хочетъ привезти вамъ Тоню, сестру, промолвила она съ легкою запинкой.

— Ахъ, милая, разумѣется, поспѣшила отвѣтить Александра Павловна, замѣтивъ это:—я... мы очень будемъ рады увидать и его, и ее.

— Такъ я ему такъ и напишу.

— Конечно, конечно... Надо будетъ предупредить Бориса, чтобъ онъ куда-нибудь не уѣхалъ.

Выходя изъ покоя Александры Павловны, Настасья Дмитріевна наткнулась въ гостиной на Бориса Васильевича, входившаго туда изъ сада, гдѣ онъ съ нѣкотораго времени принялъ привычку пить послѣ завтрака чай подъ тѣнью одной старой, очень любимой имъ липы; она сообщила ему о запискѣ Сусальцева.

Онъ учтиво склонилъ голову:

— Милости просимъ, мы дома, сказала онъ при этомъ сдержанно.

Она склонила голову въ свою очередь и хотѣла идти далѣе. Онъ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Настасья Дмитріевна, два слова.

— И побольше, Борисъ Васильевичъ, усмѣхнулась она:— я каждому вашему слову рада, вы знаете.

— Такъ вотъ что: я проведу васъ до вашего павильона (она помѣщалась во флигелѣ насупротивъ того, въ которомъ жили Юшковы) и переговоримъ по пути.

— Очень рада.

Они спустились въ садъ.

— Третьяго дня, началъ онъ, — когда у насъ за завтракомъ заговорили объ этомъ бывшемъ у Владиміра Христіановича въ конторѣ письмоводителѣ, котораго наканунѣ арестоваль исправникъ, всѣ были такъ заняты этимъ происшествіемъ, что не имѣли времени наблюдать другъ за другомъ. Но я—не знаю, замѣтили-ли вы это? — не покидалъ васъ глазами...

— Я чувствовала на себѣ этотъ взглядъ вашъ, Борисъ Васильевичъ, быстро отвѣтила она,—и понимала, что волнение, которое я дѣйствительно испытывала въ эту минуту, не ускользнуло отъ васъ...

— Вы знали этого человѣка? быстро спросилъ и онъ, заморгавъ вѣками.

— Я встрѣтила его раза два, три здѣсь у васъ, въ саду,—но только въ тотъ самый день, когда его взяли, имѣла случай припомнить, что я его гораздо раньше еще этого видѣла... знала...

— Но позвольте, вы въ этотъ день были у себя въ Юрьевѣ и проѣхали оттуда обратно мимо меня въ Бужаровѣ за какіе-нибудь полчаса предъ тѣмъ, какъ я его оттуда увезъ сюда?

— Онъ приходилъ туда ко мнѣ, въ Юрьево, какимъ-то невольнымъ шопотомъ проговорила дѣвушка.

— А!.. Будетъ-ли съ моей стороны нескромностью спросить васъ, въ силу чего позволилъ себѣ онъ это?

Она какъ бы смутилась на мигъ, но, тотчасъ же преодолѣвъ себя, отвѣтила твердымъ голосомъ:

— Онъ доставилъ мнѣ письмо отъ брата.

— Отъ сосланнаго?

— Отъ эмигранта: онъ успѣлъ бѣжать за границу.

— Въ Женеву?

— Нѣтъ, онъ въ Италиі... на мѣстѣ.

И голосъ Лариной замѣтно дрогнулъ.

— Чѣмъ же онъ тамъ занимается?

— Онъ учитель у одного мальчика, сына одной знакомой мнѣ русской дамы...

Борисъ Васильевичъ какъ-то безсознательно покачалъ головой.

— Удивительно!... Вы меня извините, молодая особа, поспѣшилъ онъ сказать тутъ же,—но умѣютъ же вѣчно русскія дамы выискивать именно *такихъ* наставниковъ для своихъ дѣтей!

— Не извиняйтесь, Борисъ Васильевичъ, вскрикнула она болѣзненно,—меня не мало мучитъ эта мысль! Я ее знаю, эту даму, служила у нея подѣ начальствомъ въ госпиталѣ за Дунаемъ; ее зовутъ графиня Елена Александровна Драхенбергъ. Вы ее, можетъ быть, также знаете?

— Графиня Драхенбергъ? Конечно знаю и постоянно встрѣчался съ нею въ прошломъ году за границей... Да я, должно быть, и вашего брата въ такомъ случаѣ видѣлъ, вспомнилось мгновенно Троекурову:—на площади Св. Марка, однажды вечеромъ, въ тотъ самый день, когда получено тамъ было извѣстіе о смерти Мезенцова, сидѣлъ за нею одинъ бѣлокурый, красивой наружности молодой человекъ...

— Это былъ онъ, навѣрное, Володя, братъ мой.

— И онъ еще тутъ затѣялъ съ пріятелемъ моимъ Пужбольскимъ разсужденіе о томъ, что правительство въ Россіи не въ силахъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ. А эта барыня видимо сочувствовала ему, одобрительно кивала и вскрикивала „браво“! Но, усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ,—мнѣ приходится еще разъ просить у васъ извиненія: мнѣ представилось въ то время, что этотъ красивый ораторъ состоялъ при ней далеко не на скромномъ положеніи учителя ея сына.

Болѣзненное чувство сказалось еще разъ на лицѣ Лариной. Она нервно провела по немъ рукой:

— Ахъ, не говорите!... Я не могу этого не сознавать, и

это гложетъ меня. Я ему писала именно въ виду этого... Мой beau-frère, онъ истинно добрый человекъ, хотѣлъ было его устроить тамъ по моей просьбѣ, найти ему мѣсто по торговлѣ... Но онъ не хочетъ принять, онъ пишетъ мнѣ, что ушелъ изъ Россіи не для того, чтобы набивать себѣ карманы, а чтобы служить все тому же своему *дѣлу*...

— И весьма вѣроятно, служить ему дѣйствительно, промолвилъ раздумчиво Борисъ Васильевичъ:— эта его рыжая барыня очень богата, а революціи нужны деньги... Тамъ вотъ это самое письмо съ отказомъ вашего брата, обратился онъ снова къ первоначальному предмету ихъ разговора,—и приходилъ къ вамъ въ Юрьево передать этотъ Бобруйскій... Бобруйскій, само собою, не его настоящая фамилія.

— Нѣтъ! вѣско произнесла Ларина.

— А настоящую вы знаете?

— Знаю, по крайней мѣрѣ, прозвище, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ брату Володѣ, когда въ Москвѣ—Володя тогда вольнослушателемъ въ университетъ ходилъ,—онъ бывалъ у него, и я его видѣла тогда, разговаривала даже съ нимъ... Я вѣдь тогда тоже, Борисъ Васильевичъ, мечтала о переустройствѣ общественнаго зданія, договорила Настасья Дмитриевна съ какою-то полувиноватою, полусмущенною улыбкой.

Что-то милое, чистосердечное и просящее сказывалось при этомъ въ ея большихъ коричневыхъ глазахъ, и слабый румянецъ заигралъ при этомъ на ея желтовато-блѣдномъ, задумчивомъ лицѣ.

Троеуровъ сочувственно взглянулъ на нее и усмѣхнулся опять:

— И это прозвище?... спросилъ онъ.

Она остановилась на-ходу, поднесла руку къ глазамъ.

— Позвольте мнѣ не называть его, Борисъ Васильевичъ... Я боюсь, объяснила она прямо.

— Чего это? воскликнулъ онъ, сдвигая брови.

— Онъ мнѣ прямо пригрозилъ, что малѣйшая нескромность моя выместится на братѣ, на Володѣ.

— Они на это дѣйствительно способны, сказалъ на это,

подумавъ, Борисъ Васильевичъ, — но я спросилъ васъ не съ дѣлью передать его имя слѣдователю.

— Лучше въ такомъ случаѣ, чтобъ оно осталось для васъ неизвѣстнымъ, поспѣшно возразила Ларина: — если онъ окажется, можетъ быть, очень важный преступникъ, вы не будете, по крайней мѣрѣ, мучительно колебаться между желаніемъ помочь розыскамъ, открывъ его имя, и боязнью довести этимъ до отчаянія страхъ мой за брата... О, если бы не этотъ страхъ! вскрикнула она въ неудержимомъ порывѣ, съ загорѣвшимся мгновенно пламенемъ во взглядѣ, — съ какимъ блаженствомъ предала бы я... да, предала этого преступнаго челоуѣка, погубившаго моего несчастнаго Володю!

Борисъ Васильевичъ повелъ одобрително головой.

— Мысль ваша основательна, и на' этомъ мы покончимъ нашъ разговоръ.

Они доходили до ея павильйона. Онъ пожалъ ей руку.

— А знаете, судя по тому, какъ выразилось у васъ въ звукѣ голоса и въ выраженіи чертъ негодованіе на этого негодяя, вы должны быть дѣйствительно очень хороши въ роли Маріи Стюартъ.

Она вся заалѣла даже отъ удовольствія:

— Надѣюсь, что какъ-нибудь зимой въ Москвѣ вы меня увидите; я была бы такъ счастлива, Борисъ Васильевичъ!

Часу въ третьемъ пополудни щегольская дорожная карета четверкою крупныхъ, сытыхъ лошадей, подняла подъ крыльцо дома Всесвятскаго. Изъ нея прытко высочилъ одѣтый съ иголки Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ и, вытягивая впередъ могучія свои руки, бережно высадилъ всю потонувшую въ изящныхъ складкахъ накидки и самооднѣйшаго визитнаго туалета красавицу жену. Онъ подставилъ ей затѣмъ локоть и повелъ вверхъ по ступенямъ лѣстницы съ ловкостью самаго завязатаго свѣтскаго *элеганта*. Пребываніе въ Парижѣ такъ и отзывалось въ томъ особомъ *шикѣ*, очень похожемъ на то, что на православномъ языкѣ называется „съ кондачка“, сказывавшейся въ его подрагивавшей при этомъ походѣ и осо-

бой старательности, съ которою онъ норовилъ итти въ ногу съ медленно двигавшеюся, благодаря узкимъ своимъ юпкамъ, спутницей своей.

Хозяйка ждала ихъ въ гостиной.

Провъ Ефремовичъ, никогда не выдавшій ее до тѣхъ поръ (онъ до того времени бывалъ во Всесвятскомъ единственно по дѣламъ и видѣлся тамъ только съ Борисомъ Васильевичемъ), расшаркнулся предъ нею еще за десять шаговъ, откинувъ лѣвую со шляпой руку въ сторону, а правую приложивъ къ сердцу. Антонина Дмитриевна спокойно и величаво, будто королева, осчастливившая посѣщеніемъ своимъ домъ одного изъ ея подданныхъ, подошла къ Александрѣ Павловнѣ и, неторопливымъ движеніемъ склоняя голову, произнесла не громко:

— Je tenais à me rappeler à votre souvenir, madame, en qualité de voisine.

— Prenez place, je vous prie, пролепетала на это въ отвѣтъ та съ какою-то робостью.

И дѣйствительно, эта блестящая свѣтская женщина, этотъ поражающій „прелестью ансамбля и гармоніей подробностей“ туалетъ, самоувѣренность каждаго движенія, взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ „несомнѣнная distinction“, вѣявшая, казалось, отъ этой женщины вмѣстѣ съ исходящимъ отъ нея едва слышнымъ, но сладко проникающимъ запахомъ ея духовъ, навели на бѣдную Александру Павловну, такъ давно не бывавшую dans le monde“, какой-то инстинктивный страхъ. Она почувствовала себя „такою провинціалкой“ предъ этою представительницей „de toutes les élégances“, какъ выражались, вспоминала она теперь, французскія газеты, про эту сидѣвшую у нея теперь въ гостиной „русскую звѣзду всемірнаго Парижа“... „О чемъ говорить мнѣ съ нею?“ думала она съ тоской.

Но та, будто нисколько не замѣчая ея замѣшательства, поставила ее тотчасъ же à l'aise, заговоривъ о братѣ ея, генералѣ Лукояновѣ, много уже лѣтъ состоявшемъ военнымъ агентомъ при одномъ изъ европейскихъ правительствъ и котораго Антонина Дмитриевна „очень часто видала въ Парижѣ, а нынѣшнею зимою и въ Римѣ“.

— Мы съ нимъ такъ давно не видались, вздохнула Троеурова, — что я бы его, вѣжета, теперь и не узнала совсѣмъ; онъ и не пишетъ никогда, точно чужой сталъ...

— Большой поклонникъ моей супруги! приятно ослабился Провъ Ефремовичъ.

— Je l'aime beaucoup, уронила въ свою очередь его „супруга со своею царственною величественностью.

— Борисъ Васильевичъ! воскликнулъ въ то же время громко мужъ, поднимаясь навстрѣчу входившаго въ комнату Троеурова.

— Здравствуйте, Провъ Ефремовичъ, очень радъ васъ видѣть.

Онъ пожалъ ему руку и склонился предъ женой его холоднымъ, но изощренно учтивымъ поклономъ благовоспитаннаго человѣка и хозяина.

Она медленно протянула ему руку и, какъ бы не замѣчая, пожимаетъ-ли онъ ее или нѣтъ, обернулась къ хозяйкѣ:

— Вашъ мужъ рѣшительно избѣгалъ меня за границей, mais j'espère que vous le ramenez à de meilleurs sentiments pour moi, chère madame, et que nous ferons bon voisinage.

Троеуровъ притворился, будто не слышалъ, но Александра Павловна совершенно сконфузилась отъ этихъ словъ:

— Mais certainement, madame... Я такъ люблю сестрицу вашу...

— Да, я знаю, вы и генералъ всегда ее предпочитали мнѣ, когда я еще въ дѣвушкахъ бывала здѣсь съ нею; вѣдь мы съ вами очень давнишніе знакомые, примолвила она къ этому такимъ неожиданнымъ тономъ *bonne enfant*, что у Александры Павловны и сердце размякло. „Она очень много выиграла съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ“, подумалось ей.

— Да вотъ и сама *mademoiselle Anastasie!* воскликнула она, ласково кивая на входившую Ларину.

— Здравствуй, Тоня, привѣтствовала сестру та и, обмѣнявшись рукопожатіемъ съ шуриномъ, присѣла къ дивану, на которомъ бесѣдовали гостя съ хозяйкой.

— А какъ чувствуетъ себя нашъ почтеннѣйшій Павелъ Григорьевичъ? спрашивалъ между тѣмъ Борисъ Васильевича

Сусальцевъ:—узнавъ о смерти его брата, я разлетѣлся было къ нему въ Углы, да узналъ тамъ, что и съ нимъ этотъ недугъ приключился и что онъ въ настоящую пору находится подъ вашимъ дружескимъ, такъ сказать, кровомъ. Очень бы желалъ засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе этому достопочтеннѣйшему патриарху нашему.

— Нѣсколько поздиѣ развѣ: онъ объ эту пору обыкновенно отдыхаетъ.

— Искренно уважаю человека... Во всякомъ случаѣ, очень прошу ваше превосходительство выразить ему отъ меня мое искреннѣйшее...

Онъ не договорилъ слова, шаркнулъ, сидя, ножкой и приложилъ руку къ сердцу.

Антонина Дмитріевна между тѣмъ полуиронически, полудобрительно сообщала Троекуровой о страсти мужа во всякихъ передѣлкахъ, украшеніяхъ и улучшеніяхъ, производимыхъ имъ въ своемъ Сицкомъ:

— Cela tourne à la pompanie, усмѣхнулась она чуть-чуть своими пышными и надменными губами.

— Смѣю надѣяться, ввернулъ тутъ же Провъ Ефремовичъ, чувствовавшій себя какъ-то особенно въ ударѣ вслѣдствіе мало почему-то ожидаемаго имъ ласковаго приема жены его „генеральшей“,—смѣю надѣяться, что вы, сударыня, съ его превосходительствомъ Борисомъ Васильевичемъ... и со всею семьей, не откажете пососѣдски пріѣхать къ намъ на денекъ хлѣбасоли нашей откушать...

— Ахъ, Боже мой, конечно, я непременно... залепетала опять Александра Павловна, взглядывая на мужа.

— Да ужъ позвольте, безъ церемоній безъ этихъ визитныхъ, а понастоящему, какъ водится въ деревнѣ.

Антонина Дмитріевна повела головой:

— Sans façons, oui, n'est-ce pas?

— Да вотъ-съ позвольте, продолжалъ совсѣмъ уже расхвалившійся Сусальцевъ,—мы съ женой ждемъ на будущей недѣлѣ одного ея хорошаго знакомаго, Борисъ Васильевичъ съ нимъ навѣрное тоже знакомъ, Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай... Изволите навѣрное знать, ваше превосходительство?

Троекуровъ усмѣхнулся:

— Знаю съ ротмистрскаго чина.

— Изволите видѣть, угадаль... Такъ онъ вотъ обѣщаль быть, и съ племянникомъ своимъ, Савиновымъ, Аполлономъ Савельичемъ, что назначенъ къ намъ губернаторомъ... Можеть, повидаться съ ними вамъ интересно будетъ, такъ милости просимъ въ ту пору на скромную трапезу, чѣмъ Богъ послалъ.

Вѣки Бориса Васильевича нервно моргнули, но онъ не почелъ себя въ правѣ отказывать и наклонилъ молча голову въ знакъ согласія.

Внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить по легкому дерганью лицевыхъ мускуловъ сидѣвшей на диванѣ красивой барыни, насколько коробилъ ее внутренно *купецкій* тонъ приглашеній ея мужа, но она со свойственнымъ ей тавтоомъ не почитала удобнымъ *осадить* его въ „этомъ домѣ“.

— *Laissez moi de mon côté vous dire sans phrase: venez, chère madame*, сказала она, протягивая любезно руку Александрѣ Павловнѣ.—*Et avec votre charmante demoiselle, n'est ce pas?* примолвила она, оглядываясь, какъ бы ища глазами ту, къ которой относился этотъ лестный эпитетъ.

— Я не знаю, гдѣ она, Маша... Не уѣхала-ли верхомъ? обернулась Троекурова къ Настасьѣ Дмитриевнѣ.

— Нѣтъ, я ее видѣла съ четверть часа тому назадъ въ саду, отвѣтила та.

— А вы, сестрица, обернулся на нее въ то же время шуринъ, — вернетесь къ намъ къ этому времени?.. Совсѣмъ отбило васъ отъ нашего Сидцаго прекрасное Всесвятское, широко засмѣялся онъ, поводя глазами на хозяевъ: понимаю, молъ, и не могу не извинить.

— Вернусь, вернусь, не безпокойтесь! отвѣтила весело Ларина.

Сестра ея съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ устремила на нее глаза:

— А!... Я очень рада...

— Чему это?

— Нѣтъ, я почему-то думала, что ты отсюда прямо собираешься назадъ, въ Москву, небрежно уронила „Тоня“.

Настасья Дмитриевна вспыхнула по самымъ глаза... Она поняла: сестра считала для себя нисколько не желательнымъ вводить ее, *актрису*, въ общество ожидаемыхъ ею друзей изъ „грань-монда“.

Александра Павловна поняла тоже. Она схватила руку артистки:

— Нѣтъ, мы ее отъ себя ни за что такъ скоро не отпустимъ! вскрикнула она, притягивая ее къ себѣ за эту руку и нѣжно цѣлуя Ларину въ разгорѣвшуюся отъ обиды и боли щеку.

Провъ Ефремовичъ взглянулъ на жену и со своей стороны покраснѣлъ какъ ракъ: онъ охотно побилъ бы въ эту минуту эту невозмутимо и разсѣянно глядѣвшую куда-то въ уголь, сияющую въ своемъ шелку и бархатѣ, красавицу.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, *заявить*, что „и онъ съ женой точно такъ же будутъ стараться удержать *сестрицу* какъ можно долѣе въ *здѣшнихъ странахъ*“... Но въ это время изъ передней раздались торопливые шаги, и въ гостиную вошелъ, увидѣлъ гостей и, весь перемѣнившись въ лицѣ, остановился недоумѣло и неловко посреди комнаты Гриша Юшковъ.

Борисъ Васильевичъ метнулъ на него съ мѣста зоркимъ и безпокойнымъ взглядомъ.

Александра Павловна насилувано засмѣялась:

— Что же вы, Гриша, испугались? Подойдите!

— Нѣтъ, я... я не ждалъ... пробормоталъ онъ растерянно, стараясь усмѣхнуться въ свою очередь и подходя къ дивану.

Онъ быстро наклонился поцѣловать руку хозяйкѣ и, успѣвъ кое-какъ справиться съ собой, раскланялся предъ гостью глубокомъ поклономъ.

— Вамъ представлять Григорія Павловича не нужно вѣдь, не правда-ли? сказала Александра Павловна.

— Нѣтъ, мы давно знакомы, отвѣтила та съ короткою усмѣшкой и повела милостиво головой въ сторону молодаго человѣка, не подавая ему руки.

Сусальцевъ за то стиснулъ его тонкіе пальцы въ своей могучей длани такъ, что тотъ чуть не крикнулъ.

— Радъ васъ видѣть, Григорій Павловичъ, отъ души радъ, повѣрьте, всегда! Только вы вотъ насъ знать не хотите, никогда побывать въ Сицкомъ не желаете!

Гриша неопредѣленно мотнулъ своею бѣлокурою головой... Онъ былъ золь донельзя, золь прежде всего на себя. „И съ чего онъ это смутился, растерялся такъ глупо при видѣ ея? Чтѣ она теперь ему“?... И онъ мгновенно, смѣло вскинулъ и остановилъ на ней глаза. „Прямо съ модной картинки соскочила, такая же бездушная и красивая, какъ она, какъ размазанная бумага“, иронически поторопился прибавить онъ мысленно... Нѣтъ, она для него „ничто“, ничто теперь, онъ глядитъ на нее теперь спокойно, „невозмутимо спокойно, сердце не колыхнется“, и какая-то побѣдная улыбка заиграла у него на губахъ. Онъ былъ уже доволенъ собою...

— Вы изъ Угловъ, Гриша? спрашивала его между тѣмъ Александра Павловна, съ тайною тревогой слѣдя за нимъ взглядомъ.

— Да, отвѣтилъ онъ, взирая на нее въ свою очередь какими-то счастливыми глазами,—возился тамъ три дня съ наймомъ рабочихъ на косовицу, насилу вырвался... А гдѣ же Марья Борисовна? спросилъ онъ, оглядываясь и какъ бы подчеркивая имя дѣвушки съ особою старательностью.

— Не знаю, говорятъ—въ саду... Она вѣрно не знаетъ, что у насъ... любезные гости... Вы бы ее сыскали и привели, Гриша...

Онъ вскочилъ съ мѣста:

— Сейчасъ!..

И побѣжалъ въ садъ.

— Марья Борисовна! крикнулъ онъ въ большой аллеѣ, оглядываясь во всѣ стороны.

— Ау! раздалось въ отвѣтъ не издалека, и сквозь вѣтви мелькнуло голубенькое кисейное платье, летѣвшее къ нему по газону черезъ лужайку.

— Вы вернулись... когда... сейчасъ? спрашивала его Маша,

протягивая ему обѣ руки и внимательно заглядывая ему въ глаза.

— Сейчасъ, да, — онъ торопливо, нѣжно, не выпуская этихъ рукъ изъ своихъ, цѣловалъ ихъ попеременно одну за другою: — а у васъ гости; вы не знали?

— Нѣтъ, напротивъ, знала и нарочно не пошла.

Она продолжала все такъ же глядѣть на него вопросительнымъ взглядомъ... Но онъ улыбался такъ „ясно“, такъ „искренно“! Все лицо ея освѣтилось:

— Я такъ рада, Гриша, что вы вернулись!..

— Мамап васъ требуетъ туда, послала меня за вами, говорилъ онъ.

— „Послала“... И вы сейчасъ и побѣжали?

— Сейчасъ, какъ видите.

— А если бы не послала, сами бы не вздумали?... Вы тамъ долго безъ меня сидѣли?

Онъ весело, юношески расхохотался:

— Дѣвка косы не успѣла бы расплести, какъ говорятъ крестьяне.

— То-то! И она съ комическою строгостью погрозила ему пальцемъ: — Безъ меня не смѣть!

— Такъ пойдемте вмѣстѣ, васъ ждуть.

— Да не хочу я, топнула она ногой, — не хочу, понимаете, видѣть эту женщину!

— А какая она разодѣтая, изящная, поддразнивалъ ее молодой человекъ: — вотъ вы также изъ Парижа чтд туалетовъ, я думаю, себѣ навезли, а противъ нея, нѣтъ, вамъ далеко!

— А вамъ туалеты нужны, тряпки! вскрикнула она полусердито, полусмѣясь: — вы *духовную* красоту цѣнить не умѣете? протянула она съ самымъ забавнымъ эмфазомъ.

— Стремлюсь къ ней всею душой, да не нахожу, продолжалъ онъ блаженно подтрунивать: — какая же у васъ „духовная красота“, когда вы родной матери привазанія не хотите исполнять?

— Ну такъ пойдемте-жь! вспорхнула она сразу, какъ птица съ вѣтки, и понеслась бѣгомъ къ дому.

Онъ поспѣшилъ за нею.

Добѣжавъ до террасы, она мигомъ остановилась, обернулась къ нему и, усиленно переводя дыханіе:

— Смотрите же! многозначительно проговорила она и, медленно поднявшись по ступенькамъ, вошла, спокойная и сдержанная, *en grande demoiselle*, въ отворенныя на обѣ половинки двери гостиной.

Антонину Дмитріевну даже вольнуло будто что-то при видѣ этой свѣжей, какъ весенній цвѣтъ, дѣвичьей красоты. „Она еще похорошѣла съ-за границы“, подумалось ей.

— Je suis heureuse de vous revoir, mademoiselle Marie, выговорила она, любезно вмѣстѣ съ тѣмъ протягивая ей руку, и, обернувшись къ ея матери, произнесла тѣмъ шдпотомъ, которымъ говорятъ *ez сторону* на сценѣ:

— Plus charmante que jamais!...

Маша, не отвѣчая, опустила глаза и, будто не замѣчая или не смѣя взять эту протянувшуюся къ ней руку, присѣла предъ гостьей церемоннѣйшимъ, низкимъ реверансомъ и опустилась, все такъ же не отрывая глазъ отъ полу, на самый кончикъ стула, стоявшаго подлѣ Настасьи Дмитріевны Лариной.

И та, и мать оглянулись на нее съ изумленіемъ: Маша теперь очевидно нарочно изображала изъ себя пугливую и глупенькую пансіонерку, не знающую, куда дѣть руки, ноги въ присутствіи „чужихъ“.

Сусальцева чуть-чуть прищурилась на нее, потомъ на Гришу, на лицѣ котораго прочла тотчасъ же какое-то необычное ему „праздничное“ оживленіе, и слегка прикусила нижнюю губу своими острыми бѣлыми зубами. „Все это“ ей очень не нравилось.

Она повела усталымъ взглядомъ на мужа: довольно, молъ, сидѣли.

Онъ послушно поднялся съ мѣста. Поднялся за нимъ и хозяинъ.

Александра Павловна подумала: „Слѣдовало бы, кажется, изъ учтивости удержать, просить остаться“, но вслѣдъ затѣмъ разсудила, что „такъ, должно быть, теперь принято и въ деревнѣ пріѣзжать съ визитомъ на четверть часа“,—и не удерживала.

Стали прощаться.

— Родители ваши, обратилась еще разъ къ Машѣ на томъ же французскомъ языкѣ Антонина Дмитриевна, — обѣщали прїѣхать къ намъ обѣдать на будущей недѣлѣ. Надѣюсь, что и вы сдѣлаете намъ это удовольствие?

Мама отвѣтила новымъ церемоннымъ реверансомъ:

— Pardon, madame, но меня еще нигуда не возьмѣтъ въ свѣтъ.

— Какой же „свѣтъ“ обѣдать запросто у сосѣдей?... Впрочемъ я понимаю, добавила она тутъ же съ едва уловимымъ, тонкимъ, какъ остріе иглки, намѣреніемъ укола, — вамъ и дома хорошо.

Глаза Маши блеснули какимъ-то торжествомъ, вскинувшись мгновенно на красавицу барыню:

— Очень хорошо, да... очень! повторила она, напирая.

Мать испуганно уставилась на нее опять.

„Elle se moque de moi, la réconnelle!“ пронеслось въ головѣ Антонины Дмитриевны. Но она только усмѣхнулась и равнодушно отвела глаза. „Что, молъ, съ дурочкой дольше говорить, думаетъ она про нее“, объяснила себѣ Александра Павловна.

Хозяева пошли провожать гостей до передней. Сусальцевъ заторопился принести женѣ ея модный, шелковый съ большими перламутровыми пуговицами и бантами „*cache-poussière*“.

Она, совершенно автоматически давая себя ему укутывать и застегивать, лѣниво повернула голову въ сторону молодого человѣка, машинально двинувшася вслѣдъ за прочими.

— А вы, Григорій Павловичъ, уронила она съ губъ, — могу-ли я надѣяться тоже видѣть васъ у себя?

Онъ подошелъ, кланаясь и не зная, что отвѣтить...

— Прїѣзжайте, а то я могу подумать, что вы меня боитесь, засмѣялась она самымъ незлобивымъ, казалось, смѣхомъ, но тайный, вызывающій смыслъ котораго рѣзнулъ какъ ножомъ по сердцу Маши.

— Вы поѣдете? точно выстрѣлила она тутъ же, между тѣмъ какъ красивая барыня, уже отвернувшись отъ того, съ кѣмъ говорила, и, подавъ въ послѣдній разъ руку Александрѣ

Павловнѣ, выходила вслѣдъ за мужемъ на крыльцо, въ которому подъѣзжалъ ея блестящій дорожный экипажъ.

Гриша не успѣлъ отвѣтить.

— А почему же бы не поѣхалъ онъ? раздался за нимъ строгій голосъ возвращавшагося изъ передней Бориса Васильевича: — или въ самомъ дѣлѣ ты думаешь, что для него опасенъ одинъ ужъ видъ этой обольстительной особы? Но вѣдь это былъ бы тогда окончательный ему приговоръ!

И онъ прошелъ мимо въ свой кабинетъ.

Молодой человекъ засмѣялся не совсѣмъ искренно.

— Ну что вы скажете, Марья Борисовна?

Она подумала, подняла на него глаза (она ему ужасно напоминала отца своего въ эту минуту).

— Папа правъ, какъ всегда... Увидимъ!...

XII.

...Tous ces baladins qui dansent sur la phrase.

Barbier.

Новый губернаторъ, прїѣхавшій въ знакомый намъ уѣздный городъ для ревизіи, только-что вернулся со смотра пожарныхъ лошадей и инструментовъ въ домъ городского головы, гдѣ была приготовлена ему квартира. Онъ отпустилъ любезнымъ поклономъ на крыльцѣ сопровождавшихъ его уѣздныхъ чиновъ и быстрыми шагами вбѣжалъ въ комнату, служившую ему кабинетомъ и спальней. Скинувъ широкополую шляпу съ орлинымъ перомъ, привезенную имъ изъ Тироля, въ которомъ *вожжировалъ* мѣсяцъ тому назадъ, онъ кинулъ ее на столъ, отирая тончайшимъ батистовымъ платкомъ нѣсколько запотѣвшій лобъ (день былъ жаркій), и опрокинулся въ кресло съ блаженнымъ видомъ человѣка, только-что отдѣлавшагося отъ скучнаго и, въ его понятіяхъ, ни на что въ сущности не нужнаго занятія. Это былъ прыткій и юркій, средняго роста, худой и темнорусый человѣкъ лѣтъ 36—37, одѣтый въ безупречный парижскаго фасона черный, бархатный *veston*, свѣтло-синіе панталоны и прюнелевыя *escarpins* (ботинки), тѣсно охватывавшіе довольно маленькую ногу, которою онъ очень щеголялъ... Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ былъ сановникъ послѣдней формаціи, считалъ *форму* вещью совершенно несовременною и готовъ былъ бы пожалуй скорѣе отказаться отъ своей должности, чѣмъ рѣшиться воздѣть на свою „интеллигентную“ и раздушенную голову ту безобразную фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардой, въ которую

облекаются „по старой рутинѣ“ въ пору своихъ официальныхъ разъѣздовъ по губерніи иные „допотопные“, какъ выражался онъ презрительно, изъ его коллегъ. Онъ въ этомъ „veston“, „escarpins“ и тирольской шляпѣ ѣздилъ по дорогамъ, городамъ и селамъ вѣренной просвѣщенному управленію его части Россіи, въ нихъ же ревизовалъ подвѣдомыя ему учрежденія, поощрялъ или „давалъ нагоняи“ подначальнымъ ему лицамъ.

Молоденькій, съ годъ тому назадъ выпущенный изъ Петербургскаго лицея, почти такъ же безузоризненно *элегантный*, какъ и его патронъ, чиновникъ особыхъ порученій усталюю походкою вошелъ за нимъ въ комнату и словно выронилъ изъ рукъ на столъ довольно объемистый портфель съ бумагами, вынесенный имъ изъ экипажа, въ которомъ они разъѣзжали все утро по всякимъ „присутствіямъ“.

— *Quelle corvée, mon cher, hein!* взглянулъ на него съ улыбкой губернаторъ, потягиваясь и зѣвая во всю глотку. Говорилъ онъ какъ-то особенно мягко и *сочно*, точно карамельку сосалъ въ это время.

— *Sale métier, va!* отвѣтилъ ему на это въ тонъ чиновникъ, старательно подражая голосу и ухваткамъ опереточнаго буффа Ру, котораго съ особенною любовью изучалъ въ послѣдній годъ пребыванія своего въ лицей, и, скорчивъ брезгливую гримасу, взглянувъ на свои руки, посѣрѣвшія на оконечностяхъ пальцевъ отъ пыли, покрывавшей портфель:—*je vais fourrer mes doigts dans votre cuvette, mon général,* продолжалъ онъ все тѣмъ же комическимъ тономъ, направляясь къ столу, на которомъ разставленъ былъ выложенный изъ дорожнаго несессера серебряный умывальный приборъ изящнаго его начальнива.

— *Faites, mon cher, faites!* засмѣялся опять тотъ, вытягивая ноги и туловище уже въ совершенно горизонтальное положеніе.

У дверей слышались шаги.

— Кто та-амъ? пѣвуче протянулъ губернский сановникъ, не перемѣняя положенія и устремивъ въ потолокъ свои небольшіе, но чрезвычайно живые, блестящіе, какъ у мышенка

зоркіе и постоянно съ какимъ-то безпокойствомъ бѣгавшіе кругомъ глаза.

Показался урядникъ, исправлявшій на время ревизіонной поѣздки его превосходительства должность разсылнаго.

— Товарищъ прокурора, Тарахъ-Тарацанскій, доложилъ онъ,—желаютъ видѣть ваше...

— Тарахъ, а! Прости... Une forte tête, mon cher, обратился онъ къ чиновнику,—et à convictions très avancées.

— Вашему превосходительству... протянулъ, входя въ комнату, товарищъ прокурора съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ *аллюра* и произнесенія словъ, который значитъ на простонародномъ языкѣ подъ выраженіемъ „неглиже съ отвагой“. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ и бѣломъ галстукѣ; тяжелый золотой *pinse-peз* надменно сверкалъ надъ мясистою пуговочкой, служившей ему вмѣсто носа.

— Привѣтъ вамъ, солнце юстиціи! фамильярно-веселымъ тономъ отвѣтилъ на это губернаторъ, приподымая туловище съ кресла и, обративъ его разомъ изъ горизонтальнаго въ вертикальное положеніе, протянулъ гостю своему руку:—никакъ не ожидалъ, очень радъ! Какими судьбами?

Онъ указалъ ему рукой на другое кресло.

Тарахъ сѣлъ, вытянулъ въ свою очередь ноги во всю длину, снялъ *pinse-peз* съ носа и, держа его въ рукѣ, глянулъ сквозъ стекла замигавшими глазами на молодого чиновника, только-что успѣвшаго отереть руки о губернаторское полотенце и поглядывавшаго со своей стороны на Тарацанскаго лѣнивыми и нѣсколько оловянными глазами.

— Прескучная исторія... Какъ всё онъ, впрочемъ, какъ бы гадливо уронилъ онъ:—я впрочемъ зналъ, что вы будете здѣсь въ этому времени...

Мышинные глазки Аполлона Савельевича перебѣжали мигомъ отъ него на чиновника:

— Mon cher Соловцовъ, сказалъ онъ,—портфель надо передать Ивану Ивановичу (Иванъ Ивановичъ былъ правитель канцеляріи, сопровождавшій его превосходительство въ *воляжъ*).

Соловцовъ кивнулъ, подошелъ къ двери:

— Урядникъ! крикнулъ онъ:—возьмите, отнесите къ Ивану Ивановичу.

И вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ комнаты.

— Мы одни, обратился теперь губернаторъ къ Тараху, подвигая къ нему ящикъ съ папиросами, стоявшій на сосѣднемъ столѣ,—если имѣете что сообщить мнѣ, прошу, я васъ слушаю.

Тотъ взялъ папироску, помялъ ее въ пальцахъ, вздѣлъ опять свои оптическія стекла на носъ и заговорилъ все тѣмъ же скучающе-гадливимъ тономъ:

— Все то же опять, глупо, не современно... Та же вѣчная повадка администраціи къ произвольнымъ дѣяніямъ, къ стѣсненію человѣческой свободы... Я вамъ говорю это безъ церемоніи: вы недавно назначены, не солидарны съ тѣмъ, что если не заведено, то поддерживалось во всемъ традиціонномъ безобразіи своемъ вашимъ предшественникомъ.

— Что такое: взятии? быстро вскрикнулъ молодой сановникъ, и лицо его тутъ же облеклось въ выраженіе самой неумолимой строгости.

— Ну что это! вскинулъ пуговкою своей вверхъ товарищъ прокурора: стѣдить-ли, молъ, говорить о такомъ вздорѣ!—нѣтъ, у васъ тутъ исправникъ какой-то безвзрыстный Торевеада оказывается.

— Хорошій человѣкъ, говорятъ, возразилъ Аполлонъ Савельевичъ:—Скобелевскій герой, примолвилъ онъ не то несходительно, не то чуть-чуть насмѣшливо.

Тарахъ досадливо дернулъ плечомъ:

— А я вотъ этихъ самыхъ „героевъ“, воспитанныхъ на автоматической деревянности своего милитаризма, никогда бы не назначалъ на должность, гдѣ прежде всего требуется *человѣкомъ* быть, вѣско подчеркнулъ онъ,—и умѣть сдерживать излишнее усердіе своего вѣрнопопданничества.

— Пожалуйста, передайте, что онъ учинилъ, торопливо выговорилъ губернаторъ:—я самъ... вы меня давно знаете... я ненавижу и никакъ не намѣренъ терпѣть въ моемъ управленіи этого нестерпимаго „*trou de zèle*“, лежащаго вообще

во плоти и крови представителей нашего административнаго элемента.

— А то учинишь, отвѣчалъ все такъ же досадливо товарищъ прокурора, — что поставилъ меня въ положеніе самое затруднительное,

— Именно?...

— Исторія состоитъ въ слѣдующемъ, началъ тотъ, хмурясь и нервно перебирая плечами: — владычествуешь тутъ въ окрестностяхъ нѣкто генераль Троеуровъ, сахарозаводчикъ, богачъ... Ну-съ и держитъ себя тутъ въ родѣ, знаете, какаго-то Екатерининскаго вельможи...

— Слышалъ, — Савиновъ слегка кивнулъ, — умный человекъ говорятъ.

— Тѣмъ хуже-съ, возразилъ язвительно его собесѣдникъ: — этой кастѣ людей подобаешь по существу самаго дѣла быть дураками, а какъ если выродится ненарокомъ какой-либо изъ нихъ неглупымъ, такъ совсѣмъ выходитъ дѣло дрянъ.

Аполлонъ Савельевичъ чуть-чуть насмѣшливо прищурился на него:

— Не любите вы эту „касту“...

— Не люблю-съ, злобно отрѣзалъ Тарахъ: — я демократъ-съ и горжусь этимъ.

Губернаторъ постѣшилъ успокоить его:

— Въ нашъ вѣкъ, конечно... я совершенно понимаю васъ... Такъ что-жь этотъ генераль Троеуровъ?

— Поступилъ къ нему въ контору письмоводителемъ не кончившій курса студентъ Технологическаго Института, Бобруйскаго нѣкто... Студентъ, само собою, какъ есть, не преобразенецъ или кавалергардъ какой-нибудь, воспитанный на „преданности“: идеи молодья, свѣжія... Отецъ прасоль, мужикъ, ненависть къ „барамъ“ съ молокомъ матери впиталъ... Такъ вѣдь этакихъ теперь сотни тысячъ, все молодое поколѣніе, можно сказать...

Аполлонъ Савельевичъ пустилъ струйку дыма вверхъ и еще разъ одобрительно качнулъ головой.

— А генералу это претитъ? усмѣхнулся онъ.

— Не любятъ-съ эти господа, не любятъ-съ, громко хи-

хивнулъ и товарищъ прокурора и продолжалъ:—Пошелъ онъ какъ-то вечеромъ отъ скуки погулять по деревнѣ, присѣлъ у избы къ крестьянамъ; разговоръ пошелъ. Затолковали объ этомъ глупомъ покушеніи 2 апрѣля: кому, молъ, нужно Царя Батюшку извести. Извѣстно кому—у народа это изъ головы не выбьешь—*юстодамъ*, въ отместку за лишеніе ихъ крѣпостныхъ правъ надъ народомъ. А ты, молъ, что думаешь? спрашиваютъ письмоводителя. Ну, а у того, понятно, прирожденная злоба заговорила: „И я, говорить, слышалъ тоже, что господа“...

— Позвольте однако, перебилъ губернаторъ,—вѣдь это ложь, и онъ очень хорошо долженъ былъ знать, что ложь. Какой же этотъ Соловьевъ „господинъ“! Сынъ придворнаго служителя, во всѣхъ газетахъ напечатано.

— Я его съ этой стороны и не защищаю. Съ прирожденной злости, говорю, сказалъ... Такъ вѣдь въ этомъ и дѣло-съ, чтобъ отличать степени и отгѣнки преступнаго дѣянія. Ну, замѣчаніе можно было сдѣлать, выговоръ, отказалъ бы, наконецъ, отъ должности,—это понятно. Нѣтъ-съ, почувствовалъ себя баринъ въ самомъ принципѣ, въ самомъ существѣ своего кастоваго міровоззрѣнія задѣтымъ, потребовалось ему неосмотрительное слово возвести въ государственное преступленіе. Самъ на мѣсто выѣхалъ, барскими ручками своими забралъ раба Божьяго и сдалъ его вашему исправнику, покорному послушнику своему и раболѣпцу. А тотъ его своею властью въ острогъ посадилъ.

— Гм! неопредѣленно промычалъ на это губернаторъ, раздумчиво сдвигая брови.

— И совершенно незаконно-съ, замѣтите, всликнулъ Тарахъ:—лицъ, заподозрѣваемыхъ въ участіи въ политическомъ преступленіи, полиція имѣетъ право задерживать лишь съ обоюднаго соглашенія жандармскаго начальства и судебного слѣдователя. Въ данномъ случаѣ исправникъ вашъ арестовалъ это лицо по первому донесенію какого-то деревенскаго сотскаго и просьбѣ этого здѣшняго ландлорда, съ собственной инициативы, не истребовавъ на то разрѣшенія подлежащихъ властей. Онъ извиняется тѣмъ, что въ эту минуту ни одного изъ нихъ не было въ городѣ, но что на слѣдующій же день

онѣ были имъ объ этомъ извѣщены и со своей стороны не протестовали противъ его распоряженія. Но во всякомъ случаѣ арестъ по буквѣ закона не имѣлъ надлежащаго основанія... и я могъ бы, въ сущности, сейчасъ же отпустить этого несчастнаго...

Онъ не договорилъ и досадливымъ движеніемъ скинулъ пальцемъ *pinse-nez* со своей пуговицы...

— И прекрасно бы сдѣлали,—я-бъ ужь конечно не протестовалъ со своей стороны, засмѣялся губернскій сановникъ, спрашивая себя мысленно въ то же время, имѣль-ли бы онъ въ этомъ случаѣ самое право протестовать.

— Да-съ, вамъ легко говорить, возразилъ раздраженно товарищъ прокурора, — а не угодно-ли вамъ въ нашу кожу влѣзть, ваше превосходительство, когда въ настоящую пору судебное вѣдомство служить возломъ отпущенія за всѣ безобразія русской жизни и всѣ промахи, произволы и стѣсненія этой жизни нашимъ убогимъ правительствомъ. Отпусти я теперь этого неосторожнаго болтуна, вся-то вина котораго состоитъ въ сущности въ томъ, что онъ не сходится понятіями съ аристократическимъ оптимизмомъ генераловъ Троекуровыхъ, такъ одна ужь эта московская печать подыметъ таковой гвалтъ... Вотъ гдѣ она у насъ сидитъ, эта печать! хрипнулъ онъ, проводя себѣ пальцемъ по горлу.

— Злая сила, дѣйствительно! подтвердилъ многодумно Аполлонъ Савельевичъ.

— Въ настоящую минуту въ особенности, послѣ этого покушенія, надо всѣмъ верхъ взяла, въ трубы и литавры трубить и звонить, грозить и пугаетъ; мы, молъ, предупреждали, мы, молъ, всегда говорили, внѣ насъ, *охранителей* и сикофантовъ, нѣсть спасенія!

И Тарахъ даже раскашлялся отъ хватавшей его за горло злости.

— Вы понимаете, что при такихъ условіяхъ приходится, стиснуть зубы, какъ говорить Тургеневъ, уступать беззаконію и произволу и поступаться голосомъ совѣсти... Положеніе трагическое, повѣрьте!

Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ сочувственно вздохнулъ:

— Да-съ, всѣмъ порядочнымъ людямъ въ Россіи надо подать другъ другу руки и тѣсно сплотиться противъ этого обскурантизма и мракобѣсія...

Онъ оборвалъ, задумался—и все лицо его вдругъ освѣтилось лучомъ какой-то внезапно налетѣвшей на него мысли:

— Враги прогресса, заговорилъ онъ неожиданно конфиденціальнымъ и многозначительнымъ тономъ, — враги прогресса слишкомъ рано, впрочемъ, заторопились торжествовать побѣду. Ихъ дѣло далеко еще не выгорѣло. Настоящей реакціи не будетъ, я могу васъ въ этомъ завѣрить. Послѣ перваго, нонятнаго смущенія, произведеннаго этимъ фактомъ покушенія, правительство само пойметъ, что, для избѣжанія повторенія таковыхъ, оно должно пойти откровенно на уступки, требуемыя духомъ времени и возрастающею съ каждымъ днемъ возмущалостью русскаго общества.

— Э, полноте, ваше превосходительство, возразилъ, кривя губы, представитель юстиціи, — давно морочатъ насъ этими общаніями; ничего изъ этого не выходило и не выйдетъ!

— Посмотримъ! выговорилъ какъ бы противъ воли губернаторъ.

Тарахъ внимательно воззрился въ него:

— А вамъ развѣ что-нибудь новое по этому предмету извѣстно?

— Ничего ровно! произнесъ тотъ съ какою-то искусственною торопливостью;—а что далеко не въ угоду партіи, говорящей въ московской печати, начинаютъ исвать людей, лучшимъ доказательствомъ этому можетъ вамъ послужить хотя бы мое назначеніе, промолвилъ онъ шутливо и самодовольно.

Товарищъ прокурора молча повелъ головой: аргументъ юркаго его собесѣдника мало удовлетворялъ его повидимому.

— Ну-съ, такъ какъ же вы думаете насчетъ этого студента? спросилъ черезъ мигъ губернаторъ, возвращаясь къ первоначальному предмету ихъ разговора.

— Чтò мнѣ думать!.. Я даже не былъ въ состояніи допросить его настоящимъ образомъ: сіатива у него, боль до крика, повернуться не можетъ. Велѣлъ перевести его въ земскую больницу... Поправится, препроводятъ въ Московскій

тюремный замок... Если что окажется такое, отъ чего его выгородить нельзя будетъ, — процедура извѣстная: *нашимъ* судомъ судить будутъ — присяжные, по всей вѣроятности, оправдаютъ; военнымъ — сошлютъ безо всякаго сомнѣнiя въ таръ-тарары. Какъ Господь Богъ имъ тамъ въ Петербургѣ на душу положить, отъ того и будетъ зависѣть судьба человѣка. Во всякомъ случаѣ успѣетъ озлиться въ тюрьмѣ до бѣшенства, пока еще рѣшать, какому суду его подвергнуть...

— У него, само собою, долженъ былъ быть сдѣланъ обыскъ? Нашли что-нибудь?

— Деньги, четыреста рублей, и какой-то обрывокъ письма.

— Компрометтантнаго для него?

— Нельзя ничего сказать пока... Шифромъ писано, ключъ котораго мнѣ не извѣстенъ, отвѣтилъ небрежно Тарахъ со все болѣе и болѣе скучающимъ видомъ на лицѣ, — въ Москвѣ разберемъ.

— А денегъ у него откуда столько, изъ жалованья накопилъ?

— Нѣтъ, онъ всего три недѣли какъ поступилъ на этотъ Троекуровскiй заводъ. Говорить, получилъ ихъ отъ одного должника отца его для передачи ему... Это, впрочемъ, не важно...

— Интересная онъ личность по впечатлѣнiю вашему?

— Субъектъ интеллигентный, во всякомъ случаѣ... Мнѣ о немъ еще въ Москвѣ говорилъ Мурзинъ, Степанъ Михайловичъ. Слышали о немъ?

— Мурзинъ, кому же не извѣстенъ онъ по репутацiи?.. заторопился заявить Аполлонъ Савельичъ, выражая въ лицѣ какъ бы даже нѣкоторое неудовольствiе за предположенiе, что ему могло быть неизвѣстно такое „свѣтило“: — онъ знаетъ этого студента?

— Не лично, говорить, но слышалъ съ очень похвальной стороны о немъ... А ты тутъ вотъ, вскрикнулъ съ новымъ взрывомъ досады товарищ прокурора, — лишай такого человѣка свободы, тащи на судъ, распинайся, чтобъ ему обвинительный приговоръ вынесли присяжные.. Вѣдь это мы, сказать правду, ваше превосходительство, лучшей цвѣтъ и сокъ

молодой Россіи приносимъ въ жертву правительственному Молоху!..

— Люди идеи, сознаться надобно, таинственнымъ шопотомъ поддакнулъ губернской сановникъ, уныло разводя руками: что же, молъ, съ этимъ дѣлать!

Тотъ поглядѣлъ на него сквозь свои стекла:

— Мы все-таки надѣмся, уронилъ онъ,—что вы, какъ челоуѣкъ порядочныхъ убѣжденій, нѣсколько умѣрите, по крайней мѣрѣ, безтолковое по большей части рвеніе къ „долгу службы“ вашихъ полицейскихъ чиновъ?

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь, отвѣтилъ на это, вѣско качнувъ головой, губернаторъ:—девизомъ моего управленія я поставилъ: примиреніе администраціи съ судебнымъ вѣдомствомъ и земствомъ, или даже вѣрнѣе скажу: полное подчиненіе административнаго орудія руководящей функціи этихъ двухъ живыхъ либеральныхъ элементовъ, отъ которыхъ Россія единственно можетъ ожидать свѣта.

— И въ накладѣ не останетесь, повѣрьте, захихикалъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то очень пріятное, Тарахъ:—какъ тамъ ни грызи насъ московская печать, а предшественника-то вашего мы скovyрнули... Да и въ Казани воеводу тоже снесли. Жить съ нами въ ладахъ не мѣшаетъ, ваше превосходительство... А этотъ у васъ здѣшній исправникъ Ипатьевъ, скажу вамъ-съ, — и онъ еще разъ скривилъ губы на сторону, — настоящій салдафонъ, безо всякаго гуманнаго развитія, топорщина.

— Что же, его устранить можно, зѣвнулъ на это Аполлонъ Савельевичъ, поднося руку къ глазамъ и прищуриваясь на свои щегольски-отточенные ногти.

— И хорошо сдѣлаете! одобрилъ товарищъ прокурора, вставая и подавая ему руку на прощанье.

Губернаторъ поднялся въ свою очередь проводить его до дверей:

— Я воображаю, какъ его скверно кормятъ, этого вашего арестованнаго, въ здѣшнемъ отвратительномъ острогѣ,—я сегодня мелькомъ его видѣлъ... Одною изъ главныхъ задачъ предстоящей мнѣ дѣятельности, счелъ онъ нужнымъ заявить,—

будеть улучшение вообще въ моей губерніи содержанія арестантовъ и вообще мѣстъ заключенія. Я, бывши вице-губернаторомъ въ ***, исправлялъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ должность губернатора и успѣлъ устроить за это время въ тамошней тюрьмѣ буфетъ и кабинетъ для чтенія. Въ настоящую пору, когда въ этихъ мѣстахъ содержится такъ много лицъ интеллигентнаго класса, нельзя ихъ оставлять безъ тѣхъ извѣстныхъ удобствъ жизни, которыми они привыкли пользоваться на свободѣ. Они—арестанты, конечно, но все же люди-съ,—этого забывать не надо!

— *Люди*, именно, подтвердилъ Тарахъ, — и при другихъ соціальныхъ условіяхъ были бы, можетъ быть, лучшимъ украшеніемъ и славою общества своей страны... До свиданія, ваше превосходительство, до пріятнаго!..

Не успѣлъ онъ исчезнуть, какъ урядникъ вошелъ съ новымъ довлaдомъ:

— Господинъ Свищовъ.

— Свищовъ... Свищовъ... повторилъ молодой сановникъ, прищуренно взглянувъ на него, потомъ на потолокъ: — кто такой?..

— Не могу знать, ваше...

— А, вспомнилъ, знаю!

И веселая улыбка сложилась на губахъ Аполлона Савельевича:—Проси!

„Московскій браво“ внесся гимнастическимъ шагомъ въ комнату, склонилъ голову, шумно пристузнулъ каблуками и поднялъ вверхъ до высоты глаза свой безконечный усъ:

— Позвольте напомнить вамъ собою, превосходительный губернаторъ, веселые вечера въ Ambigu, ужины у Brébant и mademoiselle Amanda de folle mémoire.

— Здравствуйте, cher monsieur Свищовъ, отозвался тотъ, протягивая ему руку со смѣхомъ,—какъ я радъ васъ видѣть!.. Que bon temps vous me rappelez!..

— Възъ юный, прелестный...

запѣлъ глубокимъ басомъ Свищовъ. — Да-съ, времечко' хорошее было, бремя государственныхъ заботъ не придавливало еще тогда юной главы вашей къ долу, примолвилъ онъ своимъ обычнымъ нахально-шутовскимъ тономъ.

— Ну, какія тамъ „государственныя заботы!“ съ небрежною скромностью заявилъ Аполлонъ Савельевичъ:—un raucage gréfet, исполнитель высшихъ предписаній.

— И въ губерніи своей „магъ и волшебникъ“, заготовалъ гость,—къ которому я являюсь ходатаемъ о благѣ вѣреннаго ему края.

Губернаторъ-комически всплеснулъ руками:

— Какъ! Et toi, Brutus, aussi! Боже мой! На чтѣ же надѣяться послѣ этого! Увидѣвъ васъ, я было совсѣмъ забылъ мою официальность и перенесся душою къ счастливымъ днямъ моей парижской жизни десять лѣтъ тому назадъ...

— Ohé, l'amant d'Amanda! подмигнулъ на это и присвистнулъ Свищовъ,—quelle pose, crédié, въ тѣ дни!... А помните, какъ она, бывало, подошьетъ и затянетъ своимъ визгливымъ французскимъ фальцетомъ:

Lon, lon, la, quand ma tasse est pleine,
Lon, lon, la, de vin d'Argenteuil,
Lon, lon, la, que l'orage vienne,
Lon, lon, la, moi je m'en bats l'oeil...

— Отличная дѣвочка была, и не жадная!

Аполлонъ Савельевичъ, съ видимо элегическимъ намѣреніемъ, испустилъ глубокий вздохъ и завачалъ раздушенною головою:

— Les myrtes sont flétris, les roses mortes, произнесъ онъ на распѣвъ стихъ изъ Гюстава Надо.

— „Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!“ выпалилъ въ отвѣтъ изъ Шиллера Свищовъ и вскинулъ ногой вверхъ.

— Да вы мнѣ скажите прежде всего, началъ опять губернаторъ,—чему обязанъ я удовольствіемъ видѣть васъ здѣсь, въ этой трущобѣ? Вы чтѣ: здѣшній обыватель, землевладѣлецъ, земскій дѣятель, или просто проѣзжій, опоздавшій на поѣздъ,—гдѣ собственно обрѣтается теперь вашъ центръ тяжести? Вѣдь

вы, кажется, до сихъ поръ были лишь блаженный *citoyen de l'univers*?

— „И здѣсь, и тамъ, вездѣ я твой“,

запѣлъ снова въ отвѣтъ „московскій bravo“, уже изъ Варламовскаго романа, и приложилъ руку къ сердцу, — а въ настоящую минуту пребываю въ этихъ палестинахъ съ цѣлю даровать неблагодарнымъ соотчичамъ ближайшее средство сообщенія съ Европой... Вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, какъ говорится на вашемъ официальномъ языкѣ, объяснилъ онъ тутъ же, упершись многозначительнымъ взглядомъ въ самые глаза своего собесѣдника, — о предполагающейся въ Петербургѣ желѣзнодорожной линіи, имѣющей пройти чрезъ всю вашу губернію на ***?

Губернаторъ насторожилъ уши.

— Слышалъ какъ-то дѣйствительно, осторожно пропустилъ онъ своимъ женски-мягкимъ голосомъ.

— Знаете, *кто* этимъ интересуется? протянулъ таинственнымъ шопотомъ тотъ, все также не отрываясь отъ него глазами.

Мышинные глазки губернскаго сановника такъ и забѣгали: „Ты-то почему знаешь и какую роль играешь при этомъ?“ говорили они.

— Я полагаю, всѣ, отвѣтилъ онъ съ дипломатическою ловкостью, — кто только желаетъ наиполнѣйшаго развитія желѣзной сѣти въ Россіи.

— *Vivent les gens d'esprit*, мы другъ друга поняли!

И Свищовъ, лукаво прижмуривая правый глазъ, трепнулъ широкою ладонью своей, въ видѣ одобренія, по лядвеѣ посадившаго его подлѣ себя „хозяина губерніи“.

Тотъ даже привскочилъ на мѣстѣ отъ этой неожиданной и далеко не показавшейся ему лестною „фамиллярности“:

— Однакоже вы... не договорилъ онъ, хмурясь и вскидывая плечами.

— Мы поняли другъ друга, превосходительный, повторилъ Свищовъ, будто ничего не замѣчая: — вы видите во мнѣ агента компаніи, къ которой примыкаетъ извѣстная вамъ особа, подчернулъ онъ, — а я съ этой минуты уже не сомнѣваюсь, что

вы всё въ вліяніемъ вашимъ будете содѣйствовать нашимъ планамъ.

— Позвольте, проговорилъ съ достоинствомъ Аполлонъ Савельевичъ, — мое „вліяніе“ здѣсь ни причемъ; я не инженеръ и не директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ.

— *Laissez donc, mon cher préfet*, иронически напирая, перебилъ его съ хохотомъ „московский браво“; — вы очень хорошо знаете, чѣмъ можете быть въ этомъ случаѣ полезны. Дѣло теперь стоитъ такъ...

И онъ быстро, въ жару изложенія безпрестанно тыкая пальцами въ ногу или туловище своего собесѣдника, — во избѣжаніе чего тотъ отвѣтилъ отъ него наконецъ кресло свое на нѣкоторое разстояніе, — сообщилъ ему то, что уже извѣстно нашему читателю: о „необходимости“ имѣть официальное заявленіе земства тѣхъ уѣздовъ, чрезъ которые должна была пройти предполагаемая линія, относительно чаемой отъ нея пользы для края; о томъ, что здѣсь предвидится такому заявленію сильная оппозиція со стороны „охранительной партіи“, во главѣ которой стоитъ генераль Троевуровъ, „человѣкъ, рѣшительно враждебный всякому прогрессивному вчинанію, и *эксплуататоръ* народнаго труда всей здѣшной мѣстности“, но „вредное вліяніе котораго можетъ быть парализовано благоприятными для *прогрессивной партіи* новыми выборами на земскія должности“, — еъ чему онъ, Свищовъ, и прилагаетъ теперь всё свои старанія...

Губернаторъ внимательно прислушивался къ его словамъ, покусывая губу и разбѣгаясь глазами во всё стороны, но лицо его при этомъ выражало какъ бы полную безучастность. Онъ отнюдь не намѣренъ былъ „компрометтировать“ себя „avec un quidam de cette espèce“, какъ называлъ онъ мысленно Свищова, и досадовалъ на „неосторожныхъ“, довѣрившихъ такому „quidam'у“ закулисную тайну предполагаемой постройки, содѣйствіе которой имъ было обѣщано, кому слѣдовало, въ Петербургѣ при назначеніи его на воеводство.

— Вы понимаете, *mon cher monsieur* Свищовъ, засосалъ онъ свою карамельку, когда тотъ кончилъ, — что желаемое вами заявленіе зависитъ единственно отъ свободнаго рѣшенія гос-

подина земства ввѣренной мнѣ губерніи... Говорю „господина“, какъ говорилось въ старину: „господинъ Великій Новгородъ“, „господинъ Псковъ Великій“, ввернулъ онъ, любезно смѣясь,—и *инести*, такъ сказать, моимъ губернаторскимъ авторитетомъ на соображенія этихъ господъ я и не въ правѣ, и не намѣренъ никакъ. Je tiens en trop haute estime les assemblées publiques, я нѣмѣю предъ ними, voilà ma devise! Могу только сказать поэтому, что, каково бы ни было тамъ рѣшеніе, протеста съ моей стороны не будетъ: это я могу обѣщать вамъ положительно заранѣе.

— Ну-съ, а *направить*, а шепнуть, какъ самі вы и въ *Петербургъ* какъ объ этомъ думаютъ, подмигнувъ еще разъ Свищовъ,—вы полагаете несогласнымъ съ вашею haute impartialité?

— Я своего мнѣнія не скрываю, уже съ нѣкоторою величественностью произнесъ просвѣщенный губернаторъ:—въ какомъ бы пунктѣ и между какими бы пунктами ни вздумалось современному прогрессу провести желѣзнодорожное сообщеніе, я бы только порадовался и содѣйствовалъ бы этому всею заисящею отъ меня властью.

— Слушаю-съ! протянулъ гаерническою интонаціей Свищовъ и, ухвативъ руку сановника, потрясъ ею сверху внизъ, точно тыкая пестомъ въ ступѣ,—nous nous entendons!..

Тотъ вырвалъ у него съ сердцемъ свои помятые пальцы, готовясь протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ этого нахальнаго обращенія съ собою.

Но въ то же время у дверей комнаты раздался еще разъ голосъ урядника:

— Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ!

Губернаторъ вскочилъ съ мѣста и, съ нахмуреннымъ еще челомъ, пошелъ навстрѣчу входившему.

— Почтеннѣйшій Провъ Ефремовичъ, вы предупредили меня, возгласилъ онъ сладчайшимъ голосомъ, протягивая ему обѣ руки:—сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ я жду сюда дядю, съ которымъ мы должны были тотчасъ же ѣхать въ ваше княжеское, какъ его здѣсь всѣ называютъ, Сицкое.

Провъ Ефремовичъ не понялъ льстиваго намѣренія, заключавшагося въ этихъ словахъ:

— Оно дѣйствительно, *допрежь того* какъ мною куплено, Шастуновыхъ князей было, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, я не въ этомъ смыслѣ, засмѣялся тотъ:—оно, говорятъ, у васъ удивительно устроено и великолѣпно содержится.

— Ничего-съ, уголокъ сносный, скромно и небрежно ухмыльнулся на это Провъ Ефремовичъ.

Онъ держалъ себя холодно, чтобы не сказать *строго*: ты, молъ, губернаторъ, да мы и не такихъ видали.

— Достопочтеннѣйшему мануфактуристу и землевладѣльцу мое высокопочитаніе! ворвался тутъ же въ разговоръ неугомонный Свищовъ, подбѣгая къ Сусальцеву съ протянутою рукой. И, не давая тому времени отвѣтить на его привѣтствіе, обратился къ губернатору:

— Вотъ, превосходительный, мы сейчасъ съ вами говорили о мѣстныхъ интеллигентныхъ силахъ: вы видите предъ собою крупнѣйшую, можно сказать, изъ нихъ: капиталъ, умъ, энергія—все-съ соединено въ предстоящемъ здѣсь человѣкѣ.

— Это ужъ вы слишкомъ, позвольте... залепеталъ Сусальцевъ.

— Такой отзывъ не долженъ васъ удивлять, поспѣшили любезно заявить со своей стороны „начальникъ губерніи“, хмурясь въ то же время въ сторону „московского браво“,— этотъ отзывъ всеобщъ... Вы, смѣю думать, земець, и усердный, примолвилъ онъ торопливо, съ видимымъ намѣреніемъ не дать говорить Свищову.

— Гласный, и даже изъ самыхъ послѣднихъ *по дѣятельности*, какъ бы смѣясь надъ самимъ собой отвѣтилъ Провъ Ефремовичъ.

— Ахъ, это стыдно, стыдно! засосалъ карамельку Аполлонъ Савельевичъ:—въ настоящее время, когда въ дальнѣйшемъ развитіи нашего государства земскимъ учрежденіямъ предстоитъ играть такую важную роль...

Свищовъ не далъ ему договорить:

— Эгоистъ онъ, превосходительный, захихикалъ онъ,—о

приращеніи своихъ милліоновъ единственно помышляетъ. А мы его вотъ на зло возьмемъ, да и выберемъ въ предсѣдатели нашей управы; поневолѣ придется послужить общему благу.

Сусальцевъ даже покраснѣлъ слегка:

— Что же... я служить никогда не отказывался... Не выбирали до сихъ поръ, проговорилъ онъ съ искусственнымъ смѣхомъ.

— И прекрасно, прекрасно, закивалъ головой губернаторъ:— такіе люди, какъ вы, должны принимать на себя общественныя функціи... именно *такіе*, подчеркнул онъ, — свѣжие, можно сказать... Мы объ этомъ уже говорили съ Антониной Дмитриевной, навлонился онъ къ нему на ухо съ этимъ сообщеніемъ.

„Понялъ! отъ тебя, должно, и идти!“ вспомнилъ Сусальцевъ разговоръ свой съ женой. Но продолжать на эту тему въ присутствіи „такого хлыща безпардоннаго“, какимъ былъ въ его понятіяхъ давно знакомый ему „по дѣяніемъ своимъ“ Свищовъ, было бы, по его мнѣнію, излишне.

— Когда вамъ будетъ угодно, обратился онъ къ Савинову, — лошади и экипажи къ вашимъ услугамъ. Они прибыли со мной и будутъ ждать тутъ у васъ на дворѣ... Дядюшку вашего, Алексѣя Сергѣевича, позвольте мнѣ встрѣтить на станціи. Буду туда къ часу прибытія поѣзда.

— Ахъ, зачѣмъ вамъ беспокоиться, онъ врагъ всякихъ официальныхъ, счелъ нужнымъ заявить громко Аполлонъ Савельевичъ: „Еще бы ты не поѣхалъ встрѣтить!“ говорилъ онъ себѣ мысленно въ то же время.

— Считаю долгомъ... *хозяина*, отчеканилъ съ достоинствомъ Провъ Ефремовичъ, вставая и расшаркиваясь.

Губернаторъ, пожимаая и не выпуская его руки до самыхъ дверей, провелъ его до половины сосѣдней комнаты, раскланялся и быстрымъ шагомъ вернулся въ кабинетъ.

Остававшійся тамъ Свищовъ кивнулъ ему головой по адресу уходившаго, потянулъ пальцемъ къ низу уголъ праваго глаза и высунулъ языкъ во всю его длину.

Но Савинову онъ успѣлъ уже надобѣсть какъ горькая рѣдька.

— Pardon, monsieur Свищовъ, безцеремонно отнесся онъ къ нему:—мнѣ еще надо заняться съ моимъ правителемъ канцеляріи... Наши дебаты, кажется, съ вами кончены.

Нѣсколько огорошенный „москвскій bravo“ поглядѣлъ на него:

— Vous me mettez à la porte?

Изящный сановникъ пожалъ плечами:

— Извините меня, но у меня есть обязанности... Nous ne sommes plus à Paris..

— „Ахъ, тяжела ты, шапка Мономаха“! Понимаю-съ! До пріемнаго виденья, пане вельможный!..

И, повернувъ налѣво кругомъ, „le général Suicheff“ вышелъ тѣмъ же своимъ гимнастическимъ шагомъ изъ комнаты, не оборачивая головы.

XII.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,—
И слушаетъ ухо,
И пилить рука.

Фетъ.

„Волеъ“ нервно и озабоченно, склонивъ голову и покусывая крупныя губы, расхаживалъ вдоль и поперекъ небольшой камеры въ одно окно съ желѣзною рѣшеткой, имѣвшей для арестантовъ въ земской больницѣ города ***. Онъ съ видимою осторожностью ступалъ по доскамъ пола, разминая свои обутыя въ войлочныя больничныя туфли ноги, во избѣжаніе шума, могущаго выдать обманъ, которому одолженъ онъ былъ переводомъ сюда изъ острога. Онъ очень любео тамъ, на другой же день послѣ своего ареста, притворился пораженнымъ ревматическимъ припадкомъ, лишившимъ его будто бы способности не только двигаться, но и подняться съ досокъ наръ, на которыхъ лежалъ онъ, когда утромъ смотритель острога зашелъ взглянуть на него. Онъ казался такимъ страдающимъ и беспомощнымъ, что тотъ счелъ нужнымъ послать за докторомъ. Докторъ явился, осмотрѣлъ... Это былъ еще довольно молодой и взѣрошенный парень, не глухой, очень разсѣянный съ виду и весьма себя на умѣ въ дѣйствительности, страстный поклонникъ Щедрина и самъ пописывавшій обличительно-юмористическія статьи въ разныхъ московскихъ и петербургскихъ сатирическихъ листкахъ подъ псевдонимами „Маль да удалъ“ и „Панургъ козлиного стада“. „Политическій арестантъ“ вызвалъ въ немъ тотчасъ же, само собою, пол-

ное сочувствіе къ себѣ. Повѣрилъ онъ или не повѣрилъ его недугу, но видъ онъ не медля принялъ подобающій, „серьезный“, и, отвѣдя зрителя нѣсколько въ сторону, объяснилъ ему, что „держать человѣка при такомъ страданіи въ этомъ клоповникѣ безсовѣстно и что его необходимо положить на койку въ больницѣ... Вѣдь и каторжнымъ милосердіе оказываютъ“, говорилъ онъ съ нѣкоторою уже язвительностью, „а тутъ человѣкъ можетъ быть еще и совсѣмъ невинный“... Зритель, придерживавшійся также убѣжденій „самыхъ гуманныхъ“, пришелъ въ великое отъ такихъ словъ смущеніе, отвѣчая, что онъ „конечно самъ вполне раздѣляетъ“, но что онъ лицо подначальное и что объ этомъ надо доложить жандармскому *помощнику*, а не то, какъ онъ слышалъ, долженъ прибыть самъ товарищъ прокурора, господинъ вполне *либеральный*, такъ тотъ непременно велитъ перевести... „Вы ужь потерпите крошечку!“ обратился онъ съ просительнымъ видомъ къ арестанту.

Тотъ только страдальчески замычалъ въ отвѣтъ.

Товарищъ прокурора, вызванный еще наканунѣ изъ Москвы телеграммой жандармскаго подполковника, заѣхалъ въ тотъ же день въ тюрьму. Мы уже знаемъ изъ разговора его съ губернаторомъ, что въ виду болѣзненнаго состоянія арестанта онъ не счелъ возможнымъ продолжать начатаго было имъ допроса и, отложивъ „формальность“ до выздоровленія его, велѣлъ немедленно перевести въ больницу.

„Вольѣ“ провелъ тамъ ночь на повоинномъ матрацѣ, спалъ отлично и, совершенно бодрый духомъ, размышлялъ теперь, расправляя члены послѣ долгаго насильнаго лежанья, о томъ, какъ онъ „выберется изъ этого мѣста“. А что онъ выберется такъ или иначе, въ этомъ онъ не сомнѣвался. Не въ такихъ „передѣлкахъ“ случалось ему бывать. Къ тому же у него были и основанія надѣяться.

Отъ него сейчасъ только ушелъ докторъ, заставшій его лежавшимъ на кровати.

— Ну что, батенька, не полегчило за ночь? спросилъ онъ фамиллярно веселымъ тономъ, присаживаясь ему къ ногамъ.

— Ломить все, простоналъ тотъ.

— А нуте-ка, дайте я васъ маленьчко ощупаю... Болить? спросилъ онъ, надавливая на какой-то нервъ на бедрѣ.

— Да-а...

— А тутъ?

— Тоже.

Докторъ посмотрѣлъ ему вдругъ прямо въ глаза и засмѣялся:

— На койкѣ-то у насъ покояйнѣ будетъ лежать, чѣмъ въ острогѣ?

„Волеъ“ не отвѣтилъ и зорко въ свою очередь глянулъ ему въ лицо.

Тотъ безцеремонно трепнулъ его ладонью по якобы больному мѣсту и хихикнулъ опять:

— Полежите у насъ, батенька, полежите, ничего... Въ Московскій замокъ не хочется небось, прошепталъ онъ тутъ же скороговоркой, лукаво прижмуривая правый глазъ...

И, не дождавшись отвѣта, обратился ко входившему въ эту минуту фельдшеру:—натереть бокъ скипидарнымъ масломъ, да суконкой доврасна... Пріятели у васъ тутъ, проговорилъ онъ опять со своимъ разсѣяннымъ видомъ, когда они остались одни:—Троженкова, Степана Акимовича, знаете?

— Знаю.

— Ну вотъ!.. Въ обѣдъ полную порцію! скомандовалъ онъ возвращавшемуся со стѣлянкой своему подчиненному,—коли булки свѣжей нѣтъ, ко мнѣ пошлите, саекъ мнѣ изъ Москвы привезли...

— Спасибо, докторъ, счелъ нужнымъ простонать опять мнимый больной, подставляя бокъ подъ суконку фельшера.

— Ну чего тамъ! качнулъ головой тотъ, и снова какъ бы невзначай подмигнулъ ему обращеннымъ на него глазомъ.

Онъ всталъ и направился къ двери.

— Поправляйтесь, батенька, поправляйтесь!.. У насъ тутъ спокойно, тревожить никто не станетъ, добавилъ онъ, какъ-то едва замѣтно подчеркивая, и вышелъ изъ камеры.

„Теперь ясно, отъ этого Троженкова надо ждать...“ неопредѣленно мурлыкалъ себѣ подъ носъ натертый доврасна

„Волеж“, оставшись одинъ, осторожно подергиваясь къ круглому со вставленнымъ въ него стекломъ отверстию двери, выходившей въ общій больничный корридоръ, по которому прохаживались въ эту минуту два выздоравливающіе больные изъ крестьянъ въ больничныхъ халатахъ и молодой солдатъ съ ружьемъ на плечѣ, поставленный на часы предъ самую его „арестантскую камеру“.

„Съ этой стороны нечего и думать“, сказалъ себѣ „Волеж“ въ заключеніе своихъ какихъ-то особенныхъ мысленныхъ посылокъ, и, отойдя къ кровати, улегся на спину, скрестивъ руки на груди и вперивъ неподвижно зрачки въ потолокъ... Онъ ждалъ.

Такъ прошло съ часъ времени.

Замокъ въ двери щелкнулъ. Вошелъ больничный сторожъ, старый отставной солдатъ, держа въ обѣихъ рукахъ миску въ больничнымъ бульйономъ, а подъ мышками суповую тарелку и оловянную ложку.

Онъ уставилъ все это на ночной столикъ подлѣ кровати и затѣмъ полѣзъ своею заскорузлою, слегка дрожавшею—онъ былъ „въ легкомъ подпитіи“,—рукой за бортъ своего полукафтанья, откуда вытащилъ румяную, пятикопѣечную московскую сайку:

— Къ самому, значить, фершелъ посылалъ взять вамъ, пролепеталъ онъ,—нате вотъ...

— Это отъ доктора? сказалъ арестантъ:—спасибо ему.

— „Спасибо“! проговорилъ укорительно сторожъ, получившій только-что отъ доктора строгій выговоръ „за нетрезвое состояніе“,—а за что ругается, спросите, такъ и самъ того не знаетъ...

— А онъ у васъ, видно, человекъ хорошій, поддразнилъ его „Волеж“, торопливо принимая у него изъ рукъ сайку и сжимая ее инстинктивно обѣими руками.

Тотъ злобно рукой мотнулъ.

— Хорошій! Оболдуй облѣзлый, а не то что... Купилъ онъ теперича пару лошадей, заплатилъ пару полтинъ, думалъ на нихъ до неба доѣхать, а онъ у него за городъ не успѣли выѣхать, обѣ охромѣли. Какъ есть облѣзлый!

— А развѣ онъ куда ѣздилъ сегодня? съ любопытствомъ спросилъ арестантъ.

— Нѣ! Ночеваль у него одинъ изъ его, значить, пріятель, вчера изъ Москвы пріѣхаль, Острожниковъ господинъ, можетъ слышали? Такъ онъ ему этихъ самыхъ своихъ одровъ запречь велѣлъ, въ имѣніе ихъ отвезти, а они не успѣли изъ улицы выѣхать, оба и охромѣли, такъ и вернулись домой, захихикалъ ядовито старикъ.

— Почему ты все это знаешь? вторилъ ему „Волкъ“, чувствовавшій себя все въ болѣе и болѣе хорошемъ расположеніи духа.

— Чего-жь не знать, когда онъ у насъ тутъ на дворѣ на самомъ во флигелѣ помѣщается... Квартуру тоже дала управа ему...

— Такъ этотъ, ты говоришь, Острожниковъ и не уѣхаль?

— Лошадей у Криваго, у извошца, наняли, чего ему тутъ валандаться: богачъ, кабаковъ держитъ дюжины двѣ, за цѣной не постоятъ.

— Ну, хорошо, старина, я лопать стану, а ты иди себѣ; другое блюдо можетъ есть? сказалъ „Волкъ“, желавшій теперь какъ можно скорѣе остаться одному.

— Кура, извѣстно, полагается, принесу-пойду...

Едва успѣлъ онъ выйти за дверь, какъ „Волкъ“, для большей предосторожности обернувшись на кровати лицомъ въ стѣнѣ, принялся медленно разламывать принесенную ему отъ доктора сайку. Она, очевидно для него, передана была тому Троженковымъ, а слѣдовательно заключала въ себѣ нѣчто, что должно было служить его „вызволению изъ узилища“, говорилъ онъ себѣ уже шутовски мысленно.

Онъ не ошибался: внутри сайки нашель онъ прежде всего двѣ сложенные въ квадратики самаго мелкаго объема записки, изъ которыхъ одна, писанная рукою Лидіи Петровны Курсаковой, уже знакома нашему читателю, а другая, начертанная чьимъ-во невѣдомымъ почеркомъ, гласила слѣдующее:

„Роца за больницей. Лошади. Нынѣшнею ночью. Тутъ нужно“.

Задрожавшіе пальцы „Волка“ нервно тонули дальше въ

хлѣбную мякоть. „А!“ вырвалось у него невольно изъ груди. Онъ нащупалъ тамъ что-то узкое, металлическое, колючее, и, не глядя, не разламывая дальше, судорожно сунулъ сайку подъ подушку и прилегъ на нее головой, прижмуривъ глаза отъ усиленно забившагося у него въ эту минуту сердца. Онъ зналъ, это была тончайшая англійская пила, съ помощью которой ничего не будетъ ему стоить „сегодня ночью“ уйти „сезовъ вотъ это самое окно“, говорилъ онъ себѣ, глядя на довольно жидкія и уже ржавыя желѣзныя полосы, скрещивавшіяся двойнымъ рядомъ за этимъ, отворявшимся внутрь камеры, окномъ. „Молодецъ Мурзинъ!“ Онъ не сомнѣвался, что „это придумано въ Москвѣ“, куда ѣздилъ очевидно Троженковъ для совѣщанія, узнавъ объ его, „Волка“, арестованіи... „За больницей, роца“, да, вотъ она зеленѣетъ своею темно-зеленою хвоей... Тамъ его будутъ ждать, очевидно; Троженковъ увезетъ его къ себѣ... „Камыши по рѣкѣ“, вспомнилъ онъ, „въ случаѣ чего не отыщутъ“... Да нѣтъ, времени терять нечего, ему надо въ Липецкъ... „Въ Липецкъ, всѣ *они* тамъ будутъ; вотъ мы и увидимъ, и увидимъ“... И глаза „Волка“ загорались и метали искры дѣйствительно, какъ у того звѣря, чье онъ носилъ названіе, когда лютою морозною ночью щелкаетъ онъ на перепутьи кровожадными зубами, чужа близость свѣжаго мяса. *Они* должны будутъ подчиниться его слову, его волѣ, его неустрашимой логикѣ, онъ возьметъ верхъ, онъ станетъ во главѣ движенія, вопреки всему тому *неизвѣстному* для него, чему очевидно подчинялись *они* до сихъ поръ... У него денегъ нѣтъ: „отняли, прокляты!“ скрежеталъ онъ, вспоминая объ этомъ. Все равно, онъ у того же Троженкова возьметъ. Лишь бы добраться скорѣе... „Въ Липецкъ, въ Липецкъ!...“

Нервы расходились у него страшно. Оконечности ножныхъ пальцевъ сводило какимъ-то невыносимымъ судорожнымъ замираніемъ, въ виски била кровь до боли... „Ну, вздоръ, справиться съ собой надо“, рѣшилъ онъ, вскакивая съ постели и принимаясь опять шагать въ своихъ неслышныхъ туфляхъ, держась ближе къ стѣнѣ, чтобы не попасть подъ уголь зрѣнія часоваго, расхаживавшаго по корридору... „Добрую выспышку

запнымъ порывомъ вихря и дребезжащими отгулами грома, зазвенѣлъ въ стекла окна.

„Самое время!“ пронеслось въ головѣ „Волка“... Онъ подбѣжалъ къ окну, дернулъ за задвижки—и едва удержалъ въ рукахъ раму отъ ударившаго въ нее напора вѣтра. Одно изъ стеколъ треснуло, слабо звеня...

Онъ быстро обернулся, тревожно устремивъ взглядъ въ круглое оконце двери... Но тамъ, за нимъ, все тою же регулярною походкой, то застывая, то отрывая вновь свѣтъ корридорной лампы, прохаживалась автоматическая фигура часоваго.

Вихрь тутъ же стихъ, словно разбитый въ прахъ неотразимую силой лившихъ съ неба потоковъ...

„Волкъ“ отворилъ теперь рамы на обѣ половины. Онъ стиснулъ вынутую имъ изъ сайки узенькую пилу, укрѣпленную на твердомъ стальномъ стержнѣ, между тѣмъ какъ каменные зубы его пережевывали въ мяготъ сунутыя имъ въ ротъ найденныя въ сайкѣ записки. „Спилить края, а тамъ сами погнутся“, сказалъ онъ себѣ, пробуя рукой степень устоя одной изъ продольныхъ полосъ рѣшетки окна и чувствуя въ этой рукѣ какъ бы приливъ такой силы, которая погнула бы и не такое препятствіе.

Пила завизжала по желѣзу съвозъ шумъ дождя, обливавшего его снаружи своими брызгами... „Услышать!“... Онъ вспомнилъ о мази, оставленной ему фельдшеромъ, прыгнулъ къ столику и, зажавъ пузырекъ въ рукѣ, вернулся къ рѣшеткѣ.

Свѣтъ изъ двернаго оконца какъ бы мгновенно померкъ. Онъ живо обернулся. „Лампа погасла?“

Нѣтъ, она свѣтила, но между ею и окномъ онъ различилъ лицо часоваго, вглядывавшагося въ его камеру... „Волкъ“ быстрымъ шагами, наклонивъ голову, приползъ къ своей кровати, сѣлъ и принялся усиленно кашлять.

Звукъ этого кашля достигъ слуха любопытствовавшего солдата и успокоилъ его повидимому. Онъ отошелъ отъ двери, а затѣмъ шаги его и совсѣмъ смолкли... „Уходился!“ И мгновенная усмѣшка зазмѣлилась по безобразнымъ губамъ арестанта.

Смазанная скипидарнымъ масломъ пила дѣйствовала отлично. Черезъ нѣсколько минутъ одна изъ вертикальныхъ полосъ рѣшетки была снизу подпилена. „Волкъ“ надавился на нее всею силой своихъ желѣзныхъ мышцъ. Она подалась, врякнула и, скользя въ его рукѣ, грохнулась о-земь съ расщепившимся деревомъ обшивки, въ которую вбита была вверху... „Волкъ“ глухо и язвительно засмѣялся про себя: „Изъ гнилья строили, а земскія денежки въ карманъ себѣ положили...“

Онъ быстро принялся теперь за нижнюю продольную полосу... Ливень стихалъ, но рука двигалась съ какою-то словно съ каждымъ мигомъ все возрастающею силой. Еще одно послѣднее движеніе... И локоть его неосторожнымъ взмахомъ, выдергивая пилу, ударилъ о раму оконной половинки. Разбитое стекло полетѣло со звономъ на землю...

И въ то же время явственно донеслись до него тяжелые и торопливые шаги поднявшагося очевидно на этотъ звонъ часоваго въ корридорѣ.

„Волкъ“, перегнувшись черезъ подоконникъ, навалился весь на полосу, встряхивая ее руками, погнулъ, сдвинулъ, сорвалъ ее—и вслѣдъ за нею, не выпуская ее изъ рукъ, готовый разможить голову первому, кому вздумалось бы остановить его, очутился на землѣ, прыгнувъ изъ окна съ полуторасаженой высоты, но цѣлый и невредимый, полавъ какъ въ кашу въ густую грязь, успѣвшую образоваться на дворѣ отъ ливня.

Онъ кинулся бѣжать въ направленіи къ рощѣ.

Онъ внимательно изучилъ окружающую мѣстность въ теченіе дня, но теперь на дворѣ стояла темъ непроглядная и дождь, сыпавшій въ эту минуту уже мелкими, но непрерывными и стремительными каплями, сбѣгъ его по лицу, по вѣкамъ глазъ словно желѣзными опилками. Севозъ влажную пелену онъ едва различалъ огоньки въ окнахъ службъ, обнимавшихъ дворъ больницы четырехугольникомъ со свободнымъ между корпусами пространствомъ земли, обнесеннымъ со стороны поля невысокимъ заборомъ.

Но терять времени было нечего. Изъ окна, откуда выско-чилъ онъ, доносились до него лязгъ замка въ двери, торопли-

вый топотъ ступней, бѣжавшихъ въ камеру, и крикъ: „Держи, держи!“ Онъ пустился бѣжать стремглавъ прямо на тѣ мелькавшіе предъ нимъ огоньки сквозь дождь и тьму и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, круто завернулъ влѣво къ забору, гдѣ утромъ онъ запримѣтилъ калитку.

Ничего не видя попрежнему, держа одну руку впередъ на всякій случай и не выпуская изъ другой желѣзной полосы, вырванной имъ изъ окна, онъ ударился изо всей силы ладонью о заборъ, котораго не предполагалъ столь близкимъ и не удержался отъ невольнаго стопа, вызваннаго болью. И въ то же время кто-то, выскочивъ изъ ближайшаго зданія, кинулся на него съ новымъ крикомъ: „Стой, кто тамъ? Держи!“ Тяжелая рука ухватила его за рукавъ, дернула...

Онъ вырвался, взмахнулъ своею полосой... Что-то грохнулось о-земь съ глухимъ воплемъ... „Волкъ“, шаркая ладонью по забору, побѣжалъ къ углу къ калиткѣ... Вотъ она: рука удачно набрела прямо на желѣзное кольцо ея. Онъ рванулъ за него—и вылетѣлъ въ поле.

А на дворѣ стояла уже тревога, изъ избъ выбѣгали люди, замелькали фонари, кто-то ударилъ въ колоколь, созывавшій служащихъ на обѣдъ... „Волкъ“ бѣжалъ безъ оглядки, скользя и уточая въ грязи пустыря, чрезъ который несли его обутыя въ больничные „шлепанцы“ ноги. Ему чудилось преслѣдованіе, людскіе голоса, лошадиный топотъ... И онъ бѣжалъ, едва переводя духъ, потерявъ всякое сознаніе разстоянія, безсильный дать себѣ отчетъ, далеко-ли ему еще до этого лѣса, въ которомъ ждало его спасеніе...

Онъ уже достигъ его, и что-то, словно чернѣе самой ночи, зіяло оттуда на него изъ-подъ нависшихъ вѣтвей и иглъ высокихъ сосенъ, когда на-бѣгу нога его задѣла за широко раскинувшійся корень дерева, и онъ со всего размаха полетѣлъ головой внизъ, разбивъ себѣ при паденіи все лицо въ кровь. Онъ потерялъ на минуту сознаніе и, придя въ себя, вскочилъ на ноги, но тотчасъ же упалъ опять отъ нестерпимой боли зашибленнаго имъ волѣна.

Новый стонъ вылетѣлъ изъ его груди и замеръ тутъ же. До него явственно донеслось фырканье и встряхиванье ло-

шадей на самомъ близкомъ отъ него разстояніи. „Это отъ Троженкова“, сказалъ онъ себѣ; пересиливая боль, онъ поднялся опять и направился хромая на эти звуки.

— Эй, тамъ, помощи! рѣшилъ онъ крикнуть, хватаясь за стволъ дерева, чтобы не свалиться еще разъ.

— Тутъ, пожалуйста, отозвался на это попотливо чей-то голосъ.

— Подойдите, я расшибся, итти не могу.

— Вы изъ больницы? спросилъ тотъ же голосъ, и чья-то рука дотронулась до него.

— А вы изъ Быкова?

— Тамъ точно, Степанъ Акимовичъ прислали, я васъ два часа мѣста больше какъ жду здѣсь... Счастливо выбраться изволили? хихикнулъ къ этому знакомый читателю Оедька.

— Убилъ тамъ кого-то, должно быть, отвѣтилъ на это какъ бы невольно „Волеъ“;—ну, усади меня тамъ скорѣе и вези; мочи нѣтъ.

Оедька довелъ его до телѣжки, усадилъ, подсѣлъ къ нему, и лошади, гулко шлепая по лужамъ и промоянамъ лѣсной дороги, побѣжали крупною рысью по пути къ Быкову.

XIV.

Часу въ одиннадцатомъ утра на другой день послѣ переданнаго нами читателю, тарантасъ исправника Ипатьева подъѣзжалъ ко крыльцу большого дома въ Сицкомъ, гдѣ молодой губернаторъ и дядя его, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, Алексѣй Сергѣевичъ Колон-тай имѣли пребываніе уже третій день.

Исправникъ выскочилъ изъ экипажа и вошелъ въ сѣни, изъ которыхъ вышелъ ему навстрѣчу благообразный слуга во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, изъ цѣлой команды слугъ, выписанной въ послѣднее время Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ изъ Москвы, по требованію его изящной супруги. Рубахи съ восьмью воротомъ, подстриженные въ скобку волосы изъяты были вовсе теперь изъ обращенія въ Сусальцевскихъ палатахъ, поставленныхъ вновь „на вполнѣ европейскую ногу“, какъ выражался Евгений ~~Александровичъ~~ Зяблинъ. *Владимиръ*

— Мнѣ требуется видѣть господина губернатора, объяснилъ исправникъ, — проведите меня пожалуйста къ нему.

Слуга замаялся нѣсколько:

— Они въ настоящую минуту изволятъ завтракать съ прочими господами...

— Все равно, доложите.

Тотъ какъ бы недоумѣло глянулъ на него изподлобья, провелъ рукой по весьма внушительнымъ бакенбардамъ, пушисто топырившимся по его щекамъ, и направился затѣмъ неторопливымъ шагомъ къ лѣстницѣ, уставленной каддами съ померанцовыми деревьями до самаго перваго этажа.

Прошло пять минутъ, прошло десять, — онъ не возвращался.

Ипатьевъ расхаживалъ вдоль и поперекъ пространныхъ сѣней, уткнувшись глазами въ землю и нервно пощипывая кончики усовъ. „Точно просителя какого заставляютъ ждать“, невольно приходило ему на мысль.

— Пожалуйте! раздалось наконецъ сверху.

Онъ поднялся по ступенькамъ.

— Просять обождать, они къ вамъ выйдутъ, объявилъ слуга, введя его въ первую гостиную, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ все тотъ же „portrait d'ancêtre“, Екатерининскій генералъ-аншефъ князь Шастуновъ на боевомъ конѣ, повѣшенный сюда княгинею Аглаей Константиновной *) и проданный Сусальцеву вмѣстѣ со всею прочею родовою движимостью Сицгао ея безпутнымъ „Базилемъ“.

Тутъ пришлось исправнику ждать еще минутъ двадцать, и съ каждою минутой становилось ему все тяжелѣе. Онъ мелькомъ взглянулъ на образъ свой, отражавшійся въ одномъ изъ огромныхъ зеркалъ, украшавшихъ стѣны гостиной, на цвѣтные канты своего полицейскаго мундира. „Почитаютъ за одно съ лакеемъ“. И желчная улыбка скривила его губы.

Но вотъ отворилась дверь ближайшаго покоя и въ комнату вышелъ Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ въ лѣтнемъ, ослѣпительно бѣломъ и мастерски выглаженномъ *coutil* съ головы до ногъ, елѣтчатомъ шотландскомъ галстучкѣ и съ папироской въ правой рукѣ.

Онъ протанулъ два пальца лѣвой своему подчиненному и, прищурившись:

— Я завтракалъ, извините, уронилъ онъ небрежно: — вы ко мнѣ по дѣлу, или какъ добрый знакомый? добавилъ онъ въ видѣ любезной шутки.

Но „майору съ Балканъ“ шутка эта показалась неумѣстною:

— Знакомство мое съ вашимъ превосходительствомъ зависитъ единственно отъ служебныхъ отношеній, и на другое

*) Четверть вѣка назадъ. Ч. I.

СОЧИНЕНІЯ В. М. МАРКЕВИЧА, X.

я не почитаю себя въ правѣ претендовать, сухо выговорилъ онъ въ отвѣтъ.

Едва замѣтное смущеніе пробѣжало въ мышиныхъ глазахъ губернскаго сановника, но онъ тотчасъ же подавилъ его, усмѣхнулся чуть-чуть насмѣшливо и склонилъ голову полупоклономъ:

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только выслушать то, что вы имѣете мнѣ сообщить.

Онъ повернулъ къ себѣ близъ стоявшее кресло, уронилъ себя въ его мягкое сидѣнье, закинувъ ногу за ногу и указавъ рукой исправнику на другое кресло противъ себя:

— Сдѣлайте милость.

— Я счелъ долгомъ пріѣхать доложить вашему превосходительству, началъ медленно тотъ,—что нынѣшнею ночью изъ земской больницы въ городѣ ушелъ переведенный туда изъ острога третьяго дня, по приказанію товарища прокурора, политическій арестантъ, о которомъ вашему превосходительству извѣстно.

— А, да, этотъ Бобруйскій, знаю... Какъ же это онъ ушелъ, интересно? спросилъ губернаторъ съ тѣмъ выраженіемъ любопытства, съ какимъ досужій читатель пробѣгаетъ дневникъ происшествій въ своей газетѣ.

Исправникъ передалъ фактъ бѣгства такъ, какъ онъ уже извѣстенъ нашему читателю.

Аполлонъ Савельевичъ покачалъ головой и засмѣялся:

— Ловко однако!.. И запибъ этого сторожа, вы говорите... Серьезно?

— Оказалось, въ счастію, не опасно... Разсѣкъ кожу на черепѣ однако...

— Удивительно рѣшительный этотъ народъ, надо признаться, заключилъ сановникъ въ видѣ морали басни.—Вы говорите, онъ скрылся въ лѣсу?

— Такъ точно. Слѣды его ногъ въ больничныхъ туфляхъ ясно отпечатались на мокрой землѣ до самой опушки лѣса.

Тамъ ждалъ его экипажъ, телѣга или тарантасъ, который увезъ его далѣе. Это видно изъ свѣжей колеи, проведенной колесами этого экипажа, и изъ того, что слѣды его подошвъ

пропадаютъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки, смѣшиваясь съ отпечаткомъ ступней человѣка въ обыкновенныхъ сапогахъ, который очевидно ждалъ его тутъ съ лошадьми. Предъ тѣмъ, какъ ему влѣзть въ телѣгу, онъ, надо полагать, гдѣ-нибудь зацѣпился и поранилъ себя, такъ какъ видны слѣды крови на одномъ мѣстѣ посуше, гдѣ дождь не успѣлъ смыть ихъ.

— А вы ужь успѣли побывать на мѣстѣ?

— На зарѣ выѣхалъ произвести дознание.

— Д-да, протянулъ неопредѣленно губернаторъ, — и куда же это могли увести его?

Короткая усмѣшка пробѣжала по губамъ исправника:

— Весьма недалеко-съ.

— А! Вы почему же знаете?... Ну да, конечно, какъ бы вдругъ догадался Аполлонъ Савельевичъ, — вы прослѣдили колеи, оставленныя этими колесами?

— Колеи дѣйствительно идутъ по тому направленію, но для меня и безъ этого совершенно ясно, что его могли увести только въ одно мѣсто, куда я и отправилъ одного человѣка прослѣдить его окончательно и гдѣ, не сомнѣваюсь, можно будетъ арестовать его сегодня.

— Какое же это мѣсто?

И брови губернатора строго и многозначительно сдвинулись.

— Быково называется. Владѣлецъ его, по фамиліи Троженковъ, человѣкъ давно извѣстный по неблагонамѣренности своей и состоящій у насъ подъ негласнымъ надзоромъ, былъ когда-то корреспондентомъ лондонскаго *Колокола*...

— Человѣкъ интеллигентный значить?

Ипатьевъ чуть-чуть поморщился.

— Это ужь какъ понимать, проговорилъ онъ съ невольною пренебрежительною улыбкой, — а только что онъ тутъ въ уѣздѣ пользуется, и основательно, весьма незавидною репутаціей, держитъ цѣлую массу кабаковъ, занимается кулачествомъ, а при этомъ разыгрываетъ какого-то либерала, интригуетъ и мутитъ противъ всѣхъ здѣшнихъ порядочныхъ людей.

— А „порядочными“ кого вы именно называете? ухмыль-

нулся въ свою очередь, прищурившись на говорившаго, его собесѣдникъ.

— Я уже имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству въ городѣ: въ настоящую пору весь должностной персоналъ дворянства и земства здѣшняго уѣзда состоитъ изъ лицъ совершенно почтенныхъ, начиная съ предводителя, который, къ сожалѣнію, принужденъ теперь по болѣзни отказать отъ должности...

— Да, знаю, изъ бывшихъ севастопольскихъ героевъ... Ну, генералъ Троекуровъ само собою, о которомъ мнѣ постоянно приходится слышать теперь? подчеркнул съ нѣскольکو на смѣшливомъ отгѣвномъ Аполлонъ Савельичъ.

— Дѣйствительно, подтвердилъ Ипатьевъ, —человѣкъ изъ ряду выходящій.

— Вы находите?...

Губернскій сановникъ прищурился опять и закурилъ новую папирску:—онъ, говорятъ, феодаломъ кажимъ-то держитъ себя здѣсь.

— Не замѣчалъ, ваше превосходительство, коротко отгѣтилъ на это тотъ.

— Такъ вы что же, заговорилъ послѣ небольшого молчанія его начальникъ,—полагаете ѣхать арестовать этого Бобруйскаго у господина Троженкова?

— Такъ точно; я такъ думалъ даже прямо отсюда...

Губернаторъ не далъ ему договорить:

— Я смѣю думать, со своей стороны, что если онъ тамъ и дѣйствительно находится, такъ все-таки его вамъ такъ прямо руками не выдадутъ.

— Само собою; придется тщательный обыскъ произвести.

Аполлонъ Савельичъ вскинулъ голову вверхъ съ нѣкимъ негодующимъ видомъ:

— Другими словами, ворветесь въ домъ совершенно, быть можетъ, мирнаго и не причастнаго къ дѣлу этого бѣгства гражданина, такъ какъ положительныхъ уликъ вы противъ него не имѣете и основываетесь только на личныхъ вашихъ догадкахъ, потревожите его, спокойствіе, неприкосновенность его home, какъ говорятъ Англичане, и все это для того,

чтобы, по всей вѣроятности, ничего не найти и подать поводъ только къ новымъ нареканіямъ на произволъ администраціи... Позвольте,—и новый просвѣщенный представитель этой „администраціи“ остановилъ величественнымъ движеніемъ руки чаемое возраженіе со стороны своего очевидно придерживавшагося „старыхъ взглядовъ“ подчиненнаго,—я имѣю со своей стороны нѣкоторыя свѣдѣнія о лицѣ, котораго вы заподозриваете, какъ участника въ бѣгствѣ вашего арестанта. Господинъ Троженковъ, здѣшній землевладѣлецъ, принадлежитъ къ земской партіи, состоящей въ настоящую минуту не во власти, слѣдовательно партіи, легально *оппозиціонной*, говоря европейскимъ парламентскимъ языкомъ, и съ этой стороны придирайтесь къ нему мы не имѣемъ никакого права. Положимъ, что, помимо этого, онъ придерживается убѣжденій нѣсколько крайнихъ, но и до этого намъ съ вами дѣла нѣтъ, позволю я себѣ замѣтить. Мы, слава Богу, дожили, кажется, въ Россіи до той степени гражданскаго пониманія, когда за убѣжденія людей не преслѣдуютъ, если за ними нѣтъ фактовъ, свидѣтельствующихъ прямо о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ. А вѣдь вы такихъ фактовъ въ оправданіе того *насилъственнаго* обыска, который вы намѣрены произвести у него, представить не можете, я полагаю. Но допустимъ, что арестантъ дѣйствительно увезенъ Троженковымъ,—это вамъ поручится, что вы найдете его тамъ? Не слѣдуетъ-ли предполагать, напротивъ, что онъ его, въ такомъ случаѣ, въ прошлую же ночь успѣлъ отправить далѣе, или такъ припряталъ, что никакіе ваши обыски ничего не въ состояніи будутъ открыть? Въ обоихъ случаяхъ изъ этого выйдетъ только скандалъ на весь уѣздъ, на всю губернію, новые крики, новое возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ власти, которая теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, должна бояться возбуждать его противъ себя и держаться относительно его какъ можно осторожнѣе и... скромнѣе, прямо скажу.

Ипатьевъ поднялъ на начальника свои строгіе, серьезные глаза и воззрился въ него съ видомъ глубокаго изумленія.

— Какъ же быть однако, ваше превосходительство? медленно выговорилъ онъ:—фактъ тотъ, что арестованный чело-

вѣкъ ушелъ изъ мѣста заключенія, что полиція имѣеть полное основаніе предположить, что онъ нашелъ убѣжище тамъ-то; слѣдуетъ ей, или нѣтъ, исполнить прямую свою обязанность, то-есть, употребить всѣ зависящія отъ нея мѣры задержать его тамъ, гдѣ онъ находится, или выслѣдить дальнѣйшій путь его слѣдованія, если его уже тутъ нѣтъ?

Губернатора слова эти какъ бы сбили нѣсколько съ позиціи; онъ нахмурился.

— Все это прекрасно, сказалъ онъ, пріискавъ новый аргументъ,—но здѣсь дѣло идетъ не о какомъ-нибудь простомъ арестантѣ, а о политическомъ; относительно этихъ лицъ существуютъ особыя правила; инициатива здѣсь принадлежитъ не полиціи; она въ этихъ случаяхъ должна служить лишь послушнымъ орудіемъ распоряженія двухъ специально поставленныхъ для этого учреждений: прокурорскаго надзора и жандармскаго начальства. Имѣете-ли вы отъ нихъ полномочіе на обыскъ у господина Троженова?

— Товарищъ прокурора и здѣшній жандармскій штабъ-офицеръ уѣхали вчера въ Москву, отвѣтилъ Ипатьевъ,—я имъ телеграфировалъ по первомъ извѣстіи о случившемся, но до сихъ поръ отвѣта не имѣю ни отъ того, ни отъ другаго.

— Вотъ видите! хихикнулъ какъ бы побѣдно Аполлонъ Савельевичъ.

— Я вслѣдствіе того, холодно возразилъ исправникъ,—и счелъ нужнымъ пріѣхать доложить объ этомъ вашему превосходительству. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ смыслѣ тѣхъ отвѣтовъ, которыхъ я жду отъ этихъ господъ, но они могутъ запоздать еще, а время между тѣмъ теряется, и бѣжавшій дѣйствительно направленъ можетъ быть куда-нибудь дальше своимъ соучастникомъ.

Спокойный, самостоятельный тонъ, съ которымъ говорилъ съ нимъ этотъ его подчиненный „изъ фронтовиковъ“, рѣшительно не нравился Аполлону Савельевичу и оскорблялъ его внутренно какою-то чужею имъ нотой какъ бы презрѣнія къ его, какъ онъ понималъ, воплѣтъ „интеллигентнымъ“ и „современнымъ“ *воззрѣніямъ*.

— Вы, сдѣлайте милость, меня въ это дѣло не вмѣши-

вайте, вскливнуль онъ раздраженно, — а поступайте на свой страхъ, какъ знаете... Я, надо вамъ сказать, врагъ всякаго лишняго усердія, такъ какъ изъ моей служебной опытности убѣдился, что оно ведетъ всегда къ послѣдствіямъ, о которыхъ приходится потомъ жалѣть... И вамъ могу предложить только тотъ же совѣтъ.

Блѣдныя губы Ипатьева дрогнули:

— Изъ этихъ словъ вашего превосходительства мнѣ слѣдуетъ заключить, что никакихъ мѣръ для поимки убѣжавшаго арестанта мнѣ принимать не слѣдуетъ? вѣско отчеканиль онъ.

Изящный губернаторъ окончательно осердился:

— Вы ничего подобнаго изъ моихъ словъ заключать не въ правѣ; я вамъ выразилъ мое мнѣніе, а затѣмъ предоставляется вамъ поступать по вашему усмотрѣнію... А что до *усердія*, такъ я вамъ сказалъ не даромъ: мнѣ именно съ этой стороны жаловалось на васъ одно изъ специальныхъ лицъ, отъ которыхъ вы ждете теперь отвѣта на вашу телеграмму. Говорятъ, что при исполненіи вашихъ обязанностей вы руководствуетесь лишь однимъ жесткимъ примѣненіемъ буквы закона и совершенно пренебрегаете тою гуманною осмотрительностію, безъ которой нельзя обойтись въ нашъ вѣкъ, если мы, то-есть, администрація, не хотимъ оказаться окончательно одіозными въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Ипатьевъ выслушалъ до конца, чуть-чуть усмѣхнулся кончикомъ губъ и всталъ въ ростъ.

— Въ прежнее время, ваше превосходительство, люди въ моей должности получали замѣчанія отъ начальства въ случаѣ какаго-нибудь упущенія по службѣ; въ настоящемъ случаѣ я получаю таковое отъ васъ за слишкомъ точное исполненіе моихъ обязанностей. Но я иначе служить не умѣю и не желаю.

Юркіе глаза губернскаго сановника забѣгали теперь съ пугливымъ выраженіемъ сторожеваго *овражка* въ новороссійскихъ степяхъ.

— Почтеннѣйшій... онъ старался припомнить его имя и отчество и никакъ не могъ, — почтеннѣйшій... майоръ, спѣш-

но заговорилъ онъ, — вы меня не поняли... я васъ попрошу присѣсть опять и выслушать.

Голосъ его зазвенѣлъ чуть не умоляющимъ звукомъ.

Но его тутъ же откинуло какимъ-то особымъ теченіемъ мысли въ совершенно противоположную сторону. Онъ подъялся съ мѣста въ свою очередь.

— А впрочемъ, произнесъ онъ съ величавымъ движеніемъ руки, которому могъ бы позавидовать самъ графъ Павановъ, родоначальникъ *администраторовъ* того сорта, къ коему принадлежалъ Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ, — а впрочемъ, я не привыкъ стѣснять ничьей свободы; если вы находите, что убѣжденія ваши не дозволяютъ вамъ служить со мною...

— Я буду имѣть честь прислать вамъ формальную просьбу объ увольненіи меня отъ должности сегодня же изъ города, невозмутимо выговорилъ на это исправникъ, поклонился и направился къ двери.

„А какъ же въ самомъ дѣлѣ съ этимъ арестантомъ“, вспомнилось вдругъ губернатору: „вѣдь онъ теперь станетъ всѣмъ рассказывать, что я не дозволилъ ему принять своевременныя мѣры... Можетъ дойти до московской печати...“

Онъ кинулся было вслѣдъ уходившему, но пріостановился опять. „Тарахъ au fait скажетъ мнѣ за это великое спасибо, и въ судебномъ вѣдомствѣ я буду находить послѣ этого полную поддержку... Mais quel fichu métier“, заключилъ онъ, подумавъ опять, — „не даромъ говорятъ: положеніе *хуже губерна-торскаго*.“

Онъ усмѣхнулся остроумію этой ходячей поговорки, ловко швырнулъ окурокъ своей папироски въ пустой очагъ сосѣдняго камина, оглянулъ съ видимымъ удовольствіемъ въ стоявшемъ надъ нимъ зеркалѣ изящное отраженіе своего бѣлоснѣжнаго *coutil* и шотландскаго галстучка, и отправился, глядя по пути съ неменьшимъ удовольствіемъ на блестящіе носки своихъ *escarpins*, въ апартаментъ прекрасной хозяйки Сицкаго, за которою третій день отчаянно ухаживалъ.

XV.

Въ пятомъ часу въ тотъ же день Провъ Ефремовичъ Су-сальцевъ забѣжалъ въ большую, отдѣланную имъ въ „русскомъ стилѣ“, столовую, взглянуть послѣднимъ хозяйскимъ взглядомъ на убранство стола къ „парадному обѣду“, который давалъ онъ въ этотъ день своимъ „именитымъ гостямъ“. „Убранствомъ“ онъ остался доволенъ и, замѣтивъ про fogna распорядившемуся тутъ толстопузому, весьма внушительнаго вида метрдотелю, чтобы „не перемораживать шампанскаго, а подать въ аккуратѣ“, собирался кстати зайти въ кухню для какихъ-то инструкцій повару, выписанному имъ за большія деньги изъ Москвы, но вмѣсто кухни быстро повернулся и устремился въ сѣни, зайдѣвъ чрезъ окно подѣзжавшую къ крыльцу дома коляску.

Въ коляскѣ этой сидѣли Борисъ Васильевичъ Троекуровъ и Гриша Юшковъ.

— Ваше превосходительство!... Григорій Павловичъ! восклицалъ хозяинъ, встрѣчая ихъ на крыльцѣ и пожимая имъ руки съ выраженіемъ самой неліцемерной радости во всей своей массивной фигурѣ. — А Александра Павловна что же, а ваша прелестная барышня? залепеталъ онъ тутъ же съ видимымъ безпокойствомъ, вскидывая глаза въ даль: — или онѣ за вами ѣдутъ?

— Жена вчера, гуляя въ саду, оступилась, вытянула себѣ жилу въ ногѣ и принуждена была лечь, а Мапа никуда безъ нея не выѣзжаетъ... Мнѣ очень жаль, прибавилъ учтиво Троекуровъ.

Лицо Сусальцева видимо омрачилось. Онъ подхватилъ Бориса Васильевича подъ локоть и наклонился къ нему, давая пройти вперёдъ его молодому спутнику:

— Валле превосходительство, извините меня, залепеталъ онъ,—но я такъ дорожу вашимъ... добрымъ расположеніемъ, и какъ я знаю, сколько это будетъ моей женѣ больно... и, можно даже сказать, обидно, позвольте просить васъ сказать мнѣ откровенно: не имѣется-ли—у генеральши“, срывалось у него съ языка, но онъ сдержался и сказалъ:—у Александры Павловны какой-нибудь особой причины... избѣгать, такъ сказать, знакомства съ нами?

Борисъ Васильевичъ успокоительно усмѣхнулся.

— Полноте, любезнѣйшій Провъ Ефремовичъ, я вамъ не лгу, говоря, что жена лежитъ, а какъ только поправится, она непременно будетъ у вашей супруги.

— Конечно, пробормоталъ бѣдный Провъ Ефремовичъ, стараясь принять шуточный тонъ, — съ официальнымъ, такъ сказать, визитомъ... Но я полагалъ такъ, чтобы попросту, по-сосѣдски... Или, можетъ быть, она думала, что можетъ у насъ встрѣтиться за обѣдомъ съ кѣмъ-нибудь для себя... и для васъ неприятнымъ? добавилъ онъ уже совсѣмъ шопотомъ.

— Съ кѣмъ же это? спросилъ нахмурившись Троеуровъ.

Сусальцевъ сразу сконфузился. Онъ имѣлъ въ виду графа Свядецкаго-Лупандина и Острометова, съ которыми былъ знакомъ, но вслѣдствіе „отказа имъ отъ дома“ у Троекуровыхъ не пригласилъ ихъ на сегодняшній обѣдъ; — теперь же онъ сразу понялъ, что „далъ маху“, и что никакъ не слѣдовало дать разумѣть, что онъ объ этомъ знаетъ.

— Нѣтъ, принялся онъ изворачиваться, — я хотѣлъ сказать, что никого мы на сегодняшній обѣдъ не приглашали изъ здѣшнихъ, окромя вашего семейства... и само собою наши гости, губернаторъ нашъ съ дядюшкою Алексѣемъ Сергѣевичемъ Колонтаемъ и генераломъ Бахратидовымъ, получившимъ, какъ вамъ извѣстно, новое назначеніе на Югъ. Мы съ нимъ по Парижу давно знакомы, и вотъ онъ теперь сдѣлалъ любезность женѣ заѣхать по пути къ намъ... Оказывается, онъ вашего превосходительства старый сослуживецъ и отзывается

о васъ самымъ, то-есть, дружескимъ и, можно даже сказать, восторженнымъ образомъ; жалѣеть, что вы рано повинили службу, что васъ ожидала блестящая карьера.

Борисъ Васильевичъ слабо усмѣхнулся и качнулъ головой.

— Да, я его давно знаю...

Все это говорилось, пока они медленными шагами проходили чрезъ сѣни и подымались по мраморнымъ ступенямъ уставленной померанцовыми деревьями лѣстницы, на верхней площадкѣ которой стоялъ въ ожиданіи ихъ Гриша Юшковъ. Молодой человекъ былъ видимо въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Онъ пріѣхалъ сюда единственно потому, что это было, какъ выражался онъ мысленно, потребовано у него отцомъ. *Маши* „въ видѣ испытанія его твердости“, — и эта мысль глубоко раздражала его. „Какая-то вѣчная опека, надзоръ за мною, какъ за ребенкомъ, недоверіе“... Онъ упорно молчалъ во все время пути отъ Всесвятскаго къ Сицкому. Борисъ Васильевичъ не прерывалъ этого молчанія: онъ угадывалъ источникъ его, и въ свою очередь, уткнувшись въ уголъ коляски, глядѣлъ прищурившимися глазами въ даль, погруженный въ свою обычную невеселую думу.

Прекрасная хозяйка Сицкаго, само собою, сочла за басню „исторію“ вытянутой жилы Александры Павловны Троекуровой (хотя тутъ дѣйствительно ничего выдуманнаго не было, и Троекурова лежала съ холодными компрессами на ногѣ въ своемъ будуарѣ,) и приняла это за прямое доказательство нежеланія со стороны этой „ресоге“ вести знакомство съ нею, Сусальцевою. Но, какъ ни глубоко оскорбилась она этимъ, ни единый мускулъ не дрогнулъ въ ея лицѣ, когда Провъ Ефремовичъ, введя въ гостиную новопривывшихъ, счелъ первымъ дѣломъ нужнымъ торопливо и вздыхая доложить ей о „прискорбномъ случаѣ, лишающемъ ихъ удовольствія“ и такъ далѣе.

— C'est bien fâcheux! произнесла она тономъ банальнаго сожалѣнія, величественно протягивая руку Троекурову съ кушетки, на которой полулежала въ волнахъ своего шелка и кружевъ, окруженная избранными лицами, гостившими въ это время подъ ея роскошнымъ кровомъ.

— Le général Troécourof, выговорила она протяжно, обнимая ихъ всёхъ однимъ лѣнивымъ взглядомъ.

Громкія восхваленія раздались на это въ отвѣтъ.

— Троекуровъ, cher ami, какъ давно!

И Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай, быстро поднявшись съ кресла, заспѣшилъ съ обѣими протянутыми руками къ вошедшему.

— А ну-ка, ну-ка, увидимъ, узнаешь-ли стараго камрада? засмѣялся въ свою очередь сидѣвшій подлѣ хозяйки темнокудрый генераль съ южнымъ типомъ лица. — Въ одной палаткѣ жили, подѣ одною бурей ночевать случалось, обратился онъ, лукаво почему-то подмигивая своей красавицѣ-сосѣдѣ.

— Узнаю, перемѣнился мало наружно, а внутренно какъ, не знаю, засмѣялся со своей стороны Борисъ Васильевичъ, обмѣнявшись дружескимъ рукожатіемъ съ Колонтаемъ.

Генераль прыгнулъ съ мѣста и кинулся обнимать его:

— Тотъ же все братъ, теплый человѣкъ, душа-человѣкъ, какъ былъ, возгласилъ онъ такимъ тономъ, что въ сущности слова эти могли равно относиться и къ „старому камраду“, и къ нему самому.

— Скажи, зачѣмъ ты совсѣмъ исчезъ съ горизонта, сколько вѣдь ужъ лѣтъ хотѣ бы плюнуть пріѣхалъ въ Петербургъ, говорилъ Колонтай.

— Онъ это и дѣлаетъ: плюетъ на него и дома сидитъ, острилъ весело генераль.

— Насъ радуетъ за то его превосходительство пребываніемъ своимъ межъ насъ, вернулъ свое слово хозяинъ и самодовольно улыбнулся такому „ловкому“ своему комплименту.

— Нечего мнѣ у васъ дѣлать, отвѣтилъ съ насилуванною шутливостью Троекуровъ.

— И правда твоя, братъ, правда, поддакнулъ генераль, — нечего въ Петербургѣ здоровымъ людямъ дѣлать. Я и самъ не долго тамъ оставался, а какъ выѣхалъ, такъ точно изъ погреба на свѣжій воздухъ вылѣзъ.

— Не уйдешь вѣдь отъ него рано или поздно, сказалъ ему на это Алексѣй Сергѣевичъ съ какимъ то многозначительнымъ, показалось Троекурову, оттѣнкомъ въ интонаціи.

Генераль замахаль обѣими руками:

— Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! Вотъ *временную* свою должность исполню, да и сбѣгу на хуторочекъ какой, чтобы виноградничекъ былъ, да орѣшникъ большой съ тѣнью; такъ тамъ и застряну до самой смерти.

— Какъ великіе люди древняго Рима, засмѣялась хозяйка, — уходившіе послѣ триумфовъ къ себѣ въ имѣніе, землю пахать и капусту садить?

— Именно, именно, прекрасная женщина! расхохотался онъ горловымъ смѣхомъ и, завладѣвъ ея рукой, принялъ къ ней галантнымъ поцѣлуемъ.

— Познакомьте меня съ господиномъ Троекуровымъ, шепталь тѣмъ временемъ Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ, находившійся тутъ же, на ухо хозяину дома.

Сусальцевъ засуетился.

— Ахъ, Боже ты мой, извините!.. Ваше превосходительство, Борисъ Васильевичъ, позвольте познакомить: нашъ новый, молодой начальникъ губерніи, Апо...

— Мой племянникъ, обернулся Колонтай въ Троекурову, — прошу любить и жаловать.

— Я очень радъ случаяю, заговорилъ льстиво „племянникъ“, — во мнѣ со всѣхъ сторонъ доходитъ такъ много о высшей степени полезной дѣятельности здѣсь вашего превосходительства...

— Мнѣ о *вашей* также пришлось слышать не далѣе какъ часъ тому назадъ, отвѣтилъ ему на это весьма для него неожиданно Троекуровъ.

— Вотъ какъ, молвилъ онъ съ невольнымъ ощущеніемъ, вызваннымъ далеко „не симпатичнымъ ему“, понялъ онъ тотчасъ же, выраженіемъ стальныхъ глазъ „этого господина“: — я въ губерніи безъ году недѣля, отъ кого же могли вы слышать...

— Отъ здѣшняго исправника... или вѣрнѣе *бывшаго* исправника, Ипатьева, такъ какъ онъ, кажется, принужденъ вами теперь подать въ отставку.

Глазки интеллигентнаго юнаго сановника такъ и разбѣгались; на щекахъ выступила краска:

— Это не совершенно согласно съ истиной, ваше превосходительство, началъ было онъ уже кисло, но въ то же время генераль Бахратидовъ подхватилъ „старога камрада“ подъ руку и быстро отвелъ его въ сторону:

— Я такъ радъ, братъ, встрѣтить тебя здѣсь; ты такой умный былъ всегда, голова твоя толковая, посоветоваться бы съ тобою хотѣлъ, чтобы поучилъ ты меня. Попалъ я теперь, братъ, знаешь, самъ ужъ я и не знаю какъ, на высочій административный постъ, во время такое трудное, и самъ не знаю, прямо тебѣ скажу, на какомъ инструментѣ теперь играть.

Борисъ Васильевичъ засмѣялся:

— Сколько помню, здравый смыслъ у тебя всегда былъ; вотъ тебѣ и „инструментъ“.

Генераль подмигнулъ и ущипнулъ ему локоть:

— Такъ, братъ, и я своимъ умишкомъ разумѣлъ, да вотъ какъ побылъ теперь въ Петербургѣ, такъ и совсѣмъ съ панталыку сбился: тамъ теперь совсѣмъ иное требуется.

— Чѣмъ *здравый* смыслъ? договорилъ Троекуровъ:—такъ ты чтѣ же, полагаешь, что тебѣ отъ своего отказаться нужно?

Бахратидовъ со смѣхомъ принялся трепать его по спинѣ:

— Эхъ ты, бритва старая, все также остро брѣешь!.. Поговорить мнѣ надо съ тобою по душѣ; вотъ какъ-нибудь послѣ обѣда найдется случай. Самъ бы къ тебѣ прѣхалъ, да спѣшу на мѣсто, въ ночь отсюда выѣзжаю.

Гриша Юшковъ въ это время, войдя въ слѣдъ за Борисомъ Васильевичемъ, стоялъ нѣсколько поодаль оживленной группы говорившихъ, не замѣчаемый ими, и нѣсколько растерянно оглядывался, не зная, садиться-ли ему, или ожидать, пока „усядутся напередъ старшіе“. Онъ какъ бы сквозь туманъ видѣлъ предъ собою красивое пятно тканей, въ которыхъ утопала хозяйка; ему какъ-то безсознательно не хотѣлось вглядываться въ нее пристально.

Но она—онъ это скорѣе почувялъ, чѣмъ увидѣлъ,—подзывала его къ себѣ заморгавшими по его направленію вѣками:

— Вашъ генераль одаренъ повидимому такимъ даромъ *помощенія*, насмѣшливо сказала она ему, указывая на мѣсто подлѣ себя,—что всѣ меня, какъ видите, покинули для него.

Постарайтесь хоть вы быть нѣсколько любезнѣе... Способны? промолвила она, вглядываясь лучистымъ взглядомъ въ самую глубь его глазъ.

— Насколько съумѣю, постараюсь, отвѣтил онъ развязно, храбро выдерживая этотъ взглядъ и говоря себѣ: „прошла пора, напрасно!“...—Только чѣмъ занять васъ, право уже не знаю; я такъ не богатъ мотивами, а вы ихъ столько слышали съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись, полагаю, и со столькихъ струнъ.

— А у васъ что же, какъ на родной балалайкѣ, засмѣялась она, — всего двѣ или даже одна? Все равно, концертуйте!

Онъ засмѣялся въ свою очередь:

— Спасибо за сравненіе.

— Балалайка, *c'est peu élégant*, вы находите?

— Оригинально за то, а вы всегда этимъ отличались.

— Это какъ понимать слѣдуетъ: въ поощреніе мнѣ, или въ уколъ?

— А это ужъ рѣшительно какъ вамъ Господь Богъ на душу положить.

Она еще разъ какъ бы пытливо глянула ему въ глаза. Онъ еще разъ съ полнымъ повидимому спокойствіемъ выдержалъ этотъ взглядъ.

— Скажите, правда? нежданно спросила она.

— Что? вскрикнулъ онъ съ видомъ глубокаго изумленія, хотя какъ-то разомъ угадалъ внутренно, къ чему относился этотъ вопросъ.

— У васъ все кончено, говорятъ?

— Что „кончено“, гдѣ? продолжалъ онъ наружно недоумѣвать.

— Не понимаете?

— Увѣряю васъ, нѣтъ.

Антоніина Дмитріевна загадочно усмѣхнулась:

— И я, если хотите, понимаю это съ трудомъ, но это повидимому фактъ. Гнѣвъ на васъ изволили преложить на милость?

И она еле замѣтнымъ движеніемъ указала на Бориса Васильевича Троекурова.

Молодой человекъ неудержимо вспыхнулъ по самые глаза.

— Что же для васъ, спросилъ онъ, стараясь сохранить все свое хладнокровіе,—можетъ быть тутъ непонятнаго?

— Многое...

По губамъ ея пробѣжала новая, странная усмѣшка:

— Вы какое намѣрены теперь принять положеніе относительно меня, враждебное или *союзное*?

— „Союзное?“ повторилъ Гриша,—противъ чего или кого же это?

— Contre la malchance, неопредѣленно отвѣтила она: — или вы все того же мнѣнія, что на меня положиться нельзя?

— Сколько мнѣ помнится, вырвалось на это у него,—вы прежде всего не хотѣли сами...

Голосъ его оборвался вдругъ.

— Чего не хотѣла?

— Изображать собою каменную гору, на которую „можно положиться“, отвѣтилъ онъ, уже овладѣвъ собою и насилуя себя опять на шутливый тонъ.

— Такихъ горъ нѣтъ, во-первыхъ, потому что каждая можетъ при извѣстныхъ условіяхъ дать трещину и осыпаться, а во-вторыхъ...

Онъ ждалъ заключенія, но она не договорила и засмѣялась опять:

— Признайте во мнѣ одно доброе качество — откровенность.

Онъ преувеличенно развелъ руками:

— О, на счетъ этого отдаю вамъ полную справедливость.

— Вотъ видите!

— Вы въ этомъ отношеніи самому князю Бисмарку не уступите, продолжалъ молодой человекъ съ какою-то странною смѣсью тайнаго раздраженія и удовольствія за то направленіе разговора, которое давало ему возможность, какъ представлялось ему въ эту минуту, „колоть“ ее въ свою очередь.

— Признаю справедливость сравненія, съ комическою

серьезностью выговорила она, — мнѣ не даромъ приходилось слышать въ Европѣ, что я родилась pour être ambassadrice, и я чувствую дѣйствительно въ себѣ всѣ способности какой-нибудь княгини Ливень...

И вдругъ какая-то мгновенная искра мелькнула въ ея аква-мариновыхъ глазахъ; всякій признакъ шутливости сбѣжалъ съ ея лица. Она опустила вѣки и принялась вертѣть блестящіе камнями кольца на своихъ тонкихъ пальцахъ, какъ бы въ какомъ-то невеселомъ раздумьи.

Гриша съ невольнымъ вниманіемъ глядѣлъ на ея все такъ же прелестное и какъ бы „размягченное“, казалось ему, лицо. „Достигла своего и довольна“, пронеслось у него съ какимъ-то горькимъ осадкомъ въ мысли. „И отлично“, спѣшилъ онъ сказать себѣ тутъ же, „между нами теперь глубь океана.“ И онъ какъ-то преувеличенно усмѣхался и поглядывалъ въ сторону Бориса Васильевича Троекурова: „ты видишь-молъ, что я ея не боюсь.“

Но Борисъ Васильевичъ продолжалъ разговаривать съ генераломъ Бахратидовымъ и Колонтаемъ и не глядѣлъ въ его сторону.

Антонина Дмитріевна подняла голову:

— А чтѣ сестра моя, все еще во Всесвятскомъ? проговорила она съ разсѣяннымъ видомъ:—отчего она не пріѣхала съ вами?

— Вы ея, кажется, не звали, подчеркнулъ все съ тѣмъ же намѣреніемъ укола Григорій Павловичъ.

Она усмѣхнулась чуть-чуть:

— Къ чему? Ей и тамъ хорошо.

— А здѣсь она вамъ не нужна?

— Нисколько, подтвердила Антонина Дмитріевна самымъ невозмутимымъ тономъ, и чрезъ мигъ:—чтѣ она, не ревнуетъ?

— Къ кому это?

— Разумѣется, къ вамъ; вѣдь это такое давнее обожанье...

— У Настасьи Дмитріевны одно обожаніе—ея искусство, отвѣтилъ холодно и рѣзко Гриша, —она особа, достойная величайшаго уваженія.

— Совершенно вѣрно! кивнула одобрительно .Сусальце-

ва,—и я, признаюсь, всегда удивлялась въ оны дни, какъ вы не обращали на нее того вниманія, котораго она всегда заслуживала.

— Вы ошибаетесь: то, что я вамъ выразилъ теперь про Настасью Дмитріевну, я всегда про нее думалъ.

— Ну да, засмѣялась она уже громко:—on respecte, mais on n'eroise pas... А знаете, продолжала она, не давая ему времени на возраженіе,—вѣдь она создана была для васъ; вы всегда хотѣли души, идеальныхъ стремленій, добродѣтели и страсти, или, вѣрнѣе, добродѣтельной страсти, la passion dans la vertu,—все это могла дать она въ изобиліи, съ придачей великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ глазъ,—потому что у сестры моей Насти глаза необыкновенно хороши, вы согласитесь,—и прелести „искусства“, подчеркнула она съ эмфазомъ,—которое вы такъ высоко цѣните. А вы мимо всего этого прошли съ холоднымъ равнодушіемъ, чтобъ отдать въ ваши лѣта, говоря поэтическимъ языкомъ, паруса вашей ладьи на произволь семнадцатилѣтняго шкипера.

Гришу Юшкова всего повело отъ этихъ словъ:

— Вы все такъ же остроумны, Антонина Дмитріевна, отчеканилъ онъ,—но личность моя, право, не стоитъ того, чтобъ объ нее притуплялись ваши стрѣлы. Есть предметъ, гораздо болѣе интересный не только для вашего собесѣдника, но и для васъ самихъ: это—сами вы. Съ тѣхъ поръ, какъ вы вышли замужъ, вы такъ много видѣли мѣстъ и людей, вынесли такъ много новыхъ своеобразныхъ впечатлѣній и радостныхъ чувствъ...

— Столько новой скуки, столько тоски! къ невыразимому удивленію его какъ бы вырвалось у нея вдругъ, съ неодолимою, показалось ему, силой искренности. На сердцѣ у него что-то екнуло. Онъ вскинулъ на нее глаза и тутъ же отвелъ ихъ.

— Никакихъ радостныхъ чувствъ и не ожидала я, выходя замужъ, договорила она какъ бы въ объясненіе, отвернувшись отъ него и, прищурившись съ мѣста въ сторону мужа, подозвала его къ себѣ движеніемъ головы.

Онъ ринулся къ ней съ противоположнаго конца гостиной.

— Пора объѣдать, кажется, уронила она въ полголоса.

Онъ быстро вытащилъ часы изъ кармана:

— *A la minute, madame, à la minute*, послѣшнно отвѣтилъ онъ давно заученною и обычною ему съ Парижа фразой, — въ шесть часовъ ровно приказано подавать, остается до срока тридцать двѣ секунды.

Двери дѣйствительно чрезъ мигъ отворились на обѣ половинки, и пузатый метрдотель торжественно возгласилъ съ порога:

— Кушанье подано.

Хозяйка поднялась съ мѣста.

— *Vos bras, messieurs!* сказала она смѣясь, проходя мимо генерала Бахратидова и Колонтая:—вы оба такъ важны, что между вами я не знала бы, кого выбрать.

Оба они кинулись къ ней; она продѣла руки подъ локти ихъ справа и слѣва и направилась съ ними къ столовой.

— Ваши превосходительства, захоталъ Провъ Ефремовичъ, обращаясь къ Троекурову и губернатору, — позвольте ужъ и мнѣ, какъ хозяину, послужить вамъ кавалеромъ. И, подхвативъ ихъ подъ руки, повелъ ихъ вслѣдъ за супругой.

Внизу въ столовой присоединились къ обществу, вмѣстѣ съ безукоризненно облеченнымъ во фракъ и бѣлый галстукъ „другомъ дома“, Евгениемъ Владиміровичемъ Зяблинымъ, два новыя лица: губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій и нѣсколько постарше его молодой человекъ, красивый и здоровый, состоятельный помѣщикъ одной изъ хлѣбородныхъ русскихъ губерній, сопровождавшій генерала Бахратидова въ одной, предшествовавшей его новому назначенію, экскурсіи его по дѣлу, которому придана была въ извѣстный моментъ чрезвычайная важность, въ видѣ добровольца, великодушно желая посвятить себя на дѣятельность живую—и опасную, какъ представлялась она въ первую минуту. Опасность и самое дѣло оказались вскорѣ призракомъ, но генераль старался удержать при себѣ молодаго человека (звали его Гордынинимъ), получая и заимствуя у него полезныя для себя практическія, а равно и всякія иныя свѣдѣнія о новыхъ учрежденіяхъ земли Русской, о которыхъ онъ, какъ человекъ военный и служив-

шій всю жизнь до сихъ поръ на отдаленныхъ окраинахъ государства, имѣлъ весьма неполныя, чтобы не сказать шаткія, понятія.

Оба молодые человѣка только-что вернулись съ прогулки по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ, едва успѣли переодѣться къ обѣду. Провъ Ефремовичъ посѣпшилъ представить ихъ Борису Васильевичу и познакомить съ Юшковымъ, съ которымъ они и усѣлись рядомъ за столомъ.

Обѣдъ оказался великолѣпный. Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай, тонкій гастрономъ, то-и-дѣло поглядывалъ на хозяина и кивалъ ему, съ одобрительною усмѣшкой, отвѣдавъ того или другаго тонко приправленнаго и мастерски поданнаго блюда. Онъ былъ человѣкъ весьма пріятной наружности, съ лицомъ, нѣсколько напоминавшимъ чисто русскій типъ какого-нибудь старосты благо новгородскаго яма, но возведенный и выхотенный воспитаніемъ и довольствомъ до высшей утонченности пріемовъ, склада наружности и рѣчи. Онъ былъ крайне вѣжливъ, мягокъ и обходителенъ, отличался несомнѣннымъ умомъ и почитался специалистомъ по нѣкоторымъ важнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Вдовый, бездѣтный и богатый, членъ высшаго учрежденія въ Имперіи, онъ былъ, не смотря на свои уже немолодые годы, предметомъ всякихъ искательствъ и ухищреній со стороны знатныхъ мамenekъ, имѣвшихъ въ предметъ пристроить не совсѣмъ первой молодости дочекъ, но счастливо миновалъ до сихъ поръ уготавлимая ему съ этой стороны западни. Лѣнивый по природѣ, онъ далеко не былъ склоненъ пожертвовать благами одиночества сомнительной выгодѣ родства съ *fine fleur des rois* петербургскаго гранмонда. Какъ у всѣхъ холостяковъ, главную роль въ его существованіи играла привычка. Этимъ единственнымъ путемъ могла женщина привязать его, удерживать, заставить „пустить корни“. Антонина Дмитріевна, съ прирожденною ей тонкостью чутья, хорошо понимала это: проживъ одновременно съ нимъ часть зимы въ Римѣ, она приучила его являться каждый день въ извѣстную часть въ ея гостиную, и онъ затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, не зналъ уже, куда дѣваться въ эти часы и томился по ней, какъ *елень*

по источникамъ воднымъ... Въ Сидкомъ онъ теперь блаженствовалъ.

Племянникъ его, губернаторъ, находился, напротивъ, въ довольно раздраженномъ состояніи духа. Онъ, во-первыхъ, ревновалъ нѣсколько дядю къ прекрасной хозяйкѣ, подлѣ которой сидѣлъ тотъ, отвлекая ея вниманіе отъ него какимъ-то забавнымъ разговоромъ, которому она видимо весело улыбалась, сверкая промежь алыхъ губъ „жемчужными“ зубами. Во-вторыхъ, его точно сверлило отъ незастьяшаго впечатлѣнія, произведеннаго на него короткимъ разговоромъ съ Троекуровымъ объ исправникѣ Ипатьевѣ; онъ не могъ не заключить, что „этотъ господинъ“ былъ видимо ему враждебенъ „изъ-за этого исправника“, и говорилъ при этомъ съ нимъ „такимъ тономъ“, который онъ считалъ рѣшительно для себя оскорбительнымъ; онъ „не намѣренъ былъ позволять кому бы то ни было de le traïter de haut en bas“ и искалъ случая „дать это понять à ce monsieur“.

Онъ обратился громко къ хозяину, сидѣвшему между нимъ и предметомъ его недовольства:

— До меня дошли слухи, что у васъ въ уѣздѣ жалуются на бездѣйствіе мѣстной земской управы. Бывшій предсѣдатель ея отошелъ ad patres, а исправляющій его должность, почитая себя резонно калифомъ на одинъ часъ, ведетъ, говорятъ, дѣло по-канцелярски, *отписывается* и откладываетъ самые существенные вопросы до лучшаго будущаго.

— Да пожалуй что такъ, засмѣялся Провъ Ефремовичъ.

— А новаго предсѣдателя когда думаютъ выбирать?

— Да у насъ еще въ маѣ должно было быть на этотъ именно предметъ экстренное земское собраніе, но въ виду того, что почтеннѣйшій нашъ предводитель бывшій, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ, по случаю болѣзни брата былъ совершенно разстроенъ и не могъ предсѣдать въ немъ, мы отложили собраніе до сентября.

— Кто же теперь будетъ предсѣдательствовать?

Сусальцевъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ повелъ на него глазами: должно же, молъ, быть это тебѣ, губернатору, извѣстно.

Но онъ тутъ же улыбнулся опять и наклонилъ голову въ сторону Бориса Васильевича:

— Да вотъ собственно возлежать это должно было на его превосходительство, такъ какъ *они* у Павла Васильевича кандидатомъ состояли, только *они* отказались, и какъ должность предводителя исполняетъ теперь депутатъ отъ дворянства, сынъ его (Провъ Ефремовичъ понизилъ тонъ до шопота и кивнулъ чуть-чуть на сидѣвшаго по другой сторонѣ стола Гришу), такъ онъ и въ земскомъ предсѣдатель будетъ.

— То-есть, замѣтилъ губернаторъ шопотомъ же, но такъ, чтобы слова его дошли до слуха Троекурова, — лицо, совершенно въ этомъ неопытное?...

— А ты ото всего отказываешься? обратился неожиданно со смѣхомъ къ Борису Васильевичу генералъ Бахратидовъ, слышавшій начало этого разговора.

— Отказываюсь, коротко отрѣзалъ тотъ.

— Вотъ и рассчитывайте на участіе общественныхъ силъ, о которыхъ вы все толкуете, обернулся генералъ къ Алексѣю Сергѣевичу Колонтаю, — вѣдь вотъ человекъ, чего вамъ лучше, а ничего не хочетъ: моя, говорить, хата съ краю...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ, какъ отъ этихъ словъ рѣзко сдвинулись брови у „старога камрада“.

— Лучшіе и способнѣйшіе люди въ Россіи, заговорилъ своимъ мягкимъ, напоминавшимъ голосъ племянника, голосомъ Алексѣй Сергѣевичъ, — обречены роковымъ образомъ на бездѣйствіе, такъ какъ для способностей ихъ и нѣсколько живой, серьезной дѣятельности нѣтъ никакой подобающей арены, а изолированны тамъ и здѣсь попытки этихъ людей принести свою личную долю пользы разбиваются въ прахъ о стѣну общаго застоя и апатіи. Они естественно ото всего устраниются и считаютъ бесполезнымъ приложить къ чему-нибудь руки.

— Общая протрація, подтвердилъ мрачнымъ тономъ губернаторъ: — это дѣйствительно можетъ служить юзунгомъ теперешняго времени.

— Извѣстно, засмѣялся опять генералъ Бахратидовъ, —

какъ если-бъ его въ *старшую* палату въ Англіи выбрали, пошелъ бы небось!

Борисъ Васильевичъ невольно усмѣхнулся:

— Въ верхней палатѣ въ Англіи члены сидятъ не по выбору, а по наследственному праву.

— Вотъ онъ чего хочетъ. Аристократъ! сказалъ на это, нисколько не смутившись, Бахратидовъ.

Колонтай внимательно чрезъ столъ уперся глазами въ лицо Троекурова.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ питаешь иллюзіи о возможности палаты лордовъ въ Россіи? спросилъ онъ чуть-чуть насмѣшливо.

Бориса Васильевича всего какъ бы передернуло:

— Никакихъ палатъ и никакихъ иллюзій у меня въ головѣ нѣтъ, рѣзко выговорилъ онъ.

Все какъ-то разомъ кругомъ примолкло за этими словами; только Аполлонъ Савельевичъ не то язвительно, не то высокомерно ухмыльнулся про себя, да густоволосый генералъ, поведя искоса взглядомъ на Колонтая, подмигнувъ ему машинально, со свойственнымъ ему лукавствомъ выраженія.

Антонина Дмитріевна, слегка прищурившись и склонивъ голову надъ своею саксонскою тарелкою, внимала, казалось, безучастно этому разговору. Но Гриша Юшковъ, какимъ-то безвольнымъ движеніемъ подымавшій на нее отъ времени до времени глаза, не могъ не замѣтить, что разговоръ этотъ гораздо болѣе интересовалъ ее, чѣмъ это могло казаться съ перваго раза. Сама она вслѣдъ за сказаннымъ Борисомъ Васильевичемъ остановила на мигъ глаза на молодомъ человѣкѣ, и въ лицѣ ея высказалось выраженіе какого-то глубокаго пренебреженія и насмѣшки. Его внутренно укололо словно булавкой.

Аполлонъ Савельевичъ Савиновъ между тѣмъ почелъ нужнымъ заговорить опять съ Сусальцевымъ о мѣстныхъ дѣлахъ.

— Нашъ почтенный губернской предводитель, я слышалъ, намѣренъ предложить здѣшнему дворянству собраться въ настоящее время, то-есть ранѣе обычнаго срока, для выбора

предводителя на мѣсто выбывшаго Павла Васильевича Юшкова. Этимъ, я полагаю, урегулируется, такъ сказать, и вопросъ о председателѣ имѣющаго у васъ быть земскаго собранія. Земство въ настоящую пору пріобрѣтаетъ такую важность, прибавилъ онъ уже съ паѳосомъ,—что нельзя, кажется, быть достаточно осторожнымъ во всемъ, что до него касается.

Провъ Ефремовичъ растерянно взглянулъ на Троекурова и на Юшкова, которые не могли не слышать этихъ словъ, и ничего не отвѣтилъ.

Борисъ Васильевичъ очень хорошо зналъ, что губернский предводитель былъ человѣкъ ничтожный и по характеру, и авторитету, попавшій на свою должность единственно за оскуднѣемъ *настоящаго* дворянскаго персонала въ уѣздѣ и полагавшій единственнымъ долгомъ своимъ жить въ ладу „со всѣми вѣдомствами“. „Предложеніе“ не могло итти отъ его инициативы. Для Троекурова было совершенно ясно, что оно родилось тутъ же, за столомъ, въ головѣ самого Савинова и имѣло прямо въ виду причинить ему непріятность въ лицѣ Гриши, исправлявшаго въ настоящее время должность отца. „Либеральный“ губернаторъ почиталъ очевидно нужнымъ противодѣйствовать его, Троекурова, вліянію въ уѣздѣ и какъ бы официально заявлялъ заранѣе о нерасположеніи своемъ къ тѣмъ, въ которыхъ видѣлъ *его креатуру*. „Вся здѣшняя мерзость, Троженковы и К°, все это теперь неудержимо всплыветъ вверхъ“, сказалось Борису Васильевичу, и выраженіе горечи и омерзенія сложилось на его слегка дрогнувшихъ губахъ...

XVI.

Words, words, words.

Hamlet.

По окончаніи обѣда общество перешло пить кофе въ аппаратъ хозяйки, въ нижнемъ же этажѣ. Но неугомонный Провъ Ефремовичъ, вспоминая парижскіе обычаи, не допускающіе табачнаго дыма въ дамскихъ гостиныхъ, поднялъ своихъ „именитыхъ“ гостей, опять предложивъ имъ „попробовать отличныхъ вылежанныхъ сигаръ, прибрѣтенныхъ имъ по случаю“, въ „курильной“, устроенной имъ подлѣ столовой.

Алексѣй Сергѣевичъ и Бахратидовъ тотчасъ же согласились: обоимъ имъ очень хотѣлось потолковать съ Троекуровымъ, о которомъ оба были издавна очень высокаго мнѣнія, по предмету, о которомъ распространяться подробно за столомъ, въ присутствіи бывшихъ тутъ молодыхъ людей, они сочли неудобнымъ. Молодыхъ людей они оставили занимать „l'aimable hôteesse.“ Изящный губернаторъ собирался было остаться тоже, но, вспомнивъ въ-время, что „position oblige“, вздохнулъ, взглянулъ на Антонину Дмитриевну скорбнымъ взглядомъ—„пожалуйте моль меня!“—и отправился за „серіозными людьми“.

Мягкіе, низкіе диваны „курильной“, возможность разстелнуться подлѣ обильнаго обѣда, превосходныя старыя сигары и тонкіе ливеры подѣйствовали отлично не только на такого сибарита, какимъ былъ Колонтай, но и на гораздо болѣе трезваго и искушеннаго лишеніями военной жизни генерала Бахратидова. Оба они чувствовали себя настроенными на

самый пріятный, дружескій и *обстоятельный* обмѣнъ мысли. Троекуровъ, со своей стороны, былъ не прочь побесѣдовать съ ними: ему было интересно познакомиться въ извѣстной подробности съ кругозоромъ и точкой отправленія этихъ двухъ старыхъ товарищей своихъ, уже и теперь весьма видныхъ по занимаемымъ ими положеніямъ и которымъ, судя по преобладавшимъ въ ту минуту теченіямъ, предстояла еще болѣе авторитетная роль въ близкомъ будущемъ.

Алексѣй Сергѣевичъ началъ первый:

— Ты драгоцѣнный человекъ, old fellow,—и онъ ласково прикоснулся рукой къ локтю расположившагося подлѣ него на диванѣ Бориса Васильевича,—независимый ни отъ кого и ни отъ чего, близко стоишь къ народу, къ настоящей жизни, знатокъ своего дѣла; у тебя, должно быть, сложилось цѣлое сокровище всякихъ наблюденій, практическихъ указаній и точныхъ отвѣтовъ на вопросы, которые намъ въ Петербургѣ представляются то-и-дѣло неразрѣшимую грамотой.

Троекуровъ усмѣхнулся:

— Мнѣ не отъ тебя одного приходится слышать эти комплименты по адресу моей независимости и практичности, и меня всегда удивляло одно: почему люди, которые мнѣ дѣлаютъ ихъ, ничего не предпринимаютъ, чтобы сдѣлаться въ свою очередь независимыми и практичными; вѣдь это далеко не мудрость.

— Исторія наша не приучила насъ къ этому, возразилъ Колонтай,—не приучила быть *гражданами*, заниматься серьезно, прочно и послѣдовательно своимъ личнымъ, имущественнымъ и въ тѣсной связи съ этимъ находящимся общимъ, *общественнымъ* дѣломъ...

— И вы, въ силу того, что исторія насъ ничему не выучила, вы наградили насъ подъ видомъ земскихъ учрежденій говорильнями, которыя внесли окончательную путаницу въ русскую жизнь?

— Ты не доволенъ земствомъ вообще, или его направлениемъ? съ какимъ-то особымъ оживленіемъ, видимо очень интересуясь чаемымъ на вопросъ этотъ отвѣтомъ, выговорилъ государственный сановникъ.

— На это, милый мой, я спрошу тебя въ свою очередь, что имѣлось въ виду, даруя ихъ Россіи: создать государственнѣй институтъ въ содѣйствіе, или въ противодѣйствіе существующей правительственной власти?

— Какъ ты странно однако ставишь вопросъ! Тутъ прежде всего, вѣжется, дѣло идетъ не о „власти“, а о пользѣ, о благѣ, котораго въ правѣ отъ этого „института“ ожидать тѣ, для кого онъ созданъ.

— „Благъ“! повторилъ Борисъ Васильевичъ: — это какъ разумѣть надо: невозможно большая доля благоустройства и благочинія при наименьшей на нихъ суммѣ затратъ со стороны обывателя? Согласенъ ты будешь на такое опредѣленіе?

— Пожалуй! неопредѣленно уронилъ его собесѣдникъ.

— Достигается-ли таковой идеалъ нашими земскими учрежденіями, или нѣтъ, это должно быть и въ вашемъ государственномъ совѣтѣ извѣстно.

Колонтай поморщился:

— Конечно, стѣять они дорого, а результаты, достигаемые ими, могли бы быть болѣе существенны; но какъ же быть однако? Вѣдь это все же *самоуправленіе*, подчеркнулъ онъ,—начало воспитательное, живительное...

— Готовящее общество къ будущей, настоящей свободѣ, вернулъ Аполлонъ Савельевичъ, забѣгавъ кругомъ себя своими безпкойными глазами.

— Къ какой? спросилъ, не глядя на него, Троекуровъ.

Тотъ какъ бы хихикнулъ слегка:

— Я полагаю, что у всѣхъ образованныхъ народовъ она одна... Формы могутъ быть другія, поспѣшилъ онъ прибавить,—формы того или другаго правительства у того или другаго народа, но сущность вездѣ одна и та же.

— Зависитъ отъ взгляда, продолжая не глядѣть на него, холодно возразилъ Борисъ Васильевичъ.

— Какъ же это однако...

— Очень просто: для иныхъ это царство политическихъ авантюристовъ, жаждущихъ власти; для другихъ—средство къ быстрѣйшей наживѣ; для третьихъ наконецъ — вѣрнѣйшій

путь къ анархіи. Этого послѣдняго вида „свободы“ Россія давно достигла, чего же намъ еще нужно?

— Ты совершенно правъ, проговорилъ торопливо Алексѣй Сергѣевичъ, находя нужнымъ *потушить* въ самомъ зародышѣ очевидное для него „раздраженіе“ стараго пріятеля своего и племянника другъ противъ друга: — Россія въ настоящую минуту находится дѣйствительно въ „анархическомъ“, какъ ты говоришь, состояніи. Какая-то общая распутица во всѣхъ углахъ, какъ и во всѣхъ отправленіяхъ государства. Таеъ долго идти не можетъ, иначе впереди насъ ждетъ всестороннее, то-есть финансовое, политическое и общественное банкротство.

— Вы это начинаете чувствовать въ Петербургѣ? усмѣхнулся еще разъ Троекуровъ.

Тотъ засмѣялся въ свою очередь:

— Вы въ провинціи насъ уже слишкомъ презираете и почитаете *encroutés dans le bureaucratisme* въ такой степени, что мы будто бы потеряли всякую способность слышать и видѣть... Многіе изъ насъ и въ самомъ дѣлѣ застряли въ старомъ болотѣ и выкарабкаться изъ него не могутъ... Но есть же наконецъ другіе, готовые... и способные вернуться въ духу реформъ начала царствованія и довести ихъ до естественнаго заключенія. Вотъ тебѣ, напримѣръ, человекъ *tout neuf*, — и онъ кивнулъ на Бахратидова, молча, съ упершимися на говорившихъ большими любопытствующими глазами внимавшаго этому разговору, — не связанный никакими изъ тѣхъ отношеній, компромиссовъ и уступокъ, на которыхъ иступилась энергія большей части изъ насъ, прошедшихъ чрезъ всю сутолоку извѣстныхъ тебѣ, какъ и всей Россіи, колебаній и противорѣчій въ высшей сферѣ... Онъ говоритъ, что, сойдя со временнаго поста, на который назначенъ теперь, уйдетъ къ себѣ подъ тѣнь дубовъ, продолжалъ шутливо Колонтай, — но ты ему не вѣрь...

— Вѣрь, уйду, влянусь Богомъ! крикнулъ на это тотъ съ мѣста.

— Не вѣрь! Уже потому не уйдетъ, что не дадутъ уйти. Понравился онъ, во-первыхъ, такъ, вѣско отчеканилъ Алексѣй

Сергѣевичъ, — какъ рѣдко кому удавалось заполнить сразу оригинальностью, свѣжимъ взглядомъ...

— Дикаря такого не видали еще, что правду-матку съ плеча рубить, расхохотался на это генераль по собственному адресу.

Алексѣй Сергѣевичъ какъ бы невольно прижмурился на него: „ахъ ты, моль, тонкая штука!“

— Такой, „дикарь“, сказалъ онъ громко, — что патентованные *куртизаны* предъ нимъ всѣ пасъ. Между женщинами succès fou!...

— Ну, братъ, это оставь! Какія тутъ женщины для старой фигуры, какъ я; и не привыкъ я съ ними...

— А такъ „не привыкъ“, что онѣ вознесутъ тебя, куда, можетъ быть, ты и самъ не думаешь теперь. Женщины въ настоящую пору болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сила. И я радъ, потому, что именно такой свѣжій, крѣпкій человѣкъ нуженъ намъ теперь. Очень уже дряблы всѣ мы стали, да и *приглядлись* къ намъ къ тому же; а тебѣ повѣрять, въ тебѣ будутъ видѣть какъ будто посланнаго особымъ предопредѣленіемъ судьбы разрѣшить и совершить то, на что пока не смѣютъ еще рѣшиться...

Подъ темными рѣсницами генерала блеснулъ мгновенный, какъ зарница, лучъ какой-то неодолимой радости. Но онъ тутъ же вскинулъ поспѣшно голову и замахалъ руками.

— Не слушай ты его пожалуйста, Троекуровъ! Клянусь Богомъ, насочинилъ онъ такого, что и подходящаго къ тому ничего нѣтъ.

— Ну, это намъ покажетъ близкое будущее, возразилъ. Колонтай,—и говорить объ этомъ намъ болѣе нечего.

Онъ примокль на мигъ, затянулся сигарой и началъ за тѣмъ опять:

— А общее положеніе наше скверно,—согласенъ ты, Троекуровъ?

— Не красиво, холодно подтвердилъ тотъ.

— И надобно же наконецъ серьезно подумать, какъ изъ него выпутаться.

— Не мѣшало бы, тѣмъ же тономъ проронилъ Борисъ Васильевичъ.

— Какъ ты это безучастно говоришь, съ шутивымъ упрекомъ замѣтилъ Колонтай:—ты точно не придаешь этому того серьезнаго, грознаго, можно даже сказать, значенія, какое оно имѣетъ на самомъ дѣлѣ.

Троекуровъ поглядѣлъ на него загадочнымъ взглядомъ:

— Я жду того, что ты мнѣ скажешь о твоихъ соображеніяхъ по поводу этого.

— Что я скажу? А вотъ, на примѣръ, самое свѣжее. На дняхъ велись у него переговоры съ Ротшильдомъ о займѣ для восстановленія нашей валюты, которая, пожалуй, можетъ скоро упасть наконецъ до цѣнности рубля за франкъ. Знаешь, что онъ отвѣтилъ?

— Не знаю.

— Усмѣхнулся очень нелюбезно и сказалъ: „*Quand vous aurez un gouvernement sérieux, on pourra causer; jusque là vous ne trouverez d'argent nulle part.*“

— „*Gouvernement sérieux*“,—это должно значить, надо думать, конституціонное правительство?

— Само собою, какъ во всемъ образованномъ мірѣ.

— Такъ. Ну, а въ былую пору, когда за самое слово „конституція“ можно было въ Сибирь попасть, какъ высоко стояла наша валюта и находили-ли мы деньги за границей?

— Послушай однако, *mon cher*,—и собесѣдникъ его пожалъ плечами, — нельзя такъ аргументировать. Не желаешь же ты въ самомъ дѣлѣ вернуться въ Николаевскимъ временамъ, да если-бъ это кому-либо серьезно и вздумалось, развѣ это возможно было бы сдѣлать?

— Времена дикаго абсолютизма отошли, къ счастью, безвозвратно въ вѣчность, отпустилъ въ видѣ сентенціи губернаторъ и высокоомѣрно приподнялъ углы губъ.

— Мы слѣдовательно, спросилъ Борисъ Васильевичъ, какъ бы вовсе не слыхавъ его возраженія,—мы слѣдовательно теперь, испугавшись, что намъ Ротшильдъ денегъ не дастъ, поспѣшимъ завести у себя „*gouvernement sérieux*“?

— Никто не думаетъ ничего пока „заводить“, возразилъ

своимъ все также мягкимъ голосомъ, но какъ бы съ легкимъ отгѣнкомъ нетерпѣнія, Алексѣй Сергѣевичъ; — мы говоримъ здѣсь между собою, какъ люди, равно заинтересованные въ одномъ всѣмъ намъ общемъ... патріотическомъ, можно сказать, дѣлѣ. Истины скрывать отъ себя нечего. Царствованіе приходитъ къ концу, и конецъ этотъ, къ несчастію, далеко не осуществляетъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, на которыя давало намъ всѣмъ право его блестящее начало. Общаній этихъ оно не сдержало; начавъ за здравіе, какъ говоритъ пословица, оно сводитъ за упокой. Оно оставило въ сторонѣ, откинуло, пренебрегло ту историческую логику, которая требуетъ, подъ страхомъ гибели, чтобы, принявшись за перестройку государственнаго зданія, утверждался въ немъ камень за камнемъ до самаго его *clef de voûte*, такъ какъ иначе возведенный сводъ обрушится и подавитъ все, чтò подъ нимъ находится... Мы именно теперь въ этомъ положеніи. Совершенныя у насъ реформы не вытекали строго, послѣдовательно одна изъ другой, не соображались въ органически существующей между ними связи. Онѣ, какъ бы вполнѣ случайно, точно выскакивали изъ портфеля того или другаго министра и, пройдя для проформы сѣвось дырявое сито нашего старья въ государственномъ совѣтѣ, насаждались на русскую почву безо всякаго участія, безо всякаго права контроля надъ ними со стороны живыхъ общественныхъ элементовъ страны. Изъ этого въ результатѣ выросъ на дѣлѣ невообразимый ералашъ. Тѣ же министры вслѣдъ затѣмъ обрѣзывали, коверкали, калѣчили ихъ, иногда до неузнаваемости, всякими произвольными толкованіями и циркулярами, заставляли ихъ служить цѣлямъ, совершенно противоположнымъ идеѣ, положенной въ ихъ основаніе... Такъ оно, или нѣтъ?

Троеуровъ утвердительно кивнулъ:

— Такъ!

— Оставить итти дальше дѣла, такъ, какъ они идутъ, нельзя, ты согласенъ?

— Согласенъ.

— Само правительство сдѣлать это не въ состояніи?

— Ты находишь?

— Ты, кажется, самъ, какъ и всякій нѣсколько толковый человѣкъ въ Россіи, долженъ это видѣть. Инициатива у власти замерла окончательно. Различные представители ея идутъ врознь и въ помѣху другъ другу, общей программы не существуетъ. Колебаніе, недовѣріе къ себѣ, рѣзкій разладъ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ сказывается въ каждой принимаемой новой мѣрѣ, въ каждомъ распоряженіи. Недовольство страны растетъ ежедневно все сильнѣе... Нечего намъ дѣлать себѣ иллюзій, милый другъ: пистолетъ Соловьева зарядило это всеобщее недовольство Россіи своимъ безпомощнымъ, сводящимъ себя на нѣтъ, правительствомъ. Наши нигилисты не чтѣ иное, какъ перелившаяся черезъ край пѣна общественнаго раздраженія. Комическимъ сидѣньемъ дворниковъ у воротъ, ниже временными генераль-губернаторствами, съ полномочіями, которыми одинъ воспользуется, пожалуй, такъ, что заставитъ обѣжать изъ-подъ своего начала самыхъ мирныхъ и благорасположенныхъ гражданъ, а другой и во все не сочтетъ нужнымъ воспользоваться, — такими мѣрами дѣлу успокоенія общества не поможешь, а возбудишь развѣ только новый смѣхъ, новое глумленіе надъ собою.

— Правда, коротко выговорилъ Троекуровъ.

Алексѣй Сергѣевичъ, полулежавшій до сей минуты на диванѣ, приподнялся, кинулъ недокуренную свою сигару въ красивую майоликовую вазу-пепельницу, стоявшую на сосѣднемъ столѣ, и заговорилъ съ возрастающимъ оживленіемъ, видимо ободренный утвердительнымъ отелникомъ стараго товарища:

— Ты сказалъ „правда“, и я не сомнѣвался ни единой минуты, что съ основными послылками моими ты непременно согласишься. Позволь же мнѣ теперь вывести изъ нихъ заключеніе въ трехъ словахъ?

— Говори, я слушаю.

— Положеніе вещей въ Россіи долѣ терпимо быть не можетъ. Настоящая форма правительства оказывается неспособною измѣнить его къ лучшему. Ergo...

— Созовемъ парламентъ? договорилъ за него Борисъ Васильевичъ.

По лицу его собесѣдника пробѣжала какъ бы тѣнь.

— Слово это тебѣ не нравится, но я и не имѣлъ его въ виду... До европейскаго полнаго парламентаризма намъ еще далеко, и ты, надѣюсь, не считаешь меня способнымъ увлекаться съ этой стороны юношескими мечтами. Но узнать мнѣнiя самой страны о томъ, какъ спастись отъ бездны, къ которой несомнѣнно она идетъ быстрыми шагами, это я считаю неизбѣжнымъ, неотвратимымъ, произнесъ съ особымъ вѣскимъ ударенiемъ Колонтай, — и чѣмъ скорѣе будутъ имѣть мужество прибѣгнуть къ этому, тѣмъ будетъ лучше!

Не отрываясь ухомъ и глазами, съ напряженнымъ вниманiемъ прислушивался къ этимъ словамъ генераль Бахратидовъ. Онъ видимо поучался и наматывалъ себѣ, какъ говорится, на усъ *суть* этой проповѣди, о предметѣ которой въ мозгу его очевидно состояли до сихъ поръ весьма еще смутныя понятiя. Провъ Ефремовичъ, въ свою очередь, сложивъ руки на животѣ и опустивъ глаза, выводилъ въ своей *смы-калке* изъ этихъ словъ свои особыя, личныя заключенiя, о чемъ можно было судить по нѣкоторымъ признакамъ улыбки, пробѣгавшей индѣ и тутъ же пропадавшей подъ его подстриженными усами. Глазки зоркаго губернатора такъ и бѣгали съ выраженiемъ торжествующаго сочувствiя къ силѣ аргументаціи краснорѣчиваго дяди.

— A vous la parole, обратился тотъ къ Троеурову полуслушливо: — признаешь-ли ты выводъ мой логическимъ?

— Совершенно, медленно выговорилъ Борисъ Васильевичъ; онъ былъ нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго и глаза его усиленно моргали; — *вы* ни до чего иного въ Петербургѣ додуматься и не могли.

Глаза всѣхъ въ какомъ-то словно тревожномъ ожиданiи поднялись на него.

Онъ продолжалъ, видимо насилуя себя на разговоръ, мотивъ котораго глубоко, болѣзненно волновалъ его внутренно:

— *Вы* въ Петербургѣ фатально, роковымъ образомъ приведены къ такимъ выводамъ. Колесница ваша несется къ „безднѣ“, какъ ты выражаешься, и вы не находите другаго средства, какъ посадить всадниковъ со шпорами на коней

вашихъ, чтобы тѣ какъ-нибудь самѣ собою, животнымъ своимъ чутьемъ, не свернули на безопасную дорогу. Реформы царствованія, по-твоему, недостаточно соображены были въ общей ихъ совокупности и взаимнодѣйствіи ихъ другъ на друга. Этого вы не могли не замѣтить, это отзывается слишкомъ осязательно, грубо, слишкомъ наконецъ ежедневно въ каждомъ изъ отправленій вашей правительственной машины, чтобы васъ это наконецъ не заставило задуматься. Но пришло-ли въ голову хоть одному изъ васъ остановиться серьезно на той мысли, что всѣ реформы эти, исключая крестьянскую, какая-бы тамъ вѣрная въ абсолютномъ значеніи слова и „великодушная“, если хочешь, идея не легла въ основаніи ихъ, не вытекли изъ потребности русской жизни, а не что иное, какъ плодъ произвольнаго, въ кабинетѣ задуманнаго, сочинительства по нахватаннымъ изуча образцамъ, по избитымъ шаблонамъ, гнилымъ уже и тамъ, откуда берутся они, и несущимъ съ собою смерть въ примѣненіи ихъ къ нашему быту...

— Позвольте, перебилъ его негодующимъ тономъ губернаторъ, — вы признаете „гнильемъ“ гласный судъ, градское и земское самоуправленіе...

— Позвольте мнѣ кончить, не оборачиваясь къ нему, проговорилъ на это Троекуровъ, — коль скоро требуютъ отъ меня откровеннаго мнѣнія.

— Parlez, mon cher, parlez, je vous prie! поспѣшилъ сказать Колонтай, неодобрительно повосаясь на племянника.

Тотъ слегка покраснѣлъ и закусилъ губу.

— Ты жалуешься на колебанія, на tâtonnements, на вѣчное противорѣчіе „вчерашняго сегодняшнему“. Ни одно изъ насаженныхъ вами европейскихъ деревъ не пустило прочныхъ корней въ почвѣ, чуждой имъ по химической натурѣ своей; ни одинъ изъ настроенныхъ вашими реформами храмовъ не легъ прочнымъ фундаментомъ въ русскую землю, и ты удивляешься тому, что деревья эти не даютъ тѣни, а вѣтви ихъ засыхаютъ и обламываются подъ первымъ еъ нимъ прикосновеніемъ, что въ храмахъ замѣчаются каждый день новыя трещины и что приставленные оберегать ихъ недоумѣваютъ и спрашиваютъ себя, испуганные и растерянные: какіе

контрфорсы еще нужно пристроить къ ихъ стѣнамъ, чтобъ онѣ не рухнули? Вы въ Петербургѣ рововымъ образомъ, повторяю, осуждены на этотъ государственный баламутъ и на исканіе спасенія отъ него въ лѣкарствѣ, горшею, чѣмъ сама болѣзнь.

— Mais, mon cher, вскликнулъ недоумѣло Алексѣй Сергѣевичъ, — вѣдь все это однако посажено и настроено, и надо всѣмъ этимъ пронеслось вотъ ужъ почти четверть вѣка; не претендуешь же ты въ самомъ дѣлѣ все это снести съ лица земли теперь?

— Къ чему! Вы сами постараетесь посредствомъ *этого* привести весь государственный организмъ къ параличу и смерти.

Живая краска выступила теперь и на щекахъ государственнаго сановника:

— Послушай, сказалъ онъ, видимо сдерживая поднявшуюся въ немъ досаду, — такъ разсуждать нельзя: это даже не возраженіе, это произвольное обвиненіе людей въ томъ, отъ чего именно они желали бы предохранить свою страну.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается? Есть совершенно добросовѣстные доктора, которые предписываютъ своимъ пациентамъ подкожныя вспрыскиванія морфія, но отъ этого средства больной почти всегда умираетъ ранѣе времени.

— А попробую я васъ помирить, заговорилъ въ эту минуту Бахратидовъ: — какъ если, по мысли Колонтая, отнестись къ самой Россіи, какъ она думаетъ себѣ помочь, такъ она, можетъ быть, такъ и рѣшить, какъ вотъ Троекуровъ говорить. Мы этого напередъ знать не можемъ.

Невольная, тутъ же сдержанная усмѣшка, вызванная этою простодушною редакціей мысли пріятеля, мелькнула на лицѣ Алексѣя Сергѣевича:

— Это только и требуется, отвѣтилъ онъ, — и каково бы ни было рѣшеніе, иредъ нимъ нужно будетъ преклониться.

— А *Россію* кто изъ себя изображать будетъ въ вашемъ соображеніи? спросилъ Троекуровъ.

— На первый разъ, полагаю, достаточно было бы созвать губернскихъ предводителей и предсѣдателей управъ.

— Губернскихъ однихъ, или тоже уѣздныхъ? такъ словно и выскочило изъ мгновенно раскрывшихся губъ Сусальцева.

— Конечно... желательно и тѣхъ, и другихъ, какъ бы нѣсколько смущенно отвѣтилъ Колонтай,—но это пока вопросъ второстепенный; важно то, чтобы самая мѣра принята была въ принципѣ.

Губернаторъ замигалъ одобрително по адресу Прова Ефремовича:

— Одни губернскіе, само собою, не составятъ достаточно вѣской по составу массы...

— И эти предводители, и предсѣдатели, заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ,—выскажутъ вамъ, по-твоему, живое и непреложное по существу мнѣніе Россіи объ источникахъ ея недуговъ и средствахъ къ ея исцѣленію?

— Полагаю, сказалъ Алексѣй Сергѣевичъ,—и даже *освѣщеніе* подлежащихъ вопросовъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, такъ какъ предводители, по всей вѣроятности, внесутъ сюда элементъ чисто консервативный, а представители земствъ — убѣжденія болѣе либеральнаго или даже, если ты хочешь, нѣсколько оппозиціоннаго характера.

Троекуровъ нервно передернулъ плечами:

— Готова карета! И „консерваторы“, и „опозиція его величества“, все есть, по рецепту... Вы ихъ соберете, а они станутъ поучать васъ.

— То-есть, *изложатъ свои взгляды*, поправилъ серьезнымъ тономъ членъ Государственнаго Совѣта,—по совѣсти и крайнему разумѣнію своему, не сомнѣваюсь, послѣшилъ онъ прибавить, какъ бы въ предупрежденіе новаго ироническаго замѣчанія со стороны своего собесѣдника.

— „По совѣсти“—хочу вѣрить. „По разумѣнію“—какому? *собственному*?.. У кого есть оно теперь, у кого осталось? Правильное разумѣніе вещей есть результатъ трезваго, послѣдовательнаго и прежде всего независимаго процесса мысли, не принимающаго ничьихъ чужихъ разглагольствій на вѣру, а подвергающаго каждое жизненное явленіе строгой оцѣнкѣ и разбору въ совокупности его съ однородными ему по природѣ и происхожденію явленіями. Гдѣ у насъ люди те-

перь, способные на самостоятельный процессъ мысли? Четверть вѣка вы употребили на то, чтобы придавить въ Россіи, осмѣять, вырвать съ корнемъ все, что оставалось у ней Богомъ ей даннаго здраваго смысла. На мѣсто его вы поставили вашу уродливую, бессмысленную, гнилую *интеллигенцію*. Вы обрекли прирожденныя способности русскихъ людей на долгое, вѣковое, можетъ быть, безплодіе, воспитавъ ихъ на отрицаніи, на презрѣніи всего роднаго, древнезавѣтнаго, на развращающихъ фразахъ и отсутствіи всякаго нравственнаго идеала. Вы изъ чужеземной *цивилизаци*и, съ невыразимою горечью подчеркнулъ Борисъ Васильевичъ,—умѣли привить къ своей странѣ одну лишь гангрену отживающихъ народовъ; вы отравили русскій народъ безначалемъ, кабаками, „аблакатами“; вы сочинили атеистическую, невѣжественную, злобную *прессу*, точащую ядъ каждою своею строкой, *прессу*—бичъ всего, еще остающагося неискверненнымъ въ нашемъ краѣ, *прессу*, получающую прямо внушенія свои отъ революціоннаго подполья,—и предъ которою вы же, вы, сочинившіе ее, дрожите, какъ неразумные и трусливые ребята... Этотъ безобразный и пошлѣйшій изъ всего имѣющагося пошлаго въ мірѣ вумиръ вы поставили на мѣсто всякой иной власти и падаете предъ нимъ ницъ, и заставляете волей или неволей покланяться ему все, что ни на есть въ государствѣ. Какого же можете вы ожидать отъ людей взрослыхъ, вскормленныхъ на такомъ порядкѣ вещей настоящаго, правильнаго „мнѣнія“ и „освѣщенія“? Сбитые повально съ толку, запуганные двадцатипятилѣтнею проповѣдью знаменитыхъ „освободительныхъ идей“, обращенные въ чистѣйшее Панургово стадо, лишенные давно всякой независимости характера и привычки мыслить *сами по себѣ*, что способны будутъ вамъ сказать эти, „интеллигентные“ *совѣтники короны*, „консерваторы“ и „либералы“, на которыхъ возлагаете вы ваши надежды,—что, кромѣ тѣхъ же невыразимо пошлыхъ фразъ общегазетнаго содержанія, которыми то-и-дѣло пробавляются они на своихъ мѣстныхъ „собраніяхъ“? А если между ними и найдутся,—я допускаю и хочу вѣрить, что найдутся и такіе,—если выищутся люди, у которыхъ удержалось какимъ-нибудь чудомъ, не смотря на

общее умственное и нравственное крушение, достаточно здраваго толка въ головѣ, а въ душѣ мужества, чтобы выложить вамъ правду во всей ея наготѣ, такъ вы же дадите выпустить на нихъ всю стаю псовъ изъ подворотень той же вашей *прессы*; вы же отдадите ихъ на съѣденіе, на осмѣяніе, на опозореніе предъ всею Россіей и внесете безъ протеста этотъ фактъ въ ваши протоколы, въ силу-моль „уваженія къ общественному мнѣнію“.

Просвѣщенный губернаторъ не выдержалъ и опять вломился въ разговоръ:

— Такъ неужели же, ваше превосходительство, слѣдуетъ, по-вашему, правительству заставить молчать русское печатное слово?

Троекуровъ не отвѣчалъ. Государственный сановникъ покосился еще разъ съ недовольнымъ видомъ на племянника и заговорилъ самъ:

— Mon cher, то, что ты говоришь—это... *c'est un réquisitoire absolu... et impérieux*, прибавилъ онъ какъ бы чуть-чуть колко,—противъ всего настоящаго положенія вещей... Ты, можетъ быть, нѣсколько и преувеличиваешь: я полагаю, что людей мыслящихъ здраво и независимо у насъ гораздо болѣе, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Но положимъ даже, что нарисованная тобою картина и совсѣмъ вѣрна. Дальше что же? *Le remède?*... Я тебѣ высказалъ мое сильное мнѣніе, и могу лишь прибавить къ этому, что не я одинъ держусь его. Ты его считаешь неправильнымъ и разбиваешь въ прахъ. Прекрасно! Что же *по-твоему* нужно?

— Нужна сильная власть, только съ открытыми глазами, выговорилъ Борисъ Васильевичъ.

Впечатлѣніе чего-то похожаго на ударъ бича произвели эти слова на слушавшихъ. Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай опустилъ мгновенно вѣки не то смущенно, не то досадливо. Генералъ Бахратидовъ съ какимъ-то инквизиціоннымъ выраженіемъ вперилъ взглядъ въ „старога камрада“: изъ чего, моль, братъ, ты въ эту сторону гнешь? „*Quelle ganache!*“ говорили, казалось, запрыгавшіе опять во всѣ стороны мыш-

ные глазки просвѣщеннаго губернатора. Одинъ Провъ Ефремовичъ кивнулъ какъ бы одобрительно головой.

Борисъ Васильевичъ провелъ рукой по глазамъ, обвелъ ими кругомъ и прочелъ эти выраженія на лицахъ:

— Чтò, странно вамъ кажется? *Рабы* — готовы были бы вы сказать?

— Троекуровъ, чтò ты? воскликнулъ Колонтай, быстро оборачиваясь на него, — кому можетъ притти въ голову...

Тотъ усмѣхнулся въ его успокоеніе:

— Не трудись доказывать!... Ты, разумѣется, да и не одинъ ты, вырвалось у него неудержимую вспышкой гордости, — знаете, что это ко мнѣ относиться не можетъ... Но вамъ, — я разумью вашъ петербургскій сановный и „интеллигентный“ міръ, — вамъ, помимо воли вашей, звучать фальшивою нотой, чѣмъ-то подозрительнымъ такіа слова въ устахъ челоуѣка, ничего не ищущаго у *власти*, когда вы привыкли видѣть кругомъ себя людей, которые единственно отъ нея кормятся и въ то же время употребляютъ всѣ усилія „свести ее на нѣтъ“, по твоему выраженію. Говорить о *власти*, когда у васъ послѣдній мальчишка пересталъ признавать ее!... Вы до такой степени потеряли тамъ чутье, смыслъ вашей народности, — извини за откровенность, Колонтай, — что въ вашихъ понятіяхъ монархическій принципъ въ Россіи то же, чтò какой-нибудь *roi ou voir exécutif* въ прочихъ странахъ вселенной, что русскій *Самодержецъ* тотъ же король или президентъ, разумѣемый какъ одно изъ звеньевъ общей государственной машины и движущійся въ ней какъ въ ящикѣ, въ тѣсныхъ рамкахъ извѣстной, строго отведенной ему доли дѣятельности. А онъ, этотъ русскій Царь, — въ представленіи о немъ сказался для русскаго народа весь смыслъ его бытія, оправданіе всѣхъ его прошлыхъ жертвъ, солнце, безъ котораго заledenѣлъ бы онъ въ своихъ снѣгахъ. Безъ Царя, единоластнаго, ни предъ кѣмъ, кромѣ Бога, неотвѣтственнаго, говорить ему его прирожденный государственный инстинктъ, Россія — дикая бродячая орда, безначальная дебрь, добыча чужеземца, та же бывшая Польша, которую онъ такъ мѣтко окрестилъ „безголовою“. Для народа этого „Царь“ — все: хоругвь, палладиумъ, святиня горняя, отъ

которой одной льются на него свѣтъ и милость и къ которой единственно возносятся всѣ его упованія... И вы безразсудно почитаете возможнымъ посягнуть на эту его святыню!..

— Вѣрно, ваше превосходительство, вѣрно! вырвалось вдругъ неудержимо у Сусальцева, и онъ даже весь вспыхнулъ при этомъ.

— Любезный другъ, *il faut s'entendre*, поспѣшно заговорилъ Алексѣй Сергѣевичъ, — разумѣешь-ли ты подъ „русскимъ народомъ“ одно крестьянство и вообще податныя сословія, или включаешь сюда и насъ, образованный классъ, то, что называется „обществомъ“, которое, ты согласишься однако, имѣеть тоже нѣкоторое право быть удовлетвореннымъ въ разумныхъ своихъ требованіяхъ?

— Нѣтъ, не имѣеть, рѣзко возразилъ, сдвигая брови, Борисъ Васильевичъ, — не имѣеть никакого, если требованія эти противорѣчатъ всему тому, что органически выработала исторія его страны, когда идутъ они въ разрѣзъ съ разумніемъ всей огромной массы ея населенія... И *что* такое сочиненное вами теперь „общество“, опредѣлите мнѣ его общую фیزیономію! Было когда-то дворянство; хорошо оно было, дурно-ли, но положеніе его въ общемъ составѣ государства было совершенно ясно и опредѣленно: служилое сословіе съ одной стороны, землевладѣльческое съ другой, — оно было тѣсно связано равно съ верхомъ и съ низомъ: со властью — службой, съ землепашцемъ — общими имъ интересами почвы. Естественно, болѣе образованный, чѣмъ мужикъ, помѣщикъ-дворянинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественный *Kulturträger*, проводникъ свѣта въ обитаемой имъ мѣстности... Дворянство упразднили; его двойная традиціонная связь съ престоломъ и народомъ порвана, самое значеніе его, какъ класса передоваго по образованію, злобно отрицается нынѣшнимъ повсюду воцарившимся *разночинцемъ*... Кто же занялъ теперь его мѣсто, кто восполнилъ собою образованную его упраздненіемъ пустоту между царемъ и сермягой? Нажившіяся кабатчикъ, жидъ-концессионеръ, адвокатъ, газетчикъ, профессоръ изъ „прогрессистовъ“, чиновникъ-либераль. Вотъ оно — ваше „общество“... Но спросили-ли вы себя хоть разъ, что имѣютъ

общаго интересы людей этого сорта съ настоящею, *реальною*, какъ говорится теперь, Русскою землею?.. Подумали-ли вы, наконецъ, хотя бы уже съ вашей *европейски-конституціонной* точки зрѣнія, о томъ, что ни въ одной странѣ никакое представительство не мыслимо безъ такъ называемаго „консервативнаго элемента“, а что въ теперешнемъ русскомъ общественномъ сбродѣ вы и тѣни ему подобнаго найти не въ силахъ?

— Позволь однако, возразилъ еще разъ Колонтай,—если по-твоему все то, что называется у насъ теперь „интеллигенціей“, состоитъ изъ оппозиціонныхъ элементовъ, то что же мѣшаетъ создать для нихъ противовѣсъ въ призывѣ къ тому же представительству, наиболѣе развитыхъ и способныхъ къ обсужденію общихъ вопросовъ изъ того же крестьянства, которое ты, кажется, одно, добавилъ чуть-чуть иронически Алексѣй Сергѣевичъ,—признаешь консервативнымъ въ Россіи? Изъ него уже много есть теперь такихъ, которые сами стали помѣщиками, ворочаютъ сотнями тысячъ и посылаютъ дѣтей своихъ въ университеты.

Троекуровъ отвѣчалъ не сейчасъ:

— Ты, любезный другъ, какъ истый „Европеецъ“, привелъ мнѣ въ видѣ аргумента слова Ротшильда о необходимости для Россіи имѣть „un gouvernement sérieux“. А я, въ моемъ качествѣ простаго здравогомысла, позволю себѣ передать тебѣ то, что пришлось мнѣ на дняхъ слышать отъ старика Капитона, большаго моего пріятеля-мужика, объ этомъ самомъ вопросѣ.

— Вотъ какъ! вослихнулъ удивленно Колонтай:—неужели и между крестьянами ходятъ уже объ этомъ толки?

— Вы въ Петербургѣ, разумѣется, объ этомъ и не догадываетесь? А не мѣшало бы вамъ это знать и принимать кое-когда къ свѣдѣнію...

— Что же говорилъ тебѣ твой Капитонъ?

— А вотъ что. „Правда-ли“, спрашиваетъ онъ меня,—„баютъ въ народѣ, будто теперича, за-мѣсто Царя, будетъ у насъ *присягательная господчина?*“. „Что такое?“ спрашиваю, не понимая. „А такъ что допрежь того господа Царю при-

сягали, а что нонче самъ онъ будто станетъ господамъ на книгѣ присягать, самъ отъ себя, значить, отступится и будутъ они замѣсто его править всею Рассеѣй“.

— „Книга“, это какое - то путаное понятіе о хартии, должно быть? спросилъ Колонтай, заинтересовавшись рассказомъ.

— Само собою.

— Что же ты сказалъ ему на это: подтвердилъ, или разувѣрилъ?

— Ни то, ни другое. Я спросилъ его, что онъ самъ объ этомъ думаетъ?

— Что же онъ?

— „А коли“, говорить, „это такъ, значить, надо будетъ всѣмъ народомъ итти Царя вызволять“.

Словно электрическая искра пробѣжала въ глазахъ слушавшихъ; всѣ переглянулись съ выраженіемъ какого-то инстинктивнаго безпокойства.

Алексѣй Сергѣевичъ первый подавилъ въ себѣ это ощущение.

— Болтовня одна, разумѣется, уронилъ онъ небрежно.

— Смотря какъ... О настоящемъ настроеніи народа вы понятія не имѣете. Если бы въ самомъ дѣлѣ дошло до ограниченія Царской власти, не сомнѣвайтесь, *пойдутъ!*

— Что же, ихъ пушками встрѣтять! фыркнулъ величественно губернаторъ.

— Кто же это ихъ такъ встрѣтитъ: тотъ, *за кого* они пойдутъ? отвѣтилъ, оглянувъ его чрезъ плечо, Борисъ Васильевичъ.

— Ты такъ передаешь это все, *cher ami*, поспѣшилъ заговорить Колонтай, стараясь свести разговоръ на шутку, — будто самъ готовъ стать въ ряды этихъ... революціонеровъ особаго сорта.

— Ты не ошибаешься, вѣско выговорилъ на это Троекуровъ: — между ними и тѣмъ, что сочиняется теперь въ Петербургѣ, мой выборъ сдѣланъ давно.

Рѣшительныя слова эти привели видимо государственнаго сановника въ нѣкоторое смущеніе: онъ никакъ не ожидалъ

такой „категоричности“ въ отвѣтъ челоуѣка, ни въ искренности, ни въ умѣ котораго онъ сомнѣваться не могъ. Но онъ и себя почиталъ не менѣе умнымъ и компетентнымъ въ предметѣ, о которомъ шла у нихъ рѣчь; ему стало досадно.

— Я уже тебѣ говорилъ, любезный другъ, началъ онъ, подавляя, насколько могъ, эту досаду,—что ничего въ Петербургѣ не „сочиняется“ и что за моими словами ты совершенно неосновательно предполагаешь иное чтò, а не мое *личное* мнѣніе, естественно вызванное тѣмъ неустройствомъ, отъ котораго страдаетъ теперь вся Россія. Могу тебя увѣрить, что ограничивать монархическую власть у насъ никому изъ *серьезныхъ людей*, подчеркнулъ онъ, — и въ голову не приходитъ.

Онъ примолкъ на мигъ и продолжалъ:

— Но допустимъ однако возможность такого положенія, что сама эта власть вздумала бы, какъ говорить твой Капитонъ, „отступиться отъ себя“,—что, въ виду нынѣшнихъ, возникающихъ со всѣхъ сторонъ и каждый день, все новыхъ и новыхъ затрудненій и замѣшательствъ, она, по той или другой причинѣ, избѣгала бы, не хотѣла бы принять лично на себя разрѣшеніе ихъ въ ту или другую сторону, чтò тогда дѣлать?

— Пусть уполномочить тогда избранное ею лицо, пусть довѣрить ему дѣйствовать отъ ея имени, вскрикнулъ съ необычною ему горячностью Борисъ Васильевичъ,—но да сохранить ее Богъ отъ иного образа дѣйствій, отъ мысли хотя на единый мигъ уронить обаяніе своего самодержавства въ глазахъ Русскаго народа!

Глаза у Колонтая мгновенно блеснули:

— Ты хотѣлъ бы, то-есть, перваго министра *avec un cabinet homogène?*..

— Называйте, какъ хотите,—и плечи Троекурова передернулись съ судорожнымъ нетерпѣніемъ,—но только исполнителя той же царской воли, представителя того же *единоличнаго* начала власти. Всякій иной путь, повторяю, гибель и преступленіе, котораго не простить вамъ народъ.

Онъ внезапно и порывисто поднялся съ мѣста:

— Однако пора и честь знать, мы заболтались, кажется, до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

— Куда-жь это вы, ваше превосходительство? вскрикнулъ, вскакивая въ свою очередь, хозяинъ: — неужто ужъ собираетесь?

— Пора, Провъ Ефремовичъ, меня ждутъ дома. Пойду, раскланяюсь съ вашею супругой.

Только-что замолчавшій разговоръ болѣзненно взволновалъ его внутренно, и онъ видимо не хотѣлъ продолжать его.

Всѣ направились изъ „бурильной“ обратно къ аппарату хозяйки.

Генераль Бахратидовъ подхватилъ „старого камрада“ подъ руку и зашепталъ ему на ухо:

— Умница ты, братъ, большая умница! Удивляюсь я и тебѣ, что ты ничего не хочешь, а еще болѣе, что никто не думаетъ позвать тебя и поставить на настоящее мѣсто.

— Позвать одно, а итти на зовъ другое, отвѣтилъ на это со слабою усмѣшкой тотъ.

— Да что ты? Неужели не пошелъ бы, воли-бъ попросили?

— Нѣтъ, потому что чрезъ мѣсяцъ точно также попросили бы меня убраться.

— Съ чего же ты это взялъ?

— Сообрази самъ, дипломатъ! засмѣялся уже совсѣмъ откровенно „старый камрадъ“.

XVII.

Совсѣмъ другаго рода бесѣда шла въ изящной гостиной Антонины Дмитріевны, оставленной въ обществѣ молодыхъ людей, пока старшіе занимались въ курительной „спасеніемъ Россіи“, выражаясь словами одного петербургскаго остроумца, окрестившаго такъ всѣ „политическіе“ разговоры, которымъ такъ много и повсемѣстно предаются русскіе люди въ наши дни. Прекрасная хозяйка никогда еще, казалось, не была такъ оживлена, такъ искренно расположена въ веселой, беззаботной болтовнѣ. Одному лишь Гришѣ Юшкову казалось порой, что она насилуетъ себя на эту веселость, что за ея смѣхомъ „считается все та же давно знакомая ему рана душевной тоски и „злости на жизнь“, которая между прочимъ въ „оны дни“ едва-ли не главнымъ образомъ обуславливала ея обаяніе въ глазахъ юноши... Но все же онъ едва узнавалъ ее: въ ней теперь было такъ много блеска, такъ много *игры*; прежне огульное отрицаніе, прежне какое-то *тусклое* въ выраженіи своемъ раздраженіе противу всего и всѣхъ уступило мѣсто чему-то забавно остроумному въ неожиданности и колкости замѣчаній ея и намековъ. Свѣтскій навывѣ, слѣды тѣснаго общенія со всею обширною семьей космополитическаго, разношерстнаго „monde“, въ который вступаютъ нынѣ люди по праву богатства, замѣнившему прежнія привилегіи рожденія и образованія, — сказывались теперь во всѣхъ ея приемахъ, въ складѣ рѣчей, въ каждомъ изъ ея движеній. Она не стѣснялась предъ этою молодежью; въ тонѣ ея было что-то полураспущенное, полухудожественное,

смѣсь какого-то изысканнаго внѣшняго приличія съ безудержностью мысли и слова, чуть не граничившею съ цинизмомъ, — форма, доведенная до изумительной прелести, и содержаніе, внутрь котораго „было страшно глядѣть“. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось Гришѣ, „провинціалу“ Гришѣ, какъ называлъ онъ себя, вся жизнь котораго протекла подъ „отческимъ закономъ“, въ цѣломудріи старозавѣтныхъ семейныхъ преданій и *добрыхъ* примѣровъ. Онъ ужасался подъ часъ... и въ то же время слушалъ съ какимъ-то неодолимымъ, трепетнымъ любопытствомъ. Въ разсказахъ Антонины Дмитриевны проходили предъ нимъ, будто въ какомъ-то фантастическомъ валеждоскопѣ, картины невѣдомаго ему до тѣхъ поръ міра, въ которомъ княгини и пѣвицы изъ *cafés chantants*, жида-биржевики и потомки востоносцевъ сваливались въ одну пеструю кучу, лихорадочно состязаясь въ преслѣдованіи тѣхъ же грубо-матеріальныхъ цѣлей, — міра, гдѣ успѣхъ оправдывалъ все, *grandes dames* хвалились громко любовникомъ, отбитымъ у кокетки, вчерашній проходимецъ, нажившійся шулерствомъ или маклерствомъ всякаго рода, становился сегодня именитымъ амфитріономъ, на приглашеніе въ которому запрашивались люди самыхъ почетныхъ общественныхъ положеній, и *купить*, „*en y mettant le prix voulu*“, прибавляла беззастѣнчиво смѣясь, Сусальцева, можно было *все*, отъ титула и должности до чести любой матери семейства... Все это передавала красавица совершенно просто, откровенно, какъ факты, не подлежащіе протесту, ниже осужденію, и о которыхъ упоминала она лишь съ той комической стороны ихъ, которая въ данный моментъ послужила предметомъ забавы для досужихъ любителей скандала. Но во всемъ этомъ, смутно и тревожно сознавалъ молодой человекъ, было нѣчто, чтò въ ея устахъ приобретало неотразимую привлекательность, нѣчто задорное, захватывающее, говорившее о „безконечномъ, безконтрольномъ, всецѣломъ наслажденіи жизнью“, котораго не вѣдалъ онъ до сихъ поръ, не вѣдалъ „до тридцати шести годовъ своего *улиточнаго* существованія“.

Непосредственно, *unreflektirt*, какъ говорятъ Нѣмцы, потѣшались за то остальные два слушателя хозяйки. Все, чтò

разсказывала она, было для нихъ такъ тонко, забавно и „интересно!“

— Un trou-la-la universel! надрывался хохотомъ, сияя нѣсколько воловьими глазами губернаторскій чиновникъ Соловцовъ, воспитывавшійся въ лицѣхъ на философіи *Petit Faust* и эстетикѣ *Прекрасной Елены*.

— Въ сущности скверно вѣдь! вскрикнулъ Гриша, встряхнувъ головой и какъ бы отгоняя этимъ движеніемъ соблазнъ, ввѣдывавшійся къ нему въ душу.

— Чѣмъ „скверно?“ обернулся къ нему съ изумленіемъ тотъ:— *c'est bigrement amusant, cette pose-là!*

— Никакихъ цѣлей, кромѣ наживы, и все существованіе одинъ безшабашный и... *безнравственный*, какъ-то искусственно вѣско прибавилъ Гриша,—пиръ жизни.

— А на что-жь она иначе нужна? возразилъ современный юноша:— *jouir, c'est vivre!*

— Не всегда, впрочемъ, замѣтилъ Гордынинъ, скромный и сдержанный молодой человѣкъ, говорившій вообще мало и какъ бы неохотно.

Антонина Дмитріевна полуобернула къ нему голову:

— Нѣтъ, не всегда, но и отрекаться я не вижу причины.

— Отъ чего это?

— Отъ того, что Григорій Павловичъ называетъ „жизненнымъ пиромъ“. Какъ ни бессмысленъ религиозный аскетизмъ, его все же понять можно. Но когда ты не Антоній Печерскій и не Марія Египетская, засмѣялась она, — проходить мимо того, что можетъ намъ дать жизнь пріятнаго, я не понимаю, признаюсь... Главное, что никто тебѣ за это не скажетъ спасибо, добавила она съ проницескимъ отгѣнкомъ, который Гриша чутьемъ почуялъ относящимся къ нему.

— Да иной просто по натурѣ своей не расположенъ къ „пированію“: онъ и „отходить“, какъ вы говорите, возразилъ Гордынинъ.

— А я вамъ вотъ что скажу, *mon cher monsieur*,—и красавица такъ и освѣтила молодого человѣка искривленными глазами своими,— *il y a le baptême de la vie*, безъ котораго не можетъ обойтись теперь человѣкъ, какъ не могъ обойтись

новорожденный без погруженія въ купель въ понятіяхъ первоначальнаго христіанства. Если-бъ я была мать дочери-невѣсты, я бы никогда не согласилась отдать ее à un petit godiche, не прошедшему ни чрезъ какой struggle of life и видящему въ жизни какой-то математическій иксъ, въ разрѣшенію котораго онъ не знаетъ формулы.

— Почему же вы думаете? счелъ нужнымъ вступить опять въ разговоръ Юшковъ:—формуль для вывода этого икса есть много совершенно извѣстныхъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... *долгъ*, произнесъ онъ нетвердымъ голосомъ, какъ бы мгновенно обрѣвъ.

— Le de-voir! протянула она съ комическимъ эмфазомъ, раскидывая руки врознь,—je m'incline... Добродѣтельно, хоть и не совсѣмъ ново!.. И далеко вы уйдете съ этою формулою, вы полагаете? Удовлетворится ею, по-вашему, молодое существо, которое ввѣритъ судьбу свою этому вашему человѣку „долга“, когда на живыя требованія ума ея и воображенія онъ будетъ отвѣчать ей цитатами изъ прописной морали? Я отвѣчаю вамъ, что не пройдетъ шести мѣсяцевъ послѣ свадьбы, какъ она повиснетъ на шеѣ перваго *gandin*, который заговорить съ нею *настоящимъ языкомъ*.

— J'crois ben, saperlipopette! расхохотался во всю силу Соловцовъ, восхищенный нескромнымъ намекомъ, заключавшимся, понялъ онъ, въ этихъ словахъ.

Гриша вспыхнулъ по самые глаза; голосъ его задрожалъ:

— Есть, къ счастью, между женщинами и такія, въ котормъ не осмѣлится подступить ни одинъ „*gandin*“ вашъ и не пристанетъ ни одного брызга отъ его *настоящаго* языка.

Сусальцева, какъ бы не замѣчая его раздраженнаго тона, лѣниво откинулась въ расшитыя подушки дивана, на котормъ возлежала:

— Желаю вамъ такую встрѣтить, небрежно уронила она:— я не встрѣчала.

— Вы клеветаете на вашъ полъ, кажется, изъ любви къ спору, тихо усмѣхнулся Гордынинъ:—вы первая, какъ говорить общій голосъ, оставались вѣкъ свой глухими на какія

бы ни были рѣчи, которыя говорились вамъ, и на какомъ бы языкѣ онѣ ни говорились.

Она пожала плечами:

— *Uniquement parceque je suis pratique* и очень рано вкусила отъ того горькаго древа, которое называютъ опытомъ... Но кто же вамъ сказалъ, примолвила она, медленно и какъ бы устало сожмуривая вѣки,—что и для меня нѣтъ языка, котораго звуки были бы въ состояннн пробудить меня отъ спячки... Повѣрьте, въ любой повѣсти женскаго *сердца*, какъ называютъ это романисты, все зависитъ отъ музыканта. Онъ не нашелся для меня,—вотъ и все!

— *Пока?* подчеркнулъ, лукаво подмигивая ей, лицеистъ.

— Пожалуй...

Она слегка кивнула и усмѣхнулась опять.

У лицеиста все лицо загорѣлось:

— Что же нужно... *que faut il pour vous plaire, madame?*

— Какъ вы молоды! разсмѣялась она:—развѣ существуютъ отвѣты на такіе вопросы?.. Почему я знаю сама!

— Но приблизительно однако, приставаль онъ, — какія именно качества...

— „Качества?“ *Que vous êtes donc naïf, jeune homme!* Скажите *недостатки*, это еще понятно.

— *Quelque vice grandiose alors?* подмигнулъ онъ почему-то, принимая видъ самаго прожженнаго гоуэ старыхъ временъ.

— Нашъ вѣкъ такъ измельчалъ, презрительно отозвалась она,—что ни на что „грандіозное“ люди болѣе не способны ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ... Конечно, примолвила она чрезъ мигъ съ новою, не то лѣнливою, не то надменною усмѣшкой,—если бы кто-нибудь, какъ тотъ испанскій грандъ, влюбленный въ свою королеву *), поджегъ бы свой дворецъ, чтобъ имѣть только случай пронести меня сквозь огонь въ своихъ объятіяхъ...

— Вы полюбили бы его? такъ и вскрикнулъ Соловцовъ.

— Не знаю... *mais il aurait eu des chances...*

*) Герцогъ Медина-Сидонія.

— Дорогой шансъ, во всякомъ случаѣ! добродушно съострилъ Гордынинъ.

— А вы полагаете, что я стѣю дешево? спросила Антонина Дмитріевна съ невыразимомъ дерзостью выраженія.

Бѣдный Гордынинъ, смутившись, растерянно заворочалъ плечами. Лицеистъ за то восторженно захопалъ въ ладоши:

— Adorable, splendide, épatant! нанизывалъ онъ подлежащія эпитеты изъ своего опереточнаго лексикона.

Гриша сидѣлъ блѣдный, словно весь съезжившись и уйдя въ себя. Онъ не могъ оторваться отъ мысли, что всё это говорилось ею „для него собственно“, что *они* опять, опять, „какъ въ тѣ провлятыя дни“, пробовала надъ нимъ „могущество своихъ чаръ“, манила его призракомъ соблазнительнаго „шанса“, съ тѣмъ, чтобъ и онъ „сжегъ дворець свой, какъ тотъ грандъ“... „Никогда, никогда!“ восклицалъ онъ внутренно въ глубокомъ смятеніи: „я не люблю ея, *презираю*... Маша, Маша!... Скорѣй, скорѣй отсюда вонъ... Когда же соберется ѣхать Борисъ Васильевичъ!“...

Антонина Дмитріевна какъ бы угадала душевное состояніе бывшаго ея обожателя. Она обернулась въ нему съ лицомъ, на которомъ уже не оставалось и слѣда того *шаловливаго* настроенія, съ которымъ вела только-что слышанныя нами изъ устъ ея рѣчи:

— Вы серьезный человѣкъ, Григорій Павловичъ et nos gasontars frivoles мало васъ интересуютъ, я понимаю. Мнѣ въ тому же и нужно поговорить съ вами о предметѣ совѣмъ иного рода.

— Что вамъ угодно? проговорилъ онъ сдержанно.

— Вотъ видите, я нахожу, что мужъ мой, при его состояніи и въ его двойномъ качествѣ *крупнаго землевладельца*,— такъ вѣдь это говорится официально?—примолвила она съ шутивымъ оттѣнкомъ,—и большаго здѣшняго фабриканта, долженъ непременно сдѣлать что-нибудь для этой мѣстности, въ которой онъ живетъ; онъ даже въ этому обязанъ, по-моему, принадлежа къ земству... Я и думала, что было бы очень хорошо устроить шкolu въ нашемъ городѣ специально для дѣвочекъ. Я бы ею занялась, какъ попечительница, и могла бы

даже, когда эти дѣвочки кончатъ курсъ, пристраивать ихъ по возможности и давать бѣднѣйшимъ изъ нихъ приданое, если захотятъ онѣ выйти замужъ... Какъ находите вы мой проектъ?

Гриша съ изумленіемъ поглядѣлъ на нее и не нашелъ въ первую минуту отвѣта.

— Вамъ не нравится? быстро спросила она, пристально взглядываясь въ него въ свою очередь.

— Отвѣтить вамъ на это прямо, Антонина Дмитриевна, довольно трудно, сказалъ онъ:—школа дѣло хорошее вообще, но вопросъ въ томъ, имѣется-ли здѣсь настоящая потребность въ ней, что именно имѣете вы въ виду, задумывая ее, въ какихъ размѣрахъ полагали бы вы ее учредить, и такъ далѣе.

— Конечно, конечно, *tout cela n'est encore qu'à l'état d'embryon dans ma tête*, мнѣ только пришла въ голову эта мысль, и я не имѣла еще времени разработать ее и дать ей опредѣленную форму. Я поэтому и подумала, что никто не можетъ быть мнѣ болѣе полезенъ въ этомъ случаѣ, какъ вы... Вы при томъ теперь и власть въ уѣздѣ... Вы не откажетесь быть моимъ совѣтчикомъ, руководителемъ?

Гриша наклонилъ голову.

— Очень благодаренъ вамъ за довѣріе, но я не специалистъ по школьному вопросу, и полагаю, что гораздо болѣе меня могъ бы вамъ быть полезнымъ нашъ инспекторъ народныхъ училищъ, совершенно компетентный въ дѣлѣ и при томъ очень хорошій человѣкъ.

Она перебила его быстрымъ движеніемъ руки.

— Это казенный то-есть, министерства народнаго просвѣщенія? Ни за что, нѣтъ, я лучше откажусь отъ всякаго моего намѣренія сдѣлать добро, чѣмъ имѣть дѣло *avec ce ministère odieux!*... Вотъ спросите *monsieur* Соловцова, что говорили про него еще сегодня утромъ у меня его начальникъ и таковой государственный человѣкъ, какъ Алексѣй Сергѣевичъ Колонтай.

— *Le ministère de la crétinisation publique!* захихикалъ лицейскій, въ видѣ *résumé* того, что именно говорили эти „государственные“ люди.

Гриша намѣревался возражать, но Сусальцева не дала ему на это времени.

— Нѣтъ, мы это съ вами сочинимъ и соорудимъ вдвоемъ, безо всякихъ „компетентовъ“, и прекрасно сочинимъ, вы увидите! Я хочу, чтобъ это было *uniquement une oeuvre à nous deux*, чуть-чуть подчеркнула она, какъ бы сочетая мысленно его съ собою въ чемъ-то особенно любезномъ ей и дорогомъ, и скользнула бархатнымъ взглядомъ по смущенному лицу молодаго человѣка:—мы съ вами такіе старые друзья, неужели вы рѣшитесь поступить со мною, какъ съ докучливою просительницей, отъ которой люди во власти прячутся, или отдѣлываются какими-нибудь казенными фразами?

Что было дѣлать Гришѣ? Онъ попытался обратить дѣло въ шутку.

— Я не „власть“, во-первыхъ, и не зналъ бы даже, какъ сложить „казенную фразу“, если бы приходилось мнѣ уклоняться отъ „докучливыхъ просительницъ“. Но вы и не принадлежите къ числу ихъ...

— *J'crois ben, saperlipopette!* воскликнулъ губернаторскій чиновникъ, нѣжно вскидывая глаза на хозяйку и вздыхая.

— Оставьте же говорить серьезныхъ людей! капризно крикнула она на него.—Вы что-то начали издалика, Григорій Павловичъ, но я васъ избавляю отъ предисловія; прошу отвѣчать прямо: согласны вы, или нѣтъ быть моимъ помощникомъ въ томъ, о чемъ я вамъ сейчасъ говорила?

— Если я вамъ непремѣнно нуженъ... пролепеталъ онъ.

— Нужны-ли? Еще какъ, необходимы!... Такъ вы согласны? *Merci, merci de coeur!*

И она протянула ему руку.

Онъ взялъ ее. Онъ почувствовалъ въ своей теплоту и мягкость ея нѣжной ладони, почувствовалъ, какъ сжимала она какимъ-то трепетнымъ, показалось ему, пожатіемъ его мгновенно заledenѣвшіе пальцы. Словно какіе-то огни запрыгали у него предъ глазами.

— Вѣдь это надобно скорѣе, Григорій Павловичъ, торопливо заговорила она опять,—я хочу, чтобы въ началу осени у насъ было все готово и открыто...

— Это не возможно такъ быстро, возразилъ Юшковъ, овладѣвъ еще разъ собою:—формальности берутъ у насъ всегда очень много времени, требуется утверждение въ Петербургѣ, теперь же время лѣтнее...

— Объ этомъ не безпокойтесь, нашъ милый губернаторъ обѣщаль мнѣ устранить всѣ затрудненія. Надобно только намъ съ вами все сообразить хорошенько... Если бы вы могли, напримѣръ, переночевать сегодня въ Сицвомъ, мы бы завтра же утромъ могли устроить нашъ первый сеансъ.

— Это совершенно не возможно, Антонина Дмитріевна: у меня завтра занятія по опекаѣ.

— Такъ послѣ завтра; прѣвзжайте завтравать vers midi.

— Право, не знаю,—у меня теперь очень мало свободного времени.

Она нахмурилась на мигъ, но тотчасъ затѣмъ приняла свой прежній оживленный видъ:

— Какъ хотите, но знайте, я теперь отъ васъ не отстану, буду хоть каждый день гонять къ вамъ посланцевъ во Всесвятское, чтобы напоминать вамъ, что вы мнѣ нужны, необходимы, что я безъ васъ наконецъ жить не могу! разсмѣялась она громко, раскидывая еще разъ обѣ руки движеніемъ, выходившимъ у нея какъ-то необыкновенно щеголевато.

— Epatant! вскрикнулъ тутъ же Соловцовъ и тутъ же запѣлъ, подмигивая и закатывая глаза подъ лобъ, изъ известнаго письма въ *Grande Duchesse*:

Qu'on l'aime tant,
Le brigand,
Que vraiment on en perd la tête...

Гриша растерянно и злобно уперся въ него взглядомъ, готовый разразиться какимъ-нибудь жесткимъ словомъ...

Но въ ту же минуту дверь сосѣдней комнаты широко-рас-творилась, пропуская возвращавшихся изъ курильной „имени-тыхъ гостей“ Всесвятскаго, съ хозяиномъ его и Троекуровымъ.

— Enfin! воскликнула Антонина Дмитріевна, смѣясь, — cela a-t-il-été assez long! И ужъ непременно о политикѣ говорили, не правда-ли?

— Коснулись легонько, коснулись, нельзя же, счелъ нуж-

нымъ хихикнуть въ свою очередь въ отвѣтъ Провъ Ефремовичъ,—да вотъ его превосходительство, къ сожалѣнію, не захотѣлъ больше, увѣзжать собирается.

И онъ указавъ на Бориса Васильевича, искавшего свою шляпу.

— Уже! протянула Антонина Дмитриевна, и глаза ея какъ бы съ безсознательною, невольною тревогой вскинулись на Гришу Юшкова: ты, молю, сейчасъ съ нимъ уѣдешь!

Нервная дрожь пробѣжала у него по тѣлу, но онъ только чуть-чуть усмѣхнулся, какъ бы отвѣчая: и давно пора!

— У меня къ вамъ просьба, *mon général*, выговорила она, протягивая руку подошедшему раскланяться ей Троекурову.

— Чтò прикажете? отвѣтилъ онъ съ холодною учтивостью.

— Отпустите ко мнѣ скорѣй Григорія Павловича: онъ мнѣ нуженъ для одного хорошаго дѣла, о которомъ онъ вамъ скажетъ.

Вѣки у него судорожно заморгали:

— Григорій Павловичъ не ребенокъ, отрѣзалъ онъ какъ ножомъ,—и на *отпусти* его или неотпусти я не имѣю ни правъ, ни притязаній.

Онъ поклонился и быстро отошелъ, раскланиваясь и пожимая протягивавшіяся ему руки.

Гриша въ свою очередь торопливо вскочилъ съ мѣста...

— Такъ я васъ жду, вы будете... Непремѣнно? удерживая на мигъ его руку въ своей, въ полголоса, будто сообщая ему какую-то тайну, проговорила Антонина Дмитриевна. Глаза ея такъ и впились въ его лицо.

Онъ, не отвѣчая, еще разъ поспѣшно склонилъ предъ нею голову и зашагалъ вслѣдъ за уходившимъ Борисомъ Васильевичемъ и провожавшимъ его хозяиномъ.

Гордынинъ, почувствовавшій къ нему симпатическое влеченіе съ первой минуты знакомства, и губернаторскій чиновникъ, которому внутри что-то говорило, что онъ, Соловцовъ, былъ не совсѣмъ „correct“ въ разговорѣ съ этимъ новымъ своимъ знакомымъ, и желавшій поэтому „исправить“ дурное впечатлѣніе, которое онъ могъ произвести, на него, пошли въ свою очередь проводить его до экипажа.

Оставшись одна со своими *интимами*, Сусальцева быстро обернулась въ Колонтаю и спросила:

— Ну, что онъ говорить?

Тотъ слегка усмѣхнулся и пожалъ плечами:

— C'est un Николаевскій генераль dans toute l'odieuse ascension du terme! засосаль вмѣсто него свою карамельку губернаторъ, неестественно хихикая:—какой-то поросшій мхомъ допотопный fossile. Онъ ничего кромѣ кулака не допускаетъ, никакихъ современныхъ потребностей не признаетъ, озлобленъ и даже... даже грубъ, добавилъ онъ, подпуская видимо уже въ карамельку уесуса.

— Умная голова, нѣтъ, не говори, твердый человѣкъ! закачалъ головой генераль Бахратидовъ.

— Умный, несомнѣнно, mais très encroûté, уронилъ Колонтай,—не даромъ такъ долго живетъ въ провинціи; самыя умные люди въ ней поневолѣ ржавѣютъ.

— Вообразите, продолжалъ горячиться Савиновъ,—вмѣсто требуемыхъ теперешними обстоятельствами мѣръ либеральнаго свойства, которыя могли бы нѣсколько успокоить общество и призвать его вмѣстѣ съ тѣмъ въ живому участию въ государственныхъ вопросахъ, онъ кричитъ о какомъ-то великомъ ви-зирѣ съ неограниченными правами власти, диктатуры какой-то хочетъ.

— Диктатуры? протянула Антонина Дмитріевна.

Глаза ея блеснули и остановились на Бахратидовѣ.

— Mais le voilà, le dictateur tout trouvé! проговорила она побѣднымъ тономъ.

Алексѣй Сергѣевичъ усмѣхнулся и повелъ чуть-чуть головой. Генераль замахалъ руками:

— Что вы, что вы, красавица!—и онъ приложилъ правую руку въ лѣвому боку:—я на одну диктатуру способенъ, на диктатуру сердца.

— Bravo, bravo,—она захлопала въ ладоши,—намъ такая именно и нужна теперь. Tout par le coeur, и Россія будетъ благословлять тотъ день, когда васъ назначать:—c'est moi qui vous le dis!...

XVIII.

Въ ней были всеильныя чары,
Была непонятная власть.

Лермонтовъ.

— Какое у этой барыни тамъ „доброе дѣло“, о которомъ вы должны передать мнѣ? спросилъ Борисъ Васильевичъ своего спутника, когда коляска ихъ выѣхала изъ Сицкаго.

— Она говорила мнѣ, желаетъ учредить въ городѣ школу для дѣвочекъ, отвѣтилъ со слабою усмѣшкой Гриша.

— Вотъ какъ! Которою сама она будетъ руководить? съ невеселою усмѣшкой примолвилъ Троекуровъ.

Гриша насилуваноно усмѣхнулся тоже:

— Она дѣйствительно хочетъ быть тамъ попечительницей и лучшимъ изъ выходящихъ думаетъ давать приданое.

— Поздравляю тѣхъ, кому достались бы въ жены эти воспитанницы госпожи Сусальцевой... Но полагаю, что изъ ея намѣренія ничего не выйдетъ и что на счастье нашихъ мѣщанокъ она забудетъ объ ихъ *цивилизаци*и... А вы тутъ при чемъ? спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Ей представилось, что я ей необходимъ, какъ исправляющій должность предводителя, для содѣйствія ея плану, какъ-то особенно торопливо поспѣшилъ сказать молодой человекъ.

Собесѣдникъ его примолкъ на минуту:

— Вы слышали или нѣтъ, началъ онъ опять, — что говорилъ этотъ снобъ-губернаторъ за столомъ относительно экстреннаго собранія дворянства для выбора предводителя вмѣсто Павла Григорьевича?

— Слышалъ, какъ же; онъ говорилъ достаточно громко для этого.

— И поняли, для чего это было сказано?

— Какъ не понять, Борисъ Васильевичъ: извѣстной партіи, которой этотъ господинъ видимо покровительствуетъ, хочется устранить меня скорѣе отъ исправленія этой должности и затѣмъ не допустить, чтобы меня выбрали. Интрига по уѣзду ведется очень бойко въ пользу ея кандидата.

— Лупандина?

— Да; имъ руководить, какъ говорилъ мнѣ всезнающій Николай Ивановичъ, наглець этотъ Свищовъ...

— Знаю.

— Съ губернаторомъ они знакомы были еще въ Петербургѣ, служили вмѣстѣ, и Николай Иванычъ увѣряетъ, что тотъ изъ Сицкаго долженъ проѣхать къ этому графу въ усадьбу, провести тамъ нѣсколько дней... Все это, главное, ведется въ виду извѣстной вамъ желѣзной дороги, противъ которой батюшка и вы высказались прямо, между тѣмъ какъ для весьма многихъ въ уѣздѣ она представляется источникомъ великихъ выгодъ.

— Да, единомыслить со мною въ настоящую пору вообще не рѣзультивно, ироническимъ тономъ промолвилъ на это Трокурковъ и не раскрывалъ рта болѣе во всю дорогу.

Вѣзжая на широкой дворъ Всесвятскаго, они увидѣли Машу, сидѣвшую на крыльцѣ съ Анфисой Дмитріевной Ойрсовой. Она видимо поджидала ихъ, кинулась съ мѣста обнимать отца, едва успѣлъ онъ выйти изъ коляски, крикнувъ ему: „Мама гораздо лучше, она сидитъ у себя съ Васей и Вячеславомъ Хлодоміровичемъ“,—и тутъ же, быстро обернувшись на Юшкова, впилась глазами въ его лицо и спросила, стараясь выговорить это какъ можно „проще“ и беззаботнѣе.

— Чтò, весело вамъ было тамъ въ княжскихъ палатахъ madame de Soussaltzeff?

— Очень, чрезвычайно! насмѣшливо напиралъ онъ, пожимая и не выпуская ея руки изъ своей, между тѣмъ какъ отецъ ея направился въ покои Александры Павловны.

— Пиръ былъ на весь міръ, воображаю, les petits pots

dans les grands, говорила она тѣмъ же тономъ, продолжая допытываться въ его лицѣ того „настоящаго“ впечатлѣнія, какое онъ могъ вынести изъ Сицкаго.

Но онъ, „что бы тамъ ни произошло съ нимъ“, онъ — „она читала это теперь на лицѣ его, какъ въ книгѣ“, — былъ такимъ, „какимъ она всегда желала его видѣть:“ счастливый, оживленный, веселый. И у самой у нея на душѣ стало вдругъ такъ свѣтло, такъ лучисто-свѣтло... Но не показывать же это ему прямо, „еще *зазнается* пожалуй“...

— Посмотрите на него, обернулась она къ Өирсовой, — какимъ онъ глядитъ именинникомъ.

— Радъ, что вернулся, засмѣялась та.

— Совсѣмъ нѣтъ: радъ, что былъ тамъ, что видѣлъ, что слышалъ райскій голосъ.

— Ну ужъ „райскій“ совсѣмъ тутъ не къ предмету, Машенька, замѣтила Анфиса Дмитриевна.

— А онъ находить... Не правда-ли, вѣдь вы находите, Гриша?...

— Что нахожу?

— Что „лучше Олимпіады Самсоновны барышни на свѣтѣ нѣтъ“, какъ говорится въ этой піесѣ Островскаго, которую я видѣла въ Москвѣ, хохотала Маша. — О чемъ у васъ съ нею были разговоры, говорите сейчасъ? приставала она къ нему.

— Она перещеголять васъ намѣревается по части науки, смѣялся онъ тоже: — школу женскую хочеть завести въ городъ, съ приданнымъ вмѣсто похвальнаго листа за успѣхи ученицъ.

— И васъ приглашаетъ быть у нея помощникомъ? живо выговорила дѣвушка безъ всякаго уже слѣда веселости.

— Почему вы знаете? вскрикнулъ онъ съ удивленіемъ.

— Какъ трудно догадаться!... Вотъ видите! обернулась она еще разъ къ Өирсовой! — я знала напередъ, что она непременно ужъ что-нибудь выдумаетъ.

— Такъ мало-ли что!

И Анфиса Дмитриевна пожала плечами: — Съ тѣмъ и останется.

Гриша взялъ опять обѣ руки Маши въ свои.

— Ну что, скажите, могла бы она „выдумать“, о чемъ бы стоило вамъ беспокоиться?

Но она перебила его и даже ножкой топнула.

— Нисколько я не беспокоюсь, и не воображайте, пожалуйста! Но я знаю, что она будетъ дѣлать все, чтобы привлечь васъ въ свой „*cercle d'attraction*“, *comme on dit*, и отвести отъ насъ, отъ папа. Имъ это теперь нужно... Вотъ тутъ сейчасъ Николай Ивановичъ былъ, и мы говорили съ нимъ... Противъ папа поднимаютъ всѣхъ въ уѣздѣ теперь, противъ его вліянія.

— Такъ что же, вы думаете, воскликнулъ Гриша, морща брови,—что я поддамся на эту интригу?

— Еще бы вы поддались!.. Но вы... вы... Я не знаю, но ужъ она навѣрно не безъ какой-нибудь *mauvaise aggrège-pensée* ищетъ теперь... *дружбы* съ вами, подчеркнула Маша съ какою-то особенною, тревожно звучащею интонаціей.

— И конечно, сказалъ Гриша,—если допустить, что она дѣйствительно ищетъ этого, а не просто, безо всякой хорошей или дурной задней мысли, минутнаго разсѣянія отъ все той же, какъ я могъ замѣтить, снѣдающей ее внутренно скуки и тоски... Нѣтъ, Маша, вслькнулъ онъ въ какомъ-то мгновенномъ восторженномъ порывѣ, и глаза его нѣжно устремились на дѣвушку,—я провелъ тамъ три часа точно подъ душою ледяной воды, падавшей мнѣ капля за каплей на голову и отъ которой всѣ нервы мои приходили въ судорожное содроганіе. И вотъ вижу васъ опять, и снова мнѣ легко и сладко дышать, и опять чувствую себя бодрымъ, здоровымъ, вѣрющимъ...

Онъ говорилъ искренно, ото всей души, забывая въ эту минуту, подъ лучами этихъ дѣвственныхъ, любовно и тревожно глядѣвшихъ на него глазъ, что *тамъ*, въ тѣмъ „ледянымъ“ каплямъ, падавшимъ ему на голову, примѣшивалась еще иная струя, струя соблазна, и шептали внутри его презрительные звуки о его „ничего не испытывшемъ до сихъ поръ *улиточномъ* существованіи“.

— Богъ съ ней, не нужно мнѣ ихъ никого, горячо про-

должалъ онъ, — лишь бы мы попрежнему были друзьями, моя честная, чистая Маша!

Прелестное лицо ея все разцвѣло опять.

— *Ворона и лисица*, басня Крылова. Ворона выхожу я; вѣдь такъ, Анфиса Дмитриевна? а онъ лисица:

Какія перышки, какой носокъ,
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!

— Ну ужъ на лису-то вовсе не похожъ, закачала смѣясь головой Фирсова.

— Нѣтъ, нѣтъ, не похожъ, я шучу, Гриша! вскрикнула Маша, вскидывая вверхъ свои бѣлыя, нѣсколько большія и длинныя руки и роняя ихъ на плечи молодого человѣка: — вы у насъ бѣленькій, добренькій, мягонькій какъ овечка Божія!

Антонина Дмитриевна Сусальцева между тѣмъ, вопреки чаянiю Троекурова, была повидимому рѣшительно намѣрена заняться „дивилизаціей“ женскаго населенiя города ***. Дня четыре послѣ извѣстнаго намъ обѣда въ Сидкомѣ, Гриша Юшковъ получилъ отъ нея записку на изящномъ, цвѣта „verre d'eau“; листкѣ, съ изображенiемъ на заголовкѣ его бѣлоснѣжной голубки съ письмомъ въ клювѣ и девизомъ: „Vole et reviens vite“, въ которой говорилось на изысканно шутиливомъ французскомъ языкѣ, что „замокъ ея опустѣлъ послѣ отъѣзда разлетѣвшихся изъ него гостей и что она, свободная теперь духомъ и *движенiемъ* (libre d'esprit et de mouvement), желаетъ облечь въ плоть (donner corps) то зародившееся у нея въ идеѣ предположенiе, о которомъ она говорила ему при послѣднемъ ихъ свиданiи, вслѣдствiе чего просить его прибыть къ ней безъ отговорокъ и не окладывая (sans faute ni retard) для необходимыхъ объ этомъ переговоровъ“. Гриша прочелъ эту записку медленно, строку за строкой, перечелъ ее еще разъ, словно желая удержать каждое изъ выраженiй ея въ памяти, но вдругъ затѣмъ нервно порвалъ ее въ мелкіе куски и выпхвyrнулъ ихъ въ отъертыя окна, а посланному красивой барыни велѣлъ передать на словахъ, что „очень извиняется, не имѣя возможности отвѣчать ей письменно,

такъ какъ сейчасъ ѣдетъ въ городъ и никакъ не можетъ обѣщать быть въ скоромъ времени въ Сипкомъ вслѣдствіе занятій по должности, требующихъ постоянного присутствія его въ городѣ“... „Пусть называетъ меня неучемъ“, сказалъ себѣ при этомъ Гриша, „а такъ по крайней мѣрѣ разомъ конецъ будетъ!..“ Антонина Дмитріевна, получивъ этотъ словесный отвѣтъ, не назвала его никакъ; губы ея только слегка дрогнули и сложились въ недобрую усмѣшку.

Прошло еще нѣсколько дней. Гриша сидѣлъ однажды часу въ третьемъ пополудни на городской квартирѣ, издавна занимавшейся отцомъ его въ домѣ, гдѣ помѣщалась и дворянская опека, съ секретаремъ которой временной предводитель въ эту минуту занимался бумагами. Они сидѣли другъ противъ друга за письменнымъ столомъ, помѣщавшимся между двухъ оконъ, выходящихъ на улицу. День былъ чудесный; солнце пекло, и на половину спущенныя въ огражденіе отъ лучей его темныя зеленыя шторы надувались и шелестили подъ взрывами набѣгавшаго въ открытыя окна отъ времени до времени вѣтра.

Легкій грохотъ подѣхавшаго экипажа отвлекъ вниманіе обоихъ отъ лежавшихъ предъ ними *отпусковъ* и *отношеній*.

Секретарь опеки, молодой человѣкъ со взъерошенною „чоротомъ“ шевелюрой, какія только встрѣчаются въ провинціи, быстро откинулся съ мѣста головой къ окну, подsunулъ ее подъ стору и выглянулъ на улицу.

— Барыня какая-то, великолѣпная! объявилъ онъ шепотливо и поспѣшно, такъ же быстро оборачиваясь ликующимъ лицомъ къ своему начальнику.

И въ то же время донесся до Гриши женскій голосъ, спрашивавшій громко: — Григорій Павлычъ Юшевъ здѣсь живетъ?

Нервная дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ трепетною рукой поднялъ стору на своемъ окнѣ, выглядывая изъ него въ свою очередь.

Антонина Дмитріевна Сусальцева въ низенькомъ обитомъ внутри темно-малиновымъ атласомъ соломенномъ портшезѣ, запряженномъ парюю пони модной *соловой* масти, съ коротко

остриженными гривами и букетами свѣжихъ розъ подъ ушами, держа въ одной рукѣ возжи, а въ другой длинный бичъ съ высокою рѣзною рукояткой изъ слоновой кости, между тѣмъ какъ чуть видный отъ земли грумъ въ подобающей ливреѣ соскакивалъ съ задняго сидѣнья и ухватывалъ лоснившихся какъ зеркало лошадокъ ея подъ уздцы, — Антонина Дмитріевна, въ круглой шляпѣ съ птичьимъ перомъ на боку, въ *джерси*, тѣсно охватывавшемъ роскошныя очертанія ея бюста, вся зарумянившая отъ ѣзды и воздуха, предстала предъ нимъ во всемъ очарованіи своей вызывающей и самонадѣянной красоты. Она подняла глаза и увидѣла его:

— Вы знаете, что сказалъ Магометъ, когда гора отказалась двинуться на его зовъ? крикнула она ему со смѣхомъ снизу: — вотъ я и сама явилась, — пожалуйста!

„Господи!“ досадливымъ взрывомъ сказалось внутри молодого челоуѣка, между тѣмъ какъ гораздо болѣе юный секретарь его спрашивалъ черезъ столъ все тѣмъ же шопотомъ и восторженно сіяя широко раскрытыми глазами:

— Кто эта богиня, Григорій Павлычъ?

Онъ не отвѣчалъ ему, нахлобучилъ сердитымъ движеніемъ шляпу на голову и вышелъ на крыльцо.

— Что угодно вамъ, Антонина Дмитріевна? спросилъ онъ, подходя къ ней и кланаясь съ холодною учтивостью.

Она отодвинулась къ другому углу портшеза и, указавъ кивкомъ на опроставшееся подлѣ себя мѣсто:

— Садитесь! сказала она.

— Куда это? спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Развѣ объ этомъ спрашиваютъ, quand une jolie femme vous fait l'honneur de vouloir vous enlever? засмѣялась она; — садитесь!

— Извините, сказалъ онъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ: — я занятъ, мнѣ рѣшительно не возможно...

Секретарь опеки, прислушивавшійся въ этому разговору изъ окна и котораго видъ „великолѣпной барыни“ приводилъ все въ большее и большее восхищеніе, провелъ поспѣшно рукой по растрепаннымъ своимъ вихрамъ и, стараясь придать

какъ можно болѣе развязности „свѣтскаго тона“ выраженію лица своего и рѣчи, крикнулъ ему сверху:

— Не безпокойтесь, Григорій Павлычъ, остальную *корреспонденцію* мы можемъ отложить до завтра: не въ спѣху.

Сусальцева подняла на мигъ глаза на говорившаго, чуть-чуть вивнула ему, какъ бы благодаря, и обернулась, сдвинувъ брови, на Юшкова:

— Вы видите! *Ne faites donc pas l'enfant*, примолвила она вполголоса:—*c'est ridicule!*

Онъ повиновался угрюмо и безмолвно.

— На мѣсто! скомандовала красивая барыня груму, собирая возжи.

Мальчикъ поспѣшно побѣжалъ къ своему сидѣнью.

Лошадки тронули и побѣжали крупною *разбѣжистою* рысью, какой, казалось, никакъ нельзя было ожидать отъ ихъ крохотнаго роста. Антонина Дмитриевна, натягивая сильно возжи, правила ими со всѣмъ мастерствомъ опытной наѣздицы. Утромъ шелъ крупный дождь, и недавняя пыль обратилась въ иныхъ мѣстахъ въ жидкую кашу черной грязи, но она ловко и смѣло объѣзжала ихъ, свободно ворочая свою упряжкой то вправо, то влево, поглощенная, повидимому, этимъ занятіемъ и какъ бы находя въ немъ какое-то особое, увлекательное удовольствіе.

Такъ пробѣжали они городъ, не обмѣнявшись словомъ другъ съ другомъ.

За заставой пошла торная, успѣвшая уже обвѣтриться дорога, обсаженная старыми березами Екатерининскихъ временъ. Сусальцева стала мало-по-малу умѣрять ходъ разбѣжавшихся пони и вдругъ обернулась на своего спутника:

— Скажите, начала она по-французски:—вы почитаете нужнымъ избѣгать меня?

Онъ не отвѣчалъ.

— Потому что, продолжала она съ оживленіемъ,—эти ваши чрезмѣрные занятія, о которыхъ вы говорили мнѣ въ Сицкомъ и въ нѣсколько неучтивомъ, позвольте это сказать встать, словесномъ отвѣтѣ вашемъ на мою записку, оказываются, какъ это сейчасъ доказано было, вздоромъ! Но есть

положенія, понимаю, почти обязывающія на неучтивость. Почитаете-ли вы себя въ такомъ положеніи относительно меня, Григорій Павлычъ?

— Позвольте... началъ было онъ.

Но она не дала ему времени договорить:

— Нѣтъ, прошу васъ сперва отвѣчать прямо на мой вопросъ: вы рѣшили, что я такая женщина, которой лучше не видать?

Болѣзненное чувство сказалось на мигъ къ лицѣ Гриши:

— Да, Антонина Дмитриевна, вымолвилъ онъ съ усиленнымъ:—вы не ошиблись, я рѣшилъ, что такъ лучше.

Она повела на него искоса ироническимъ взглядомъ:

— Сами вы, медленно роняя слова, проговорила она,—или по чьему-нибудь приказанію?

Онъ вспыхнулъ весь, готовый отвѣтить жесткимъ словомъ, но тутъ же сдержался, улыбаясь насильственной улыбкой:

— Вы ошибаетесь, Антонина Дмитриевна, сказалъ онъ,—если полагаете уязвить самолюбіе мое вашимъ намекомъ. Я вижу въ этомъ только желаніе ваше доказать мнѣ лишній разъ, что вы ненавидите тѣхъ, на кого намекаете, но я смѣю думать, что вамъ... что вообще лучше не говорить о томъ, въ чему мы не можемъ относиться безпристрастно.

Она презрительнымъ движеніемъ шевельнула своими великолѣпными плечами.

— Ненавижу, это для нихъ слишкомъ много чести; я просто не люблю тупыхъ людей... Но я пощажу деликатность вашихъ благородныхъ чувствъ, я знаю, что вы тамъ на испытаніи.

— На какомъ испытаніи, чтъ вы говорите!

— То, чтъ есть. Я все знаю, а чего не знаю, угадываю такъ же вѣрно, какъ если бы слышала собственными ушами: относительно васъ тамъ существуетъ то, чтъ сказывается въ известной пословицѣ: *и хочется, и колется, и бабушка не велитъ*. Вы намѣченный женихъ несравненной Маріи Борисовны чуть-ли не съ самаго дня ея рожденія. Это совсѣмъ по традиціи, какъ въ благонамѣренныхъ старыхъ романахъ: друзья родители предназначаютъ съ колыбели дѣтей своихъ

къ будущимъ узамъ Гименея et autres exercices *patriarcaux* et touchants. Прелестно! Но вышло такъ, что въ ожиданіи той счастливой минуты нареченный будущій обладатель нашей Машеньки чуть-чуть свихнулся и запутался было въ сѣтяхъ одной жалкой особы, дочери разореннаго и пьянаго отца, которую мы поэтому имѣли полное основаніе презирать и не пускать къ себѣ въ домъ. Особа эта, отдадимъ ей справедливость, была со своей стороны горда и не хотѣла способствовать своимъ поощреніемъ этого вѣроломнаго суженаго нашей Машеньки къ окончательному разрыву съ нами и всѣмъ нашимъ міромъ: она предпочла, во избѣжаніе соблазна, выйти замужъ за человѣка, не равнаго ей ни по рожденію, ни по воспитанію...

Судорожное движеніе пробѣжало по губамъ Юшова, но онъ не шевельнулся, не взглянулъ на нее.

— Вы этимъ огорчились тогда, Григорій Павловичъ, продолжала она, — и голосъ ея слегка будто дрогнулъ при этомъ, повазалось ему: — или я ошибаюсь?

— Нѣтъ, сказалъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Подъ вѣками ея блеснулъ быстрѣе, чѣмъ молнія, какой-то лучъ самодовольнаго торжества.

— Мы это, само собою, замѣтили, начала она опять язвительнымъ тономъ говорить отъ имени Троекуровыхъ, — и, почтительно, сильно на это вознегодовали. Машеньку мы увезли за границу, гдѣ, встрѣчаясь съ ненавистною намъ купчихой, едва удостоивали ее поклона... въ то время, — примолвила съ высокомерною улыбкой Сусальцева, — когда принцы крови et tout ce que l'Europe possède de grands noms почитали себя счастливыми быть принятыми въ ея гостиной... Злополучнаго суженаго послали въ ссылку въ петербургскія тундры: изнывая тамъ отъ тоски вдали отъ нашего рая. Гнѣвъ нашъ на него преложили мы на милость только недавно, и то съ оговорками и на кондиціяхъ. Онъ у насъ теперъ не то женихъ, не то монастырскій послушникъ, на искусств поставленъ: будетъ пайничкой ходить въ нашихъ шорахъ, не глядя ни вправо, ни влѣво, впряжемъ пожалуй въ одну пару съ Машенькой; вздумаетъ увлечься опять свободнымъ чувствомъ, — укажемъ ему

дверь и величественно возгласимъ, какъ тотъ комическій beau-père въ *Le chapeau de paille d'Italie*: „Mon gendre, tout est comru“.

Гриша поднялъ опущенную голову съ какимъ-то, поразившимъ Сусальцеву, „знавшую его такъ близко“, взмахомъ душевной бодрости:

— Вы забываете здѣсь одно, Антонина Дмитриевна: мою личную волю. Вы очень остроумно смѣтаетесь надъ „традиціями старыхъ романовъ“, надъ какими-то „оговорками“ и „кондиціями“. Но ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ и не нужно: я просто люблю Марію Борисовну Троекурову.

— „Любите?“ страннымъ тономъ повторила она.

Она опустила возжи, обернулась еще разъ на него:

— А меня?...

— Васъ?... былъ онъ въ силахъ только пролепетать въ первую минуту.

— Меня, да,—на лицѣ ея заиграла какая-то неотразимая улыбка:—помните подчеркнутые вами однажды стихи въ томикѣ Alfred de Musset, котораго давала я вамъ читать:

Quand un coeur vous a contenue,
Juana, la place est devenue
Trop vaste pour un autre amour.

Развѣ послѣ меня можно полюбить другую? Allons donc!...

„Что же это такое, чего она хочетъ отъ меня?“ спрашивалъ себя въ смятеніи Гриша. Сердце его усиленно билось, предъ глазами стоялъ какой-то туманъ... Но ему надо было „выбиться изъ такого состоянія“, чувствовалъ онъ; надо было „не дать себя одолѣть этому призраку“. Онъ вызвалъ опять улыбку на уста:

— Къ чему вы это говорите, Антонина Дмитриевна? на что я вамъ теперь нуженъ, на что? повторилъ онъ неволью дрогнувшимъ голосомъ.

Она попридержала лошадей:

— А если мнѣ тяжело видѣть въ васъ теперь врага, Григорій Павлычъ! воскликнула она, какъ бы одолѣваемая ка-

кимъ-то неотразимымъ желаніемъ высказаться: — если я не переносу мысли, что вы можете меня презирать!...

— „Презирать“, „врагъ“, онъ тихо закачалъ головой: — ничего подобнаго нѣтъ въ душѣ моей къ вамъ.

— Ну да, какъ бы съ горечью отозвалась она, — безграничное равнодушіе, не такъ-ли?

Онъ не отвѣчалъ, устремивъ прищуренные глаза въ бѣжавшую предъ ними даль... А сердце его все такъ же усиленно билось и въ ушахъ „невыносимымъ звономъ“, казалось ему въ эту минуту, звенѣли „предательскіе“ звуки ея проникающаго гортаннаго голоса.

Она еще разъ повела на него изъ-бока взглядомъ, и губы ея побѣлѣли:

— Наша бѣда съ вами, Григорій Павлычъ, состоитъ въ томъ, что вы слишкомъ, какъ говорится, прямолинейны, rectiligne. Въ теоріи это можетъ быть прелестно и во всякомъ случаѣ очень почтенно, за это во Франціи даютъ даже людямъ le prix Monthyon *), но дѣло въ томъ, что вашей прямой линіи въ природѣ не существуетъ вовсе, il n'y a que des courbes, а вы этого допустить до сихъ поръ не хотѣли. Я всегда была виновна въ вашихъ глазахъ тѣмъ, что не подходила подъ тотъ казенный шаблонъ, подъ который привыкли вообще люди подводить извѣстную категорію человѣческихъ существъ, къ которымъ, по видовымъ признакамъ, должна была принадлежать и я. Оказывалось, что видовые признаки одно, а въ дѣйствительности выходило нѣчто совсѣмъ иное. Все это лицемѣріе дѣвичьей скромности, въ которую никто давно не вѣритъ и которой всѣ между тѣмъ продолжаютъ требовать, — несомнѣнный будто бы признакъ d'une „jeune personne comme il faut“, — все это во мнѣ отсутствовало. Было существо, ненавидящее фальшь и условность, свободное умомъ и разумѣющее жизнь такую, какова она въ дѣйствительности, а не въ „нравственныхъ“ книжкахъ англійскихъ старыхъ или безобразныхъ blue stockings, которымъ никто въ жизни не рѣшилъ

*) Премія за добродѣтель, учрежденная еще въ 1782 году филантропомъ, имя котораго она носитъ, и выдаваемая понынѣ ежегодно лицамъ, отличившимся какимъ-нибудь особеннымъ подвигомъ на пользу ближняго

ся дать случая согрѣшить... Я вамъ нравилась, не смотря на это, быть можетъ даже, именно *поэтому*, но вы все же почитали обязанностью своею „протестовать“ словомъ и мыслью противъ моей *разнузданности*... Правда?

— Я не протестовалъ, мнѣ было больно, невольно вырвалось на это у Юшкова.

— Да, потому что... я не знаю, какъ это выразить *нѣжные*, усмѣхнулась она, будто извиняясь за то, что хотѣла сказать ему, — у васъ нѣтъ широкаго захвата въ мысли, l'envergure vous manque, вы *слашкомъ*, повторяю, прямолинейны, вы не допускаете, что большому кораблю, какъ говорить пословица, требуется просторъ океана, а не лужа деревенскаго пруда. А я всегда, sans me flatter, чувствовала себя большимъ кораблемъ, Григорій Павлычъ; я не могла довольствоваться малымъ, не могла переносить нищенскаго существованія въ Юрьевѣ; мнѣ нужно было все, что можетъ только дать жизнь тому, кто сознаетъ себя способнымъ стать надъ нею владыкой... Я вышла замужъ; мнѣ нуженъ былъ прочный фундаментъ для моего будущаго зданія; я и взяла для него первый материалъ, какой давался мнѣ въ руки. Выбора у меня въ тогдашнемъ моемъ положеніи не было... Вы, промолвила она тутъ же со смѣхомъ, — „вы, принцъ“, какъ говоритъ Беатриса у Шекспира *), „годитесь только для праздниковъ“, а мнѣ нуженъ былъ мужъ для будней... Но вы ничего, ничего этого не хотѣли, не въ состояніи были понять, вскрикнула она словно съ отчаяніемъ, — вы перечеркнули меня и память обо мнѣ большимъ крестомъ съ той минуты, когда я рѣшилась, по-вашему, „продать себя“, выходя за monsieur Сусальцева.

Онъ все такъ же сосредоточенно молчалъ, уставившись машинально глазами въ ея державшую возжи лѣвую руку въ шведской по локоть перчаткѣ, застегнутой на двѣнадцать пуговицъ. „Въ какомъ романѣ“, проносилось у него въ головѣ, „читалъ я что-то совершенно похожее на эти слова?..“

— По-вашему, говорила она межъ тѣмъ съ возрастаю-

*) *Much ado about nothing.*

щимъ жаромъ, — я хотѣла богатства для богатства, а я въ немъ видѣла лишь двигательную силу...

— Она у васъ въ рукахъ теперь: счастливы-ли вы стали? поднятъ на нее строгіе глаза ея спутникъ.

— „Счастливы!“ повторила она чуть не плачущимъ голосомъ:—развѣ я въ такомъ случаѣ сидѣла бы здѣсь съ вами, увезя васъ *насилъно* отъ вашихъ „занятій“, добиваясь отъ васъ тщетно хоть одного слова прежней...—она какъ-бы искала надлежащаго выраженія,—прежней... *дружбы!* Счастливые забываютъ, а я ничего не забыла, какъ видите. Въ душѣ моей все та же жажда и та же мучительная, смертельная неудовлетворенность.

— Я это угадалъ, прошепталъ Гриша, —когда вы такъ весело, повидимому, такъ цинично,—извините меня за выраженіе,—разсказывали намъ въ тотъ разъ всѣ эти невѣроятныя парижскія исторіи.

— „Цинично?“ повторила она опять,—пожалуй, если ухо ваше не дослушалось той горечи, которая говорила за этими *циническими* словами моими. Вамъ никогда не приходило въ голову, Григорій Павлычъ, какое иногда хорошее чувство скрывается подъ грубымъ ругательствомъ и что смѣхъ иной разъ надрываетъ душу хуже самыхъ горячихъ слезъ?.. Я смѣюсь и проклинаяю, потому что благословить ничего не могу, поймите это!

Онъ внималъ ей, прислушиваясь со странною смѣсью изумленія и жалости къ этимъ ея спѣшнымъ, горячимъ, такъ мало обычнымъ ей рѣчамъ... „Или это ложь?“ говорилъ онъ себѣ,—„но она *прежде* никогда не лгала“...

Она неожиданно засмѣялась.

— Вообразите себѣ простаго русскаго мужика, котораго какая-нибудь волшебница перенесла бы въ роскошный дворецъ подъ южнымъ небомъ и стала бы кормить каждый день самыми изысканными гастрономическими блюдами. Онъ напелъ бы тутъ, что можетъ удовлетворить самый прихотливый вкусъ, отъ ласточкиныхъ гнѣздъ до соловьиныхъ языковъ римскаго пира, все, кромѣ одного, — своего роднаго ржанаго хлѣба. Какъ вы думаете, не зачахъ-ли бы онъ подъ

конецъ отъ этого режима? Сравненіе мое не элегантно, а между тѣмъ *voilà mon cas!* Я изнываю среди моей роскоши, среди всѣхъ этихъ *hommages*, вздоховъ и признаній, которыхъ навидѣлась, слышала я до оскомины, до отвращенія въ эти два года моего замужства. Я не даромъ практична, не даромъ *реальна*, Григорій Павлычъ, ухо мое не пропуститъ ни одной фальшивой ноты, а тутъ всѣ ноты фальшивы.

Она примолкла на мигъ. пышная грудь ея высоко и учащенно подымалась подъ тѣсно облегающимъ ее *джерси*...

— Да, глухо зазвучаль ея голосъ опять:—быть любимую—мечта каждой женщины, будь она чиста какъ Гретхенъ, преступна какъ леди-Макбетъ, или продажна какъ *Manon Lescaut*,—любимую исключительно, самоотверженно, безумно,.. *безъ ума*, подчеркнула она въ объясненіе.

Гриша старался не глядѣть на нее, старался улыбнуться равнодушно и насмѣшливо.

— Есть женщины холодныя, сказалъ онъ,—для которыхъ ничего этого не нужно.

Она засмѣялась опять.

— Какъ я, разумѣется, *un être froid et immaculé*, оставшаяся до сихъ поръ глухою ко всякому слову прельщенія, изъ какихъ бы устъ оно ни исходило: мнѣ при васъ говорилъ этотъ молодой человѣкъ, Гордынинъ?

— Да, при мнѣ.

— А вы что же, вѣрите или не вѣрите?

И она взглянула на него не то надменнымъ, не то вызывающимъ взглядомъ.

Онъ какъ бы не слышалъ вопроса и, обѣжавъ безповойными глазами окружавшее ихъ пространство:

— Куда же мы ѣдемъ, однако, Антонина Дмитриевна? спросилъ онъ поспѣшно.

— На край свѣта!..

Она хлестнула бичемъ по лоснившимся крупамъ своихъ пони, и легкій экипажъ понесся по дорогѣ чуть не съ быстрой локомотива, уносимаго паромъ.

— Антонина Дмитриевна, съ невольною тревогой прого-

ворилъ Юшковъ,—я васъ очень прошу или отвезти меня обратно въ городъ, или выпустить здѣсь на дорогѣ, я пѣшкомъ дойду.

— Къ чему! Это врюкъ, а я васъ прямо во Всесвятское доставлю.

— Не нужно этого, не нужно! воскликнулъ онъ испуганно.

Она захохотала опять своимъ злымъ смѣхомъ:

— Кого боитесь вы компрометтировать: меня, или себя самого? Обо мнѣ не беспокойтесь: репутація моя сдѣлана, ея не подорветъ сантиментальное путешествіе мое съ вами по проселкамъ ***скаго уѣзда.

Гриша внезапнымъ движеніемъ поднялся на-скаку со своего мѣста въ портшезъ:

— Я сейчасъ соскочу, если вамъ угодно продолжать эту шутку...

— Перестаньте, вы ногу себѣ сломите! вскрикнула она и откинулась всѣмъ тѣломъ назадъ, сдерживая разомчавшихся лошадей.

Она перевела ихъ на рысь и поворотила по направленію къ городу.

— Библейскій Іосифъ, Ипполитъ Расина, *)—не знаю ужъ, на кого вы болѣе походите,—довольны-ли вы?

— Вы себя однако не щадите, давая мнѣ такія лестныя названія, замѣтилъ Гриша, не удерживаясь болѣе отъ желанія сказать ей въ свою очередь что-нибудь колкое.

Но она только пожала плечами на это и уронила съ какою-то величавою небрежностью:

— Да, у женщинъ бываютъ иногда самые бессмысленные и глупые капризы...

— Проходящіе, къ счастью, такъ же скоро, какъ и приходятъ, сказалося на это Юшкову какъ-то совершенно безвольно.

— И къ большому еще ихъ счастью, преимущественно къ тѣмъ, кто этимъ пользоваться не умѣетъ, добавила она въ

*) Въ *Федру*.

свою очередь. И тутъ же, перемѣняя вдругъ эту беззащитную насмѣшливость рѣчи на тонъ дружескаго, заботливаго участія:

— Вы меня сейчасъ спросили, счастлива-ли я, я отвѣтила вамъ, какъ чувствовала. А *votre tour maintenant*, mon *ex-ami*, подчеркнула она:— счастливы-ли *вы*, скажите?

— Сколько это можетъ быть дано человѣку на землѣ, съ какою-то намѣренною преувеличенностью выраженія отвѣтилъ онъ ей.

— Примите всѣ мои поздравленія по этому случаю... И того же счастья ждете впереди?

Она глядѣла на него не смѣющимся и проникающимъ взглядомъ. Ему было не ловко отъ этого взгляда, онъ отвелъ отъ него глаза свои:

— Имѣю къ этому полное основаніе... если только ничего не перемѣнится въ моемъ настоящемъ положеніи, неопредѣленно выговорилъ онъ.

— И никакихъ *черныхъ точекъ* не предвидите на этомъ свѣтломъ горизонтѣ вашего будущаго? спрашивала она мягко, чуть не нѣжно.

Гришу начинало коробить:

— Какія тутъ могутъ быть точки!...

— Мало-ли! Разница лѣтъ, напимѣръ, права... Вѣдь Марья Борисовна, кажется, по паленькѣ пошла, *командиршей* смотреть... Или вы уже такъ привыкли вѣчно жить подъ чьимъ-нибудь гнетомъ, мой бѣдный Григорій Павлычъ, что васъ эта перспектива не страшитъ?

Его окончательно взорвало:

— Подчиняться тѣмъ, въ кого глубоко вѣришь, кого безпредѣльно уважаешь,—не гнетъ, а счастье, Антонина Дмитриевна! рѣзко промолвилъ онъ:— „страшиться“ дѣйствительно пришлось бы мнѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы рѣчи ваши были въ состояніи меня смутить.

Она выслушала эту суровую отвѣдь, не моргнувъ бровью; только уголки рта ея подергивало чуть замѣтное судорожное движеніе.

Такъ прошло нѣсколько минутъ въ натянутомъ съ обѣихъ

сторонъ молчаніи. Гришѣ становилось неловко: „грубо это вышло, грубо“, проносилось у него въ головѣ.

— Вотъ и городъ, промолвила его спутница:—мнѣ нечего тамъ дѣлать, а вы хотѣли, кажется, пѣшкомъ пройтись... Возвращаю вамъ вашу свободу, кивнула она ему, останавливая лошадей.

Онъ быстро высочилъ изъ портшеза, снялъ шляпу и робко протянулъ ей руку.

Она подала ему свою и слабо сжала его пальцы.

— Прощайте, Григорій Павлычъ, не знаю, гдѣ и какъ увидимся мы опять... Но помните одно—и въ голосѣ ея зазвучала не то страстная, не то надрывающая нота:—вы расклетесь рано или поздно въ томъ, что такъ безпричинно... и безразсудно, примолвила она вѣско,—отвергли искреннее участіе въ себѣ особы, для которой вы были единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ ея темномъ прошломъ. Вы сочли нужнымъ и это отнять у нея,—да будетъ по вашему!

Онъ хотѣлъ отвѣтить, объяснить, извиниться... Но она поспѣшно ударила возжей, и портшезъ, описавъ большой полукругъ по дорогѣ, быстро покатишь въ сторону Сицкаго, мелькая на солнцѣ мѣдными ободками своихъ фонарей и втулками быстро обрацавшихся колесъ.

XIX.

Гриша и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своей городской квартиры: такъ поглощенъ онъ былъ по пути къ ней одолѣвавшими его ощущеніями самаго разнорѣчиваго свойства. Внутри его было въ то же время и смутно, и бурно, и какая-то истома, будто послѣ усиленной мозговой работы. Онъ имѣлъ какъ бы полное основаніе быть довольнымъ собою, своею „неподатливостью“, своею „твердостью противъ искушенія“. Но онъ мучился уже тѣмъ, что *было* это искушеніе, что онъ *долженъ былъ* бороться противъ него и что борьба эта, сознавалъ онъ, была для него не легка. „Другому бы это было только смѣшно“, говорилъ онъ себѣ,—„а я страдалъ, страдалъ все время; этотъ голосъ со своимъ какимъ-то мѣдно-звонящимъ отливомъ, эти аквамариновые глаза, холоднымъ лучомъ своимъ проникающіе до самой глубины души твоей, они волновали меня, какъ и прежде, своею непонятною, проклятою властью. Я не далъ себя побороть ей, но еще одна такая бѣда, и я...“ Онъ не договаривалъ и болѣзненно сжималъ брови и стискивалъ зубы. Какъ всѣ слабые люди, онъ сознавалъ свою слабость и мучился ею даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ теперь, выходилъ повидимому торжествующимъ изъ испытанія. Но онъ не признавалъ себя торжествующимъ, такъ какъ коварныя рѣчи, противъ которыхъ протестовалъ онъ сейчасъ, успѣли тѣмъ не менѣе,—онъ это чувствовалъ,—влиять не мало своего остраго яда ему въ душу. Онъ подняли въ немъ опять не разъ смущавшія его мысли о „подчиненномъ“, о *подначальномъ* положеніи своемъ по отношенію къ

семьѣ Троекуровыхъ. И самолюбіе его опять начинало возмущаться противъ этой *подначальности*, и опять начинало его мучить сознание того *устричнаго* образа жизни „на деревенскихъ пажитяхъ“, которымъ „прожилъ онъ цѣлыя тридцать пять лѣтъ, не выдавъ еще себя никогда на полной своей волюшкѣ“, такъ какъ и самыя несчастныя поѣздки его въ Москву или Петербургъ имѣли всегда характеръ дѣловой, почти обязательный, а не вызывались просто, „какъ у всѣхъ“, желаніемъ развлеченія, свободнаго пользованія жизнью... И при этомъ безсознательно, помимо его воли, проносился въ его воображеніи рой соблазнительныхъ образовъ, какъ бы вызванныхъ, однимъ видомъ этой женщины, дышащей опаснымъ, но проникающимъ обаяніемъ той иной, невѣдомой ему области жизни, и ему казалось порой, что ему не совладать никогда противъ этого „навожденія“ ея лукавства, ея прелести...

Придя къ себѣ, онъ велѣлъ сейчасъ же закладывать, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ во Всесвятское.

Верстахъ въ дружъ отъ усадьбы нагнала его повернувшая съ проселка четверка подобранныхъ рысаковъ и коляска, въ которой сидѣла Александра Павловна Троекурова.

Увидавъ его, она крикнула кучеру своему остановиться и подозвала знакомъ молодого человѣка къ себѣ.

Онъ поспѣшилъ выпрыгнуть изъ экипажа и подбѣжалъ къ ней.

— Садитесь со мною, Гриша, одной такъ скучно ѣхать, засмѣялась она.

— Откуда это вы? спросилъ онъ, повинувась.

— Изъ Сицкаго, визитъ ѣздила отдавать, вмѣстѣ съ Настенькой Буйносовой; она собирается въ Москву и хотѣла проститься съ сестрой. Но мы ея не застали, чему я au fond была очень рада, весело подмигнула Александра Павловна:— она уѣхала въ городъ, сказалъ мнѣ ея мужъ. Вы не видѣли ея тамъ?

Гриша никакъ не ожидалъ этого вопроса:

— Н-нѣтъ, какъ-то совершенно безвольно отвѣтилъ онъ...

„Зачѣмъ, зачѣмъ я вру!“ молвилъ онъ тутъ же внутренно,

готовый взять сейчас же свое слово назадъ, сказать, что онъ обмолвился, что онъ не только ее видѣлъ, а даже... Но какъ же это сказать, объяснить, почему, выдержать, пока онъ будетъ это объяснять, пристальный взглядъ этихъ большихъ, честныхъ и печальныхъ, — „непремѣнно ужь будутъ печальны“, предвидѣлъ онъ, — „глазъ Машиной матери“... „И Маша въ этомъ случаѣ сейчас же узнаетъ и ей придется объяснять опять...“

— А Настасья Дмитриевна тамъ осталась? поспѣшилъ онъ спросить вмѣсто объясненія.

— Тамъ, да; beau frère упростиъ ее остаться у нихъ дня два... Онъ ее гораздо болѣе любитъ, чѣмъ родная сестра... C'est un très brave homme этотъ Сусальцевъ, а она...

И Александра Павловна, не договоривъ, съ укорительнымъ какъ бы выраженіемъ закачала головой.

— Я ей отдала визитъ, сказала она чрезъ мигъ, — и, надѣюсь, этимъ между нами кончится. Общаго между нами вѣдь очень мало, не правда-ли, Гриша?.. Вы хоть и были въ нее влюблены, засмѣялась она съ добродушнымъ лукавствомъ, — но вѣдь и вы съ этимъ согласитесь?

Гриша подумалъ, что звукъ его голоса выдастъ не улегшея еще внутри его смятеніе; онъ вмѣсто отвѣта наклонился къ рукѣ милой женщины и поднесъ ее къ губамъ.

Александра Павловна ошиблась, впрочемъ, рассчитывая на то, что послѣ ея визита въ Сидкое между блестящею его хозяйкой и обитателями Всесвятскаго „все будетъ кончено“. Ровно черезъ двое сутокъ послѣ этого ея визита знакомый намъ портшезъ и соловые пони остановились у крыльца, на которомъ Маша съ нѣкотораго времени приняла привычку усаживаться съ какою-нибудь ручною работою, рядомъ съ приходившею туда же Анфисой Дмитриевной Фирсовой, въ извѣстные часы дня; именно тѣ, когда исправляющій должность предводителя депутатъ дворянства возвращался, покончивъ свои занятія въ городѣ, домой; тутъ обыкновенно съ первой минуты, когда онъ выскакивалъ изъ тарантаса, и почти вплоть до самаго обѣда велись у нея съ нимъ безконечные, живые, веселые разговоры.

И теперь на шумъ колесъ экипажа, не виднаго еще ей за кустами большого сѣвера, расположеннаго посреди двора, она быстро оторвала глаза отъ работы и направила ихъ въ лихорадочномъ ожиданіи въ сторону, откуда долженъ былъ появиться онъ.

Въви ея тутъ же дрогнули подъ ощущеніемъ недочета и досады, которое она не могла скрыть.

Она увидала въ этомъ подѣзжавшемъ щегольскомъ экипажѣ, рядомъ съ Настасьей Дмитриевной Буйносовой, сестру ея—женщину, „противнѣе которой ничего для нея не было въ мірѣ“.

А та, завидѣвъ ее въ свою очередь, закивала ей еще изда- лека съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ.

— Bonjour, chère mademoiselle, je vous ramène ma soeur, говорила она, подѣзжая подъ самое крыльцо: — она у васъ чувствуетъ себя гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Сицкомъ, и я не въ силахъ была удержать ее дольше. Je vous la rends...

Маша, отвѣтивъ на это холоднымъ поклономъ, сбѣжала со ступенекъ къ выходившей изъ портшеза Настасьѣ Дмит- риевнѣ.

Онѣ нѣжно обнялись подъ прищуреннымъ на нихъ, „не- доброжелательнымъ и насмѣшливымъ“, чужла Маша, взглядомъ Сусальцевой. Она все такъ же сидѣла на своемъ мѣстѣ съ возжами и бичемъ въ рукахъ, видимо не намѣреваясь выхо- дить изъ экипажа, или, что, быть можетъ, было вѣрнѣе, ожи- дая, чтобы молодая хозяйка пригласила ее „войти въ домъ“.

Маша, со своей стороны, знала, что это была ея „прямая обязанность“ и что отъ матери „ей будетъ непремѣнно замѣ- чаніе за то, что она этого не сдѣлала“,—но нѣтъ, это было „просто сверхъ ея силъ!“

— Ты когда же думаешь рѣшительно въ Москву? спра- сива сестру красивая барыня, — я бы могла пріѣхать прово- дить тебя на желѣзную дорогу.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, живо возразила Ларина, — ты вдругъ пріѣдешь, а меня нѣтъ; я еще сама навѣрно не могу сказать!..

— Какъ знаешь, равнодушно уронила та. — Желаю тебѣ

всякаго успѣха!.. Madame Өирсовъ, здравствуйте! милостиво кивнула она, только теперь будто замѣтивъ скромную докторшу, бывшую у нея посаженою матерью.

Та молча поклонилась ей съ высоты крыльца.

Сусальцева натянула возжи, какъ бы собираясь сейчасъ уѣзжать, но вдругъ словно вспомнила:

— Григорій Павлычъ Юшвовъ здѣсь или въ городѣ? спросила она, глядя чрезъ головы дамъ на вышедшаго изъ передней на шумъ экипажа слугу.

Но за него поспѣшно, съ загорѣвшимися глазами, отвѣтила Маша:

— Онъ въ городѣ... А вамъ нужно его видѣть?

— Да, небрежно выговорила Антонина Дмитріевна, — въ тотъ разъ, когда мы ѣздили съ нимъ, я не успѣла все ему сказать...

„Вы ѣздили съ нимъ, когда, зачѣмъ?“ чуть не крикнула Маша, — у нея помутилось въ глазахъ, но она удержалась всѣмъ напряженіемъ воли, всею проснушеюся мгновенно въ душѣ ея гордостью. Она даже нашла силу усмѣхнуться и проговорить, насколько была въ состояніи, равнодушнымъ тономъ:

— Я ему скажу, что вамъ нужно его видѣть; онъ вѣроятно поспѣшитъ сдѣлать все, чтѣ вамъ угодно.

— Merci, vous êtes charmante! очаровательно улынулась ей еще разъ Сусальцева:—передайте ему пожалуйста, потому что сегодня я въ городѣ не буду, не увижу его.

Она тронула лошадей своихъ и укатила, между тѣмъ какъ Ларина направлялась къ павильону въ саду, гдѣ жила она во Всесвятскомъ.

— Машенька, чтѣ съ вами! вскрикнула испуганно Анфиса Дмитріевна, оставшись на крыльцѣ вдвоемъ съ дѣвушкой и взглядываясь въ ея поблѣднѣвшее какъ холстъ лицо.

— Вы слышали? онъ съ нею куда-то ѣздилъ... И ничего не сказалъ, пропустила Маша сквозь нервно стиснутые зубы.

— Такъ вѣдь и вретъ, можетъ быть, ничего ей не стѣдить, старалась успокоить ее Өирсова.

— Нѣтъ, погодите... Это было въ четвергъ, когда мама

ѣздила къ ней съ визитомъ въ Сицкое; ей тамъ сказали, что она уѣхала въ городъ... Я сейчасъ узнаю!

Она вскинулась съ мѣста, какъ спугнутая съ вѣтки птица, и побѣжала въ покои матери.

Александра Павловна сидѣла за письменнымъ столомъ и своимъ длиннымъ и крупнымъ англійскимъ почеркомъ писала въ Москву пріятельницѣ своей, Лизаветѣ Ивановнѣ Срѣтенской, съ которою состояла въ вѣчной перепискѣ по разнымъ дѣламъ благотворенія, на чтѣ сердобольная маленькая особа постоянно выпрашивала у нея денегъ. Предъ нею лежало нѣсколько крупныхъ, только-что вытребованныхъ ею изъ конторы ассигнацій, имѣвшихъ сопровождать письмо; но, слышавъ шумъ дочернихъ шаговъ, она торопливо подсунула ихъ подъ бюварь (никто и никогда, по ея правиламъ, не долженъ былъ знать, кому и какъ она помогаетъ).

— Мама, вскрикнула съ-оника Маша, влетая къ ней въ кабинетъ, — два дня тому назадъ, въ четвергъ, когда ты возвращалась отъ этой... отъ Сусальцевыхъ, ты съѣхалась съ *Григоріемъ Павловичемъ*, какъ бы невольно подчеркнула она это необычайное ей обозначеніе Юшкова именемъ его и отчествомъ, — онъ ѣхалъ изъ города, и ты пересадилла его къ себѣ въ коляску и привезла?

— Да, конечно, отвѣтила Троекурова, глядя на дочь во всѣ глаза.

— Онъ не говорилъ тебѣ, что видѣлся тамъ съ *этою госпожею*, и что они даже ѣздили куда-то вмѣстѣ?

У Александры Павловны отъ тревожнаго изумленія даже вспыхнула краска на лицѣ:

— Нѣтъ, Маша, не говорилъ... Я даже, помню, спросила его, не встрѣтился-ли онъ съ нею въ городѣ, потому что мнѣ въ Сицкомъ сказали, что она туда уѣхала, и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Значить, онъ солгалъ... Солгалъ! съ какимъ-то неодолимымъ выраженіемъ омерзѣнія выговорила дѣвушка и опустилась разомъ, будто подкошенная, на кресло противъ матери.

— Другъ мой, чтѣ это ты, почему ты знаешь! пролепе-

тала та, стараясь сохранить все свое хладнокровіе и все сильнѣе волнуясь между тѣмъ.

— Она была здѣсь сейчасъ, Настасью Дмитріевну привезла обратно, и говорила прямо при ней и при Анфисѣ Дмитріевнѣ, что „въ тотъ разъ“, въ четвергъ то-есть, непремѣнно, она куда-то съ нимъ ѣздила и не успѣла всего сказать ему, что хотѣла. Такъ нельзя при всѣхъ лгать... Она говорила правду! И даже спросила еще, дома-ли онъ... чтобъ опять съ нимъ куда-нибудь ѣхать, вѣрно! со взрывомъ негодованія домолвила Маша.

Александра Павловна растерянно глядѣла на дочь, не находя ни единого слова въ отвѣтъ ей, въ утѣшеніе. Прошло нѣсколько минутъ въ какомъ-то оцѣпенѣломъ съ обѣихъ сторонъ молчаніи. Маша недвижнымъ взглядомъ уставилась въ противоположную стѣну, на которой висѣлъ въ большой золотой рамѣ портретъ бабушки ея, Лукояновой, и словно такъ и замерла на немъ.

Но вотъ она внезапно оторвалась отъ него и, обернувшись къ матери чуть-чуть примигивавшими глазами (она ужасно напомнила отца своего въ эту минуту), заговорила совершенно спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— Вотъ видишь, мама, тутъ, можетъ быть, ничего нѣтъ дурнаго; она, можетъ быть, пригласила его поѣхать съ нею въ лавки, или куда-нибудь, все равно... Но онъ солгалъ, мама, понимаешь ты, *солгалъ*, и я этого перенести не могу... Ты объяснись съ нимъ, или не объяснись, это какъ знаешь, а я не могу, не могу, я не хочу его видѣть!..

— Маша, какъ же это? вскрикнула Александра Павловна:—ты сама говоришь, что тутъ, можетъ быть, ничего нѣтъ дурнаго и какое-нибудь недоразумѣніе вышло, а онъ, можетъ быть, въ разсѣянности отвѣчалъ мнѣ „нѣтъ“ вмѣсто „да“... И какъ же это ты сдѣлаешь, чтобъ не „видать“ его, когда живемъ мы въ одномъ домѣ, и онъ обѣдаетъ съ нами, и все...

— Мама, какъ хочешь, и голосъ Маши зазвучалъ тѣмъ металлическимъ отгѣнкомъ, который еще разъ напомнилъ Трекуровой ея мужа въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда не въ силахъ бывалъ онъ сдержатъ пронимавшего его возбужденія мысли

или чувства,—но я сказала, какъ *есть*: видѣть его теперь я не могу. Пусти меня уѣхать отсюда!

— Куда это, куда? совсѣмъ перепугалась Александра Павловна.

— Вася давно уже просился у тебя ѣхать въ Саратовскую пустынь съ Вячеславомъ Хлодоміровичемъ, и ты общала ему, только все не рѣшаешься спросить папа, боясь, что это ему не понравится. Я сейчасъ къ папа схожу и скажу, что и мнѣ хочется туда и что съ нами поѣдетъ Анфиса Дмитріевна,—она конечно не откажетъ, если я попрошу ее... А не то отпусти меня къ тетусѣ Бородиной; она тебѣ еще на прошлой недѣлѣ писала, прося, чтобы я пріѣхала погостить на недѣлю. Это даже лучше, потому что папа ее любитъ и къ ней отсюда по желѣзной дорогѣ всего два часа ѣзды.

Но бѣдная мать все еще не въ состояніи была „сообразить“, уяснить себѣ, насколько „серьезны“ были побужденія, вызывавшія это неожиданное рѣшеніе дочери.

— Маша, заговорила она, слегка заикаясь,—въ какое же думаешь ты теперь стать положеніе съ... Гришей?.. Est-ce que tu voudrais rompre avec lui? сама, словно испугавшись своей мысли, досказала она шопотомъ.

— Не знаю, мама, ничего не знаю! пылко возразила дѣвушка,—только мнѣ надо успокоиться, а не то я Богъ знаетъ чтѣ сдѣлаю, чувствую!... Папа не нужно объ этомъ говорить, будто спохватилась она тутъ же,—онъ не какъ ты, онъ *строже* смотреть... Сходи въ нему сейчасъ, мамашечка, и скажи просто, что мнѣ очень хочется къ тетусѣ Бородиной. Поѣздъ отходить на *** въ 6 часовъ 5 минутъ, я знаю, а у *нею* сегодня въ городѣ присутствіе, и *онъ* раньше семи оттуда не вернется. Такъ и прекрасно будетъ: мы съ нимъ не встрѣтимся.

„Пожалуй, такъ лучше: она такая *цѣлная*, toute d'une piéce, пусть успокоится, а не то и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ на первыхъ порахъ, чтѣ готова сдѣлать“, рѣшила Александра Павловна послѣ видимаго долгаго колебанія, и закрыла свой бюваръ съ начатымъ письмомъ.

— Хорошо, сказала она,—я пойду къ твоему отцу. А ты пойдй сюда, tête folle, я тебя поцѣлю.

Маша прыгнула съ мѣста, перебѣжала мимо стола въ матери, пала предъ нею на колѣни и со внезапнымъ рыданіемъ уронила ей голову на грудь.

Слезы ручьемъ брызнули на это въ отвѣтъ и у Александры Павловны. Она стремительно захватила обѣими руками эту бѣлокурую головку, прижимая ее къ себѣ и цѣлуя эти заплаканные глаза.

— Ну полно, Машутка, полно, сумасшедшая, шептала она,—все объяснится, все хорошо будетъ: грѣхъ тажъ отчаиваться... и стыдъ, Маша.

Маша не даромъ была дочь своего отца: она вся какъ-то разомъ *собралась*, пришла въ себя; по свѣжимъ губамъ ея скользнула улыбка:

— Правда твоя, мамашенька, грѣшно и стыдно; вотъ я и тебя, мою святую, довела до слезъ...

Она вырвала платокъ изъ рукъ матери и стала въ свою очередь отирать имъ глаза ей и страстно цѣловать ихъ:

— Дай я благословлю тебя, голубка моя мамаша, чтобы тебѣ легче итти было предъ грознаго судію, уже смѣялась она, насилуя себя на веселость,—а я тебя тутъ подожду... И въ твои секреты заглядывать не буду, добавила она, кивнувъ на бюварь.

Александра Павловна невольно усмѣхнулась, покачала въ видѣ шутливаго упрека головой и отправилась на половину мужа.

Онъ сидѣлъ въ библіотекѣ и читалъ, низко, по обыкновенію, склонившись надъ книгой, со слегка прищуренными глазами.

Онъ поднялъ ихъ на входившую жену и тотчасъ же замѣтилъ, какъ ни старалась казаться она спокойною, слѣды только-что испытаннаго ею волненія...

— Чтѣ такое? вырвалось у него съ невольною тревогой.

Она торопливо усмѣхнулась:

— Ничего, Борисъ, рѣшительно ничего... Отчего ты думаешь?

— Мнѣ показалось, что ты...

— Тебѣ „показалось“, именно, ничего нѣтъ... Я хотѣла тебѣ только сказать, что la cousine Bogodine очень просила отпустить къ ней Машу погостить на нѣсколько дней...

— Да, знаю; ты мнѣ, кажется, еще на прошлой недѣлѣ говорила?

— Да... и Машѣ очень хочется къ ней ѣхать, не совсѣмъ твердымъ голосомъ произнесла Александра Павловна.

Онъ внимательно глянулъ ей въ лицо:

— Давно-ли это? Она тогда говорила, что ей „нѣ-зачѣмъ къ чужимъ, когда и дома хорошо“.

Она слегка покраснѣла и отвѣтила съ видомъ беззаботности, плохо ей удававшейся:

— Carice de jeune fille, ты знаешь...

— Этого до сихъ поръ въ ней не было замѣтно, возразилъ онъ какъ бы про себя, задумался и чрезъ мигъ спросилъ опять:—когда же хочетъ она ѣхать?

— Сегодня же, Борисъ; поѣздъ изъ города отходить въ 6 часовъ 5 минутъ,—она приѣдетъ къ Бородинымъ какъ разъ къ вечернему чаю... Анфиса Дмитриевна отвезетъ ее и вернется съ ночнымъ поѣздомъ.

— Когда же она объявила тебѣ о своемъ желаніи ѣхать?

— Сейчасъ вотъ приходила ко мнѣ.

Брови Троекурова сжались; онъ задумался опять, взгляды вая отъ времени до времени на жену, какъ бы вызывая ее этимъ нѣмымъ вопросомъ на дальнѣйшее объясненіе. Но Александра Павловна молчала, и только краска, то сбѣгая, то покрывая опять ея щеки, свидѣтельствовала о томъ волненіи, которое снова охватывало ее всю.

— Это не проста, не изъ „каприза“, проговорилъ наконецъ Борисъ Васильевичъ,—но я не спрашиваю, живо примолвилъ онъ, останавливая движеніемъ руки чаемый имъ отвѣтъ жены,—если ты не находишь нужнымъ сказать мнѣ, мнѣ и знать не нужно.

— Борисъ, милый, востылинула встревоженно она, — повѣрь, что если бы было что-нибудь важное...

Онъ остановилъ ее еще разъ:

— Развѣ я этого не знаю, другъ мой! онъ протянулъ ей руку и нѣжно пожалъ ей заходившіе пальцы:—ты должна помнить, что я всегда и во всемъ вѣрю болѣе инстинктамъ твоего сердца, чѣмъ самымъ мудрымъ соображеніямъ... Да и дочери твоей инстинкту вѣрю, добавилъ онъ какъ-то особенно вѣско,—скажи ей, чтобъ она ѣхала съ Богомъ, коли разсудила, что ей такъ надо.

Онъ усмѣхнулся и прибавилъ:

— И даже можетъ не приходиться прощаться со мною, если думаетъ, что почему-нибудь ей будетъ при этомъ *неловко*.

Александра Павловна охватила его шею рукой и нѣжно прижалась губами къ его лбу:

— Лучше тебя человѣка нѣтъ на свѣтѣ, Борисъ!

XX.

Гриша вернулся во Всесвятское часу въ восьмомъ — онъ пообѣдалъ въ городѣ, — и прошелъ прямо къ отцу: состояніе его здоровья съ нѣкоторыхъ поръ, какъ замѣчалъ Гриша, заставляло задумываться Николая Ивановича Өирсова. Онъ засталъ у него толстаго-доктора, видимо старавшагося разсѣять большаго кажими-то смѣхотворными разсказами отъ чего-то (сынъ это сейчасъ же прочелъ на лицѣ отца), явно тревожившаго старика.

Объясненіе этого чего-то не замедлило:

— А ты знаешь, едва вошелъ онъ въ комнату, обратился къ нему Павелъ Григорьичъ, — „райская-то птичка наша“, какъ называлъ ее покойный Василій...

— Марья Борисовна! всликнулъ съ кажимъ-то внезапнымъ предчувствіемъ „несчастія“ Гриша.

— Да.

— Чтò же... она...? не былъ въ силахъ договорить онъ.

— Улетѣла.

— Какъ улетѣла?..

Докторъ насилувано (Гриша это чутьемъ почуялъ,) расхотался:

— Какъ взлетаютъ вообще пернатія—взмахнутъ крыльями и прр...! Пристала къ Александрѣ Павловнѣ графиня Бородина: пришли да пришли твою красавицу погостить ко мнѣ. Той и не хотѣлось, и отълаживала... а тутъ вдругъ рѣшилась, какъ это у нихъ всегда бываетъ, —возьму-моль и поѣду. И поѣхала съ женой моею на нѣсколько дней. Очень просто.

— Нѣтъ, недовѣрчиво закачалъ головой старшій морякъ, пытливо и съ новою тревогой вглядываясь изподлобья въ лицо сына,— не такъ просто, какъ вы говорите. Прибѣжала она ко мнѣ проститься, и пяти минутъ посидѣть не хотѣла. „Спѣшу“, говоритъ, „ѣхать надо“, разцѣловала въ обѣ щеки, и вонь! Только лицо ея темнѣе тучи и сдерживается, вижу, насилу, чтобы не расплакаться... Вышло у тебя что-нибудь съ нею, суровымъ тономъ вырвалось у него вдругъ.

— Чтѣ же могло выйти, батюшка? трепетно возразилъ Гриша:— мы у васъ всѣ вмѣстѣ вечеромъ сидѣли, и вы видѣли сами, какъ она была весела и, по обыкновенію... *дружелюбна со мною*. А сегодня я уѣхалъ въ городъ до завтрака и не видѣлъ ея.

— Не знаю, протянулъ неопредѣленно старикъ и опустилъ голову опять.— Ну, а ты чтѣ же такъ поздно вернулся сегодня, спросилъ онъ чрезъ мигъ, стараясь видимо отвлечься отъ волновавшихъ его мыслей, — особенное что-нибудь было, новое?

— Н-нѣтъ, ничего особеннаго, пролепеталъ Гриша, насколько могъ твердо.

„Особенное“ и „новое“ было, напротивъ, имъ получено въ этотъ день, а именно — официальное письмо на его имя отъ губернскаго предводителя, съ предложеніемъ созвать экстраординарное собраніе ***скаго дворянства для выбора преемника выбывшему изъ должности Павлу Григорьевичу (новый, очевидно, враждебный ему губернаторъ не терялъ времени, какъ могъ изъ этого убѣдиться Гриша). Но сообщить объ этомъ отцу въ эту минуту онъ не почелъ возможнымъ: это значило бы еще болѣе растревожить старика. „Переговорю лучше прежде съ Борисомъ Васильевичемъ“, рѣшилъ онъ внутренно... Его къ тому же разбирало самое мучительное волненіе, хотѣлось скорѣе разузнать, чтѣ могло дѣйствительно побудить Машу къ этому ея внезапному, „невѣроятному“ отъѣзду „безъ слова объясненія, безъ намека на него. Она еще вчера рѣшительно не хотѣла ѣхать“, вспоминалъ онъ,— и вдругъ“...

Глаза его безпокойно перебѣгали отъ отца къ доктору.

„Онъ все знаетъ, Николай Ивановичъ“, чуялъ онъ—, и скрываетъ, и нарочно отворачиваетъ глаза отъ меня. Чтò же случилось, Господи!.. Неужели“... И сердце его нестерпимо забилось теперь въ груди: о *прогулкѣ* его съ Сусальцевой, сказалось ему совершенно ясно, тѣмъ или другимъ путемъ дошло до нея...

— Я еще никого изъ нашихъ не видалъ сегодня, сказала онъ громко съ притворнымъ равнодушиемъ и въ то же время стараясь еще разъ уловить видимо избѣгавшій его взгляда взглядъ доктора.

— Ступай, ступай, поспѣшно промолвилъ Павелъ Григорьевичъ, — да скажи, коли спросятъ, что я ихъ опять жду чай пить ко мнѣ сегодня.

— А я вамъ не совѣтую, воскликнулъ на это Фирсовъ, — вы нынче утомлены, спать вамъ лечь раньше слѣдуетъ.

— Ну, тамъ увидимъ! Сами вы сегодня соломенный вдовецъ, останетесь у меня чаевать; тамъ, коли чтò, скажете въ свое время, а я пока чувствую себя ничего.

Гриша поцѣловалъ руку отца и вышелъ со спокойнымъ видомъ изъ комнаты. Но съ лѣстницы слетѣлъ онъ со стремительностью двадцатилѣтняго юноши.

Онъ быстро пошелъ чрезъ садъ по направленію покоевъ Бориса Васильевича.

Въ большой аллеѣ кинулся ему въ глаза обликъ Лариной, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, сидѣвшей на скамьѣ съ книгой въ рукѣ.

— Настасья Дмитріевна! проговорилъ онъ, невольно оставиваясь.

— Ахъ, это вы, Григорій Павлычъ, произнесла она въ свою очередь съ необычайною ей живостью:—вы только-что вернулись?

— Да, сказалъ онъ, подходя,—только-что...

— И знаете?..

Голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ.

— Объ отъѣздѣ Марьи Борисовны? необинуясь договорилъ онъ за нее:—знаю... Чтò побудило ее къ этому, скажите ради Бога, если это вамъ извѣстно! вскрикнулъ онъ неудержимо.

Она медленно повела головой внизъ.

— Да, и могу вамъ сказать, потому что, полагаю, это вамъ нужно знать, медленно выговорила она.—Садитесь сюда, Григорій Павлычъ!

И она кивнула на мѣсто подлѣ себя на скамьѣ.

Онъ повиновался.

Въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ гостила она во Всесвятскомъ, очутились они наединѣ. Они до этой минуты словно по какому-то нѣмому соглашенію избѣгали другъ друга. Въ присутствіи ея Гриша чувствовалъ какую-то странную неловкость, которую и онъ едва былъ въ силахъ скрывать, и на первыхъ же порахъ подмѣтили все видѣвшіе глаза Маши, не разъ подсмѣивавшейся надъ нимъ по этому поводу. „Не похожа на старшую сестрицу, такъ и не имѣетъ счастья вамъ нравиться“, говорила она ему... Чтò сказывалось въ сердцѣ Лариной при видѣ чловѣка, перваго, „единственнаго“, о которомъ въ мучительные дни многострадальной жизни своей въ Юрьевѣ думала она съ размягченнымъ, полнымъ невѣдомой ей до тѣхъ поръ сладостной тревоги чувствомъ, мы не знаемъ. Но дни эти были уже далеки, и ничего не хотѣла теперь болѣе *любить* Настасья Дмитриевна, ничего, кромѣ своего искусства... Ничто и въ настоящую минуту не говорило въ ней, кромѣ горячаго желанія „помочь“ *ему*, „помирить“ съ *нею*,—съ этимъ „прелестнымъ молодымъ созданіемъ“, къ которому влеклась она какимъ-то двойнымъ чувствомъ сердечнаго сочувствія и артистическаго восхищенія.

— Сестра была здѣсь сегодня, начала она прямо.

— Сестра ваша! повторилъ, замирая, Гриша.

— Да... и спрашивала про васъ, говоря, что не успѣла сказать вамъ все, чтò хотѣла, когда вы—она не сказала, когда именно,—ѣздили куда-то вмѣстѣ, и что ей надобно поэтому опять васъ видѣть...

— При Марьѣ Борисовнѣ говорила? съ судорожною поспѣшностью спросилъ онъ.

— Она ее именно просила передать вамъ:

Онъ схватился за голову:

— Чтò же сказала на это... Маша?..

— Что она исполнить ея порученіе.

— А потомъ?..

— Я тутъ ушла къ себѣ переодѣться послѣ дороги, а затѣмъ зашла къ Александрѣ Павловнѣ и узнала отъ нея, что Марья Борисовна сегодня же ѣдетъ къ теткѣ...

— Какъ же, какъ же говорила она вамъ объ этомъ? спрашивалъ онъ самъ не свой: — не говорила, не намекала ни на что?

— Я не могла не замѣтить, что на душѣ у нея было не хорошо, и мнѣ тутъ же пришло въ голову, что этотъ внезапный отъѣздъ имѣлъ причиной то, что сказала сестра. Но сама Александра Павловна ни словомъ не намекнула на это, а я конечно не рѣшилась спросить.

— А Маша?.. Марья Борисовна что? Видѣли вы ее предъ отъѣздомъ?

— Она забѣгала ко мнѣ проститься, извинялась, милая, за „неучтивость“, говоря, что „должна, непременно должна уѣхать“.

— И не объяснила, почему?..

— Объяснила, Григорій Павлычъ; отвѣтила не сейчасъ Ларина и вздохнула:—я спросила ее, отчего же такъ внезапно, такъ неожиданно рѣшилась она на этотъ отъѣздъ. „Спросите вашу сестрицу“, отвѣтила она и тутъ же убѣжала стремглавъ, видимо не желая ни слова сказать больше.

— Ахъ, эта ваша „сестрица“! вырвалось у Гриши стономъ.

Онъ схватилъ обѣ ея руки, сжавъ до боли.

— Такъ слушайте же, слушайте, что она со мной сдѣлала; я считаю себя въ полномъ правѣ рассказать это вамъ!

Онъ передалъ ей спѣшно, горячо, стараясь не забыть ни малѣйшей подробности и постоянно путаясь въ словахъ отъ волненія, весь эпизодъ „нежданной, негаданной“ прогулки своей съ Антониной Дмитріевной, этой „проклятой прогулки“, говорилъ онъ, безсильный уже умѣрять свои выраженія.

Ларина слушала его глубоко внимательно и печально; горькая улыбка поводила то-и-дѣло углы ея сжатыхъ губъ. Она „узнавала сестру“ въ этомъ холодномъ, въ этомъ лукавомъ прельщеніи...

— Да, протянула она, когда онъ кончилъ,—Тоня не пере-
мѣнилась, она все та же, безсердечная, беспощадная... Бере-
гитесь ея, Григорій Павлычъ, вырвалось у Настасьи Дми-
тріевны какимъ-то глухимъ взрывомъ,—она сама несчастна
въ душѣ и не переноситъ счастья другихъ... Я понимаю те-
перь, она нарочно захотѣла сама отвезти меня сегодня сюда,
чтобъ имѣть случай сказать Марьѣ Борисовнѣ то, чтѣ сказала,
зная, что встревожитъ этимъ пылкое молодое сердце.

— Вѣдь это просто изъ одного желанія зла, безо всякаго
сколько-нибудь уважительнаго побужденія! всклинулъ Гриша.
Ларина повачала головой.

— Не совсѣмъ такъ! Уязвить, нанести сердечную рану
она намѣрена была, это само собою; но при этомъ, повѣрь-
те, и сама она страдаетъ. Любить она едва-ли кого въ со-
стояніи, но едва-ли кѣмъ, я убѣждена, дорожить она въ эту
минуту болѣе, чѣмъ вами, потому именно, что вы ушли изъ-
подъ ея власти и отдали сердце другой.

— Она въ этомъ сомнѣвается, сказалъ онъ съ горечью,—
она прямо говорить, что послѣ ея нельзя полюбить другую.

— И говорить это, вполне въ этомъ увѣренная, я знаю,
и въ то же время терзается не то ревностью, не то досадою;
душа ея—темный лабиринтъ, изъ котораго сама она не знаетъ,
какъ выйти на свѣтъ солнечный... Берегитесь ея, Григорій
Павлычъ! горячо произнесла Ларина.

— Я надѣюсь никогда болѣе не имѣть случая встрѣтиться
съ нею! чуть не закричалъ въ возбужденіи своемъ Гриша,—
она поступила со мною, какъ злѣйшій врагъ, предательски по-
стыдно... но это должно разъясниться для всѣхъ, для Маши,
и вы, именно вы можете это сдѣлать. Она, Марья Борисовна,
полюбила васъ, Настасья Дмитриевна, я знаю, и очень ува-
жаетъ; она повѣритъ вамъ, если вы ей напишете *все*, какъ я
вамъ рассказалъ, и узнаетъ, почему въ первую минуту я ни-
чего не сказалъ объ этой прогулкѣ Александрѣ Павловнѣ, не
придавая этому значенія и смущаясь въ то же время... ну да,
смущаясь передавать объ этой попыткѣ сестры вашей... *ис-*
кусить меня что-ли... не знаю ужъ право, какъ сказать, но
вы понимаете меня, надѣюсь?

Она слабо усмѣхнулась.

— Понимаю, Григорій Павлычъ, и объясню Марьѣ Борисовнѣ, какъ съумѣю. Я напишу ей сегодня же, чтобъ она завтра утромъ получила письмо.

— Спасибо вамъ отъ души!

Онъ встряхнулъ ей руку крѣпкимъ дружескимъ пожатіемъ и поднялся съ мѣста.

— Я еще никого не видѣлъ сегодня; иду къ Борису Васильевичу... ни онъ, ни Александра Павловна, это напередъ можно сказать, ни словомъ, ни взглядомъ не намекнуть мнѣ обо всемъ этомъ; я со своей стороны никакого объясненія вызывать не стану, надѣясь на благотворную силу вашего письма, договорилъ Гриша съ умоляющимъ оттѣнкомъ въ голосѣ,—которое избавить меня, надо полагать, отъ тяжелаго... и глупаго положенія какаго-то подсудимаго на скамьѣ обвиняемыхъ.

— Я сейчасъ же пойду писать, отвѣтила она ему на это, подымаясь съ мѣста въ свою очередь.

У Бориса Васильевича Гриша засталъ бывшаго исправника Ипатьева, гостившаго уже третьи сутки во Всесвятскомъ и поступавшаго, по предложенію Троекурова, главноуправляющимъ его малорусскими имѣніями. Они были заняты разсмотрѣніемъ всевозможныхъ документовъ по этимъ имѣніямъ, которые хозяинъ вынималъ одинъ за другимъ изъ особаго большаго портфеля и, окинувъ ихъ взглядомъ, передавалъ затѣмъ Ипатьеву, дѣлавшему по нимъ какія-то отмѣтки въ своемъ бумажничѣ.

— Вы заняты? сказалъ Юшковъ, входя и раскланиваясь.

— Сейчасъ кончаемъ... Вы не мѣшаете, Гриша, и знакомы со всѣмъ этимъ, примолвилъ Троекуровъ (молодой человекъ дѣйствительно былъ досконально знакомъ со всѣми дѣлами Бориса Васильевича и ревизовалъ даже раза два на мѣстѣ, по его порученію, управляющихъ этими его имѣніями въ Малороссіи).

Гриша присѣлъ. Борисъ Васильевичъ передалъ послѣдній документъ изъ лежавшихъ въ портфелѣ Ипатьеву и обернулся къ нему:

— Засидѣлись сегодня въ городѣ! произнесъ онъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ, но въ которомъ Гришѣ, въ его душевной тревогѣ, почуялось будто что-то холодно на-смѣшливое.

— Бумагу получилъ отъ губернскаго предводителя, поспѣшилъ онъ отвѣтить, — съ предложеніемъ созвать дворянство для новыхъ выборовъ на мѣсто батюшки.

— А, успѣли ужь!

Ипатьевъ записалъ въ бумажникъ номеръ переданнаго ему документа и поднялъ голову:

— Объ этомъ самомъ, должно быть, и писалось господиномъ губернаторомъ предводителю въ *губернію* изъ Лупандинской усадьбы, когда онъ тамъ былъ. Въ пакетѣ съ бумагами, доставленномъ мнѣ отсюда отъ него, было и это письмо для отправки по почтѣ.

— А тотъ, само собою, поспѣшилъ исполнить желаніе его превосходительства, презрительно уронилъ Троеуровъ.

— И не совсѣмъ законно, замѣтилъ Юшковъ:— по 247 статьѣ тома IX о дворянствѣ, „если кандидатъ уѣзднаго предводителя, имѣющій замѣнять его въ случаѣ отсутствія или болѣзни, не можетъ по той или другой причинѣ исправлять эту должность, то она поручается депутату дворянства, а если и этотъ не можетъ, то въ должность вступаетъ старшій засѣдатель опеки“—до новыхъ выборовъ, разумѣется.

— Да, но въ предъидущей статьѣ, взгляните — и Борисъ Васильевичъ кивнулъ на одну изъ половъ библіотеки, на которой разставлена была вся многотомная коллекція Свода Законовъ, — сказано, что „когда откроется вакансія уѣзднаго предводителя дворянства, и для замѣщенія ея не будетъ кандидата, или онъ занять ее не можетъ, то она замѣщается во *всякомъ случаѣ* по выборамъ дворянства, подъ руководствомъ депутата, хотя бы и до общей баллотировки оставалось мѣнѣе года“. Назначить новые выборы со стороны губернскаго предводителя совершенно законно, какъ и со стороны губернатора имѣется законное основаніе напомнить ему объ этомъ... Само собою, если бы тутъ не было задней мысли, они оста-

вли бы status quo до общихъ выборовъ въ ноябрѣ, но отступленія отъ закона тутъ нѣтъ никакого.

Гриша снялъ съ поля IX томъ, перечель указанную статью и послѣднія, не приведенныя Троекуровымъ, строил ея редакціи:

„При семъ дворянству предоставляется избирать предводителя или только до общихъ выборовъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ и на слѣдующее трехлѣтіе“.

— Да, въ этомъ весь фортель, сказалъ Ипатьевъ,—имъ требуется скорѣе выбрать своего человѣка, и они, разумѣется, потребуютъ избрать его на трехлѣтіе. Онъ же у нихъ готовъ въ лицѣ этого *protégé* губернатора. Въ уѣздѣ большая агитація идетъ въ пользу его.

Троекуровъ молчалъ, медленно проводя рукой по усамъ.

— Чтò же, какъ-то невольно вскрикнулъ Гриша,—пусть его и выбираютъ, я баллотироваться не стану.

— Это почему же? поднялъ на него холодно вопросительные глаза Борисъ Васильевичъ.

— Чтò же за охота проѣхаться на воронныхъ!

— А еслибъ и такъ! убудетъ васъ, что-ли, отъ этого?

— Для чего же итти прямо на униженіе, Борисъ Васильевичъ.

— Пастъ въ правомъ бою почиталось прежде всегда подвигомъ; не знаю, какъ на это смотрится теперь, у васъ... А впрочемъ какъ знаете.

Бывшій исправникъ заговорилъ снова:

— Для чего имъ такъ и уступать безъ борьбы, Григорій Павлычъ! На то конечно разсчитывать нечего, чтобы вамъ безъ баллотировки поднесли ящикъ съ бѣлыми шарами, но возьмутъ-ли они верхъ, это еще бабушка на-двое сказала. Батюшка вашъ такимъ общимъ уваженіемъ пользовался, что изъ-за одного этого многіе не рѣшатся положить вамъ нагѣво; да притомъ и тѣ-то господа не особенно много почтенія къ себѣ внушаютъ. Хоть бы самый этотъ господинъ Свищовъ, который всю эту интригу ведетъ, со своею желѣзною дорогой...

— И таинственною особой въ Петербургѣ, отъ имени ко-

торой будто бы работает онъ... Позоръ это все! съ неудержимымъ негодованіемъ вырвалось у Бориса Васильевича.

— Я батюшкѣ ничего еще не говорилъ о предложеніи предводителя, какъ бы робко сказала, взглянувъ на него, Гриша,—боюся его встревожить...

— Да, онъ не хорошъ въ эти послѣдніе дни, и брови Бориса Васильевича озабоченно сдвинулись.—Что же вы, распоряженія сдѣлали по этому предложенію? коротко спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Да, сегодня же повѣстки послалъ и прочее.

Разговоръ какъ-то разомъ замолкъ.

Гриша чувствовалъ, что ему нужно, „необходимо“ воснуться „такъ или иначе“ отъѣзда Маши. Это было слишкомъ вѣскій фактъ въ интимной жизни Всесвятскаго, и нельзя было „пройти его молчаніемъ“. Онъ нѣсколько разъ подымалъ глаза на погрузившагося въ новое молчаніе Бориса Васильевича и снова опускалъ ихъ, поводя въ сторону Ипатьева, сидѣвшаго у стола съ карандашемъ въ рукѣ, которымъ выводилъ на клочкѣ бумаги какія-то цифровыя вычисленія, и наконецъ рѣшился:

— А Марья Борисовна уѣхала? произнесъ онъ, насколько могъ спокойнѣе.

— Да... Къ двоюродной сестрѣ моей Бородиной, объяснилъ „тономъ какого-то официальнаго отчета“, показалось Гришѣ, отецъ ея.

— И надолго?..

— Не знаю.

Разговоръ опять упалъ, словно отъ собственной тяжести.

— Это такъ неожиданно... пролепеталъ Юшковъ.

— Да.

„Что же еще, что спросить?“ мучительно томясь, говорилъ себѣ Гриша.

— Съ Лисьяго Дола, началъ въ эту минуту Ипатьевъ, обращаясь къ новому своему патрону,—по существующей арендной цѣнѣ, полагая даже крайнее по шести рублей съ десятины, меньше 18,000 рублей, по моему расчету, нельзя получить, и безобидно будетъ для народа, Борисъ Васильевичъ.

— Можно было бы конечно и до половины спустить, возразилъ тотъ,—но вѣдь это значило бы прямо посягнуть на доходы всѣхъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

— Само собою, ваше превосходительство.

Гриша поднялся съ мѣста и ушелъ въ садъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

КЪ РОМАНУ Б. М. МАРКЕВИЧА „БЕЗДНА“ *)

На нашемъ покойномъ, незабвенномъ другѣ Б. М. Маркевичѣ, къ несчастію, еще разъ подтвердилось, что безвременная смерть вырываетъ изъ среды русскаго искусства и литературы ихъ лучшія, наиболѣе талантливыя силы какъ разъ въ моментъ ихъ наивысшаго развитія, когда впереди ожидалось отъ нихъ еще такъ много и когда онѣ, полныя энергіи и вѣры въ свое призваніе и въ свои задачи, казалось, наиболѣе были способны оправдать эти общія ожиданія. „Не везетъ на Руси талантливымъ людямъ!“ Эти грустныя слова не разъ уже раздавались въ литературныхъ некрологахъ по поводу безвременной кончины нашихъ даровитыхъ писателей, умиравшихъ въ апогеѣ своей плодотворной дѣятельности, и, вотъ, снова приходится повторить ихъ по отношенію къ нашему покойному другу. Почти внезапная смерть не дала ему окончить его послѣдній трудъ, долженствовавшій завершить собою трилогію пережитаго нами двадцатипятилѣтія, начавшагося

*) Смерть застигла Б. М. Маркевича, 18 Ноября 1884 года, прежде чѣмъ успѣлъ онъ окончить свой романъ „Бездна“. „По желанію родныхъ и друзей покойнаго“, В. В. Крестовскій принялъ на себя трудъ передать со словъ самого автора остовъ того, чѣмъ долженъ былъ кончиться романъ, и сдѣлалъ это въ „Послѣсловіи“, которое впервые было напечатано въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за текущій 1885 годъ.

18 февраля 1855 и такъ ужасно закончившагося 1 марта 1881 года. Романы: *Четверть вѣка назадъ*, *Переломъ и Бездна*, вытекая одинъ изъ другаго, составляютъ органически цѣльную эпопею жизни русскаго общества за время прошлаго царствованія. До окончанія *Бездны* оставалось лишь нѣсколько главъ, и „начало конца“ этого романа уже чувствуется въ тѣхъ его страницахъ, которыя появились въ прошлогоднихъ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *Русскаго Вѣстника*.

По желанію родныхъ и друзей покойнаго, мнѣ приходится взять на себя пересказъ окончанія *Бездны*, основываясь въ этой задачѣ на словахъ самого Болеслава Михайловича, который въ общихъ чертахъ передавалъ нѣсколькимъ друзьямъ и роднымъ дальнѣйшій планъ своего произведенія. Понятно, что мой пересказъ можетъ касаться только самой конструкции романа, его, такъ сказать, основы или скелета, и выяснитъ въ общихъ чертахъ ту мысль, которая заставила автора дать своему произведенію названіе *Бездна*. Поэтому пересказъ мой естественно долженъ быть кратокъ, тѣмъ болѣе, что и самый „сюжетъ“ романа весьма простъ и не сложенъ.

Послѣдняя, написанная за двѣ недѣли до смерти, глава романа заключаетъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ Гриша Юшковъ, возвратясь къ вечеру изъ города во Всесвятское, узнаетъ о внезапномъ отъѣздѣ Маши Троекуровой къ ея теткѣ, графинѣ Бородиной. Настасья Дмитриевна Буйносова (по сценѣ Ларина) сообщаетъ ему, что въ его отсутствіе пріѣзжала сюда ея сестра, Антонина Дмитриевна Сусальцева, и спрашивала у Маши про него, съ намѣреніемъ пояснить ей, что не успѣла сказать ему чего-то въ тотъ разъ, какъ ѣздила съ нимъ кататься за городъ, и что поэтому ей будто бы надо опять его видѣть. Объяснивъ Настѣ, какимъ образомъ и съ какою цѣлью случилась эта загородная прогулка, встревоженный Гриша просилъ ее объяснить, въ свою очередь, Машѣ все это дѣло письмомъ. Настя обѣщала ему написать къ ней немедленно же, чтобъ она завтра же утромъ получила письмо, а Гриша тѣмъ часомъ, надѣясь на благотворную силу Настина письма, но все же испытывая внутреннюю неловкость предъ Троекуровыми, хотя и увѣренъ,

что они ни словомъ, ни взглядомъ не намеваютъ ему обо всемъ случившемся, идетъ въ кабинету къ Борису Васильевичу Троекурову сообщить ему, что сегодня была получена имъ отъ губернскаго предводителя дворянства бумага съ предложениемъ созвать уѣздное дворянство для выбора новаго предводителя на мѣсто отказавшагося, за болѣзнію своего отца, Павла Григорьевича Юшкова. Гриша, какъ депутатъ дворянства своего уѣзда, исполнилъ требуемую закономъ обязанность, разославъ дворянамъ повѣстки о днѣ выборовъ, и затѣмъ, въ виду агитаціи противной партіи, выразилъ Троекурову намѣреніе отказаться отъ баллотировки. Борисъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ бывшимъ исправникомъ Ипатьевымъ, убѣждаютъ его не дѣлать этого, потому что неизвѣстно еще, возьметъ-ли противная партія верхъ, и что наконецъ пасть въ правомъ бою вовсе не униженіе. На этомъ романическая фабула покойнаго писателя прерывается; дальнѣйшее же ея теченіе, по предположенію автора, должно было идти слѣдующимъ образомъ:

Интрига, которую ведетъ московскій *браво* Свищовъ, для проведенія въ далекомъ углу, на счетъ земства, желѣзной дороги, очень выгодной лично ему и еще какой-то таинственной вліятельной особѣ женскаго пола въ Петербургѣ, но вполнѣ бесполезной для мѣстныхъ нуждъ и потребностей, — интрига эта, встрѣтившаяся противодѣйствіе въ лицѣ Троекурова и предводителя Юшкова, въ концѣ-концовъ вполнѣ удастся Свищову. Для этого нужно было прежде всего устранить людей „Троекуровской партіи“ отъ вліянія на мѣстныя земскія дѣла. Наиболѣе удобный къ тому случай представился на экстренномъ собраніи уѣзднаго дворянства для выбора новаго предводителя. Вновь назначенный хлыщъ-губернаторъ, которому придется не по вкусу Троекуровъ, какъ нельзя усидѣвшии способствовать со своей стороны достиженію цѣлей противной партіи. Тутъ, кромѣ Свищова, работаетъ въ томъ же направленіи г. Троженковъ и другіе, пляшущіе подъ его дудку, или играющіе роль барановъ во всероссійскомъ „Панурговомъ стадѣ“. Съ помощью всѣхъ этихъ вліяній и давленій, гдѣ подкупомъ, гдѣ застрачиваньемъ, гдѣ обѣщаніемъ выгодныхъ мѣстъ и назначеній при дѣлежѣ „земскаго пирога“ и бары-

шей отъ будущаго желѣзнодорожнаго предпріятія, составляетъ на выборахъ большинство въ пользу кандидата прогивной партіи, графа Снядецаго-Лупандина. Гриша торжественно „прокаченъ не воронныхъ“. Торжествующіе противники ликуютъ на обѣдѣ въ честь новаго предводителя; здѣсь обдѣляются разными частныя дѣлишки людей своей партіи — тому въ видѣ вознагражденія, этому въ видѣ поощренія, сему въ видѣ „задатка“, намѣчаются кандидаты на всѣ мѣста и должности въ уѣздѣ изъ людей „своей партіи“, до уѣзднаго исправника влючительно, для назначенія котораго новый губернаторъ, тоже „свой человекъ“, конечно не оставляетъ никакихъ препятствій. Троженковы торжествуютъ: теперь-то ихъ дѣла, явныя и тайныя, пойдутъ какъ по маслу, бояться больше некого, ждать отпора не откуда. Тутъ вскорѣ подоспѣваетъ очередное уѣздное земское собраніе, на которомъ, благодаря все тѣмъ же „новымъ“ вліяніямъ и маленькой интригѣ очаровательной Антонины Дмитріевны, а также роскопнымъ обѣдамъ и праздникамъ въ Сицкомъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ избирается на должность предсѣдателя уѣздной земской управы. Теперь самолюбіе „madame de Soussaltzeff“ до нѣкоторой степени можетъ быть удовлетворено, такъ какъ ея супругъ-купецъ уже изображаетъ собою *ничто* въ мѣстномъ „политическомъ“ мірѣ: онъ теперь въ нѣкоторомъ родѣ „особа“, „земскій дѣятель“, „представитель“ извѣстной идеи, почетное и вліятельное лицо, съ которымъ нужно считаться. На томъ же собраніи избираются якобы „отъ лица земства“ депутаты для ходатайства о концессіи на постройку „жизненно-необходимой“ вѣтви желѣзной дороги съ гарантіей отъ земства, и ходатайство это, благодаря пружинамъ таинственной особы въ Петербургѣ, получаетъ въ подлежащихъ сферахъ разрѣшеніе въ самомъ желательномъ для monsieur Свицова смыслѣ. Такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, весь уѣздъ перевернулся шиворотъ на выворотъ; новые „дѣятели“ и „сѣятели“ оттерли и вытѣснили со всѣхъ позицій прежнихъ работниковъ, оставшихся „за флагомъ“, безъ голоса и значенія; новая волна всеобщаго „оживленія“ захлестнула собою всю уѣздную почву; постройка желѣзной

дороги нагнала сюда новых людей и все изъ „своихъ“ же, вызвала новыя „потребности“, новыя должности, новыя подряды и вообще всю ту лихорадочно-алчную дѣятельность, которая въ наше время сразу обнаруживается около „предпріятія“, гдѣ можно такъ или иначе съ выгодой для себя погрѣть руки и половить въ мутной водѣ золотую рыбку. А вмѣстѣ съ этимъ „оживленіемъ“ естественно возрасли и новыя земскіе налоги, по соотвѣтственной раскладкѣ, на мѣстныя „платежныя единицы“ въ силу законнаго „самообложенія“. „Платежныя единицы“ закричѣли, но... противъ своего же „земства“ ничего не подѣлаешь, и уѣздная полиція, которая нынѣ почти для того только существуетъ, стала по предложенію земской управы выжимать изъ „самообложенныхъ“ мужиковъ послѣдніе гроши на расширившіяся нужды мѣстнаго „самоуправленія“. За то „оживленіе“ выходило на славу; съ одной стороны, корреспонденціи въ столичныхъ газетахъ превозносили дѣятельность губернской администраціи и мѣстныхъ земскихъ оживителей, съ другой—подпольная дѣятельность разныхъ Троженковыхъ и „Волковъ“ приняла въ уѣздѣ нагло широкіе, ничѣмъ не сдерживаемые размѣры.

Извѣстіе о результатѣ новыхъ дворянскихъ выборовъ въ уѣздѣ и всѣ тѣ послѣдствія, какія они естественно повлекли за собой, такъ поразили больного старика Юшкова, что новый припадокъ паралича не заставилъ долго ожидать себя, и Павелъ Григорьевичъ Юшковъ скончался почти на рукахъ семейства Троекуровыхъ.

Отношенія Гриши къ Марьѣ Борисовнѣ не пострадали, какъ хотѣлось бы госпожѣ Суцальцевой. Письмо Насти Буйносовой къ Машѣ дѣйствительно возымѣло то благотворное дѣйствіе, на какое рассчитывалъ Гриша. Маша чуткимъ инстинктомъ своего сердца почувствовала въ немъ настоящую правду, на другой же день возвратилась отъ своей тетки Бородиной во Всесвятское и встрѣтилась съ Гришей попрежнему дружелюбно. Такимъ образомъ расчетъ Антонины Дмитриевны на охлажденіе между ними и, быть можетъ, на отказъ Гришѣ въ рукѣ Марьи Борисовны не оправдался: отношенія ихъ, къ наибольшей ея досадѣ, остались тѣ же. Но не могла

такъ легко помириться съ этимъ самолюбивая и эгоистично злая натура Антонины. Свѣдающая ее внутренняя скука, тоска и мучительная неудовлетворенность окружающимъ, а въ особенности женское самолюбіе, больно уязвленное неподатливостью Гриши Юшкова, который нѣбогда такъ любилъ ее, все это заставило своенравно капризную женщину добиться своего, во чтѣ бы то ни стало, „отбить“ у Маши жениха, доказать этимъ „недотрогамъ“ Троекуровымъ все обаяніе своей власти надъ ихъ барашкомъ Гришей. Случай къ этому не замедилъ представиться. Гриша почти ежедневно посѣщалъ могилу своего отца на церковномъ погостѣ въ родовомъ имѣніи Юшковыхъ и проводилъ тамъ нѣсколько времени въ полномъ уединеніи, молясь и думая объ отцѣ, какъ бы бесѣдуя внутренно съ его духомъ. Свѣдавъ объ этомъ, Антонина Дмитриевна направила свои прогулки въ портшезѣ на парѣ своихъ соловыхъ пони въ ту сторону, и въ одну изъ таковыхъ ей удалось захватить Юшкова на кладбищѣ. Здѣсь въ объясненіи, происшедшемъ на могилѣ стараго моряка, Антонина настойчиво и рѣшительно, но съ большимъ тактомъ и самообладаніемъ пустила въ дѣло всѣ свои чары, все обаяніе своего женскаго ума и тонкаго искусства, чтобы побѣдить неподатливаго противника. Гриша еще раньше, вслѣдъ за своею прогулкой съ нею за городъ, сознавалъ въ душѣ, что его борьба изъ чувства долга противъ искушеній этой женщины была не легка, что онъ страдалъ тогда во все время этой прогулки, что „этотъ голосъ со своимъ какимъ-то мѣдно-звонящимъ отливомъ, эти аквамариныныя глаза, холоднымъ лучомъ своимъ проникавшіе до самой глубины его души, волновали его, какъ и прежде, своею непонятною, провлятою властью“. Въ то время онъ превозмогъ себя и не далъ ей поборотъ свою волю, но чувствовалъ, что „еще одна такая бѣда“, — и онъ не устоитъ. И вотъ такая „бѣда“ пришла, подкралась къ нему нечаянно въ такую минуту, когда онъ, не приготовленный, менѣе всего могъ ожидать ее, но на этотъ разъ она пришла, вооруженная всѣмъ обаяніемъ прелестной женщины, рѣшившейся наконецъ, во чтѣ бы то ни стало, добиться своей цѣли, дать торжествующее удовле-

ніе своему задѣтому за живое женскому самолюбію. Испушеніе на этотъ разъ было слишкомъ велико, и бѣдный Гриша уже готовъ былъ пасть предъ магическою властью надъ нимъ этой женщины, но его спасаетъ могила отца, у которой должна была происходить эта сцена. Тутъ онъ вспомнилъ внутренно, какой грѣхъ совершаетъ предъ его священною для себя памятью, вспомнилъ о своей невѣстѣ, — и госпожѣ Сусальцевой и на этотъ разъ не удалось вполнѣ покорить его: въ самую рѣшительную минуту добыча вновь неожиданно ускользнула изъ ея рукъ. Опять свиданіе ихъ кончилось ничѣмъ, но разстались они, повидимому, не врагами, а это могло повлечь за собою возможность повторенія подобныхъ же встрѣчъ и искушеній. Теперь уже Гриша ясно почувствовалъ, что оставаться въ этихъ мѣстахъ долѣе для него крайне опасно, что онъ не устоитъ долѣе предъ обаяніемъ Антонины, которая, удовлетворивъ злomu чувству своего самолюбія, онъ понималъ это, бросить его, какъ ненужную тряпку и тѣмъ разобьетъ всю его жизнь, отниметъ навсегда все возможное для него счастье. Чувствуя себя грѣшникомъ предъ Машей, онъ не смѣетъ болѣе показаться во Всесвятское, онъ чувствуетъ нравственную невозможность встрѣтиться съ нею, невозможность прямо взглянуть ей въ глаза, и потѣму рѣшается задать продолжительное испытаніе самому себѣ и своему чувству; если оно выдержитъ это испытаніе и не умалится, тогда только вновь сочтетъ онъ себя въ правѣ быть для Маши тѣмъ, чѣмъ былъ до той минуты. Гриша рѣшается уѣхать за границу на годъ, да и предполагаемая свадьба его съ Машей, по случаю смерти отца, едва-ли могла бы состояться раньше этого срока. И такъ, немедленно же и наскоро собравшись, Гриша уѣзжаетъ, предупредивъ Троекуровыхъ о своемъ отъѣздѣ письмомъ, которое было отправлено послѣ того, какъ онъ сѣлъ уже въ вагонъ желѣзной дороги. Въ письмѣ, между прочимъ, были выражены и тѣ мотивы, которые заставили его рѣшиться на такую мѣру самоиспытанія.

Наступилъ 1880 годъ, произошелъ извѣстный взрывъ 5 февраля въ Зимнемъ Дворцѣ, послѣдствія коего, между про-

чимъ, были очень счастливыя для генерала Бахтіарова, еще ранѣе намѣченнаго въ высокихъ сферахъ на весьма видный постъ въ провинціи. Настали времена пресловутой „диктатуры сердца“, а вмѣстѣ съ нею возникла и особая правительственная „комиссія“ объ упраздненіи правительства и замѣнѣ такового „всесловнымъ выборнымъ началомъ“, до выбора губернаторовъ и исправниковъ влючительно; готовились новыя и новыя реформы, долженствовавшія собою „увѣнчать зданіе“. Весь романъ долженъ былъ закончиться катастрофой 1 марта и ея ближайшими послѣдствіями. Но тутъ пусть говоритъ самъ авторъ. Мы имѣемъ возможность привести здѣсь (съ замѣной нѣкоторыхъ собственныхъ именъ) подлинныя слова Б. М. Маркѣвича, касающіяся сего событія, заимствуя ихъ изъ его письма къ П. К. Щебальскому, отъ 25 января 1882 года. Вотъ что писалъ онъ:

„Теперь о будущемъ моемъ романѣ (вы были правы, предполагая, что *volens-polens*, а не обойдется у меня безъ трилогии). Его требуетъ отъ меня *Русскій Вѣстникъ*. И даже заглавіе придумали: *Надъ бездною*, то-есть *la dégringolade* нашего общества, въ послѣдніе годы прошлаго царствованія, эпопея „диктатуры сердца“ и 1 марта *roug clôture*. Задача, съ которою даже и предвидѣть не могу, какъ справлюсь“...

По ходу романической фабулы, участіе въ приготовленіяхъ къ царевубійству должны были принимать его герои: „Волеъ“ (личность, въ представленіи автора, долженствовавшая имѣть нѣчто общее съ Желябовымъ,) и тайно возвратившійся изъ-за границы Буйносовъ, которому, впрочемъ, по ходу романа и на сей разъ удалось, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ сообщниковъ, увернуться отъ законной кары.

Гриша Юшковъ, во время своего годоваго пребыванія за границей, имѣлъ случай встрѣтиться какъ съ этимъ Буйносовымъ, такъ и съ нѣкоторыми другими представителями русской анархической партіи, что должно было дать автору поводъ къ нѣсколькимъ интереснымъ сценамъ. Возвратясь на родину окончательно уже окрѣпшимъ нравственно, исцѣленнымъ отъ всякаго дальнѣйшаго вліянія чаръ Антонины Дмитриевны и убѣжденнымъ въ живучести своего чувства къ не-

вѣстѣ, Гриша Юшковъ, выдержавъ наложенный самимъ на себя искусъ, въ концѣ-концовъ женится на Машѣ Троекуровой. Что до самого Бориса Васильевича Троекурова, то онъ, какъ и большинство людей его убѣждений и образа мыслей, остается, конечно, „не у дѣль“, въ глуши своего Всесвятскаго, безмолвнымъ зрителемъ всѣхъ „оживленій“, совершившихся въ уѣздѣ подъ покровительствомъ „просвѣщенныхъ и либеральныхъ вѣяній“ новаго административнаго режима, который разными мелочами даетъ ему чувствовать свою силу и дѣлаетъ поползновенія вымѣщать на немъ свои антипатіи „къ дворянской идеѣ“. Заменувшись въ тѣсномъ кружкѣ своего семейства и двухъ-трехъ служащихъ у него преданныхъ ему лицъ, Борисъ Васильевичъ, неизмѣнно остающійся на высотѣ своего нравственнаго достоинства и характера, продолжаетъ жить, какъ жилъ, и дѣлать для окружающихъ и для своихъ бывшихъ крестьянъ то, что по совѣсти считаетъ полезнымъ и нужнымъ; на всѣ мелкія и гаденькія поползновенія своихъ „антагонистовъ“, очутившихся „господами положенія“ въ уѣздѣ, къ величайшей ихъ досадѣ и злости, не обращаетъ никакого вниманія. Направленіе „новыхъ теченій“ жизни оставило его совсѣмъ въ сторонѣ; надолго-ли?—это закрытый вопросъ будущаго, но авторъ предполагалъ дать какъ бы нѣкоторый просвѣтъ и надежду на возможность поворота къ лучшему въ томъ впечатлѣніи, какое сдѣлалъ въ провинціи манифестъ 29 апрѣля 1881 года, возвращающій верховную власть въ Россіи на ея надлежащее мѣсто и высоту.

Въ заключеніе нахожу не лишнимъ привести еще одну выдержку изъ письма Болеслава Михайловича къ П. К. Щечальскому:

„Вы меня спрашиваете: неужели нельзя найти сюжета и лицъ, къ которымъ бы можно отнестись симпатично? Какъ бы я былъ радъ, дорогой П. К., если бы вы мнѣ указали таковыя въ данные года! Вы зѣаете, что муза моя далеко не *муза мести и печали*. Но кто же, скажите, кромѣ все тѣхъ же Могикановъ дворянскаго прошлаго, *quelques gares éra-
ves d'un passé évanoui à jamais*, кто *симпатиченъ* въ этой новой, созданной прошлымъ царствованіемъ, жизни? Гдѣ ти-

пы, гдѣ личности, гдѣ ярвія черты, гдѣ, наконецъ, хотя бы абрисы новыхъ нарождающихся жизненныхъ образовъ, къ которымъ могло бы влечься сочувствіе художника? А отрицательными образами хоть прудъ пруди: либераль-чиновникъ, адвокатъ, желѣзнодорожникъ, университетскіе Градовскіе, журнальные Стасюлевицы, пустозвоны земцы, салонные „socialistes sans le savoir“, въ родѣ покойнаго А. Васильчикова, котораго такъ мѣтко прозвалъ этимъ прозвищемъ Legerou Beaulieu. Къ тому же, все это такъ мелко, казенно, шаблонно, дюжинно, что оно, какъ слизь, vous échappe des doigts, какъ только захотите вы поближе присмотрѣться къ нему. Вѣдь у насъ теперь, кромѣ мужика, да и то гдѣ-то тамъ, въ глуби Россіи, куда желѣзныя дороги не внесли *цивилизации*, ничего здороваго и цѣлостнаго не осталось. Знаменитыя *реформы* смолотили русскую жизнь въ какую-то безобразную и вонючую мучу, ни на какую потребу негодную... Да, безспорно, признаки реакціи замѣчаются; молодое поколѣніе видимо начинаетъ относиться критически къ тѣмъ возмутительнымъ формуламъ и безсодержательнымъ фразамъ, которыми подвигались на гибель ихъ ближайшіе предшественники. Но (замѣтьте это!) у этой новой молодежи слагается опять отрицательная формула въ видѣ протеста противъ отрицательнаго направленія ихъ предмѣстниковъ, а *положительнаго* идеала у нея нѣтъ,—l'idéal est à trouver, и кто знаетъ, когда и гдѣ она его обратитъ? А то, что я говорю вамъ, я слышалъ изъ устъ самой этой молодежи.

„Героиня моего романа будетъ скверная женщина *). Типъ этотъ я уже сложилъ въ головѣ, и онъ у меня такъ уже и выпираетъ наружу. А кого противопоставить ей—и придумать даже не могу. Не можете-ли, дорогой, какимъ-либо указаніемъ? Не встрѣчалось-ли вамъ въ кругу вашей административно-педагогической дѣятельности что-либо новое, какъ женскій типъ въ смыслѣ *добра*? Несказанно былъ бы вамъ благодаренъ за малѣйшій намекъ на нѣчто подобное“...

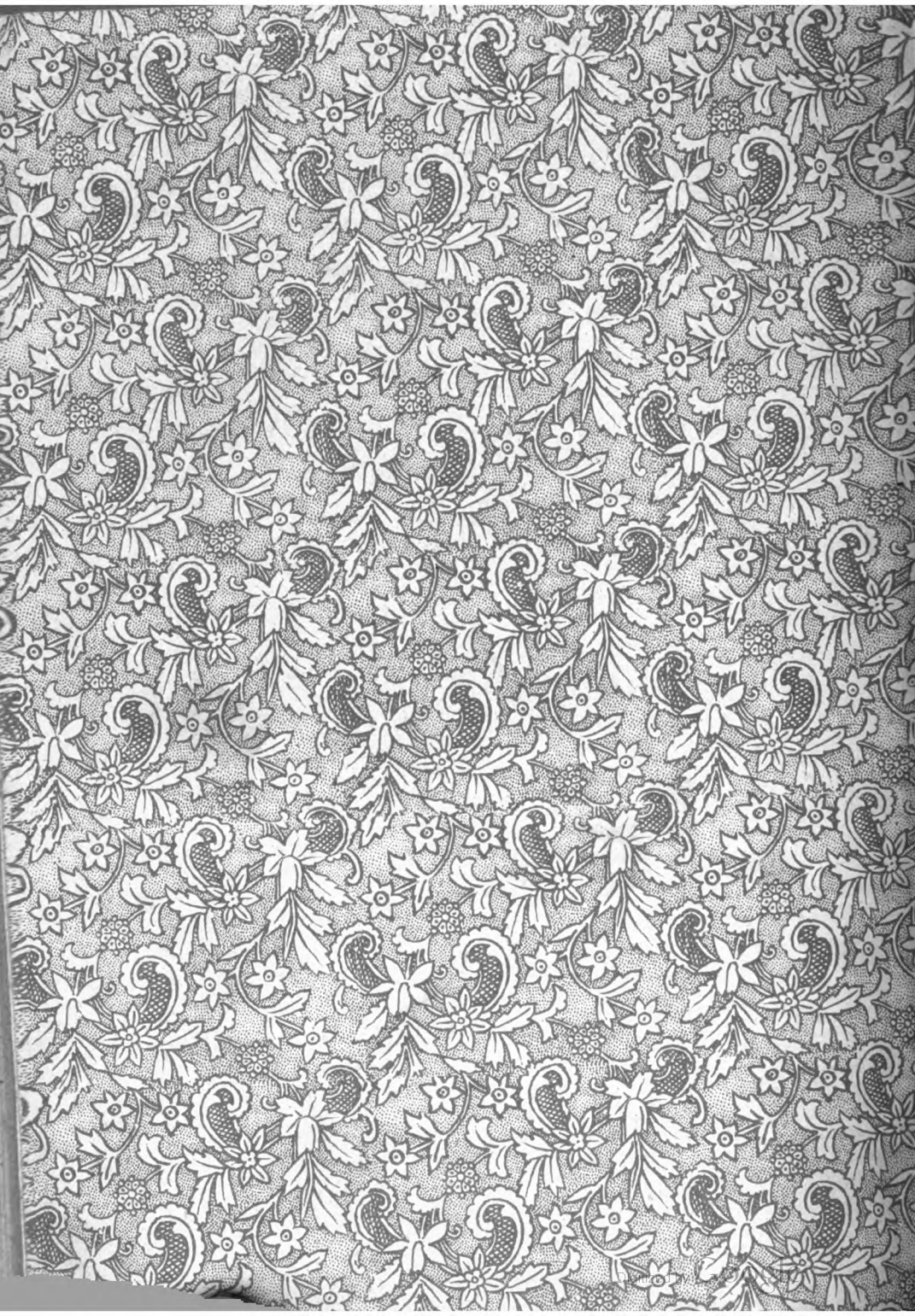
*) Б. М. Маркевичъ очевидно подразумѣваетъ здѣсь тотъ типъ, который сложился у него столь ярко въ образѣ Антонины Дмитриевны.

Противовѣсъ въ смыслѣ *добра* вылился у автора въ образѣ Маши Троекуровой, этой чутко отзывчивой и неизломанной, а потому *простой* въ своихъ сердечныхъ и нравственныхъ проявленіяхъ натуры; но типъ этотъ намѣченъ у автора почти только въ зачаткѣ. Мы видимъ пока Марью Борисовну лишь въ раннемъ ея дѣвчествѣ, едва вышедшею изъ коротенькаго платица, подѣ охраной ея богобоязненной и честной дворянской семьи. Авторъ оставляетъ ее предѣ читателемъ, такъ сказать, на порогѣ раскрытой двери, ведущей на арену жизненной борьбы, коей первые уколы сказываются для нея въ соперничествѣ безсердечной и обаятельной Антонины Дмитриевны. Къ сожалѣнію, безвременная смерть романиста лишаетъ насъ возможности знать, какимъ образомъ заставилъ бы онъ эту Машу, какъ представительницу новаго типа въ смыслѣ добра, по выходѣ ея замужъ, дѣйствовать и бороться въ современной жизненной битвѣ.

Что до идеи романа, лежащей въ самомъ его названіи *Бездна*, то послѣ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ писемъ Б. М. Маркевича нѣтъ надобности особенно пояснять ее. Да и самое это названіе говорить за себя краснорѣчивѣе всякихъ поясненій.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

25 pp.

Stanford University Libraries

3 6105 015 012 557

PG
3467
.M327
1885
v.10

DATE DUE		
STANFORD LIBRARIES		
SEP 16 1987		
I. L. L.		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

